

И. А. ФЕДОСОВА

ИЗБРАННОЕ

Петрозаводск „Карелия“ 1981

Ф 33
ББК 82.3Р—6
РФ

Составление,
вступительная статья и комментарий
К. В. Чистова

Подготовка текстов
Б. Е. Чистовой и К. В. Чистова

НАРОДНАЯ ПОЭТЕССА

«Народная поэтесса», «истинно народная поэтесса» — так назвал М. Горький заонежскую крестьянку Ирину Андреевну Федосову. Он был прав. Ее поэтическое наследие — явление выдающееся и вместе с тем уникальное в истории русской поэзии. Но возникает вопрос: может ли быть названа «поэтессой» неграмотная деревенская женщина, исполнительница традиционного фольклора, как бы хороши ни были песни или другие фольклорные произведения, которые она исполняла? Или иначе — «поэтесса» ли она в том смысле, в каком мы называем поэтами Пушкина, Тютчева, Блока или поэтессами — Ахматову, Цветаеву, Берггольд?

Ответ на этот вопрос совсем не прост.

И. А. Федосова знала и цела старинные песни, исполняла причитания, рассказывала сказки. Все это она умела делать мастерски и с подлинным поэтическим чувством. Однако хорошего оперного певца, эстрадного исполнителя песен, запевалу хора или драматического артиста, читающего с эстрады сочиненные каким-нибудь писателем рассказы, не принято называть поэтами, как бы поэтичны ни были их выступления.

Известно, что традиционный фольклор был коллективным творчеством. Старинная песня возникала на основе традиции и, входя в традицию, совершенствовалась сотнями исполнителей, которые перенимали ее друг от друга. Поэтому достоинства той или иной песни нельзя приписать какому-нибудь одному исполнителю. Он прежде всего исполнитель (потому что воспроизводит что-то уже готовое), хотя обычно в какой-то степени и поэт, поскольку одновременно участвует в совершенствовании исполняемых им песен. При этом надо иметь в виду, что старая фольклорная традиция допускала варьирование и даже изменение текста или отдельных его элементов в определенных пределах.

В поэтическом наследии Федосовой явственно различаются две группы текстов, записанных от нее собирателями фольклора. Одна группа — это традиционные былины, баллады, свадебные, рекрутские и лирические песни. Она исполняла их в том виде,

в каком восприняла от других певцов. В этом случае она действительно поэтесса только отчасти, как бы хорошо она их ни исполняла.

Вторая группа текстов (наиболее обширная и преобладающая) — это записанные от нее похоронные, рекрутские и свадебные причитания. М. Горький, по-видимому, прежде всего их и имел в виду. Они созданы ею самой, хотя, разумеется, тоже на основе традиции, выработанной сотнями, может быть, даже тысячами ее предшественниц. Именно в этом жанре она и выступает как поэтесса в более точном смысле этого слова, несмотря на то, что всю жизнь оставалась неграмотной и не могла записать то, что сочиняла. О возможности и необходимости записывать причитания она впервые услышала от фольклористов. Сама она такой потребности не испытывала. Тексты, которые она создавала, не предназначались для чтения — они были обращены к слушателям. Большинство из них не было записано и пропало для последующих поколений.

Каждое причитание (мы расскажем позже, почему и как это происходило) как бы создавалось запово. Традиционным при этом был не текст, а приемы причитывания и умение причитывать и, конечно, большое число устойчивых словесных формул, своеобразных словесных заготовок, которые использовались — как это предписывалось обрядом и диктовалось конкретной бытовой ситуацией в меру знаний, умения и поэтической одаренности — причитывающей женщиной. Таким образом, причитания были жанром устной народной поэзии, который не только допускал, но и предполагал большую степень творческой инициативы, личного творчества. Поэтому создательниц причети, тем более такого выдающегося мастера этого жанра, как Федосову, мы действительно можем называть поэтессами.

И. А. Федосова была чрезвычайно талантлива, и вместе с тем она очень активно использовала поэтические достижения многовековой традиции бытового причитания. Она была типичной крестьянкой своего времени, тысячами путей связанной с повседневной деревенской жизнью, с ее горестями и радостями, с ее невероятными тяготами и их героическим преодолением. Все это и делало ее «народной поэтессой» и «истинно народной поэтессой», как называл ее А. М. Горький. Чтобы понять это, современному читателю надо не только представить себе жизнь севернорусского крестьянства прошлого века, но и преодолеть своеобразный языковой «барьер». Тексты, включенные в настоящий сборник, отражают подлинную старинную (или «досюльскую», как позже стал называть ее сам народ) заонежскую речь, довольно сильно отличающуюся от современного литературного языка. Эта речь — не курьез или проявление неграмотности, а своеобразный и очень богатый самостоятельный вариант русского языка, на котором много веков говорили крестьяне севернорусских областей. Поэтические произведения, созданные на этом языке, так же не по-

ски на романы, созданные писателями наших дней, как не похожи севернорусские крестьянские избы и деревянные храмы, вошедшие в историю мировой архитектуры, на современные городские дома. Кстати, один из наиболее известных деревянных архитектурных комплексов Кижи создан земляками Федосовой. Деревня, в которой она жила, находится там же, на заонежском полуострове, в нескольких десятках километрах от Кижей.

Читателю, который впервые будет читать причитания И. А. Федосовой, следует запастись терпением, не пожалеть усилий и постепенно вчитываться в текст, привыкнуть к нему. Совершенно такая же привычка и такое же терпение нужны для того, чтобы с толком прочитать «Слово о полку Игореве» или «Моление Даниила Заточника», понять и оценить какое-нибудь произведение древнерусской живописи или древнерусской архитектуры. Усилили, затраченные при этом, окунаются сторицей. Приобретается столь необходимый исторический взгляд на национальную культуру, понимание глубинных пародных корней.

Русскую культуру, как и всякую другую, мы должны знать во всех ее слоях и вариантах, а не только в слое, хронологически ближайшем к нам. Можно утверждать решительно, что и современную нам русскую культуру мы не сможем понять, не познакомившись основательно с литературой Древней Руси, литературой XVIII века и русским фольклором. Поэтическое наследие замечательной заонежской крестьянки Ирины Андреевны Федосовой — одно из высших достижений поэтического творчества русского крестьянства прошлого и тем самым неотъемлемая составная часть поэтической культуры народов нашей страны и народов Европы в целом. Оно уже давно и справедливо оценено русскими учеными, литераторами и музыкантами, но, к сожалению, до сих пор издавалось мало и редко.

Настоящее издание призвано хотя бы отчасти заполнить этот пробел. Оно содержит избранные тексты, записанные от И. А. Федосовой.

* * *

Ирина Андреевна Федосова родилась в д. Сафроново Вырозерского сельсовета, входившего по дореволюционному административному делению в состав Толвуйской волости Петрозаводского уезда Олонецкой губернии. Ее родителей звали Андрей Ефимович и Елена Петровна Юлицы¹.

Год рождения И. А. Федосовой установлен предположительно, т. к. документы, связанные с ее рождением, пока не найдены. Когда Федосова стала знаменитой, ученые и журналисты пытались

¹ Подробное изложение биографии см.: *Чистов К. В.* Народная поэтесса И. А. Федосова. Петрозаводск, 1955, с. 43 — 163; *его же.* Русские сказители Карелии. Очерки и воспоминания. Петрозаводск, 1980 (гл. «И. А. Федосова»).

спрашивать ее о возрасте, но она не могла ответить достаточно точно. Объясняется это просто. В отличие от мужчин, которым важно было знать свой год рождения, т. к. это было связано со службой в армии, крестьянской женщине в старой русской деревне это было совершенно ни к чему. Дело, разумеется, не в недостатке арифметических познаний — каждая деревенская женщина, конечно, владела счетом в пределах первой сотни. Важен был не точный счет лет, а принадлежность к определенной половозрастной группе — девочка, девка, девка на выданье, молодуха, баба, старуха. Федосова твердо знала, что замуж она вышла 19 лет, 13 лет прожила за первым мужем, год была вдовой, затем 20 лет прожила со вторым мужем. Второй ее муж умер, когда Федосова уже была известна фольклористам; год его смерти — 1884 — оказался точно отмеченным. Следовательно, родилась она, вероятно, в 1831 году.

Характерно, что в многочисленных статьях и заметках в газетах и журналах 90-х гг., сообщавших о публичных выступлениях Федосовой, о ее возрасте говорится крайне противоречиво (от 70 до 98 лет). Это свидетельствует только об одном: когда ей было шестьдесят лет с небольшим, она выглядела старухой — значит, жизнь ее была нелегкой. Когда в 1886—1888 гг. О. Х. Агренева-Славянская спросила Федосову о возрасте, она ответила шуткой: «Сколько было вчера — того нет! Под столом ходила — хворост носила; переросла — коров донть пошла; косу отпустила — в коровниках служила; пора настала — с молодцем гуляла; пора прошла — замуж пошла; замужем двадцать лет жила — тяжело горюшко несла; овдовела — осиротела! Вот тебе и весь сказ! А когда родилась — память извелась!»¹

Семья, в которой родилась Федосова, была многочисленной (22 человека). Трудиться она начала еще в раннем детстве. По ее словам, уже «восьми год апала, на каку полосу сколько снить»². Очень рано, с 12—13 лет, она прославилась в окрестных деревнях, а позже и по всему Заопежью как прекрасная исполнительница песен и мастерица «водить свадьбы». В детстве она упала с коня и осталась хромой на всю жизнь. Видимо, поэтому она, по тогдашним деревенским понятиям, «засиделась в девках», вышла замуж только 19 лет, и то за шестидесятилетнего вдовца с детьми. Это был Петр Трифонович Новожилов из д. Сидоровой в Кузаранде — большой группе деревень южнее Вырозера. Характерно условие, которое Федосова поставила своему мужу, — не препятствовать ей «ходить по свадьбам». «13 лет жила я за ним, — рассказывала Федосова Барсову, — и хорошо было жить;

¹ О. Х. Агренева-Славянская. Описание русской крестьянской свадьбы, ч. III. Тверь, 1889, с. 199.

² Сведения о вопленицах, от которых записаны причитания. Ирина Федосова. — В кн.: Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым, ч. I, М., 1872, с. 315.

он меня любил да и я его уважала; моего слова не изменил, была воля идти, куды хочешь»¹.

Первые встречи И. А. Федосовой с собирателями относятся к середине 60-х гг. К этому времени она успела овдоветь и вторично выйти замуж. Муж ее, Яков Иванович Федосов, был столяром и обычно уходил из деревни на заработки. Нелады с родственниками мужа, склонность его к пьянству и, с другой стороны, непривычность его к обычному деревенскому труду — все это побуждало И. А. Федосову найти такой вариант семейной жизни, при котором муж мог бы заниматься своим ремеслом, которым хорошо владел, а она — не расставаясь с мужем — была бы хозяйкой в доме. Она стала настаивать на переезде в Петрозаводск и добилась того, что он открыл столярную мастерскую. Это обеспечило им сравнительно безбедное существование — у Якова Ивановича появились даже подмастерья. Ирина Андреевна твердой рукой вела хозяйство семьи, но отучить мужа от пьянства не смогла. После смерти двух детей она взяла на воспитание трехмесячного племянника Ивана (сына Тимофея Ивановича Федосова), которого впоследствии усыновила.

По свидетельству Е. В. Барсова, подтвержденному Г. И. Куликовским, в 1865—1866 гг. Федосову разыскал П. Н. Рыбников и «записал от нее несколько былин»². Это сообщение весьма интересно, но до сих пор остается загадочным во многих отношениях. Замечательно оно тем, что в нем упоминается знаменитый «открыватель» севернорусского эпоса П. Н. Рыбников. С другой стороны, трудно объяснить, почему Рыбников не опубликовал записи от Федосовой в своем сборнике и ничего не написал о ней в своей «Заметке собирателя». Правда, судя по позднейшим записям, Федосова отнюдь не принадлежала к выдающимся знатокам и исполнителям былин. Барсов записал от нее только одну былинку — о Чуриле Пленковиче, Агреева повторила запись и добавила к ней былинку «Добрыня и Алеша». Многочисленные отчеты о выступлениях Федосовой в 90-е годы тоже не содержат сведений о том, что она знала другие былины, — в них неизменно упоминается былина о Добрыне. Поэтому остается непонятным, какие «несколько былин» мог записать Рыбников.

Рыбников публиковал не только былины. В последних выпусках своего сборника он одним из первых среди русских фольклористов обратился к причитаниям. Странно, что среди напечатанных им текстов нет записей от Федосовой. Правда, в сборнике есть несколько недокументированных даже в географическом смысле записей, но ни одну из них нельзя с достаточной долей вероятности приписать Федосовой³. Остается предположить, что

¹ Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым, ч I, М., 1872. с. 320.

² Барсов Е. В. Ирина Федосова и ее песнопения. — Газ. «Московский листок», 1896, № 14, прилож.; Куликовский Г. И. Олонецкая народная поэтика И. Федосова. — Олонецкие губернские ведомости, 1896, № 4.

³ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. IV, СПб., 1867.

Рыбников встретил Федосову только в последние месяцы своего пребывания в Петрозаводске, когда четвертый выпуск его сборника, печатавшийся в Петербурге, уже был передан в типографию.

В феврале 1867 г. Е. В. Барсов, видимо независимо от Рыбникова, разыскал И. А. Федосову и начал от нее записывать. Он пишет об этом так: «Крестьянин Матвей Савельевич Фролов, у которого я стоял на квартире, когда служил в Петрозаводске, в разговорах со мной о разных олоонецких старинах как-то сообщил мне, что у них в Заопечье очень жалобно причитают на свадьбах и похоронах, что там есть вопленицы на славу и слушать их собираются целые деревни; что он лично знает одну из таких воплениц — Ирину Андреевну, в деревне Кузарице, за Яковом Федосовым. Я попросил во что бы то ни стало вызвать ее в Петрозаводск; оказалось между тем, что она уже несколько лет тому назад перестала ходить по свадьбам и похоронам и живет в самом Петрозаводске. Я отыскал ее и расспрашивал о причитаниях, но она решительно объявила, что ничего не знает и сказывать не умеет и с господами никогда не зналась. Однако ж благодаря посредничеству моего хозяина, который по старому знакомству уверил ее, что человек я неопасный, она откровенно призналась, что знает очень многое, что с молодости ей честь и место в большом углу, что на свадьбе ли запоет — старики запляшут, на похоронах ли завопит — каменный заплачет: голос был такой вольный и печальный»¹. В газетном сообщении Барсов рассказывал об их знакомстве короче, но не менее выразительно: «В отношении ко мне сколько она была недоверчива сначала, столько же сделалась откровенной впоследствии, но постоянно повторяла: «Не сошли ты меня на чужу дальню сторонушку»².

Первые записи Е. В. Барсова от И. А. Федосовой были вскоре опубликованы в «Олоонецких губернских ведомостях». Состав этой публикации может показаться странным с точки зрения всего того, что мы теперь знаем о сказительнице. Это были 10 духовных стихов, былины о Чуриле, которую мы уже упоминали, и баллады: «О девяти братьях-разбойниках», «Василий и Софья» и «Казань-город»³. Однако в послесловии Барсова к 1-му тому «Причитаний Северного края» мы находим естественное объяснение состава первых записей. Он пишет: «Я познакомился с ней в великом посту 1867 года и тотчас же начал записывать от нее духовные стихи и старины; диктовать что-нибудь другое (т. е. причитания или песни. — К. Ч.) она считала грехом. После пасхи я принял за причитания»⁴.

Обстановка первых встреч Федосовой и Барсова рисуется, таким образом, очень живо и, надо полагать, весьма правдиво. Зао-

¹ Барсов Е. В. Причитания Северного края... ч. I, с. 313—314.

² *Он же*. Олонецкая плакальщица — Современные известия, 1870, № 212.

³ Олонецкие губернские ведомости, 1867, № 11—14.

⁴ Барсов Е. В. Причитания Северного края... ч. I, с. 313—314.

ишская крестьянка, прожившая тяжелую жизнь и проявившая незаурядную волю к самостоятельности, впервые в жизни встречается с барипом. Она не склонна доверять ему и посвящать его в свой мир мужицких переживаний, она понимает, что ее причитания могут оказаться не по душе барам. Она сама диктует порядок записи, и Барсову приходится считаться с ее представлениями, что гоже и что негоже делать в пост. Не менее замечательно это ее «не сошли ты меня на чужу дальну сторонушку». При этом прежде всего вспоминаются такие причитания Федосовой, как «О старосте», «О писаре», «О попе-отце духовном», «О потопших», «Об убитом громом-молвией» и рекрутские причитания. Не случайно они стали предметом живой дискуссии в русских журналах того времени, вызвали горячий отклик органа революционных демократов «Отечественные записки» и резкое осуждение правой печати¹.

Запись текстов, составивших позже I том «Причитаний Северного края», продолжалась с перерывами до мая 1867 г. К этому времени Барсову стала ясна возможность продолжения работы и перспектива издания многотомного сборника. По крайней мере, в очередном сообщении «Олопецких губернских ведомостей» говорится уже о том, что первый том готов². С конца 1867 г. и до мая 1868 г. Барсов записывает от Федосовой рекрутские причитания, вошедшие позже во второй том. Параллельно с этими записями или после них (у нас нет об этом точных сведений, но, по крайней мере, определенно до 1870 г.) Барсов записывал тексты, составившие III том сборника, т. е. свадебные причитания. В 1870 году он уже покинул Петрозаводск, для того чтобы переселиться в Москву, т. к. был приглашен на работу в известный Румянцевский музей.

Издание трех томов растянулось почти на пятнадцать лет (I том вышел в 1872 г., II — в 1882 и III — в 1885 г.). Объясняется это различными причинами. Надо иметь в виду, что фундаментальный трехтомник потребовал от издателя немало времени для его подготовки. Кроме того, до военных реформ 60—70-х гг. рекрутские причитания едва ли могли быть одобрены цензурой. В 1885 г. они были изданы как «отражение прошлого». Первый том был, видимо, готов к печати уже ко времени отъезда Барсова из Петрозаводска. Оставалось найти средства для его издания. Они были выделены Обществом любителей российской словесности. Специальная комиссия Общества (П. А. Бессонов, Н. О. Беляев и Н. А. Чаев) разработала инструкцию, определявшую дальнейший ход работы над сборником. Из этой инструкции видно, что Барсов представил на рассмотрение Общества сборник причитаний

¹ Ср. *Михайловский Н. К.* Литературные и журнальные заметки. Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым. — «Отечественные записки», 1872, № 11, с. 149—175 и, например, *Н. Покровский.* Рассказы из крестьянского быта. — «Гражданин», 1872, т. IX, с. 16 — 18.

² Олопецкие губернские ведомости, 1867, № 47.

таший, записанных только от Федосовой, и при этом его записи тщательно передавали особенности заонежского говора. Комиссия же считала, что язык причитаний должен быть подчищен — рекомендовалось выбросить все вставные частицы и «утомительные окончания уменьшительных слов», что привело бы к парусиному ритму и стилистическим особенностям причитаний. Кроме того, комиссия высказывала также пожелание превратить сборник в общерусскую антологию причетий¹. Мы не знаем всех деталей переговоров Е. В. Барсова с комиссией, однако очевидно, что инструкция не была им соблюдена полностью. Он нашел компромисс — язык причитаний не редактировался или, по крайней мере, редактировался весьма осторожно. Что же касается единичных и довольно случайных еще к тому времени записей причитаний из различных районов России, то они были введены в сборник как сравнительный материал к текстам Федосовой и некоторым другим олонекским исполнителям причитаний. Время для создания общерусской антологии явно еще не пришло. Таким образом, сборник остался областным («Причитания Северного края») и прежде всего Федосовским (ей принадлежало 17 текстов, занявших 272 страницы, в то время как четверем другим исполнительницам — А. Нервцевой, М. Федоровой, А. Лазорихе и К. Мамоновой — 5 текстов на 26 страницах). В приложении к сборнику давалось пространное описание жизни Федосовой, записанное с ее слов, в то время как о других исполнительницах сообщались лишь краткие сведения.

Сборник, составленный Е. В. Барсовым, стал первым в мировой фольклористике специальным сборником причитаний. Его появление было расценено как весьма значительное событие. Он встал в сознании современников рядом с такими знаменитыми фольклористическими изданиями того времени, как сборники былин Рыбникова, Гильфердинга и сборник сказок Афанасьева.

В учебниках по фольклору и в исследованиях по истории фольклористики постоянно встречается утверждение: Барсов открыл причитания так же, как Рыбников открыл былины. Это правильно, не считая того, что до Барсова о причитаниях было известно значительно меньше, чем о былинах до Рыбникова. Действительно, к 60-м гг. XIX века былины были уже известны по сборнику «Древнерусские стихотворения Кириши Данилова», по первым выпускам сборника П. И. Киреевского и некоторым другим менее значительным публикациям². Что же касается причитаний, то до Барсова появилось только несколько отдельных текстов в этнографическом многотомнике А. И. Терещенко «Быт русского народа», где они давались в прозаическом пересказе, в «Пермском

¹ Государственный исторический музей. Фонд Е. В. Барсова (52074, прилож. к л. 4). Подробнее об инструкции см.: К. В. Чистов. Народная поэтика И. А. Федосова... с. 77 — 79.

² Астахова А. М. Былины. Итоги и проблемы, Л., изд. АН СССР, 1966.

сборнике» и в третьем томе «Песен, собранных П. Н. Рыбниковым». Даже такой знаток быта и фольклора русского крестьянства, как П. И. Мельников-Печерский, как показали недавние исследования, до выхода в свет сборника Барсова имел еще весьма смутное представление о смысле и функции причитаний, и термин, обозначающий этот жанр, употреблял неточно¹. Таким образом, не отвергая правомерности обычного сопоставления Рыбникова и Барсова, можно было бы сказать, что Рыбников открыл русской науке интенсивное и живое бытование былиц на Русском Севере, Барсов же вообще впервые открыл существование причитаний в быту русской деревни. Причитания после его сборника были впервые осознаны как специфический жанр. В сборнике было издано большое количество первоклассных текстов, а предисловие к I тому стало первым в русской и мировой фольклористике специальным исследованием о причитаниях. Вышедшие позже второй и третий тома сборника Барсова расширили представление о причитаниях, но они уже не воспринимались как открытие.

Причитания — обрядовый жанр, известный почти всем народам мира². Однако большинству народов известны только похоронные причитания. Традиционный похоронный обряд предусматривал не только определенные обрядовые действия, но и произнесение словесных текстов, в которых должно было выражаться как сожаление об умершем, так и отчаяние оставшихся в живых. Считалось, что причитания имеют не только эмоциональное, но и магическое значение — они облегчают покойнику путь в иной мир и оберегают живых от дальнейшего воздействия злых сил. Они произносились в определенной обстановке, им передавалось то эмоциональное перенапряжение, которое владело горюющими, они как бы намагничивались чувствами скорбящих и производили необыкновенно сильное впечатление. Они не только выражали и концентрировали переживаемое, но и способствовали эмоциональной разрядке. Если согласно русской поговорке «слезы помогают горю», то причитания способны «помочь» ему еще в большей мере — горящая не только плачет, но и выговаривает свое горе, облегчая свою душу, делится своим горем с близкими людьми, осмысливает свою беду и тем самым готовится преодолеть ее.

Если у большинства народов мира в прошлом был известен похоронный обряд и причитывание считалось обязательным, то сами причитания были развиты в разной степени. В некоторых случаях это были только прозаические выкрики, которые объединялись в небольшие по своим размерам тексты. Развитой поэтической системы при этом не возникало. В других случаях это были стихотворные тексты, тоже сравнительно небольшие по своим

¹ Чистов К. В. П. И. Мельников-Печерский и И. А. Федосова. — В сб.: «Славянский фольклор». М., Наука, 1972, с. 312 — 327.

² Наиболее обстоятельный обзор см.: Durič V. M. Tužbalica u svetskoj književnosti. Beograd, 1940.

размерам, которые произносились распевным речитативом. Таковы были похоронные причитания сербов, черногорцев, болгар, корсиканцев. И лишь у некоторых народов на почве традиционного обрядового причитывания сформировался не только вполне самостоятельный, но и весьма развитый фольклорный жанр, который органически входил в похоронный, в свадебный и рекрутский обряды и даже известен во внеобрядовой бытовой форме. Так, причитания заняли заметное место в жанровой системе фольклора ряда народов Восточной Европы (русских, карел, коми, мордвы, некоторых тюркских народов и др.).

Почему в одних случаях причитания приобрели такое значение, а в других остались менее развитыми, сказать трудно. Так, например, у трех близкородственных восточнославянских народов, живших на протяжении столетий в весьма сходных социальных условиях, причитания также развиты в разной степени. У украинцев это, как правило, довольно лаконичные и только слегка ритмизованные похоронные причитания-выкрики, у белорусов и в некоторых районах у русских — стихотворные, но не очень развернутые причитания, и то время как в большинстве русских и особенно севернорусских районов это развитый поэтический жанр. Кроме похоронных, свадебных и рекрутских здесь распространены были причитания на болезнь, пожар, голод, падеж скота, неурожай, семейные неурядицы, проявления социального гнета и вообще в связи с любым печальным или трагическим событием в крестьянском быту.

В отличие от грустных протяжных песен, тоже связанными специальными темами, причитания не имели устойчивого текста и определенной фабулы; чувства исполнительницы выражались в поэтических импровизациях, создававшихся в них при помощи привычного круга поэтических образов и словосочетаний, употребление и выбор которых для каждого случая более или менее индивидуальным или даже одноразовым.

Как и всякий жанр устной поэзии, причеть отвечала определенным потребностям народа, имела самостоятельную бытовую и художественную функцию. В отличие от былин, сказок, лирических песен, которые могли исполняться в любых условиях и для бытования которых пужны были только желание исполнителя и интерес слушателей, причеть звучала лишь в самые трагические моменты жизни крестьянства, когда обнажались все тяготы и противоречия и особенно ясным становился ужас подневольного существования, когда умолкала и веселая песня и занимательная сказка.

Причитывающие женщины не ставили перед собой сознательных художественных задач, как певцы песен или рассказчики сказок. Они стремились как можно яснее и сильнее выразить владевшие ими скорбные чувства. Постоянная взволнованность, неподдельная искренность переживания, пример старших женщин, у которых они учились причитывать, помогали им отыски-

вать особенно выразительные поэтические средства, заставляли их максимально использовать и в то же время обогащать опыт устной традиции, поднимаясь до предельных высот поэтического выражения человеческих чувств. Поэтому наследие мастеров русской причеты, среди которых И. А. Федосовой бесспорно принадлежит самое почетное место, представляет собой значительную художественную ценность; в нем с большой силой проявился поэтический дар русского народа.

Читая причитания, не следует забывать, что они, как и любой другой фольклорный жанр, не могли отразить все стороны крестьянской жизни, крестьянской психологии и мировоззрения. Исполнительницы причитаний, так же как и другие русские крестьяне, участвовали в создании русских былин и песен о Разине и Пугачеве, удалых бурлацких и «разбойничьих» песен, веселых плясовых частушек, волшебных сказок и многого другого. В этой связи понятней становится мысль, высказанная еще В. Г. Белинским о русских народных песнях: «Грусть у него (т. е. у русского человека. — К. Ч.) не мешает ни иронии, ни сарказму, ни буйному веселью, ни разгулу молодечества: это грусть души крепкой, мощной и несокрушимой»¹.

Так же как грустная тональность многих русских народных лирических песен, тексты причитаний — документальные исторические свидетельства многовековой тяжести жизни трудового народа дореволюционной России. Они помогают нам глубже проникнуть в прошлое русского народа. При этом важно подчеркнуть, что причитания были исключительно женским жанром, они исполнялись крестьянскими женщинами, веками испытывавшими двойной социальный гнет — общественный и семейный. В народной причете исключительно ярко проявилась удивительная сила духа простой деревенской женщины, ее воля и умение противостоять жестоким жизненным обстоятельствам.

В том сборника «Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым», изданный собирателем в 1872 г., имел подзаголовок «Плачи похоронные, надгробные и надмогильные». Барсов, как уже говорилось, стремился с возможной точностью записать то, что слышал от Федосовой. Однако тексты, записанные им, видимо, отличались от того, что можно было услышать в Запожье и на обычных деревенских похоронах, свадьбах или проводах рекрута. Дело не только в исключительной даровитости Федосовой. Сравнивая причитания Федосовой с записями от других запожских исполнительниц причитаний, мы видим, как обрядовое причитание, насыщенное традиционными формулами и словосочетаниями, обычно как бы лишенное внутреннего движения и накрепко связанное с отдельными этапами обряда, превращается в развернутые плачи-поэмы, развивающиеся по единому замыс-

¹ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений, т. 5. М., изд АН СССР, 1954, с. 442.

лу. Определенную роль сыграло и то обстоятельство, что известные нам тексты Федосовой исполнены были ею вне обряда, специально для записи. Именно это, видимо, заставляло Федосову вводить в текст причети описание каких-то элементов обстановки, в которой могло звучать то или иное причитание. Характерно в этом смысле, например, начало «Плача о свате» (№ 9 настоящего сборника). Перед стихотворным текстом мы находим здесь своеобразную прозаическую экспозицию: «Невесткина свекровь отправляется на похороны свата — отца невестки. Сказали: «Сватушка живого пет! Вот тебе сватушко! Бог убрал — конец бревна урвал! Большак, спусти на похороны — сватушка похоронить, в последний уж проводить до церкви божьей: доброй был!». Снарядилась, пошла путем-дорогой, горой-водой, лесом-парусом. На крыльце встречает ее сватья — невесткина мать:

Мне поведти на крылечико перёное,
Мне-ка пã эти новы сечи рещётчаты!..»¹

а дальше идет причитание от имени «сваты — невесткиной матери», которое занимает 42 строчки, и только после этого начинается собственно причитание «сваты-свекрови» об умершем свате. Она обращается к овдовевшей, потом к невестке, дочери покойного, потом к другим детям покойного. Ей поочередно отвечают. Средствами причети рисуется живая картина трагических переживаний крестьянской семьи.

И все же подобных диалогов мы, как правило, не находим в записях от других исполнительниц причети. Они обычно воспроизводили причеть от имени только одной участницы обряда. Что же касается цитированной выше экспозиции, то в «натуральном» причитании, исполненном когда-то в деревне, его, безусловно, не могло быть. В тексте же, повторенном для записи, изображается ситуация, в которой звучало первоначально это причитание и вне которой оно было бы непонятно. Еще в большей степени превращены в плачи-поэмы социально насыщенные плачи «О старосте» (№ 1), «О писаре» (№ 2) и др., которые мы уже упоминали и к которым еще вернемся. Причитание, связанное с приездом солдата на побывку в родную деревню на похороны отца, помещенное Барсовым во втором томе, живописует приезд солдата, его участие в похоронах, его рассказ о тяготах солдатской жизни и отъезд. Очевидно, что в этом случае произошел полный отрыв от обряда как похоронного, так и рекрутского. Федосова была столь опытной исполнительницей причитаний, что могла свободно развивать привычные для традиционных причитаний бытовые эпизоды, но обычно довольно краткие, создавать развитые сюжеты, позволяющие тонко изображать сложные человеческие отношения в крестьянской семье в момент их наибольшего напряжения.

¹ Барсов Е. В. Причитанья Северного края... ч. I, с. 231.

Всякое причитание, как мы уже говорили, всегда было импровизацией или, точнее, подготовленной импровизацией, т. е. импровизированным сочетанием традиционных словесных заготовок, причем проявления индивидуального пачала сдерживались ходом и рамками обряда. Что же касается причитаний Федосовой в записи Барсова, то о них можно говорить как о внеобрядовых импровизациях на основе традиции причети. Обратимся к некоторым плачам-посмам из первого тома барсовского сборника.

Тексты этого тома распадаются на две группы: причитания типового характера, темы которых как бы исчерпывают возможные родственные отношения причитывающей с оплакиваемым (плач вдове о муже, матери о сыне, плач по крестнице, по родному брату, по брату двоюродному, по дяде родному и по дяде двоюродному, по сестре и по свату), и причитания на особые случаи и при особых обстоятельствах — о потонувших, об умершем от оной, о старосте, о писаре, о цоце. Группировка эта в известном смысле условна, т. к. есть основания считать, что, импровизируя для Барсова причитания первой группы, т. е. те, которые мы назвали «типовыми», Федосова невольно или намеренно припоминала вполне конкретные случаи, происходившие когда-то в Кузарианде или в окрестных деревнях.

Так, в «Плаче вдовы по мужу» (№ 7) Федосова как бы демонстрировала Барсову, как следует варьировать типовой плач при меняющихся конкретных обстоятельствах. Причитание прерывается объяснением: «Затем, обратившись ко вдове-соседке, если она бывает (т. е. оказывается.— *К. Ч.*) при этом, продолжает». Через несколько строк: «А если есть дети — прибавляет». Еще через 43 строчки: «Если станут унимать, вдова вопит» или позже: «Если молода» и т. д. Вместе с тем в «Плаче по дочери» (№ 8) рассказывается о смерти незамужней дочери от тайной беременности. Очевидно, что этот достаточно редкий и вполне конкретный случай, который припомнился Федосовой, давал возможность изобразить чувства оплакивающей в их противоречивой сложности. Причитывающая в горе, но не должна обнаружить тайну, которая, по понятиям крестьянства того времени, опозорит всю семью.

В отличие от традиционной причети или лирической песни в причитаниях Федосовой обычно господствует не одно сквозное и всепоглощающее чувство, а целый комплекс зачастую противоречивых чувств. В «Плаче о жене, если дитя остается ребенком»¹, вдовец вынужден изменить отношение к сестрам, на попечение которых он оставляет ребенка. В «Плаче о крестнице»² хорошее отношение крестной к крестнице воспринимается окружающими как хитрость. Видимо, Федосова не выдумывала эти и подобные им осложняющие обстоятельства, а припоминала реальные

¹ Барсов, т. I, № 6.

² Там же, № 9.

деревенские случаи. По воспоминаниям известного этнографа В. В. Богданова, слышавшего Федосову в 1895 г., в ответ на предложение присутствовавших повторить причитания, сообщенные Барсову почти за 30 лет до этого, она отвечала: «Да я теперь тех покойников не помню. Ничего причитать о них не могу»¹. Когда же ее попросили попричитывать о дочери одной из присутствующих, она стала подробно расспрашивать об обстоятельствах их разлуки, о возрасте дочери, о составе семьи и семейных взаимоотношениях. Ей, видимо, надо было вжиться в эмоциональную суть происшедшего. Воспоминание об этом эпизоде завершается выразительной фразой: «Когда окончилась элегия, то дама, которая пожелала испытать импровизацию Федосовой, была в обмороке»². Это сообщение перекликается с неоднократными наблюдениями этнографов и фольклористов — хорошие воплеищицы и на похоронах, и на свадьбах были способны довести горюющих до полубодрого состояния, до «обмирания», такой силой воздействия обладали причитания в сочетании с реально переживаемым горем. Импровизация Федосовой, как пишет В. В. Богданов, «произвела глубокое впечатление на всю аудиторию», но в обмороке оказалась та из присутствующих, которой это прямо касалось. При всей традиционной обобщенности причитания органически связаны с конкретной ситуацией, с тем эмоциональным напряжением, которое создается главным событием (смертью, расставанием с рекрутом, с просватанной и т. д.), развивающимся во вполне определенных семейных и — шире — социальных обстоятельствах. Именно это качество причитаний объясняет нам социальную насыщенность федосовских причитаний второй группы и всех причитаний рекрутского тома. В трагические моменты социальные причины крестьянского горя обнаруживались с особенной очевидностью. Для этого не надо было мыслить полигически, достаточно было сопереживать обычным крестьянским несчастьям.

Следует иметь в виду, что Барсов записывал от Федосовой в годы значительного социального напряжения, связанного с так называемой «крестьянской реформой» 60-х гг. Это было одно из наиболее бурных десятилетий в истории русского крестьянства. Так называемая «освободительная реформа» вместо разрешения противоречий принесла новое невиданное обострение социальной и политической жизни в стране. Крестьяне Олонецкой губернии в основной своей массе были так называемыми «государственными крестьянами», т. е. были в феодальной зависимости не у отдельных помещиков, а у феодально-крепостнического государства в целом. Это выражалось, в частности, в приписке к горным заводам. Реформа здесь стала осуществляться не в 1861 году, как в большинстве губерний России, а только в середине и во второй

¹ Богданов В. В. Из воспоминаний о русской народной поэтессе И. А. Федосовой. — В кн.: Чистов К. В. Народная поэтесса И. А. Федосова... с. 360.

² Там же.

половине 60-х гг. Но смысл ее был таким же. Специфическая форма, в которой она здесь развивалась, заключалась в закреплении за крестьянами, освобождавшимися от приписки к заводам, определенных земельных наделов, в запрещении свободно пользоваться «лядинами», запашками в так называемых «казенных лесах», которые были для крестьян весьма важным хозяйственным подспорьем. Одновременно крестьяне передавались из горного ведомства в ведение мировых и земских учреждений, во главе которых было поставлено Губернское по крестьянским делам присутствие. Этот процесс сопровождался, с одной стороны, непрерывным ростом поборов (с 1857 по 1867 г. оборочные подати увеличивались пять раз и каждый раз на 5—10%), с другой стороны — затяжным циклом неурожаев, начавшимся в 1861 году и длившимся до 1868 г. Наибольшей силы голод достиг в 1867 году — как раз в год встречи Барсова с Федосовой. Даже официальная газета «Олонецкие губернские ведомости» называла 1867 год «страшным годом»¹. Голод, как это нередко бывает, сопровождался эпидемией тифа и падежом скота.

Все это объясняет ту необычайную социальную насыщенность, которая поражает нас при первом же знакомстве с причитаниями Федосовой на особые случаи. Замечательно, что, припоминая вполне конкретные случаи, Федосова поднимается до неожиданных, казалось бы, обобщений:

Зло несносное велико это горяшко
 По Росснюшке летает ясным соколом,
 Над крестьянами, злодийпо, черным вороном...
 Как со этого горя со великого
 Бедны людюшки как море колыбаются,
 Быдто деревья стоят да подсушенные,
 Вся досюльщина куды да подевалася,
 Вся отцовщина у их пошь придержалася,
 Не стоят теперь стдги перегодные,
 Не насынашы амбары хлеба божьего,
 Нет на стойлы-то у их да копей добрых,
 Нету зимных у их санок самокатных,
 Нет довольных-беззаботных у их хлебушков!

Крестьянское горе изображается неким мифологическим существом, гигантской птицей, зловеще парящей над Россией. Она несет иней на посевах, дождь на сенокосы, сорит людей между собой, губит скот, насылает в деревни «неправедных судей». Однако неверно было бы думать, что события 60-х гг. в действительности воспринимались Федосовой в архаических мифологических категориях. Традиционный для русского фольклора образ Горя используется здесь в момент поэтического подъема, эмфазы,

¹ Барсов Е. В. О хлебных недородах. — Олонецкие губернские ведомости, 1868, № 21; см. также: Приклонский С. Д. Народная жизнь на Севере. М., 1884, с. 3.

вызванной трагическим событием в Кузаранде (или в одной из заонежских деревень) — смертью писаря, крестьянского заступника. Смерть писаря (возможно, гибель его — это из текста не вполне ясно) осмысливается Федосовой как следствие или часть общепородного горя пореформенных лет.

Бытовая конкретность причитаний Федосовой подтверждается «Плачем о старосте», очень близким по своему типу и смыслу к только что цитированному «Плачу о писаре». В нем Федосова рассказывает о столкновении односельчан с мировым посредником — чиновником, присланным для проведения реформы и одновременно для выколачивания недоимок.

Есть основание предполагать, что август — сентябрь 1867 года Федосова провела в Кузаранде. Губернские документы того времени сохранили свидетельство того, что именно в августе мировым посредником 2-го участка Петрозаводского уезда был назначен коллежский секретарь П. П. Дротаевский¹. Несмотря на неурожай «страшного года» и на накопившиеся недоимки, был объявлен добавочный сбор к оборочной подати 1867 г. Все это крайне обострило взаимоотношения крестьян и губернских властей в осенние месяцы 1867 года. В «Плаче о старосте» рассказывается о мировом посреднике, выколачивающем подати, о заступничестве старосты, его аресте и гибели.

Надеясь на то, что читатель сам познакомится с этим причитанием — одним из самых выдающихся произведений русского фольклора (оно первым печатается в настоящем сборнике), мы приведем только два особенно замечательных пассажа. В уста старосты, осаживающего расноясавшегося чиновника, вкладываются такие строки:

Не давай снеси во младую головушку,
Суровства ты во ретливое сердечушко,
Да ты чином-то своим не возвышайся-тко;
Едины да все у бога люди созданы;
На крестьян ты с кулакама не насакивай,
Знай сиди да ты за столиком дубовым,
Удержки да свои белы эти рученьки,
Не ломай-ко ты перстни свои злаченные...
Не на то да ведь вы, судьи, выбираетесь!
Хотя ж рьян да ты, посредничек, — уходишься,
Хоть снесив да ты, начальник, — приусядешься!..

В конце причитания звучит известное «проклятие судьям», процитированное Н. А. Некрасовым в «Кому на Руси жить хорошо»:

Вы падите-тко, горячи мои слезушки,
Вы не на воду падите-тко, не на землю,

¹ Олопецкие губернские ведомости, 1866, № 33. См. также: Памятная книжка Олопецкой губернии на 1868—1869 гг. Петрозаводск, 1869, с. 19.

Не на божью вы церковь, на строенице, —
Вы падите-тко, горючи мои слезушки,
Вы на этого злодия супостатого,
Да вы прямо ко ретливому сердечушку!
Да ты дай же, боже-господи,
Чтобы тлен пришел на цветню его платнице,
Как безумнице во буйцу бы головушку!
Еще дай да боже-господи,
Ему в дом жепу неумную,
Плодить детей перазумных!

Процесс возникновения причитаний Федосовой (от конкретного единичного факта к обобщенному истолкованию его причин) с наибольшей убедительностью прослеживается на примере «Плача о потопших» (№ 4). По счастливой случайности в полицейских сообщениях того времени сохранилось протокольное описание происшествия, которое легло в основу плача. 30 сентября 1867 г. «Олонецкие губернские ведомости» сообщили: «Крестьянин Петрозаводского уезда Ругозерского общества Василий Радионов со своим сыном Андрианом Васильевым, дочерью Марьею и крестьянином Василием Петровым в последних числах августа отравились из своей деревни на противоположный берег озера Онеги, к Тимбасгубе, для сбора мху. На возвратном пути 28 августа их застигла буря и понесла лодку в озеро; в это время Петров упал в воду и утонул, а Радионова с детьми прибило в лодке к о. Сосновцу в 4-х верстах от д. Шуровой. Здесь Радионов и его сын Андриан сразу же умерли, а дочь Марья была вывезена на берег прибывшим на ее крик крестьянином д. Королевской Иваном Андриановым»¹. Описанное происшествие произошло в нескольких верстах от Кузаранды, где жили родные Федосовой и где она, вероятно, провела осенние месяцы 1867 г. За три года до этого в озере утонули родственники Федосовой².

Причитание произносится от имени спасшейся девушки. Судьба несчастной потрясает — ей пришлось много пережить, но самое ужасное ожидало ее на берегу. Становой и писарь мучают ее бесконечными допросами: как случилось, что спаслась она одна, не потопила ли она отца и брата и т. п.

Бесчеловечное глумление начальства над крестьянами, вымогательства, оскорбление несправедливыми подозрениями, угроза судебно-медицинским вскрытием, которое воспринималось крестьянами того времени как величайшее кощунство, — все это неоднократно рисуется в причитаниях Федосовой. Чаще всего подобные мотивы появляются в причитаниях, связанных с необычной смертью оплакиваемого — гибелью на озере, внезапной смертью ребенка, упавшего с лавки (см. «О попе-отце духовном» — № 5), смертью от опоя («Об упрянской голове» — № 6), поражени-

¹ Олонецкие губернские ведомости, 1867, № 39.

² Там же, 1864, № 30.

ем молнией («Об убитом громом-молвией» — № 3) и др. В рекрутских причитаниях «начальство» не дает рекрутам проститься с семьей, заставляет их петь при этом веселые песни, разгоняет горющих женщин водой из пожарных брандспойтов и т. д.

В рекрутских и солдатских причитаниях, опубликованных Барсовым во втором томе, крестьянское горе предстает как следствие государственного гнета. Для солдата «служба государева» — это бесконечная муштра, походы, ночное стояние на часах, «сраженьице», бессмысленные истязания — «потыченья», «подушенья», вожделение «сквозь строй». Рисуя живую картину русской армии середины XIX века (в текстах отыскиваются отклики на Крымскую войну 1856 — 1857 гг.), Федосова призывает гнев божий на головы пасильщиков, она проклинает их, готова резать их той бритвой, которой бреют головы рекрутам:

Будьте прокляты, злодеи супостатые,
Вергай¹ скрозь землю ты, некресть вся поганая!..
И кабы мне да эта бритва наострѣная,
И не дала бы я злодѣйной этой некрести
И над моим пошкью рождѣнем надрыгаться²,
И распорозла бы я груди этой некрести...

В этих строках, которые могли бы быть начертаны на знамени лютого крестьянского бунта 60 — 70-х гг. XIX века, крестьянский протест против социальной несправедливости находит свое отчетливое выражение. Становятся понятными цитирувавшиеся уже слова Федосовой, сказанные Е. В. Барсову: «Не сошли меня на чужу дальну сторонушку», и невозможность публикации подобных плачей до военной реформы 70-х гг.

В 1918 г. со II томом барсовского сборника познакомился В. И. Ленин. По воспоминаниям В. Д. Бонч-Бруевича, В. И. Ленин, возвращая ему книгу, сказал: «Я внимательно прочел ее. Какой ценнейший материал, так отлично характеризующий арачьево-николаевские времена, эту проклятую старую вошницу, муштру, уничтожавшую человека. Так и вспоминается «Николай Налкиш» Толстого и «Орина, мать солдатская» Некрасова. Наши классики несомненно отсюда, из народного творчества, черпали свое вдохновение»³.

Стремление вырваться из мира социальной несправедливости всегда было свойственно русскому крестьянству. В ранние века русской истории оно привело русских крестьян из плодородных и теплых районов южной России в северные леса и болота. Оно побуждало крестьян к побегам на Дон, на Яик и другие казачьи районы, в глубь Сибири, где их не могли подчинить ни помещик, ни чиповник, где не отбирали сыновей в рекруты, а попы не за-

¹ провались.

² издеваться.

³ Бонч-Бруевич В. Д. В. И. Ленин об устном народном творчестве. — «Сов. этнография», 1954, № 4, с. 120.

ставляли старообрядцев справлять обряд по-никоиански. В фольклорной сфере мечта о справедливости выразилась преимущественно в социально-утопических легендах, получивших в XVII—XIX вв. довольно широкое распространение¹. В творчестве Федосовой она предстала в форме легенды о «золотом веке» — своеобразной социальной утопии, обращенной в прошлое. О некоем «золотом веке» рассказывается в упоминавшемся уже «Плаче о пшаре»: было такое время, когда Горе еще не властвовало на земле, «жили люди во всем мире постатейные» и «ду-друга люди не терзали». В «Плаче о старосте» и в рекрутских причитаниях легенда о «золотом веке» приобретает более определенные исторические очертания и воплощается в многообразно выраженной «новгородской теме». Заселение русскими Заонежия действительно связано с Древним Новгородом, сыгравшим столь большую роль в средневековой русской истории. Однако воспоминания заонежских крестьян о новгородском времени приобрели к середине XIX века (впрочем, может быть, уже значительно раньше) легендарный, иллюзорный характер. Настоящее осуждалось и противопоставлялось далекому прошлому. Начало всех социальных несправедливостей связывалось с падением Новгорода. Поэтому, читая мы в записях от Федосовой, «иныешие времена» — «не новгородские», «начальники» тоже «не новгородские», а все хорошее, добротное, даже вещи, наоборот, новгородские — «ковер новгородский», «питья (т. е. пацетки, питье. *К. Ч.*) новгородские», «попояска (т. е. пояс. — *К. Ч.*) новгородская» и т. д. Подобные мотивы особенно характерны для записей от Федосовой 1867—1870 гг., т. е. пореформенных лет; в записях 80-х гг. они встречаются сравнительно редко.

Итак, в творчестве Федосовой широко отразились социальные отношения и умонастроения русской деревни пореформенных лет. Разумеется, Федосова никогда сознательно не ставила перед собой такой задачи. Ее волновала преимущественно горькая участь вдов и сирот, солдаток и солдатских детей. Смерть мужа-кормильца или уход его в солдаты лишали крестьянку — бесправнейшую среди бесправных — надежды выстоять в борьбе с непомерными трудностями жизни. При этом она знала, что притеснители наказаны не будут. Это окрашивало ее причитания в истинно трагические тона и превращало их не только в выдающееся явление крестьянской и общерусской поэзии, но и в выдающиеся историко-бытовые документы, исполненные реального социального содержания.

Записи от Федосовой, опубликованные Е. В. Барсовым, сразу же привлекли к себе внимание ее современников, и не только ученых-фольклористов, но и общественных деятелей, журнали-

¹ Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. Л., Наука, 1967. См. также: Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М., Наука, 1977; *его же*. Народная социальная утопия в России. XIX в., М., Наука, 1978.

стов и писателей. Так, орган революционных демократов «Отечественные записки» прекрасно понял значение того, что со страниц сборника «Причитанья Северного края» впервые в истории русской письменности крестьянка, родная сестра Орины из поэмы «Орина — мать солдатская» и Дарья из некрасовской поэмы «Мороз, Красный нос», сама заговорила о себе. При этом она выразила себя не в устойчивых и веками повторявшихся песнях, а в импровизированных причитаниях, теснейшим образом связанных с современным Федосовой крестьянским бытом. Это давало писателям неслыханную до сих пор возможность проникновения в подлинный духовный мир крестьянской женщины. Об этом, собственно, и говорилось в рецензии Н. К. Михайловского на первый том сборника текстов Федосовой¹. Естественно, что с особым энтузиазмом публикация записей от Федосовой была встречена Н. А. Некрасовым². Судя по сохранившимся рукописям, Некрасов, получив в руки I том «Причитаний Северного края», тут же стал думать об использовании материалов книги в поэме «Кому на Руси жить хорошо». Отправившись в заграничное путешествие, он взял ее с собой, видимо, читал и перечитывал ее и делал многочисленные выписки. Результатом этой напряженной работы явилась целая новая часть поэмы «Крестьянка», судя по всему, не предусматривавшаяся первоначальным планом поэмы. Некрасов использовал при этом и рассказ Федосовой о себе, записанный Барсовым (см. стр. 279—283 настоящего издания), и многие причитания. В главе «Демушка» он, по существу, пересказал и переосмыслил федосовское причитание «О поне — отце духовном», заключив ее проклятием «судьям неправосудным», которое мы уже цитировали. Приезд властей в этой главе построен в основном на «Плаче о старосте». Страницы о Матрене и ее сыне Федотушке во многом напоминают отношение матери к детям в плаче вдовы из «Плача о дяде родном». Рассказ Матрены о ее жизни в семье мужа в концентрированной форме передает основную часть «Плача вдовы по мужу» и т. д. В некрасовских строках о проглоченных рыбой ключах от «счастья женского» звучит прямой отзвук федосовской легенды о Горе из «Плача о писаре». Каждый факт, образ, сюжет, найденный у Федосовой, Некрасов оценил и осмыслил по-своему, придав им логическую законченность и обобщенность и подняв их на огромную социальную высоту, недоступную Федосовой.

С энтузиазмом реагировал на появление сборника и такой знаток быта и фольклора русского крестьянства, как П. И. Мельников-Печерский. За несколько месяцев до выхода в свет I тома писатель начал публиковать первые главы известного романа «В лесах». Прочитав Федосову, он сразу же ввел в роман новую

¹ «Отечественные записки», 1872, № 11, стр. 149—175.

² Подробнее см.: Чистов К. В. Народная поэтесса И. А. Федосова... стр. 87—105.

главу, в которой повествуется о смерти Настеньки и о в пленнице Устинье Клецихе. При этом была использована и вступительная статья Барсова, и автобиография Федосовой, и ее причитания, особенно «Плач о дочери», в котором оплакивалась дочь, умершая, как и Настенька, от тайной беременности (ч. II, гл. 11) ¹.

Третий том сборника Барсова, в который вошли свадебные причитания, вышел только в 1885 году, причем не отдельной книгой, а в двух номерах журнала «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете» (ч. III и IV за 1885 г.). В отличие от О. Х. Агрешевой-Славянской, к записям которой мы обратимся ниже, Барсов не ставил перед собой задачу описания свадебного обряда. Он хотел записать и издать свадебные причитания как самостоятельную разновидность обрядовой причеты. Здесь дается более 8800 строк причитаний на 239 страницах. Подсчет времени мог бы показать, что такое количество строк не могло быть произнесено на обыкновенной свадьбе, даже длившейся несколько дней. III том — это как бы максимальное собрание свадебных причитаний, которое можно было записать от одной исполнительницы. И в этом смысле, также как и по своим выдающимся поэтическим качествам, III том сборника Барсова не имеет себе равных в мировой фольклористике. Это поистине собрание шедевров свадебной лирики.

Тексты причитаний снабжены пометами, сообщающими читателю, на каком этапе свадебного обряда должно было бы исполняться то или иное причитание. В конце тома в качестве приложения дается описание заонежского свадебного обряда (подобно тому как это делалось в I и во II томах, где на последних страницах печатались описания похоронного и рекрутского обрядов) и публикуется некоторое количество свадебных песен (так же как во втором томе публиковались рекрутские песни). Публикация песен по какой-то причине, выяснить которую не удастся, оборвалась на середине шестого текста. В рукописи сохранились еще три свадебных песни. Есть сведения, что Барсов имел в виду напечатать в составе третьего тома также статью о языке причитаний и словарь. В 90-е гг. он возвращался к мысли издать III том отдельной книгой, однако это по каким-то причинам оказалось несуществующим.

В 1886 г., т. е. через два года после смерти второго мужа Федосовой и возвращения ее в Кузаранду, Ирина Андреевна была приглашена женой известного исполнителя русских песен и создателя первого в России этнографического хора Дмитрия Славянского ² Ольгой Христофоровной Агрешевой-Славянской в ее тверское имение Кольцово для записи свадебных причитаний и песен. До этого, т. е. более полутора десятилетий со дня отъезда Барсова

¹ Чистов К. В. П. И. Мельников-Печерский и И. А. Федосова. — В сб.: «Славянский фольклор», М., Наука, 1972, стр. 312 — 327.

² Кузнецов Евг. Из прошлого русской эстрады. Исторические очерки. М., 1958, с. 191 — 201; Юркевич М. Д. А. Славянский. М., 1889.

из Петрозаводска, никто Федосовой не интересовался, и она, столь известная уже в ученых и литературно-общественных кругах, оставалась скромной петрозаводской, а потом кузарандской жительницей, обремененной семейными заботами. Русское крестьянство за пределами Заонежья и Петрозаводска по-прежнему не знало своей выдающейся поэтессы. Ученые сборники до него не доходили.

Смерть второго мужа была для И. А. Федосовой началом долголетних бедствий. Продав мастерскую, она вернулась в «мужичий угол» в д. Лисицыно Кузарандского общества, в избу брата мужа — Т. И. Федосова. «Не сладка была жизнь у деверя, — писал с ее слов в 1896 г. Барсов, — хлеб добывала она корзиной (т. е. нищенством) и обедала и ужинала за своим столом. Большуха не давала ей даже воды»¹. Дело тут, видимо, не в какой-то особенности семейных отношений или какой-то особой жестокости родственников. По крестьянскому обычаю того времени, в семье покойного мужа (в свое время отделившегося и уехавшего из деревни) она не имела никаких прав на наследство и даже на «хлеб». Не помогло и то, что она воспитывала племянника — сына Т. И. Федосова, Ивана. Он был усыновлен И. А. Федосовой, считался членом другой семьи. Семья кузарандских родственников бедствовала, жила, судя по всему, далеко не богато, и «лишние рты» ей были в тягость.

Но и нищенство Федосовой, о котором у нас есть документальные свидетельства, было своеобразным. Как вспоминал Г. В. Стафейков в 1948 году, «носили ей домой готовый кусок, как она прихрамывала»². И он, и другие односельчане Федосовой, упоминавшие о ней³, говорили о том, что Федосова была окружена всеобщим уважением и по-прежнему ходила по свадьбам и похоронам. Пропитаться этим было трудно, и земляки со свойственным севернорусским крестьянским тактом («вежественностью») не заставляли ее бродить «под окнами», а приносили ей, что могли, домой. Временами она служила в пеньках. Только с середины 90-х гг. Федосовы стали жить получше.

О. Х. Агрепева-Славянская, о которой мы уже упоминали, решила поднести своему мужу к 25-летию его артистической деятельности своеобразный подарок. В то время пока он был со своим хором на гастролях в Америке, она приготовила к изданию три выпуска «Описания русской крестьянской свадьбы» (Москва — Тверь, 1887—1889), записав мелодии и тексты песен и причитаний от Федосовой и некой «нищей Ульяны из Петрозавод-

¹ Барсов Е. В. О записях и изданиях «Причитаний Северного края», о личном творчестве Ирины Федосовой и хоре ее подголосниц. 1896 (Архив ГИМ, Ф52704).

² Воспоминания об И. А. Федосовой, записанные в августе 1948 г. — В кн.: Чистов К. В. Народная поэтесса И. А. Федосова... с. 363 (№ 4).

³ Там же, с. 362 — 369 (№ 2 — 17).

ска», оставшейся нам неизвестной (видимо, она приехала вместе с Федосовой в Кольцово). Как Агренева разыскала Федосову и кто сопровождал сказительницу в пути, мы не знаем. Не исключено, что Агреневу побудил к записи вышедший за год до этого третий том сборника Барсова. Главной задачей Агреневой была запись мелодий исполнявшихся Федосовой фольклорных произведений.

Запись мелодий народных песен — дело далеко не простое, требующее не только специального музыкального образования, но и значительного опыта. Агренева, видимо, не располагала ни тем ни другим. Современные нам специалисты по народной музыке невысоко оценивают ее записи. В свое время об ее араажировках народных песен, которыми пользовался в своих выступлениях ее муж, довольно проницательно отзывался П. И. Чайковский¹. В записях словесных текстов, принадлежащих Агреневой, обнаруживается большое количество ошибок. Об этом писал еще в конце XIX века Е. В. Барсов². Сведения о некоторых ее промахах читатель найдет в примечаниях к ее записям, публикующимся в настоящем сборнике (см., например, № 34, 54, 52, 54 и др.).

Несмотря на все это, мы должны быть благодарны ей за запись многих текстов и за общее описание заонежского свадебного обряда, до сих пор сохраняющее свое значение. Описанию было посвящено два первых выпуска; в третьем томе опубликованы записи похоронных и рекрутских причитаний, рекрутских песен, былии, баллад, протяжных, хороводных и плясовых песен, пословиц, поговорок и поговорных величаний. Первые два выпуска были составлены из записей от Федосовой и Ульяны, в третий выпуск включены записи и от других лиц.

Сравнительное чтение сборников Барсова и Агреневой производит своеобразное впечатление. Возникает даже подозрение — не утратила ли Федосова с возрастом свой необыкновенный талант, так ярко блиставший в записях Барсова? До прежних высот она здесь поднимается только изредка. Однако причина была, видимо, все-таки в чем-то другом. Есть основание предполагать, что контакт Федосовой с Агреневой не был столь плодотворным, как с Барсовым. Вызванная в барское имение, лишенная привычной ей среды, она, вероятно, импровизировала не столь свободно, как в своей мастерской в Петрозаводске или в доме ее земляка М. С. Фролова, у которого Барсов стоял на квартире. Как будто об этом же говорит и удивительный экспромт, напечатанный Агреневой в I выпуске ее сборника:

Я ем да пью
Да челом не бью;

¹ Чайковский П. И. Музыкально-критические статьи. М., Музгиз, 1953, с. 41, 139, 287.

² Обзор их см.: Чистов К. В. Текстологические проблемы поэтического наследия И. А. Федосовой. — В сб.: «Фольклор и этнография Русского Севера», Л., Наука, 1973, с. 160—161 и др.

Ем я досыта,
Пью я долюба;
В дело нос не ткну
Да и перстом не щелкну¹.

Думаю, что если бы Агренева поняла этот экспромт, она не стала бы его воспроизводить в своей книге. Федосова хотела сказать: несмотря на то, что ее кормят и поят, она не собирается бить челом. По обычным пормам крестьянской этики не благодарить за стол и дом — более чем странно. Тем более страшно, что это произнесено кузараидкой, добывавшей хлеб «корзиной». Остается предположить, что у Федосовой были причины утверждать свое достоинство в доме Агреновой столь своеобразным способом. Одним словом, не исключено, что в поместье Агреновых сложились условия, недостаточно благоприятные для свободной импровизации.

Наконец, предположение об увидании таланта Федосовой, по видимому, не может быть принято и по другим причинам. Она была еще вовсе не стара — в 1886 году Федосовой было всего 55 лет. Да и все, что писалось в газетах и журналах 90-х гг. о ее публичных выступлениях, в том числе и отзывы Барсова о них в эти годы, говорит о расцвете ее таланта, а вовсе не об его угасании. Обратимся к этим свидетельствам.

В 1894 году Федосову разыскал преподаватель петрозаводской женской гимназии П. Т. Виноградов, сыгравший большую роль в дальнейшей ее судьбе. Он уже имел опыт организации публичных вечеров севернорусских сказителей в Москве и Петербурге, приезжал в обе столицы с сыном знаменитого певца былии Т. Г. Рябицина — И. Т. Рябининым. После пробного выступления в Петрозаводске в зале женской гимназии 27 августа 1894 года Виноградов с Федосовой приехал в Петербург по приглашению Русского географического общества. Этот выезд положил начало новому периоду жизни Федосовой — годам ее наивысшей публичной славы. Она выступала десятки раз в Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде, Казани, Петрозаводске. Ее слушали тысячи зрителей, среди которых были многие видные ученые, общественные и художественные деятели той поры.

А. М. Горький написал о ней два очерка и позже изобразил ее выступление в «Жизни Клина Самгила». Федосову слушали Ф. И. Шаляпин, оставивший о ней воспоминания, Н. А. Римский-Корсаков, сделавший запись девяти мелодий, М. А. Балакирев (он опубликовал в своей обработке песню «Пивна ягода по сахару пыла»), записанную от Федосовой в 1886 году Ф. И. Истоминым и Г. О. Дютшем и использованную С. М. Ляпуновым в «Торжественной увертюре на русские темы»), известный организатор оркестра народных инструментов В. В. Андреев, музыковед В. В.

¹ *Агренева-Славянская О. Х.* Описание русской крестьянской свадьбы, вып. I, на вклейке под портретом.

Истребцов, русская «гарибальдийка» и известная журналистка А. Н. Толиверова-Якоби. Ее слушали также крупнейшие филологи того времени Л. Н. Майков, В. Ф. Миллер, Ф. Е. Корш, А. Н. Пыпин, В. И. Ламанский, А. И. Соболевский, А. Е. Грузинский, известный антрополог Д. Н. Анучин и многие другие. Федосова выступала в залах Русского географического общества и Соляного городка в Петербурге, в Политехническом музее в Москве, в учебных заведениях и частных домах. Особенно многочисленными были ее выступления на Нижегородской художественно-промышленной выставке в 1896 году. С 1895 по 1899 год она прожила в доме председателя песенной комиссии Географического общества — известного мецената и друга А. П. Островского, М. А. Балакирева и М. П. Мусоргского — Тертия Ивановича Филиппова (Мойка, 74). Ф. И. Шаляпин вспоминал позже об одном из таких вечеров: «В. В. Андреев особенно близко к сердцу принимал мои неудачи и старался всячески быть полезным мне, расширяя круг знакомств, поучительных для меня. Однажды он привел меня к Тертию Филиппову, о котором я уже слышал как о человеке значительном в мире искусства, приятеле Островского, поклоннике всего самобытного. Здесь я увидел знаменитую «сказительницу» Орину Федосову. Она вызвала у меня незабываемое впечатление. Я слышал много рассказов, старых песен и былин и до встречи с Федосовой, но только в ее изумительной передаче мне вдруг стала понятна глубокая прелесть народного творчества. Неподражаемо прекрасно «сказывала» эта маленькая кривобокая старушка с веселым детским лицом о Змее Горыныче¹, о Добрыне, о его «поездочках молодецких», о матери его, о любви. Передо мной воочию совершалось воскрешение сказки, и сама Федосова была чудесна, как сказка». И далее: «Не потому ли, думал я, так много в опере хороших певцов и так мало хороших актеров. Ведь кто же умеет в опере просто, правдиво и внятно рассказать, как страдает мать, потерявшая сына на войне, и как плачет девушка, обиженная судьбой и потерявшая любимого человека»².

В том же 1896 г. Федосова получила приглашение на гастроли в Америку, однако по нездоровью от него отказалась³. В 1895 — 1896 гг. газеты и журналы очень много писали о Федосовой. В прессе того времени обнаружено около 200 статей, сообщений, заметок, объявлений. Можно было бы ожидать, что длительное

¹ Судя по имеющимся источникам, И. А. Федосова не исполняла былин «Добрыня и змей» или «Алена Попович и змей», в которых фигурирует Змей Горыныч. О борьбе со змеем говорится в «Егорий Храбром» (см. настоящее издание, № 36).

² Шаляпин Ф. И. Страницы из моей жизни. Автобиография. Л., 1926, с. 183 — 184.

³ Нижегородский листок, 1896, № 152. В 1895 г. председатель Англо-русского литературного общества д-р Казалетта запросил у П. Г. Виноградова реферат о Федосовой для оглашения его на заседании общества (см.: «Новости», 1895, № 9; «Свет», 1895, № 6; «Волжский вестник», 1896, № 134).

пребывание в Петербурге и многочисленные выступления будут сопровождаться новыми и значительными записями от Федосовой. Записи действительно производились, но, к сожалению, судьба их сложилась крайне неудачно, если не сказать трагически.

С 1894 года появляются в прессе сообщения о том, что Виноградов записывает от Федосовой. В январе 1895 г. Виноградов говорил корреспондентам, что записал почти 3 тысячи стихов¹. В 1896 году было объявлено о том, что готовится новое трехтомное издание², а потом даже четырехтомное издание под покровительством Т. И. Филиппова³. Однако по каким-то причинам оно не состоялось. Вероятно, осуществлению его помешала смерть Т. И. Филиппова. Что же касается архива Виноградова, то есть сведения, что какие-то его части погибли в годы гражданской войны в Ростове-на-Дону.

Сообщения о работе Виноградова и Филиппова над новым изданием, видимо, обезоружили других фольклористов. В результате в 90-е годы, когда была еще прекрасная возможность записать Федосову, записано от нее было очень немного. В июне 1895 года Федосова встречалась с издательницей детского журнала «Игрушечка» А. Н. Толиверовой-Якоби, и в августовском номере этого журнала появился очерк, который иллюстрировался то отрывками, то полными текстами различными фольклорных произведений, которые Федосова исполнила для Толиверовой. Полностью была дана сказка «Волк и лисица», две свадебные песни, колыбельная песня, песня «Во лужях» и в отрывках — причитание невесты. Все тексты при этом были отредактированы в расчете на детского читателя.

Не повезло Федосовой в эти годы и с музыкальными записями. Может быть, виной тому были многочисленные, хотя и неудовлетворительные по своему качеству, записи и публикации Агреневой. Мы располагаем только одной публикацией, осуществленной в эти годы. Это записи музыковеда С. Рыбакова, опубликованные в журнале «Русская беседа» (1895, № 4), — былина «Добрыня Никитич», песня «Во лужях» и 4 свадебные песни. Есть сведения также о том, что несколько музыкантов записывали федосовские напевы во время ее выступлений, но, видимо, это были преимущественно записи «для себя» (Римский-Корсаков, композитор Корецкий и др.). Так, записи Римского-Корсакова были использованы им в опере «Садко» и в «Сказании о граде Китеже», однако сами они были опубликованы только недавно⁴. Сравнительно недавно были также обнаружены и затем опубликованы записи двух мелодий от Федосовой на фонограф, произведенные в 1896

¹ Новости дня, 1895, № 4156.

² Олонецкие губернские ведомости, 1896, № 18.

³ Горький М. С Всероссийской выставки. — «Одесские новости». 1896, № 3660.

⁴ Римский-Корсаков Н. А. Литературные произведения и переписка. Полное собрание сочинений, т. IV, доп. М., Музыка, 1970, с. 61 — 62.

году Ю. И. Блоком. Они чрезвычайно ценны как единственные механические (т. е. подлинные, документальные) записи голоса и мелодий замечательной сказительницы. Любопытно также и то, что запись велась на один из первых фонографических восковых валиков, прилащенных Т. Эдисоном в Россию, и вместе с записями 1894 года от И. Т. Рябицина они остаются весьма ранними опытами фонографической записи фольклора в Европе¹.

Перед отъездом на Нижегородскую выставку Федосова успела побывать на родине. Это было в марте 1896 года. Она помогла своему приемному сыну Ивану выкупить проданный надел, обзавести земледельческий инвентарь и женила его. Кузараидцы старшего поколения еще в первые послевоенные годы помнили, что Федосова щедро помогала бедным соседям в этот приезд, делаясь с ними сборами от выступлений. Но это еще не самое удивительное. Как сообщала пресса того времени, а позднее подтвердил бывший кузараидский учитель Ф. И. Прохоров, Федосова пожертвовала немалую сумму денег на строительство школы в Кузараиде².

Ф. И. Прохоров рассказал нам, как, приехав в конце 1895 года в Кузараиду молодым учителем, он начал работу в школе, в которой было всего 12 учеников на всю большую группу деревень, причем среди них не было ни одной девочки. Школа ежегодно арендовала какую-нибудь комнату в одной из кузараидских изб. Взнос Федосовой (по его воспоминаниям, это было 300 рублей — сумма по тем временам очень большая!) позволил выстроить специальное помещение и заново оборудовать школу. Он ходил благодарить ее за пожертвование и вспоминает о том, что пародшая поэтесса живо интересовалась делами школы и особенно советовала ему «учить девочек». Кузараидцы еще в конце 40-х гг. помнили также, что Федосова помогла кузараидскому обществу, не имевшему около деревни соснового леса, выхлопотать лесную дачу на Пудожском берегу. Таким образом, в благодарной памяти земляков осталась не только ее фольклорно-поэтическая деятельность, но и активное участие в общественных и хозяйственных делах ее родни. Это особенно впечатляло, потому что все знали, что до отъезда в Петербург она вела полунищенское существование.

24 мая Виноградов и Федосова снова отправились в Петербург, чтобы затем к концу мая приехать в Нижний Новгород для выступлений на Выставке. После Нижнего Новгорода Федосова до 1899 года поселилась у Т. И. Филиппова.

Весной 1899 года И. А. Федосова почувствовала себя серьезно больной и пожелала вернуться на родину. 10 июля 1899 года

¹ Лобанов М. А. и Чистов К. В. Запись от И. А. Федосовой на фонограф в 1896 году.— Сб. «Русский Север. Проблемы этнографии и фольклора». Л., Наука, 1981.

² Воспоминания об И. А. Федосовой, записанные в августе 1948 г.— В кн.: К. В. Чистова. Народная поэтесса И. А. Федосова... с. 361 — 362.

она умерла и была похоронена на кладбище при кузарандской приходской церкви у д. Юсова Гора на берегу Онежского озера¹.

* * *

В настоящем сборнике публикуются избранные записи от И. А. Федосовой. Они составляют не более трети ее наследия, но при этом представляют различные жанры, которые она исполняла, — причитания похоронные (тиновые и плачи-поэмы на особые случаи), рекрутские и свадебные песни, былинты, баллады, необрядовые песни, величания, пословицы и поговорки. Тексты даны преимущественно в записях Барсова. К Агреновой мы обращались только в том случае, когда считали необходимым представить ту или иную песню, но не располагали другими записями. Все причитания даны только в записи Барсова. Часть песен в I и II выпусках сборника Агреновой не документированы с достаточной точностью. Судя по сведениям, помещенным на титульном листе I и II выпусков, причитания и песни в них были записаны от И. А. Федосовой и «писицей Ульяны из Петрозаводска». Определить долю участия каждой из них не представляется возможным. Все подобные случаи оговариваются в примечаниях к отдельным песням.

К. В. ЧИСТОВ

¹ Воспоминания об И. А. Федосовой, записанные в августе 1948 г. *Благовещенский И. И. А. Федосова (некролог)*, Олонецкие губернские ведомости, 1899, № 73.

ПЛАЧИ-ПОЭМЫ. ПОХОРОННЫЕ И РЕКРУТСКИЕ ПРИЧИТАНИЯ

1. О СТАРОСТЕ

Вопит старостица:

Спаси, господи, спорядиных суседушек!
Благодарствую крестьянам православным,
Не жалели что рабочей поры-времени,
Хоронить пришли падежную головушку —
Уж вы старосту-судью да поставленую!
Он не плут был до вас, не лиходеишничек,
Соболезновал об обчестве собраном,
Он стоял по вам стеной да городской
От этих мировых да злых посредников.
Теперь всё прошло у вас, миновалось!
Нет заступушки у вас, нет заборонушки!
Как найдёт мировой когда посредничек,
Как заглянет во избу да он во земскую, —
Не творит да тут Иисусовой молитовки,
Не кладет да он креста-то по-писаному;
Не до того это начальство добирается,
До судов этот посредник достукает;
Вопотай у недоростков он выведывает,
Уже нет ли где корыстного делишочка.
Да он так же над крестьянством падрывается,
Быдто вроде человек как пекрещеной.
Он затопае ногама во дубовой пол,
Он захлопае рукама о клеповой стул,
Он в походню по покоям запохаживае,
Точно вехорь во чистом поле полётывае,
Быдто зверь да во темном лесу порикивае;
Тут на старосту скрозь зубы он срыгается,
Он без разуму рукой ему приграживае,
Сговорит ему посредник таково слово:
— «Что на ям да вы тепер не собираетесь?
Неподсудны мировому, знать, посреднику?
Непокорны вы властям да поставленным?
Чтобы все были сейчас же на ям согнаны!»
Как у этих мировых да у посредников

Нету душеньки у их да во белых грудях,
Нету совести у их да во ясных очах,
Нет креста-то ведь у их да на белой груди!
Уж не бросить же участков деревенских,
Не покинуть же крестьянской этой жирушки
Всё для этых властей да страховитых!
Назад староста бежит да не оглядывает,
Под окошечко скорёпько постучается
Он у этых суседей спорядовых,
Чтобы справились на ям да суровешенько:
— «Как паехала судья неправосудная,
Мировой да на яму́ стоит посредничек,
Горячится он теперь да такову беду!
Сами сходите крестьяна, признаете,
Со каким да он приехал со известьицем,
Он для податей приехал ли казенных,
Аль казна его бесчетна придержалася,
Али цветно его платье притаскалося,
Аль козловы сапоги да црнтопталися?»
Тут на скоп да все крестьяна собираются,
При кручннушке идут да при великой;
Тут посреднику в глаза да поклоняются,
Позаочь его бранят да проклинаят.
Возгорчится как судья ведь страховитая,
В темном лесе быдто бор да разгоряется,
Во все стороны быв пламень как кидается,
Быдто Свирь-река посредничек свирепой,
Быдто Ладожско великое, сердитое!
Тут он скочит из-за этого стола из-за дубового,
Да он зглянет тут на старосту немилым зглядом,
Тут спроговорит ему да таково слово:
— «Вы даете всё повольку мужикам-глушцам,
Как бездельникам ведь вы да потакаете!
Хоть своей казпой теперь да долагайте-тко,
Да вы подати казенные сполняйте-тко».
Мужичоночки дробят да всё поглядают —
Ужель морюшко сипё да приутихпет,
Мировой скоро ль посредничек уходится,
За дубовым столом да приусядется?
Буде взыщется один мужик смелугище,
О делах сказать ведь он да всё о праведных,
Уже так на мужика стане срыгатися,
Быдто зверь да во темном лесе кидается;
Да он резвыма ногама призатопае,
Как на стойлы конь копытом призастукае,
Стане староста судью тут уговаривать:
— «Не давай спеси во младую головушку,
Суровства ты во ретливое сердечушко,

Да ты чишом-то своим не возвышайся-тко:
Единиы да все у бога люди созданы;
На крестьян ты с кулакама не паскакивай,
Знай сиди да ты за столиком дубовым,
Удержки да свои белы эти рученьки,
Не ломай-ко ты перстни свои значеные;
Не честь-хвала тебе да молодецкая
Пастунать да па крестьян ведь православных!
Не па то да ведь вы, судьи, выбираетесь!
Хотя ж рьян да ты, посредничек,— уходишься,
Хоть спесив да ты, начальник,— приусядешься!
Окол ноци мужики да поисправятся,
Наживут да золоту казну бессечетную!»
Сговорит да тут посредник таково слово:
— «Да вы счастливы, крестьяна деревенские,
Что ведь староста у вас да преразумной!»
Как уедет тут судья да страховитая,
Сговорят да тут крестьяна таково слово:
— «Мироеды мировы эти посредники,
Разорители крестьянам православным,
В темном лесе быдто звери-то съедучие,
В чистом поле быдто змеи-то клевучие;
Как наедут ведь холодные-голодные,
Оны рады мужичонка во котле варить,
Оны рады ведь живого во землю вкопать,
Оны так-то ведь над има изъезжаютя,
До подошвы оны всех да разоряют!
Слава богу-то теперь да слава господу!
Буря-надара теперь да уходилася,
Сние морюшко теперь да приутихло —
Ночь уехала судья неправосудная,
Укатилася съедуба мироедная!
Мы пойдемте, мужики, да разгуляемтесь,
Нощьку с радости теперь да со весельяца,
Настоялися ведь мы да надрожалися,
Без креста-то мы ему да всё наклапаялись,
Без Исусовой молитвы намолилися!..»
Как сберутся в божью церковь посвященную
О владычном оны да этом праздничке,
И прослужат там обиденку воскресную,
И как выйдут па крылечико церковное,
И как сглянут во подлётную сторонушку,
Тут защежит их ретливое сердечушко,
Сговорят оны ведь есть да таково слово:
— «Где ведь жалобно-то солнце пропекае,
Там ведь прежняя родима наша сторона,
Наша славна сторона Новгородская!
Когда Новгород ведь был не разореной

И ко суду были крестьяна не приведены,
Были людюшки тогды да не штукавые,
Не штукавы оны были — запростейшие;
Как судьи да в тую пору не молóдые,
Пожиты да мужики были почетные,
Настойсливы оны да правосудливы,
Были добры у их коли иноходные,
Были славны корабли да мореходные.
Буде што да в прежни времена случалось,
Соберется три крестьянина хоть стоящих —
Промеж дў-другом оны да рассоветуют,
Как спасти да человека-то помиловать,
По суду ли-то теперечко по божьему,
По этим ли законам праведливым.
Тыи времечка прошли да не выдаюча,
Тыи годы скоротались не слыхаюча!
Настушили бусурманы превеликие,
Разорили оны славный Новгород!
Вси тут придались в подсеверну сторонушку
На званы острова да этии Киевские,
Во славное во обчество во Толвую...
Послыхайте словеса наши старинные,
Заприметьте того, малы недоросточки!
Уж как это сине морюшко сбущается,
На синём море волна да порасходится,
Будут земские вси избы испражняться,
Скрозекозные судьи да присылаются;
Вси изменятся пустыни богомольные,
Разорятся вси часовенки спасенные!»
Кругом-около ребята обстолпилися,
Как на этих стариков да оглядилися,
Ихних ричей недоростки приослухались;
Кои умны недоросточки, приметные,
Оны этии слова тут принимали
Об досюльных законах постоятельных,
Об досюльном житье новгородском.
Сволповалось сине славное Опегушко,
Как вода с песком помутилася!
Тут воспомнят-то ведь малы недоросточки:
— «Теперь-ночь да времена-то те сбываются,
Как у старых стариков было рассказано!»

Тут мы думали с надежной головушкой:
— «Как пропитывать сердечных малых детушек?
Накошилася станичущка детская!»
Говорила я надежной головушке:
— «Да ты съезди-ко на малой этой лодочке

Хоть во город да ты съезди Повенецкой,
Наживи да ты, надежа, золотой казны,
Да мы купим-то довольных этих хлебушков,
Мы прокормим-то сердечных малых детушек!»
Как во ту пору теперь да в тое времечко,
Как по этой почтовой ямской дорожке
Застучало вдруг копыто лошадиное,
Зазвонили тут подковы золоченые,
Зазвенчала тут сбруя да копя доброго,
Засияло тут седёлышко черкасское,
С копыт пыль стоит во чистом поле,
Точно черной быдто ворон приналётывает, —
Мировой этот посредник так наезживал!
Деревешские ребята испугались,
По своим домам оны да разбежались!
Он напал да на любимую сдержавушку,
Быдто зверь точно на упадь во темном лесу!
Я с работушки, бедна, убиралася,
Из окошечка в окошечко кидалася, —
Да куда ж мою надежу одевают?
Я спросила у снарядовых суседушек.
Как суседушки ведь мне не объяснили,
Чтобы я, бедна горяща, не спугалася.
На покой да легли добры эти людюшки,
Ужо я, бедна, в путь-дорожку отправлялася,
Чтоб проведать про надежную головушку.
Уж как этот мировой да злой посредничек,
Как во страдную, в рабочу пору-времечко
Он схватил его с луговой этой поженки,
Посадил да он во крепость во великую,
Он на три садил господних божьи дёбечка,
На четыре он на летных эти поченьки,
Отлучился что без спросу на педелюшку.
Топно плакали сердечны мои детушки,
Не могла стерпеть, победная головушка,
Я глядеть да на детины горячи слезы —
Я склонилася в тяжелую постелюшку
С-за этого злодия супостатого,
Что обидел нас, победных головушек,
Присрамил да он при обчестве собрапом;
Со бесчестья в лице кровь да разыгралася,
Со стыда буйпа головка зашаталася.
Ворочался как надеженька со крепости,
В чистом поле неможепье сустигало,
На пути злодний-смерётушка стретала!

.
Вы падите-тко, горячи мои слезушки,

Вы не на воду падите-тко, не на землю,
Не на божью вы церковь, на строеньице,—
Вы падите-тко, горячи мои слезушки,
Вы на этого злодия супостатого,
Да вы прямо ко ретливому сердечушку!
Да ты дай же, боже-господи,
Чтобы тлен пришел на цветно его платице,
Как безумыице во буйну бы головушку!
Еще дай, да боже-господи,
Ему в дом жёну неумную,
Плодить детей перазумных!
Слыши, господи, молитвы мои грешные!
Прими, господи, ты слёзы детей мальных!

.....

2. О ПИСАРЕ

Вопит кума:

Отлишилися заступы-заборонушки!
Как не стало понь стёны да городской,
Приукрылся писаречек хитромудрой
Он во матушку сыру землю!
Вкупе все да мы, крестьяна, сухотуем:
Буди проклято велико это горюшко,
Буди проклята злодийная незгодунка!
Как по нынешним годам да по бедовым
Лучше на свет человеку не родитися;
Много страсти-то теперь да много укасти,
Как больше того великих пригрозушек!
Наезжают-то судьи да страховитые,
Разоряют-то крестьянски оны жирушки,
До последней-то оны да лопотишочки!
Не дай, господи, на сём да на белом свете
Со досадой этим горюшком возитися!
Впереди злое горе уродилося,
Впереди оно на свете расселилося.
Вы послушайте, народ-люди добрые,
Как, отколь в мире горе объявилося:
Во досколыби времена было годышки
Жили люди во всем мире постатейные,
Оны дў-друга люди не терзали.
Горе людюшек во ты поры боялося,
Во темны леса от них горе кидалося,
Но тут было горюшку не местечко —
Во осине горькой листье расшумелося,
Того злое это горе устрашилося!

На высоки эти щельи горе бросилось,
Но и тут было горюшко не местечко —
С того щелье кременисто порастрескалось,
Огонь-пламя из-за гор да объявилось!
Уже тут злое горюшко кидалось
В окнян сине славно оно морюшко,
Под колодишку оно там зашхалось —
Окнян-море с того не сволповалось,
Вода с песком па дне не помутилась.
В досюльпы времена да в прежни годышки
В окнян-море ловцы да не бывали.
Чего на слыхе-то век было не слыхано,
Чего на виду-то век было не видано —
Прошло времечка с того да не со много, --
В окнян-море ловцы вдруг пригодилися:
Пошили оны маленьки кораблики,
Повязали ошы неводы шелковые,
Проволо́ки оны клали-то пеньковые,
Оны плу́тивца тут клали всё дубовые,
Изловили тут свежку оны рыбоньку,
Подняли во малой во корабличек!
Точно хвост да как у рыбы лебединой,
Голова у ей вроде как козлиная.
Сдивовалися ловцы рыбы незнамой,
Пораздумалися ловцы да добры молодцы:
По приметам эта рыба да как щучина.
Поскорешеньку ко бережку кидалися,
На дубовой доске рыбу пластали,
Распоролн как уловну свежку рыбоньку —
Много множество песку у ей приглотано,
Были еглопутье ключи да золоченые!
Тут пошли эти ловцы да добры молодцы
Во деревенку свою да во селенне,
Всем суседям рассказалися,
Показали им ключи да золоченые.
Тут ключи стали ловцы да применять:
Прилагали ключи ко божним церквам —
По церковным замкам ключи не ладятся;
По уличкам пошли оны рядовым,
По купцам пошли оны торговым —
И по лавочкам ключи не пригодилися.
Тут пошли эти ловцы да добры молодцы
По тюрьмам пошли заключевным —
В подземельные норы ключ поладился,
Где сидело это горюшко великое.
Потихошеньку замок хоть отмыкали,
Без молитовки, знать, двери отворяли;
Не успели тут ловцы-добры молодцы

Отпереть двери дубовые,
С подземелья злое горе разом бросилось,
Черным вороном в чисто поле слетело;
На чистом поле горюшко садилось
И само тут, злодийно, восхвалялося,
Что тоска буде крестьянам пеудольная!
Подъедать стало удалых добрых молодцев,
Много прибрало семейных головушек,
Овдовило честных мужних молодых жен,
Обсиротило сиротных малых детушек!
Уже так да это горе расплодилось —
По чисту полю горюшко катилось,
Стужей-ишем оно да там садилось,
Над зеленым лугом становилось,
Частым дождиком оно да рассыпалось.
С того мор пошел на милую скотинушку,
С того зябель на сдовольны эти хлебушки,
Неприятности во добрых пошли людунках.

К писарю:

Ты послушай же, крестовой милой кумушко!
Буде бог судит на втором быть пришествии,
По делам-судам душа да будет праведна,
Може, стащешь у престола у господнего,
Ты порбескажи владыке-свету истинному
Ты про общество крестьян да православных!
Много множество е в мире согрешены,
Как больше того е в мире огорчены:
Хоть повыстанем по утрышку рапешенько,
Не о добрых делах мы думу думаем,
Мы на соимце бесовеско собираемся,
Мы во тяжких грехах да не прощаемся!
Знать, за наше за велико беззаконье
Допустил господь ловцов да на киян-море;
Изловили они рыбошьку незнамую,
Повыпяли ключи да подземельные,
Повыпустили горюшко великое!
Зло песносное велико это горюшко
По Россиюшке летает ясным соколом,
Над крестьянами, злодийно, черным вороном,
Возлетат оно, злодийно, само радуется:
— «На белом свете я распоселилося,
До этих крестьян я достигнуло,
Не начаются обиды, накачаются,
Не наднутся досады, принавядятся!»
Как со этого горя со великого
Бедны людунки как море колыбаются,
Быдто деревья стоят да подсушенные,

Вся досюльщина куды да подевалася,
Вся отцовщина у их пошь придержалася,
Не стоят теперь стóги перегодные,
Не пасыпаны амбары хлеба божьего,
Нет на стойлы-то у их да копей добрых,
Нету зимных у их сапок самокатных,
Нет довольных-беззаботных у их хлебушков!
Ты порбескажи, крестовой милой кумушко,
Ты пороскажи владыке многомилостливу,
Что неправедные судьи расселяются,
Свысока глядят оны да выше лесушку,
Злокоманно их ретливое сердечушко,
Точно лед как во синем море;
Никуды от их, злодней, не укроешься,
Во темных лесах найдут оны дремучих,
Всё доищутся в горах оны высоких,
Доберутся ведь во матушке сырой земле!
Во конец оны крестьян всех разоряют!
Кабы ведали цари да со царицами,
Кабы знали все куницы да ведь московские
Про несчастную бы жизнь нашу крестьянскую!

3. ОБ УБИТОМ ГРОМОМ-МОЛВИЕЙ

Соседка к соседям:

Как о светлом владычном божьем празднике,
На ранной на заутрены воскресной
Пресвятой Ильи-пророк-свет преподобной
Пролетал он ко престолу ко господнему,
И проречёт Илья владыке многомилостливу:
— «Уж я дам да эту тучу неспособную
Уж я на́ это на чистое на полюшко,
Я стрелу спущу в крестьянина могучего,
Заражу да я грудь-то его белую!
Не могу терпеть велика беззаконья:
Он не ходит-то крестьянин во божью церковь,
Он не молится-то богу от желашница,
О души своей крестьянин не спашается,
Да он в тяжких грехах попу не кается!»
Испробоврит владыко-свет тут милостливой
Преподобному Илье да он громовному:
— «Что ты хочешь, Илья,— в волюшку всё
творишь!»

Как по этой по разливной красной вёснущке,
На троицкой то было на неделюшке,
Накрывать стала крестьянская работушка,
Стали пахари на поле объявлятися.
Тут повыехал спорядной наш суседушко,

Он в раздольице повыехал в чисто поле,
На эты на распашисты полосушки.
С утра жалобно ведь солнце воспекало,
Была тишинка на широкой на уличке;
На часу́ вдруг тут е да объявилося,
Стало солпышко за облака тулятися,
Наставала туча тёмна, неспособная,
Со громом да эта туча со толкучним,
Вдруг со молвней-то тученька свистучей,
Со этым огнем да она плящним;
На горы́ шла туча на высокне,
Горы с этой тучи порастрескались,
Мелки камышки со страсти покатились.
Уже шла да грозна туча эта темная,
По лесам шла она по дремучним —
Леса к зепи с этой тучи приклонились,
По кбрешку они все приломались!
Уже так да шла грозна эта тученька,
В темном лесе дики звери убоились,
По своим местам звери убиралися!
Становилась туча темна на синё море,
Сипе море со дна все расходилося,
Страшно-ужасно тут море расшумелося,
С луды камни оно тут вырывало,
Волпой на берег оно да их бросало;
В синем море белы рыбы убоились,
По своим стапам рыбы разметались!
По селам пошла туча деревепским,
Зпать, деревьями-то туча разгремелася,
Мать сыра земля со грому надрожалася;
С тучи добрые дома да пошатились,
Со чиста поля крестьяпа убирались,
Во своих домах опы да сохранялись!
С этой страсти крестьяпа, с переплоху
Затопляли свечй да воску ярого,
Тут молили опы бога от желаньца,
Оны кланялись во матушку сыру землю:
— «Снаси, господи, ведь душ да папих грешных,
От стрелы ты сохрани да нас, от молвии,
Пропеси, господи, тучу на чисто поле,
На чисто поле тучу, за синё море!»
На чисто поле тут туча своротилася,
Страшно-ужасно тут туча разгромелася,
Очень плящие огни да разгорелися;
Всё ведь думал-то спорядной наш суседушко,
Тороком да пройде тёмна эта тученька;
Становился под кудряву деревиночку.
Стрела божья тут вдруг да разлетелася,

Не на воду ведь стрелушка, не па́ землю,
Не на звиря в темном лесушке съедучего,
Она пала на суседа спорядового,
Изорвала всё ретливое сердечушко!
Заразил-нобил Илья-свет пренодобпой
Да он славного крестьянина могучего,
Туча темная зараз же уходилася,
Стрела-молвия зараз же приукрылася,
Вдруг порбснекло тут красно это солнышко.
Как схватилася спорядная суседушка
За свою она надежную головушку:
Где от тучи, от молвии сохраняется,
Под какой да деревиночкой спасается,
Под малым ли ракитовым под кустышком,
Аль сидит он на катучем белом камышке?
Тут ведь бросилась спорядная суседушка,
Но село она пошла да деревецкому,
Тут в раздольице бросилась во чисто поле;
Скоро шла да по распахистым полосушкам,
Вдруг увидела ступистую лошадушку,
Доброй конь стоит — головушка наклонена;
Тут ужахнулось ретливое сердечушко,
Не видать да всё надежной головушки!
Тут глядеть стала по чистому по полюшку,
Как зглянула на курчаву деревиночку,
Стоит деревце теперь — в щену разломано,
Ко сырой земле ведь деревце приклопено;
Тут бросилась к кудрявой деревиночке,
Как лежит ейна надежная головушка,
На матушке лежит да на сырой земле,
Бела грудь его стрелой этой прострелена,
Ретливо сердце всё молвией разорвано,
Белы рученьки его да пораскинуты!
Задрожала тут победная семеюшка,
Испугалася надежной головушки —
Нету душецьки его да во белой груди,
Нету зренья у его да во ясных очах,
Во устах его язык да не воротится,
Как убит лежит надеженька подстреленной,
От страсти он, падежа, тучи темной!
Воротилася победная суседушка
Она взад да во село тут деревецкое,
Со раздольица, победна, со чиста поля,
Объявила тут суседам спорядовым,
Как паделала тревоги всему обчеству,
Беспокойства-то крестьянам православным!
Караул да к телу мертву полагали,
К становому тут нарочных отпращивали.

Ты послушай, спорядовая суседушка:
По суду ли то теперичко по божьему,
По велению ли то пупько по господнему,
Было множество цароду на чистом поле;
Как увидли темпу тучу неспособную,
По своим домам тут все ведь убиралися!
Твоя милая надежная головушка
Супротивник, знать, владыке многомилостливу,
Он с бахвальства во чистом поле остался,
Со белым светом ведь он да порасстался,
Как убиту эту смерть он получил!
Душа грешная пошла без покаянья,
Телеса его лежат без поминанья,
Не придают да их ко матушке сырой земле!
Приедут как судьи неправосудные,
Будут патьрошить надежную головушку,
По частям резать, по мелким кусочникам!
Как распорют его грудь да эту белую,
Как повынут-то сердечушко ретливое —
У тебя тут, у печальной у головушки,
Обмирать да стане зяблая утробушка,
Будет жаль-тошно надежной головушки!
Ты послушай же, спорядная суседушка:
Не жалый, бедна, любимоей покрутушки,
Заложки снеси крестьянину богатому,
Ты проси да золотой казны по надобью,
Запродай свою любимую скотинушку,
Набери да золотой казны бессчетной.
Как приедут дохтура да славны лекари
Как со этого со города Петровского,
Попроси да, бедна, добрых ты людешек,
Своих сельских проси, бедна, начальничков,
Цисарёв проси, победна, хитромудрых,
Чтоб вступились по победной головушке,
Уговорили б дохтуров да опы лекарей,
Задарили б золотой казной бессчетной,
Чтоб надеженьку твою не патрушйли,
Чтобы белой его груди не пороли,
Чтоб сердечушка его не вынимали,
Чтоб назолушки тебе не надавали,
Чтобы придали ко матушке сырой земле
Телеса-то бы его да без терзанья!
Не убойся ты, спорядная суседушка,
Говори, бедна горюшица, смелёшенько,
Ты корись, бедна, с великою обидушкой,
Ты упрашивай, победна, с горючмы слезмы;

Може, сдобрятсѣ судьи неправосудные!
Ты сули им золотой казпы по надобью,
Вопотай сули, без добрых ты без людושек,
Тут озѣрятся опы на золоту казпу;
Как дают опы ведь, може, приказаше
Сколотить эту колоду белодубову,
Приубрать твою надежную головушку
И покрыть да этой матушкой сырой землей!
Тут зови, бедна спорядная суседушка,
Как попов-отцов зови, бедна, духовных,
Зазови, бедна, служителей церковных.
Вы возьмите-тко со чистого со полошка
Вы во свой дом тело мертвое-убитое,
Сокрутите в тонко бело полотенышко,—
На сдивленьице ведь добрым столько людושкам,
На ереканыце спорядным суседушкам!
Он не вор, кажись, был, не мошепищек,
Он не плут, кажись, был, не разбойщикек,
Не хлонтной был в суседах спорядовых;
Уж какой да тяжкой грех вы сочинили,
Что разгневался владыко многомлостливой,
Он не спас его от грома да от молнии,
Не помпловал от тученьки от грозной?
Еще слушай-ко, спорядная суседушка,
Ты схоронишь как надежную головушку,
Ты во матушку схоронишь во сыру землю,
Ты во погребѣ опустишь во глубокие,
Постаѣвится крестьянска вся работушка
У тебя да у печальной тут головушки,
Разорится дом, крестьянска вся ведь жирушка!
Будешь слыть, бедна кручинная головушка,
Ты бобылочкой, победна, сиротничкой;
Вдруг отстанешь от участков деревенских,
Отлишишься от луговых от поженок!
Ты вспомнишь свет надежную головушку,
Ты поплачешь на раздолье на чистом поле,
Потоскуешь ты, победна, в зеленых лугах!
Ты послушай, спорядовая суседушка:
Не впадись в тоску, великую кручинушку,
Не забудь своей надежной головушки,
Ты зови, бедна, попов-отцов духовных,
Помишай часто любимую семеюшку!
Знаем-ведаем, спорядны мы суседушки,
Была в живности твоя да как надежешка,
Вы не знали, спорядовые суседушки,
Вы ни светлого Христова воскресеньица,
Ни владычного господня божья праздничка;
Да вы в божью ведь церковь не ходили,

Да вы госпуду-владыке не молились,
Всё ведь гнались за крестьянской работушкой;
Удивлялись многи добрые вам людюшки
И срекались спорядовые суседушки
Уже вам да всё победным головушкам!

.

4. О ПОТОПНИХ

Дочь вопит:

Спрядились мы за славное Онегушко
Во утлой малогребной этой лодочке,
С суседями, несчастны, не простилися,
Милосердому владыке не молилися,
Воску ярого свечей не затопляли,
Знать, судинушка по бережку ходила.
Страшно-ужасно голосом водила,
Во дни судинушка плескала,
До суженых голов да добиралась!
Тут от бережка, победны, откачулися,
От крутого мы, несчастны, отпихнулися,
В руки брали мы весёлышка дубовые,
Отправлялися за сине это морюшко.
Выезжали как на славное Онегушко,
Повевать стали ветрышки способные,
И мы мачты тут дубовы становили,
Тонки белы паруса мы распустили;
Вдруг по нашему великому несчастью,
По судьбы, видно, нашей бесталанной,
За тяжкое велико согрешенье,
По божьему господню повеленью
С-под холодной с-под северной сторонушки
Вдруг облака скорёшенько сходилися,
Наставала туча тёмная, неспособная,
Без дождя туча тёмная, без молнии,
Подымалася погода непомерная!
Вкруте буйны эти ветрышки завияли,
С торокамы эти ветры да ведь с западом;
Со хоромышков соломы посрывало,
Со могилушек кресты все сокидало,
На синём море вода вдруг сколыбалася,
Очень страсть как волна-то расходилася,
Пошла россыпь на синём море великая;
Тут дубова эта мачта приломалася,
Мала лодочка у нас да сколыбалася,
И скляпёшенько воды тут наливалося;
Добры людюшки во лодочке спугалися,
Дубовые весёлки с рук повыпали.

С этой страсти великой, с передрлоху
Мы с дү-другом парод ведь не простилися
И ясных своих оч да не крестили;
Мы не знали того сами, добры людושки,
Как смахнуло среди эта Опегушка
Во этую воду во глубокую!
Утонул отец с дитем да со родимым,
Ои со малым своим да недоросточком!
Едина, бедна дочі, я оставалася,
На сием море, девица, я шаталася,
Трон суючки, победна, колыбалася,
Со слезамы тут молитовку творила,
Со горячима пречистой богородице:
— «Ты спаси меня, царица-свет небесная!
Сохрани меня, Микола многомилостливой!
Буїны ветры в чистом поле укротились бы,
На сием море волна да уходилась бы!
Да ты дай-ко теперь, боже, дай-ко, господи,
Тиху тишиньку на сием на Опегушке,
Благодать да ты на круглом этом морюшке,
Мала лодочка теперь бы не шаталася,
Уже я, бедна девица, не цугалась бы;
Хоть прибило бы малу эту лодочку,
В острова хоть прибило не в бывалые,
В берега бы стащило незнакомые!»
С этой страсти у меня, с передрлоху
Обмирае моя зяблая утробушка,
Изменилось у победной бело личушко,
Красота с лица девочья потерялася
У мя стбячи во малой утлой лодочке!
За эту за дубовую оклочинку
Перетерло у мя тонки белы перески,
Приотерили тут девочьи белы рученьки,
Приозябли у мяя резвы эти пожепыки,
Задрожалося ретливое сердечушко!
От тошна горя, горюшна, стала плакать,
Стала думать я, несчастна, своим разумом,
Поклонюсь на все четыре на сторонушки:
— «Ты прости, прости теперь, да белой светушко!
Ой ты красное прости да ноньку солпышко!
Ты прости меня, родимая сторонушка!
Отдай прости, родитель моя матушка!
Вы простите, спорядовые суседушки!
Тайны милые простите, поровечнички!
Друг-советные, простите, мои подружки!
Ты прости да на белом свете живленьице!
Прости, господи, во тяжком согрешеньи!
Зпать, судьба мяя, девицу, повзыскала,

Для меня, видно, погода поднималась,
На синем море волна да сколыбалась,
Единая в малой лодочке осталась!»
Сговорю еще единое словечушко,
Сотворю да я Иисову молитовку,
Да я крест кладу, победна, по-писаному:
— «Ты повыручи, владыко многомилостливой,
Ты повыздынь-ко, победну, со снзя моря,
Не придай мне-ка смерти ты напрасной!
Буде, господи-владыко-свет, помилуешь,
Я ходить стаю во церковь посвященную,
Я к заутреям ходить да ко воскресным,
Я к обиденкам ходить да ко Христовским,
По вечеренькам ходить буду по троицким,
По измоге я свечей да ставить ярые;
Запродам да я любимую покрутушку,
Я придамся ко крестьянину богатому
Я во летные ему во работнички,
Я во зимные ему во коровнички,
Я возьму да золотой казны бесчетной,
Попрощу да я попов-отцов духовных,
Я служителей, победнушка, церковных,
Прослужу да я молебен богородице,
Я другой да тут владыке многомилостливу,
Отложу да я гульбища со весельцем,
Отменно да тихомерны все беседушки,
Я заброшу все унылы эти песенки!»
Как на синем море, победнушка, шаталась,
Много страсти я, победна, привидала,
Много страстьства я, победна, притерела!
Не радию я, победна, во добры люди
Этой страсти я великой на синем море,
День и ночь да в малой лодочке шатаюча!
Знать, молитовки ко господу доходные,
Сожалела пресвята мать богородица,
Стала тишилька на синем на Онегушке,
Белой свет да стал на широкой на улчке;
Мала лодочка ведь вдруг да ставовилася,
К круту бережку она да пришатилася!
Я никак да не могу тут образумиться,
Взять я ум-разум во буйную головушку,
Уже так, бедной горюше, мне всё кажется,
Быв на синем я на славном этом морюшке!
Тут Иисову молитву сотворила,
Я на крутой, красной берег выходила,
Я сама того, победна, раздивилася —
Знать, по моему девчъему моленницу,
По владыкнну, знать, понь благословленьцу

Вдруг прибило тут ко кру́тому ко бережку!
Я гляжу, бедна горюша, придумалась,
За какó ж да это место незнакомое?
Уж я во́ски ведь здесь не бываюча!
Тут я села на катучий белой камышек,
Я под этот под ракитовой под кустышек,
Я схватилась за родителя за батюшка,
Я за светушка-братца за родимого:
Во си́ём море оны, може, шатаются?
Пораздумаюсь победным своим разумом!
Я пойду да по дубравушке зеленой,
Я по темной этой роще по еловой,
Я вокруг пойду по кру́тому по бережку,
Я глядеть стану па все на три-четыре
на стороушки;

Примечать стану, печальная головушка,
Я по буйному глядеть стану по ветрышку,
Я по облачкам глядеть стану ходячим,
В депь по красному смотреть буду по солнышку:
С какой стóроны ведь ветры развеваются?
Куды темные леса да пагибаются?
В кою сторону идет да красно солнышко,
От востока ли оно идет ко западу?
Далеко ль моя родимая стороушка?
Вокруг острова пойду я красным бережком,
Призагрию эти резвы свои ноженьки,
Разману́ да я несчастны свои рученьки.
Распеки, да теплое красное ты солнышко,
Обогрей мое бессчастно ретливо сердце,
Ты девочки победны мои плечушки!
Обумись, моя бессчадна буйна гóлова!
Оглядитесь на свет, ясны мои очушки!
Повзыскать пойду родителя я батюшка,
Во-вторых да светушка братца родимого,
Я сердечного новозличка любимого:
Не прибило ли ко кру́ту красну бёрежку?
Погляжу, бедна кручинная головушка,
Межу этима катучима я камышкэм,
На камышке ль оны да не терзаются?
У бережка оны да не качаются ли?
Черны вороны телесов их не таскают ли?
Собаки ихны костья не волочат ли?
Во тяжких грехах без покаяния
Оны приняли смеретушку напрасную!
Телеса у их пойдут без погребения,
Не приданы ко матушке сырой земле!
Призавие буйным ветрышкэм,
Призагрие красным солнышкэм,

Западет тело снежочиком перистым!
Не знаем мы, победные головушки,
Ни умершей мы ихной там могилушки!
Лучше дал бы господь скорую смерётушку
На своей белой брусовой им на лавочке,
Во своем доме, крестьянской бы во жирушке;
Мы попов-отцов ведь тут да попросили бы,
В божью церковь посвященну мы спросили бы,
Честно-именно ведь их похорошили бы!
Мы бы знали, где могилушка умершая,
На владычной божий праздничек сходили бы!
Сномянули тут мы их да понахали бы!

Я пойду еще, печальная головушка,
Я по славному по крутому по бережку,
Я глядеть стану, сиротна красна девица,
Малых лодочек на шием на Онегушке,
Я ловцов глядеть на луды на подводной;
Я кричать буду, горюша, тухлым глобоском:
— «Не убойтесь-ко, народ, не утрашнитесь-ко,
Вы возьмите сироту да переймите-тко,
Души спасенье своей да залучите-тко!»
Знать, по моему талану по великому
Вдруг захопали весёлышка дубовые,
Показалась малогребна эта лодочка;
Вдруг наехали ловцы да добры молодцы.
Хоть ко бережку оны да становилися,
Оны в лодочке стоят да утрашилися,
На меня, бедну горюшу, огляднися.
Сговорят да тут ловцы-то добры молодцы:
— «Уже что это за чудо обчудилося,
Человек стоит на крутом этом бэрежку!
Что ведь горькима слезама уливается,
Что великой кручиной утирается?»
Тут повышли-то ловцы да добры молодцы
Со этой малогребной оны лодочки,
На этот на крутой красной бэрежок.
Тут я пала, горюша, о сыру землю,
Приклошлася, победна, во резвы ноги,
Стала клубышком во ноженьках кататися,
Стала червышком, победпушка, свиватися,
Горючима слезмы да их ножки обливать:
— «Не убойтесь-ко, народ, да не страшитесь-ко,
Вы возьмите сироту да переймите-тось,
Вы свезите-тко в какое е селепье!»
Оны подняли, победну, от сырой земли,
Стали спрашивать, победпушку, выведывать:

— «Ты откуль взялась теперь да с кем ты ездила,
Вы за красныма ль поехали за ягодмы?»
Отвечала я, победна, слезно плакала.
Говорят еще ловцы да добры молодцы:
— «Ты давно ль взялась на крутой здесь
на бѣрежок?»

— «Уже слушайте, народ да люди добрые,
Вы повирьте-тко победной мне головушке:
Я не знаю-то, победная, не ведаю
От толку сказать, победна, по-хорошему!
Не за красныма поехали за ягодмы,
Мы отравились за сине за Онегушко
Со родителем своим я со батюшком,
Во-вторых да со братцем со родимым,
Как в-третьих да я с суседом спорядовым.
Вдруг по нашему великому несчастью,
Как по этому злодийну бесталаньцу,
Вдруг поднялася погода непомерная,
Призавняли тут буйны столько ветрышки,
Потошло всех победных головушек,
Милого спорядного суседушка,
Желанного родителя-батюшка,
Сердечного света братца родимого!
Я не знаю-то, бессчастная головушка,
Уж я как спаслась, победна, сохранилась;
Трой суточки шаталась во Онегушке;
Знать, не сужено, победной мне головушке,
Потоцуть да мне на сипем на Онегушке!
Малу лодочку теперь да пришатало,
К круту бережку ведь ю да прибывало!
Сохранил меня господи, помиловал
От беды-смерти, победнушку, напрасной,
От воды меня, горюшу, от глубокой!
Кабы знали про то, светушки, бы ведали,
Сколько страсти приняла я, сколько ужаси!
Вы возьмите-тко скорее, люди добрые,
Переймите-тко, ловцы да добры молодцы,
Вы во эту малогребну меня лодочку,—
Холодпѣшепка, победна, голодпѣшепка!»

.....
Меня взяли тут ловцы да добры молодцы
Во эту малогребную во лодочку,
Отвезли меня за сипес Онегушко,
На милую родимую сторонушку.
Удивились народ да люди добрые,
Устрашались суседи спорядовые:
— «Это что теперь за чудо причудилося?
Со сипя моря ведь диво объявилося,

Как со мертвых она да восставала,
На родимую сторонку доставалася!»
Все собралися суседи спорядовые,
Объявили тут властям да оны сельским;
Приходили писаречки хитромудрые,
Садилися к столу да ко дубовому,
Вынимали лист бумаженьки гербовой,
Меня спрашивать тут стали да выведывать:
— «Где тонули ведь вы е да во синём море?
Да ты как, красна девица, оставалася,
На синём море ты в лодке сохранялася?»
Допросушки от бедшой отбирали,
На гербовой лист-бумагу обчинили
И становому то начальству доносили.
Тут боялася, победнушка, полóхалася —
Как прииде становой да веё начальничек,
Он куды кладет победную головушку?
Меня сошлют со родимой, може, родинки;
Буду страствовать, победна, слезно плакать?
Уж как я, бедна, кручинная головушка,
По горям теперь, победнушка, по пóзорам,
По допросам-то пошла да по великим!
Умом-разумом ведь наб да применитися,
Наб стоять да пред начальством мне шататися,
Говорить надо, победной, не мешатися.
Отвечать буду, победна, таково слово:
— «Я не знаю ведь, горюшица, не ведаю,
Уже что да ведь над нама сочинилось!
Буйны ветрышки ведь е да поразвилялись,
Уже вкруте тут волпа да расходилася,
Пал ведь тóрок теперь да пeудольной,
Сильной сивер-то завиял тут свиреной,
Мала лодочка у нас да сколыбалася,
Дубовá мачта на пей да приломалася,
Тонки белы паруса вдруг обрывалися,
Утонул да тут родитель милой батюшко,
Света братца тут смахнуло буйным ветрышком
Середа да сия славного Онегушка,
Тут же сбросило спорядного суседушка,
Их смахнуло разом в водушку глубокую!
Я сама себя, победнушка, не знала,
Уж я как да на синём море спасалася,
Трои суточки я без вести качалася;
Тут прибило ко крутому ко бережку,
К темну острову меня да не к бывалому;
Тут повышла я на матушку сыру землю,
Я на этот на крутой красной бёрежок;
Тут приехали ловцы да добры молодцы,

Отвезли меня, сиротну бедну девушку,
На родимую меня да на сторонущку;
Спорядовые суседи собиралися,
Дива дивного оны тут дивовалися,
Сожалили все печальную головушку!
Ты помилуй-ко, судья да правосудная!
Ты снаси меня, власть да милосердная!
Не молила я родителю погибели,
Не топила света братца я в синём море,
Не спустила я суседа в глубоку воду;
Знать, судьба да их такая сустигала,
Их судишушка голов да повзыскала!
Но владыкину господню повеленью,
Знать, им сужено ведь смерть принять потоншая,
Потонуть да, знать, им сужено в синём море!
Я не знаю же, победшушка, не ведаю,
Може, прибило где к крутому ко бережку,
Телеса, може, на камышках терзаются,
Може, птиченька ведь их да патаскается!
Смилосердуйся, судья да правосудная!
Не пзьянь-ко ты победную головушку,
Не зори меня, сиротну красну девушку!
У мяя нет да золотой казны бесчетной,
Нету скатных, перебранных отдать жемчужков,
Задарить тебя, судью несправосудную!»
Не острастил-то пачальник, не сполохал,
Потихошеньку подпал он к красной девушке,
Не свирепо он со мной да разговаривал,
Он погладил-то по младой по головушке,
Умилёншеченько меня да он выспрашивал:
-- «Ты по своему скажи да по девичеству,
Но души скажи теперь да ты по правдушке.
Ты о страсти своей да скажи ужасти,
Что случилось у вас да сочинилось?»
Удивился он судьбы моей несчастной.
Сговорил он мне, победной, таково слово:
— «Верно, господу молилась от желашница,
Богородице молилась с горючмы слезмы,
Не соробела печальна, не сполохалась,
Ты шатаюча на синем на Онегушке!
Уж как этыма темныма-то нощешкам,
Торок-буйны очень ветры развеваются,
Страшно-ужасно вода да колыбается,
Шибко лодочка теперь да расшатается;
Ты держалась за дубовую оклочипку,
Перетерло твои белы эты рученьки!»
Сговорил да стаповой еще начальничек,
Он народу сговорил да людям добрым:

— «Да вы съездите за сипе за Онегушко,
Пощите телеса да там бездушные.
Буде пайдете потонных — схорощте-тко,
Телеса до ко сырой земле предайте-тко!»

К соседям:

Вы послушайте, споридные суседушки:
Как сегодня, учетным долгим годышком
Па наше па хоромное строещице
Прилетела лесова птица незнамая,
Как садилась па хоромное строещице,
Она укула-то, птица, по-зверинному,
Как свистала эта птица по-зменному!
Уж мы тут, бедны горюши, устращилися,
Темной ночью от кренка сна прохвятилися:
— «Что что у нас за зверь да сидит ўкаст
И страцат да нас, победных, полохает?»
Всё я думала победным своим разумом:
Знать, беда приде победным нам напрасная,
Пожар там па хоромное строещице
Либо мор да па любимую скотинушку!
Не начаялась, победна, не падиялась
Я над милым родителем, пад батюшком;
Я не думала про братца про родимого,
Что потон буде па снем па Онегушке!
Ночь у нас да у печальных головушек
Така да е обидушка песносная!
Не радела бы, обидна красна девица,
Я бы вбропу, победна, во темных лесах,
Не радела бы суседям спорядовым
Я потопу бы па снем па Онегушке!
Я привидела, победна, много горести,
Натерзалася, победна, нашаталась,
Со белым светом, победна, напроцалася!
Я не думала, несчастна красна девушка,
Что быть да мне, победной, па святой Руси,
Что ходить, бедной горюше, па сырой земле!
Ночь судил да боже-господи
Мне-ка быть да па родимой па сторонушке,
Во победном во сиротском теплом гнездышке,
На своей мне-ка брусовой белой лавочке!
Знать, подружки обо мне да помолчилися,
Видю, девушку меня да пожалили!
Вы послушайте, народ да люди добрые,
Подойдите-тко, души да красны девушки,
Да вы ставьтесь-ко под праву ко мне рученьку!

С этой страсти у меня да с переполоху
Буйна голова, у беднушки, не гладится,
Прядка с прядкой в русой косы не сплетается,
Побусили жемчуги да перебрапые,
Изорикавели колечка золоченые!
Быв с того свету, горюша, объявилась,
Со снтя моря, горюша, выставляла!
Не дай господи того да на белом свете
Уже быть да ведь на страсти такой ўжастн!

К матери:

Ты послушай же, родитель моя матушка!
Хоть меня да ты, родитель, спородила,
Во несчастной день, победнушку, засияла,
Ты не участью-таланом паделяла;
Приносила хоть в хоромное строепыце,
Не в большой угол меня да полагала,
На кирпичную, зпать, печеньку лоячила
И сосновую лучину подстинала,
Тут великим несчастьем награждала!
Столько жаль бедной горюше мне, тошнешенько,
Великого родительска желашпыца,
Светушка братца родимого
И милого спорядного суседушка!
Как могучий я был бы богатырь,
Кабы силушка была у мня звершная,
Потяги да у мня были лошадиные,
Пакатала бы катучих белых камышков,
Загрузила бы я славное Онегушко!
На снйём море волна бы не сходилася,
Со желтым песком вода бы не мутилася,
Малогребных этих лодок не шатало бы,
Тонких белых парусов не обрывало бы,
Бесовишньных голов да не тошило бы,
Уж как мужннх бы жен да не слезило бы,
Сирот малых детей не оставляло бы!
Теперь всё прошло у нас да миновалося,
Со тоской-горькой кручиной я позналася,
Талан-участь на снйём море оставила,
Мое счастье в синем море утопуло всё;
Ночь решилося великое весельце,
Миновалося любимо доброумьце!
Надо слыть да бедной дочери безотпей,
Как печальной сестры да мне безбратней,
Ночь не красит-то любимая покрутушка,
Не цветет да на мне цветно это платьце!
Как не жемчужком головка изнасяша —
Великой кручинушкой паделена,

И. А. ФЕДОСОВА

ИЗБРАННОЕ

Петрозаводск „Карелия“ 1981

Ф 33
ББК 82.3Р—6
РФ

Составление,
вступительная статья и комментарий
К. В. Чистова

Подготовка текстов
Б. Е. Чистовой и К. В. Чистова

НАРОДНАЯ ПОЭТЕССА

«Народная поэтесса», «истинно народная поэтесса» — так назвал М. Горький заонежскую крестьянку Ирину Андреевну Федосову. Он был прав. Ее поэтическое наследие — явление выдающееся и вместе с тем уникальное в истории русской поэзии. Но возникает вопрос: может ли быть названа «поэтессой» неграмотная деревенская женщина, исполнительница традиционного фольклора, как бы хороши ни были песни или другие фольклорные произведения, которые она исполняла? Или иначе — «поэтесса» ли она в том смысле, в каком мы называем поэтами Пушкина, Тютчева, Блока или поэтессами — Ахматову, Цветаеву, Берггольд?

Ответ на этот вопрос совсем не прост.

И. А. Федосова знала и цела старинные песни, исполняла причитания, рассказывала сказки. Все это она умела делать мастерски и с подлинным поэтическим чувством. Однако хорошего оперного певца, эстрадного исполнителя песен, запевалу хора или драматического артиста, читающего с эстрады сочиненные каким-нибудь писателем рассказы, не принято называть поэтами, как бы поэтичны ни были их выступления.

Известно, что традиционный фольклор был коллективным творчеством. Старинная песня возникала на основе традиции и, входя в традицию, совершенствовалась сотнями исполнителей, которые перенимали ее друг от друга. Поэтому достоинства той или иной песни нельзя приписать какому-нибудь одному исполнителю. Он прежде всего исполнитель (потому что воспроизводит что-то уже готовое), хотя обычно в какой-то степени и поэт, поскольку одновременно участвует в совершенствовании исполняемых им песен. При этом надо иметь в виду, что старая фольклорная традиция допускала варьирование и даже изменение текста или отдельных его элементов в определенных пределах.

В поэтическом наследии Федосовой явственно различаются две группы текстов, записанных от нее собирателями фольклора. Одна группа — это традиционные былины, баллады, свадебные, рекрутские и лирические песни. Она исполняла их в том виде,

в каком восприняла от других певцов. В этом случае она действительно поэтесса только отчасти, как бы хорошо она их ни исполняла.

Вторая группа текстов (наиболее обширная и преобладающая) — это записанные от нее похоронные, рекрутские и свадебные причитания. М. Горький, по-видимому, прежде всего их и имел в виду. Они созданы ею самой, хотя, разумеется, тоже на основе традиции, выработанной сотнями, может быть, даже тысячами ее предшественниц. Именно в этом жанре она и выступает как поэтесса в более точном смысле этого слова, несмотря на то, что всю жизнь оставалась неграмотной и не могла записать то, что сочиняла. О возможности и необходимости записывать причитания она впервые услышала от фольклористов. Сама она такой потребности не испытывала. Тексты, которые она создавала, не предназначались для чтения — они были обращены к слушателям. Большинство из них не было записано и пропало для последующих поколений.

Каждое причитание (мы расскажем позже, почему и как это происходило) как бы создавалось запово. Традиционным при этом был не текст, а приемы причитывания и умение причитывать и, конечно, большое число устойчивых словесных формул, своеобразных словесных заготовок, которые использовались — как это предписывалось обрядом и диктовалось конкретной бытовой ситуацией в меру знаний, умения и поэтической одаренности — причитывающей женщиной. Таким образом, причитания были жанром устной народной поэзии, который не только допускал, но и предполагал большую степень творческой инициативы, личного творчества. Поэтому создательниц причети, тем более такого выдающегося мастера этого жанра, как Федосову, мы действительно можем называть поэтессами.

И. А. Федосова была чрезвычайно талантлива, и вместе с тем она очень активно использовала поэтические достижения многовековой традиции бытового причитания. Она была типичной крестьянкой своего времени, тысячами путей связанной с повседневной деревенской жизнью, с ее горестями и радостями, с ее невероятными тяготами и их героическим преодолением. Все это и делало ее «народной поэтессой» и «истинно народной поэтессой», как называл ее А. М. Горький. Чтобы понять это, современному читателю надо не только представить себе жизнь севернорусского крестьянства прошлого века, но и преодолеть своеобразный языковой «барьер». Тексты, включенные в настоящий сборник, отражают подлинную старинную (или «досюльскую», как позже стал называть ее сам народ) заонежскую речь, довольно сильно отличающуюся от современного литературного языка. Эта речь — не курьез или проявление неграмотности, а своеобразный и очень богатый самостоятельный вариант русского языка, на котором много веков говорили крестьяне севернорусских областей. Поэтические произведения, созданные на этом языке, так же не по-

ски на романы, созданные писателями наших дней, как не похожи севернорусские крестьянские избы и деревянные храмы, вошедшие в историю мировой архитектуры, на современные городские дома. Кстати, один из наиболее известных деревянных архитектурных комплексов Кижи создан земляками Федосовой. Деревня, в которой она жила, находится там же, на заонежском полуострове, в нескольких десятках километрах от Кижей.

Читателю, который впервые будет читать причитания И. А. Федосовой, следует запастись терпением, не пожалеть усилий и постепенно вчитываться в текст, привыкнуть к нему. Совершенно такая же привычка и такое же терпение нужны для того, чтобы с толком прочитать «Слово о полку Игореве» или «Моление Даниила Заточника», понять и оценить какое-нибудь произведение древнерусской живописи или древнерусской архитектуры. Усилия, затраченные при этом, окупаются сторицей. Приобретается столь необходимый исторический взгляд на национальную культуру, понимание глубинных народных корней.

Русскую культуру, как и всякую другую, мы должны знать во всех ее слоях и вариантах, а не только в слое, хронологически ближайшем к нам. Можно утверждать решительно, что и современную нам русскую культуру мы не сможем понять, не познакомившись основательно с литературой Древней Руси, литературой XVIII века и русским фольклором. Поэтическое наследие замечательной заонежской крестьянки Ирины Андреевны Федосовой — одно из высших достижений поэтического творчества русского крестьянства прошлого и тем самым неотъемлемая составная часть поэтической культуры народов нашей страны и народов Европы в целом. Оно уже давно и справедливо оценено русскими учеными, литераторами и музыкантами, но, к сожалению, до сих пор издавалось мало и редко.

Настоящее издание призвано хотя бы отчасти заполнить этот пробел. Оно содержит избранные тексты, записанные от И. А. Федосовой.

* * *

Ирина Андреевна Федосова родилась в д. Сафроново Вырозерского сельсовета, входившего по дореволюционному административному делению в состав Толвуйской волости Петрозаводского уезда Олонецкой губернии. Ее родителей звали Андрей Ефимович и Елена Петровна Юлицы¹.

Год рождения И. А. Федосовой установлен предположительно, т. к. документы, связанные с ее рождением, пока не найдены. Когда Федосова стала знаменитой, ученые и журналисты пытались

¹ Подробное изложение биографии см.: *Чистов К. В.* Народная поэтесса И. А. Федосова. Петрозаводск, 1955, с. 43 — 163; *его же.* Русские сказители Карелии. Очерки и воспоминания. Петрозаводск, 1980 (гл. «И. А. Федосова»).

спрашивать ее о возрасте, но она не могла ответить достаточно точно. Объясняется это просто. В отличие от мужчин, которым важно было знать свой год рождения, т. к. это было связано со службой в армии, крестьянской женщине в старой русской деревне это было совершенно ни к чему. Дело, разумеется, не в недостатке арифметических познаний — каждая деревенская женщина, конечно, владела счетом в пределах первой сотни. Важен был не точный счет лет, а принадлежность к определенной половозрастной группе — девочка, девка, девка на выданье, молодуха, баба, старуха. Федосова твердо знала, что замуж она вышла 19 лет, 13 лет прожила за первым мужем, год была вдовой, затем 20 лет прожила со вторым мужем. Второй ее муж умер, когда Федосова уже была известна фольклористам; год его смерти — 1884 — оказался точно отмеченным. Следовательно, родилась она, вероятно, в 1831 году.

Характерно, что в многочисленных статьях и заметках в газетах и журналах 90-х гг., сообщавших о публичных выступлениях Федосовой, о ее возрасте говорится крайне противоречиво (от 70 до 98 лет). Это свидетельствует только об одном: когда ей было шестьдесят лет с небольшим, она выглядела старухой — значит, жизнь ее была нелегкой. Когда в 1886—1888 гг. О. Х. Агренева-Славянская спросила Федосову о возрасте, она ответила шуткой: «Сколько было вчера — того нет! Под столом ходила — хворост носила; переросла — коров донть пошла; косу отпустила — в коровниках служила; пора настала — с молодым гуляла; пора прошла — замуж пошла; замужем двадцать лет жила — тяжело горюшко несла; овдовела — осиротела! Вот тебе и весь сказ! А когда родилась — память извелась!»¹

Семья, в которой родилась Федосова, была многочисленной (22 человека). Трудиться она начала еще в раннем детстве. По ее словам, уже «восьми год апала, на каку полосу сколько снить»². Очень рано, с 12—13 лет, она прославилась в окрестных деревнях, а позже и по всему Заопечью как прекрасная исполнительница песен и мастерица «водить свадьбы». В детстве она упала с коня и осталась хромой на всю жизнь. Видимо, поэтому она, по тогдашним деревенским понятиям, «засиделась в девках», вышла замуж только 19 лет, и то за шестидесятилетнего вдовца с детьми. Это был Петр Трифонович Новожилов из д. Сидоровой в Кузаранде — большой группе деревень южнее Вырозера. Характерно условие, которое Федосова поставила своему мужу, — не препятствовать ей «ходить по свадьбам». «13 лет жила я за ним, — рассказывала Федосова Барсову, — и хорошо было жить;

¹ О. Х. Агренева-Славянская. Описание русской крестьянской свадьбы, ч. III. Тверь, 1889, с. 199.

² Сведения о вопленицах, от которых записаны причитания. Ирина Федосова. — В кн.: Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым, ч. I, М., 1872, с. 315.

он меня любил да и я его уважала; моего слова не изменил, была воля идти, куды хочешь»¹.

Первые встречи И. А. Федосовой с собирателями относятся к середине 60-х гг. К этому времени она успела овдоветь и вторично выйти замуж. Муж ее, Яков Иванович Федосов, был столяром и обычно уходил из деревни на заработки. Нелады с родственниками мужа, склонность его к пьянству и, с другой стороны, непривычность его к обычному деревенскому труду — все это побуждало И. А. Федосову найти такой вариант семейной жизни, при котором муж мог бы заниматься своим ремеслом, которым хорошо владел, а она — не расставаясь с мужем — была бы хозяйкой в доме. Она стала настаивать на переезде в Петрозаводск и добилась того, что он открыл столярную мастерскую. Это обеспечило им сравнительно безбедное существование — у Якова Ивановича появились даже подмастерья. Ирина Андреевна твердой рукой вела хозяйство семьи, но отучить мужа от пьянства не смогла. После смерти двух детей она взяла на воспитание трехмесячного племянника Ивана (сына Тимофея Ивановича Федосова), которого впоследствии усыновила.

По свидетельству Е. В. Барсова, подтвержденному Г. И. Куликовским, в 1865—1866 гг. Федосову разыскал П. Н. Рыбников и «записал от нее несколько былин»². Это сообщение весьма интересно, но до сих пор остается загадочным во многих отношениях. Замечательно оно тем, что в нем упоминается знаменитый «открыватель» севернорусского эпоса П. Н. Рыбников. С другой стороны, трудно объяснить, почему Рыбников не опубликовал записи от Федосовой в своем сборнике и ничего не написал о ней в своей «Заметке собирателя». Правда, судя по позднейшим записям, Федосова отнюдь не принадлежала к выдающимся знатокам и исполнителям былин. Барсов записал от нее только одну былинку — о Чуриле Пленковиче, Агреева повторила запись и добавила к ней былинку «Добрыня и Алеша». Многочисленные отчеты о выступлениях Федосовой в 90-е годы тоже не содержат сведений о том, что она знала другие былины, — в них неизменно упоминается былина о Добрыне. Поэтому остается непонятным, какие «несколько былин» мог записать Рыбников.

Рыбников публиковал не только былины. В последних выпусках своего сборника он одним из первых среди русских фольклористов обратился к причитаниям. Странно, что среди напечатанных им текстов нет записей от Федосовой. Правда, в сборнике есть несколько недокументированных даже в географическом смысле записей, но ни одну из них нельзя с достаточной долей вероятности приписать Федосовой³. Остается предположить, что

¹ Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым, ч I, М., 1872. с. 320.

² Барсов Е. В. Ирина Федосова и ее песнопения. — Газ. «Московский листок», 1896, № 14, прилож.; Куликовский Г. И. Олонецкая народная поэтика И. Федосова. — Олонецкие губернские ведомости, 1896, № 4.

³ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. IV, СПб., 1867.

Рыбников встретил Федосову только в последние месяцы своего пребывания в Петрозаводске, когда четвертый выпуск его сборника, печатавшийся в Петербурге, уже был передан в типографию.

В феврале 1867 г. Е. В. Барсов, видимо независимо от Рыбникова, разыскал И. А. Федосову и начал от нее записывать. Он пишет об этом так: «Крестьянин Матвей Савельевич Фролов, у которого я стоял на квартире, когда служил в Петрозаводске, в разговорах со мной о разных олонецких старинах как-то сообщил мне, что у них в Заопечье очень жалобно причитают на свадьбах и похоронах, что там есть вопленицы на славу и слушать их собираются целые деревни; что он лично знает одну из таких воплениц — Ирину Андреевну, в деревне Кузарице, за Яковом Федосовым. Я попросил во что бы то ни стало вызвать ее в Петрозаводск; оказалось между тем, что она уже несколько лет тому назад перестала ходить по свадьбам и похоронам и живет в самом Петрозаводске. Я отыскал ее и расспрашивал о причитаниях, но она решительно объявила, что ничего не знает и сказывать не умеет и с господами никогда не зналась. Однако ж благодаря посредничеству моего хозяина, который по старому знакомству уверил ее, что человек я неопасный, она откровенно призналась, что знает очень многое, что с молодости ей честь и место в большом углу, что на свадьбе ли запоет — старики запляшут, на похоронах ли завопит — каменный заплачет: голос был такой вольный и печальный»¹. В газетном сообщении Барсов рассказывал об их знакомстве короче, но не менее выразительно: «В отношении ко мне сколько она была недоверчива сначала, столько же сделалась откровенной впоследствии, но постоянно повторяла: «Не сошли ты меня на чужу дальню сторонушку»².

Первые записи Е. В. Барсова от И. А. Федосовой были вскоре опубликованы в «Олонецких губернских ведомостях». Состав этой публикации может показаться странным с точки зрения всего того, что мы теперь знаем о сказительнице. Это были 10 духовных стихов, былины о Чуриле, которую мы уже упоминали, и баллады: «О девяти братьях-разбойниках», «Василий и Софья» и «Казань-город»³. Однако в послесловии Барсова к 1-му тому «Причитаний Северного края» мы находим естественное объяснение состава первых записей. Он пишет: «Я познакомился с ней в великом посту 1867 года и тотчас же начал записывать от нее духовные стихи и старины; диктовать что-нибудь другое (т. е. причитания или песни. — К. Ч.) она считала грехом. После пасхи я принял за причитания»⁴.

Обстановка первых встреч Федосовой и Барсова рисуется, таким образом, очень живо и, надо полагать, весьма правдиво. Зао-

¹ Барсов Е. В. Причитания Северного края... ч. I, с. 313—314.

² *Он же*. Олонецкая плакальщица — Современные известия, 1870, № 212.

³ Олонецкие губернские ведомости, 1867, № 11—14.

⁴ Барсов Е. В. Причитания Северного края... ч. I, с. 313—314.

ишская крестьянка, прожившая тяжелую жизнь и проявившая незаурядную волю к самостоятельности, впервые в жизни встречается с барипом. Она не склонна доверять ему и посвящать его в свой мир мужичьих переживаний, она понимает, что ее причитания могут оказаться не по душе барам. Она сама диктует порядок записи, и Барсову приходится считаться с ее представлениями, что гоже и что негоже делать в пост. Не менее замечательно это ее «не сошли ты меня на чужу дальну сторонушку». При этом прежде всего вспоминаются такие причитания Федосовой, как «О старосте», «О писаре», «О попе-отце духовном», «О потопших», «Об убитом громом-молвией» и рекрутские причитания. Не случайно они стали предметом живой дискуссии в русских журналах того времени, вызвали горячий отклик органа революционных демократов «Отечественные записки» и резкое осуждение правой печати¹.

Запись текстов, составивших позже I том «Причитаний Северного края», продолжалась с перерывами до мая 1867 г. К этому времени Барсову стала ясна возможность продолжения работы и перспектива издания многотомного сборника. По крайней мере, в очередном сообщении «Олопецких губернских ведомостей» говорится уже о том, что первый том готов². С конца 1867 г. и до мая 1868 г. Барсов записывает от Федосовой рекрутские причитания, вошедшие позже во второй том. Параллельно с этими записями или после них (у нас нет об этом точных сведений, но, по крайней мере, определенно до 1870 г.) Барсов записывал тексты, составившие III том сборника, т. е. свадебные причитания. В 1870 году он уже покинул Петрозаводск, для того чтобы переселиться в Москву, т. к. был приглашен на работу в известный Румянцевский музей.

Издание трех томов растянулось почти на пятнадцать лет (I том вышел в 1872 г., II — в 1882 и III — в 1885 г.). Объясняется это различными причинами. Надо иметь в виду, что фундаментальный трехтомник потребовал от издателя немало времени для его подготовки. Кроме того, до военных реформ 60—70-х гг. рекрутские причитания едва ли могли быть одобрены цензурой. В 1885 г. они были изданы как «отражение прошлого». Первый том был, видимо, готов к печати уже ко времени отъезда Барсова из Петрозаводска. Оставалось найти средства для его издания. Они были выделены Обществом любителей российской словесности. Специальная комиссия Общества (П. А. Бессонов, Н. О. Беляев и Н. А. Чаев) разработала инструкцию, определявшую дальнейший ход работы над сборником. Из этой инструкции видно, что Барсов представил на рассмотрение Общества сборник причитаний

¹ Ср. Михайловский Н. К. Литературные и журнальные заметки. Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым. — «Отечественные записки», 1872, № 11, с. 149—175 и, например, Н. Покровский. Рассказы из крестьянского быта. — «Гражданин», 1872, т. IX, с. 16 — 18.

² Олопецкие губернские ведомости, 1867, № 47.

талий, записанных только от Федосовой, и при этом его записи тщательно передавали особенности заонежского говора. Комиссия же считала, что язык причитаний должен быть подчищен — рекомендовалось выбросить все вставные частицы и «утомительные окончания уменьшительных слов», что привело бы к парусиному ритму и стилистическим особенностям причитаний. Кроме того, комиссия высказывала также пожелание превратить сборник в общерусскую антологию причетий¹. Мы не знаем всех деталей переговоров Е. В. Барсова с комиссией, однако очевидно, что инструкция не была им соблюдена полностью. Он нашел компромисс — язык причитаний не редактировался или, по крайней мере, редактировался весьма осторожно. Что же касается единичных и довольно случайных еще к тому времени записей причитаний из различных районов России, то они были введены в сборник как сравнительный материал к текстам Федосовой и некоторым другим олонекским исполнителям причетаний. Время для создания общерусской антологии явно еще не пришло. Таким образом, сборник остался областным («Причитания Северного края») и прежде всего Федосовским (ей принадлежало 17 текстов, занявших 272 страницы, в то время как четверем другим исполнительницам — А. Нервцевой, М. Федоровой, А. Лазорихе и К. Мамоновой — 5 текстов на 26 страницах). В приложении к сборнику давалось пространное описание жизни Федосовой, записанное с ее слов, в то время как о других исполнительницах сообщались лишь краткие сведения.

Сборник, составленный Е. В. Барсовым, стал первым в мировой фольклористике специальным сборником причетаний. Его появление было расценено как весьма значительное событие. Он встал в сознании современников рядом с такими знаменитыми фольклористическими изданиями того времени, как сборники былин Киреевского, Рыбникова, Гильфердинга и сборник сказок Афанасьева.

В учебниках по фольклору и в исследованиях по истории фольклористики постоянно встречается утверждение: Барсов открыл причетания так же, как Рыбников открыл былины. Это правильно, не считая того, что до Барсова о причетаниях было известно значительно меньше, чем о былинах до Рыбникова. Действительно, к 60-м гг. XIX века былины были уже известны по сборнику «Древнерусские стихотворения Кирилы Данилова», по первым выпускам сборника П. И. Киреевского и некоторым другим менее значительным публикациям². Что же касается причетаний, то до Барсова появилось только несколько отдельных текстов в этнографическом многотомнике А. И. Терещенко «Быт русского народа», где они давались в прозаическом пересказе, в «Пермском

¹ Государственный исторический музей. Фонд Е. В. Барсова (52074, прилож. к л. 4). Подробнее об инструкции см.: К. В. Чистов. Народная поэтика И. А. Федосова... с. 77 — 79.

² Астахова А. М. Былины. Итоги и проблемы, Л., изд. АН СССР, 1966.

сборнике» и в третьем томе «Песен, собранных П. Н. Рыбниковым». Даже такой знаток быта и фольклора русского крестьянства, как П. И. Мельников-Печерский, как показали недавние исследования, до выхода в свет сборника Барсова имел еще весьма смутное представление о смысле и функции причитаний, и термин, обозначающий этот жанр, употреблял неточно¹. Таким образом, не отвергая правомерности обычного сопоставления Рыбникова и Барсова, можно было бы сказать, что Рыбников открыл русской науке интенсивное и живое бытование былиц на Русском Севере, Барсов же вообще впервые открыл существование причитаний в быту русской деревни. Причитания после его сборника были впервые осознаны как специфический жанр. В сборнике было издано большое количество первоклассных текстов, а предисловие к I тому стало первым в русской и мировой фольклористике специальным исследованием о причитаниях. Вышедшие позже второй и третий тома сборника Барсова расширили представление о причитаниях, но они уже не воспринимались как открытие.

Причитания — обрядовый жанр, известный почти всем народам мира². Однако большинству народов известны только похоронные причитания. Традиционный похоронный обряд предусматривал не только определенные обрядовые действия, но и произнесение словесных текстов, в которых должно было выражаться как сожаление об умершем, так и отчаяние оставшихся в живых. Считалось, что причитания имеют не только эмоциональное, но и магическое значение — они облегчают покойнику путь в иной мир и оберегают живых от дальнейшего воздействия злых сил. Они произносились в определенной обстановке, им передавалось то эмоциональное перенапряжение, которое владело горюющими, они как бы намагничивались чувствами скорбящих и производили необыкновенно сильное впечатление. Они не только выражали и концентрировали переживаемое, но и способствовали эмоциональной разрядке. Если согласно русской поговорке «слезы помогают горю», то причитания способны «помочь» ему еще в большей мере — горящая не только плачет, но и выговаривает свое горе, облегчая свою душу, делится своим горем с близкими людьми, осмысляет свою беду и тем самым готовится преодолеть ее.

Если у большинства народов мира в прошлом был известен похоронный обряд и причитывание считалось обязательным, то сами причитания были развиты в разной степени. В некоторых случаях это были только прозаические выкрики, которые объединялись в небольшие по своим размерам тексты. Развитой поэтической системы при этом не возникало. В других случаях это были стихотворные тексты, тоже сравнительно небольшие по своим

¹ Чистов К. В. П. И. Мельников-Печерский и И. А. Федосова. — В сб.: «Славянский фольклор». М., Наука, 1972, с. 312 — 327.

² Наиболее обстоятельный обзор см.: Durič V. M. Tužbalica u svetskoj književnosti. Beograd, 1940.

размерам, которые произносились распевным речитативом. Таковы были похоронные причитания сербов, черногорцев, болгар, корсиканцев. И лишь у некоторых народов на почве традиционного обрядового причитывания сформировался не только вполне самостоятельный, но и весьма развитый фольклорный жанр, который органически входил в похоронный, в свадебный и рекрутский обряды и даже известен во внеобрядовой бытовой форме. Так, причитания заняли заметное место в жанровой системе фольклора ряда народов Восточной Европы (русских, карел, коми, мордвы, некоторых тюркских народов и др.).

Почему в одних случаях причитания приобрели такое значение, а в других остались менее развитыми, сказать трудно. Так, например, у трех близкородственных восточнославянских народов, живших на протяжении столетий в весьма сходных социальных условиях, причитания также развиты в разной степени. У украинцев это, как правило, довольно лаконичные и только слегка ритмизованные похоронные причитания-выкрики, у белорусов и в некоторых районах у русских — стихотворные, но не очень развернутые причитания, и то время как в большинстве русских и особенно севернорусских районов это развитый поэтический жанр. Кроме похоронных, свадебных и рекрутских здесь распространены были причитания на болезнь, пожар, голод, падеж скота, неурожай, семейные неурядицы, проявления социального гнета и вообще в связи с любым печальным или трагическим событием в крестьянском быту.

В отличие от грустных протяжных песен, тоже связанных специальными темами, причитания не имели устойчивого текста и определенной фабулы; чувства исполнительницы выражались в поэтических импровизациях, создававшихся в них при помощи привычного круга поэтических образов и словосочетаний, употребление и выбор которых для каждого случая более или менее индивидуальным или даже одноразовым.

Как и всякий жанр устной поэзии, причеть отвечала определенным потребностям народа, имела самостоятельную бытовую и художественную функцию. В отличие от былин, сказок, лирических песен, которые могли исполняться в любых условиях и для бытования которых пужны были только желание исполнителя и интерес слушателей, причеть звучала лишь в самые трагические моменты жизни крестьянства, когда обнажались все тяготы и противоречия и особенно ясным становился ужас подневольного существования, когда умолкала и веселая песня и занимательная сказка.

Причитывающие женщины не ставили перед собой сознательных художественных задач, как певцы песен или рассказчики сказок. Они стремились как можно яснее и сильнее выразить владевшие ими скорбные чувства. Постоянная взволнованность, неподдельная искренность переживания, пример старших женщин, у которых они учились причитывать, помогали им отыски-

вать особенно выразительные поэтические средства, заставляли их максимально использовать и в то же время обогащать опыт устной традиции, поднимаясь до предельных высот поэтического выражения человеческих чувств. Поэтому наследие мастеров русской причеты, среди которых И. А. Федосовой бесспорно принадлежит самое почетное место, представляет собой значительную художественную ценность; в нем с большой силой проявился поэтический дар русского народа.

Читая причитания, не следует забывать, что они, как и любой другой фольклорный жанр, не могли отразить все стороны крестьянской жизни, крестьянской психологии и мировоззрения. Исполнительницы причитаний, так же как и другие русские крестьяне, участвовали в создании русских былин и песен о Разине и Пугачеве, удалых бурлацких и «разбойничьих» песен, веселых плясовых частушек, волшебных сказок и многого другого. В этой связи понятней становится мысль, высказанная еще В. Г. Белинским о русских народных песнях: «Грусть у него (т. е. у русского человека. — К. Ч.) не мешает ни иронии, ни сарказму, ни буйному веселью, ни разгулу молодечества: это грусть души крепкой, мощной и несокрушимой»¹.

Так же как грустная тональность многих русских народных лирических песен, тексты причитаний — документальные исторические свидетельства многовековой тяжести жизни трудового народа дореволюционной России. Они помогают нам глубже проникнуть в прошлое русского народа. При этом важно подчеркнуть, что причитания были исключительно женским жанром, они исполнялись крестьянскими женщинами, веками испытывавшими двойной социальный гнет — общественный и семейный. В народной причете исключительно ярко проявилась удивительная сила духа простой деревенской женщины, ее воля и умение противостоять жестоким жизненным обстоятельствам.

В том сборника «Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым», изданный собирателем в 1872 г., имел подзаголовок «Плачи похоронные, надгробные и надмогильные». Барсов, как уже говорилось, стремился с возможной точностью записать то, что слышал от Федосовой. Однако тексты, записанные им, видимо, отличались от того, что можно было услышать в Запожье и на обычных деревенских похоронах, свадьбах или проводах рекрута. Дело не только в исключительной даровитости Федосовой. Сравнивая причитания Федосовой с записями от других запожских исполнительниц причитаний, мы видим, как обрядовое причитание, насыщенное традиционными формулами и словосочетаниями, обычно как бы лишенное внутреннего движения и накрепко связанное с отдельными этапами обряда, превращается в развернутые плачи-поэмы, развивающиеся по единому замыс-

¹ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений, т. 5. М., изд АН СССР, 1954, с. 442.

лу. Определенную роль сыграло и то обстоятельство, что известные нам тексты Федосовой исполнены были ею вне обряда, специально для записи. Именно это, видимо, заставляло Федосову вводить в текст причети описание каких-то элементов обстановки, в которой могло звучать то или иное причитание. Характерно в этом смысле, например, начало «Плача о свате» (№ 9 настоящего сборника). Перед стихотворным текстом мы находим здесь своеобразную прозаическую экспозицию: «Невесткина свекровь отправляется на похороны свата — отца невестки. Сказали: «Сватушка живого пет! Вот тебе сватушко! Бог убрал — конец бревна урвал! Большак, спусти на похороны — сватушка похоронить, в последний уж проводить до церкви божьей: доброй был!». Снарядилась, пошла путем-дорогой, горой-водой, лесом-парусом. На крыльце встречает ее сватья — невесткина мать:

Мне поведти на крылечико перёное,
Мне-ка пã эти новы сещи рещётчаты!..»¹

а дальше идет причитание от имени «сваты — невесткиной матери», которое занимает 42 строчки, и только после этого начинается собственно причитание «сваты-свекрови» об умершем свате. Она обращается к овдовевшей, потом к невестке, дочери покойного, потом к другим детям покойного. Ей поочередно отвечают. Средствами причети рисуется живая картина трагических переживаний крестьянской семьи.

И все же подобных диалогов мы, как правило, не находим в записях от других исполнительниц причети. Они обычно воспроизводили причеть от имени только одной участницы обряда. Что же касается цитированной выше экспозиции, то в «натуральном» причитании, исполненном когда-то в деревне, его, безусловно, не могло быть. В тексте же, повторенном для записи, изображается ситуация, в которой звучало первоначально это причитание и вне которой оно было бы непонятно. Еще в большей степени превращены в плачи-поэмы социально насыщенные плачи «О старосте» (№ 1), «О писаре» (№ 2) и др., которые мы уже упоминали и к которым еще вернемся. Причитание, связанное с приездом солдата на побывку в родную деревню на похороны отца, помещенное Барсовым во втором томе, живописует приезд солдата, его участие в похоронах, его рассказ о тяготах солдатской жизни и отъезд. Очевидно, что в этом случае произошел полный отрыв от обряда как похоронного, так и рекрутского. Федосова была столь опытной исполнительницей причитаний, что могла свободно развивать привычные для традиционных причитаний бытовые эпизоды, но обычно довольно краткие, создавать развитые сюжеты, позволяющие тонко изображать сложные человеческие отношения в крестьянской семье в момент их наибольшего напряжения.

¹ Барсов Е. В. Причитанья Северного края... ч. I, с. 231.

Всякое причитание, как мы уже говорили, всегда было импровизацией или, точнее, подготовленной импровизацией, т. е. импровизированным сочетанием традиционных словесных заготовок, причем проявления индивидуального пачала сдерживались ходом и рамками обряда. Что же касается причитаний Федосовой в записи Барсова, то о них можно говорить как о внеобрядовых импровизациях на основе традиции причети. Обратимся к некоторым плачам-посмам из первого тома барсовского сборника.

Тексты этого тома распадаются на две группы: причитания типового характера, темы которых как бы исчерпывают возможные родственные отношения причитывающей с оплакиваемым (плач вдове о муже, матери о сыне, плач по крестнице, по родному брату, по брату двоюродному, по дяде родному и по дяде двоюродному, по сестре и по свату), и причитания на особые случаи и при особых обстоятельствах — о потонувших, об умершем от оной, о старосте, о писаре, о цоне. Группировка эта в известном смысле условна, т. к. есть основания считать, что, импровизируя для Барсова причитания первой группы, т. е. те, которые мы назвали «типовыми», Федосова невольно или намеренно припоминала вполне конкретные случаи, происходившие когда-то в Кузарианде или в окрестных деревнях.

Так, в «Плаче вдовы по мужу» (№ 7) Федосова как бы демонстрировала Барсову, как следует варьировать типовой плач при меняющихся конкретных обстоятельствах. Причитание прерывается объяснением: «Затем, обратившись ко вдове-соседке, если она бывает (т. е. оказывается.— *К. Ч.*) при этом, продолжает». Через несколько строк: «А если есть дети — прибавляет». Еще через 43 строчки: «Если станут унимать, вдова вопит» или позже: «Если молода» и т. д. Вместе с тем в «Плаче по дочери» (№ 8) рассказывается о смерти незамужней дочери от тайной беременности. Очевидно, что этот достаточно редкий и вполне конкретный случай, который припомнился Федосовой, давал возможность изобразить чувства оплакивающей в их противоречивой сложности. Причитывающая в горе, но не должна обнаружить тайну, которая, по понятиям крестьянства того времени, опозорит всю семью.

В отличие от традиционной причети или лирической песни в причитаниях Федосовой обычно господствует не одно сквозное и всепоглощающее чувство, а целый комплекс зачастую противоречивых чувств. В «Плаче о жене, если дитя остается ребенком»¹, вдовец вынужден изменить отношение к сестрам, на попечение которых он оставляет ребенка. В «Плаче о крестнице»² хорошее отношение крестной к крестнице воспринимается окружающими как хитрость. Видимо, Федосова не выдумывала эти и подобные им осложняющие обстоятельства, а припоминала реальные

¹ Барсов, т. I, № 6.

² Там же, № 9.

деревенские случаи. По воспоминаниям известного этнографа В. В. Богданова, слышавшего Федосову в 1895 г., в ответ на предложение присутствовавших повторить причитания, сообщенные Барсову почти за 30 лет до этого, она отвечала: «Да я теперь тех покойников не помню. Ничего причитать о них не могу»¹. Когда же ее попросили попричитывать о дочери одной из присутствующих, она стала подробно расспрашивать об обстоятельствах их разлуки, о возрасте дочери, о составе семьи и семейных взаимоотношениях. Ей, видимо, надо было вжиться в эмоциональную суть происшедшего. Воспоминание об этом эпизоде завершается выразительной фразой: «Когда окончилась элегия, то дама, которая пожелала испытать импровизацию Федосовой, была в обмороке»². Это сообщение перекликается с неоднократными наблюдениями этнографов и фольклористов — хорошие воплеицы и на похоронах, и на свадьбах были способны довести горюющих до полубодрого состояния, до «обмирания», такой силой воздействия обладали причитания в сочетании с реально переживаемым горем. Импровизация Федосовой, как пишет В. В. Богданов, «произвела глубокое впечатление на всю аудиторию», но в обмороке оказалась та из присутствующих, которой это прямо касалось. При всей традиционной обобщенности причитания органически связаны с конкретной ситуацией, с тем эмоциональным напряжением, которое создается главным событием (смертью, расставанием с рекрутом, с просватанной и т. д.), развивающимся во вполне определенных семейных и — шире — социальных обстоятельствах. Именно это качество причитаний объясняет нам социальную насыщенность федосовских причитаний второй группы и всех причитаний рекрутского тома. В трагические моменты социальные причины крестьянского горя обнаруживались с особенной очевидностью. Для этого не надо было мыслить полигически, достаточно было сопереживать обычным крестьянским несчастьям.

Следует иметь в виду, что Барсов записывал от Федосовой в годы значительного социального напряжения, связанного с так называемой «крестьянской реформой» 60-х гг. Это было одно из наиболее бурных десятилетий в истории русского крестьянства. Так называемая «освободительная реформа» вместо разрешения противоречий принесла новое невиданное обострение социальной и политической жизни в стране. Крестьяне Олонецкой губернии в основной своей массе были так называемыми «государственными крестьянами», т. е. были в феодальной зависимости не у отдельных помещиков, а у феодально-крепостнического государства в целом. Это выражалось, в частности, в приписке к горным заводам. Реформа здесь стала осуществляться не в 1861 году, как в большинстве губерний России, а только в середине и во второй

¹ Богданов В. В. Из воспоминаний о русской народной поэтессе И. А. Федосовой. — В кн.: Чистов К. В. Народная поэтесса И. А. Федосова... с. 360.

² Там же.

половине 60-х гг. Но смысл ее был таким же. Специфическая форма, в которой она здесь развивалась, заключалась в закреплении за крестьянами, освобождавшимися от приписки к заводам, определенных земельных наделов, в запрещении свободно пользоваться «лядинами», запашками в так называемых «казенных лесах», которые были для крестьян весьма важным хозяйственным подспорьем. Одновременно крестьяне передавались из горного ведомства в ведение мировых и земских учреждений, во главе которых было поставлено Губернское по крестьянским делам присутствие. Этот процесс сопровождался, с одной стороны, непрерывным ростом поборов (с 1857 по 1867 г. оборочные подати увеличивались пять раз и каждый раз на 5—10%), с другой стороны — затяжным циклом неурожаев, начавшимся в 1861 году и длившимся до 1868 г. Наибольшей силы голод достиг в 1867 году — как раз в год встречи Барсова с Федосовой. Даже официальная газета «Олонецкие губернские ведомости» называла 1867 год «страшным годом»¹. Голод, как это нередко бывает, сопровождался эпидемией тифа и падежом скота.

Все это объясняет ту необычайную социальную насыщенность, которая поражает нас при первом же знакомстве с причитаниями Федосовой на особые случаи. Замечательно, что, припоминая вполне конкретные случаи, Федосова поднимается до неожиданных, казалось бы, обобщений:

Зло несносное велико это горяшко
 По Росснюшке летает ясным соколом,
 Над крестьянами, злодийпо, черным вороном...
 Как со этого горя со великого
 Бедны людюшки как море колыбаются,
 Быдто деревья стоят да подсушенные,
 Вся досюльщина куды да подевалася,
 Вся отцовщина у их пошь придержалася,
 Не стоят теперь стдги перегодные,
 Не насынашы амбары хлеба божьего,
 Нет на стойлы-то у их да копей добрых,
 Нету зимных у их санок самокатных,
 Нет довольных-беззаботных у их хлебушков!

Крестьянское горе изображается неким мифологическим существом, гигантской птицей, зловеще парящей над Россией. Она несет иней на посевах, дождь на сенокосы, сорит людей между собой, губит скот, насылает в деревни «неправедных судей». Однако неверно было бы думать, что события 60-х гг. в действительности воспринимались Федосовой в архаических мифологических категориях. Традиционный для русского фольклора образ Горя используется здесь в момент поэтического подъема, эмфазы,

¹ Барсов Е. В. О хлебных недородах. — Олонецкие губернские ведомости, 1868, № 21; см. также: Приклонский С. Д. Народная жизнь на Севере. М., 1884, с. 3.

вызванной трагическим событием в Кузаранде (или в одной из заонежских деревень) — смертью писаря, крестьянского заступника. Смерть писаря (возможно, гибель его — это из текста не вполне ясно) осмысливается Федосовой как следствие или часть общепородного горя пореформенных лет.

Бытовая конкретность причитаний Федосовой подтверждается «Плачем о старосте», очень близким по своему типу и смыслу к только что цитированному «Плачу о писаре». В нем Федосова рассказывает о столкновении односельчан с мировым посредником — чиновником, присланным для проведения реформы и одновременно для выколачивания недоимок.

Есть основание предполагать, что август — сентябрь 1867 года Федосова провела в Кузаранде. Губернские документы того времени сохранили свидетельство того, что именно в августе мировым посредником 2-го участка Петрозаводского уезда был назначен коллежский секретарь П. П. Дротаевский¹. Несмотря на неурожай «страшного года» и на накопившиеся недоимки, был объявлен добавочный сбор к оборочной подати 1867 г. Все это крайне обострило взаимоотношения крестьян и губернских властей в осенние месяцы 1867 года. В «Плаче о старосте» рассказывается о мировом посреднике, выколачивающем подати, о заступничестве старосты, его аресте и гибели.

Надеясь на то, что читатель сам познакомится с этим причитанием — одним из самых выдающихся произведений русского фольклора (оно первым печатается в настоящем сборнике), мы приведем только два особенно замечательных пассажа. В уста старосты, осаживающего распускавшегося чиновника, вкладываются такие строки:

Не давай снеси во младую головушку,
Суровства ты во ретливое сердечушко,
Да ты чином-то своим не возвышайся-тко;
Едины да все у бога люди созданы;
На крестьян ты с кулакама не насакивай,
Знай сиди да ты за столиком дубовым,
Удержки да свои белы эти рученьки,
Не ломай-ко ты перстни свои злаченные...
Не на то да ведь вы, судьи, выбираетесь!
Хотя ж рьян да ты, посредничек, — уходишься,
Хоть снесив да ты, начальник, — приусядешься!..

В конце причитания звучит известное «проклятие судьям», процитированное Н. А. Некрасовым в «Кому на Руси жить хорошо»:

Вы падите-тко, горячи мои слезушки,
Вы не на воду падите-тко, не на землю,

¹ Олопецкие губернские ведомости, 1866, № 33. См. также: Памятная книжка Олопецкой губернии на 1868—1869 гг. Петрозаводск, 1869, с. 19.

Не на божью вы церковь, на строенице, —
Вы падите-тко, горючи мои слезушки,
Вы на этого злодия супостатого,
Да вы прямо ко ретливому сердечушку!
Да ты дай же, боже-господи,
Чтобы тлен пришел на цветню его платнице,
Как безумнице во буйцу бы головушку!
Еще дай да боже-господи,
Ему в дом жепу неумную,
Плодить детей перазумных!

Процесс возникновения причитаний Федосовой (от конкретного единичного факта к обобщенному истолкованию его причин) с наибольшей убедительностью прослеживается на примере «Плача о потопших» (№ 4). По счастливой случайности в полицейских сообщениях того времени сохранилось протокольное описание происшествия, которое легло в основу плача. 30 сентября 1867 г. «Олонецкие губернские ведомости» сообщили: «Крестьянин Петрозаводского уезда Ругозерского общества Василий Радионов со своим сыном Андрианом Васильевым, дочерью Марьею и крестьянином Василием Петровым в последних числах августа отравились из своей деревни на противоположный берег озера Онеги, к Тимбасгубе, для сбора мху. На возвратном пути 28 августа их застигла буря и понесла лодку в озеро; в это время Петров упал в воду и утонул, а Радионова с детьми прибило в лодке к о. Сосновцу в 4-х верстах от д. Шуровой. Здесь Радионов и его сын Андриан сразу же умерли, а дочь Марья была вывезена на берег прибывшим на ее крик крестьянином д. Королевской Иваном Андриановым»¹. Описанное происшествие произошло в нескольких верстах от Кузаранды, где жили родные Федосовой и где она, вероятно, провела осенние месяцы 1867 г. За три года до этого в озере утонули родственники Федосовой².

Причитание произносится от имени спасшейся девушки. Судьба несчастной потрясает — ей пришлось много пережить, но самое ужасное ожидало ее на берегу. Становой и писарь мучают ее бесконечными допросами: как случилось, что спаслась она одна, не потопила ли она отца и брата и т. п.

Бесчеловечное глумление начальства над крестьянами, вымогательства, оскорбление несправедливыми подозрениями, угроза судебно-медицинским вскрытием, которое воспринималось крестьянами того времени как величайшее кощунство, — все это неоднократно рисуется в причитаниях Федосовой. Чаще всего подобные мотивы появляются в причитаниях, связанных с необычной смертью оплакиваемого — гибелью на озере, внезапной смертью ребенка, упавшего с лавки (см. «О попе-отце духовном» — № 5), смертью от опоя («Об упрянской голове» — № 6), поражени-

¹ Олонецкие губернские ведомости, 1867, № 39.

² Там же, 1864, № 30.

ем молнией («Об убитом громом-молвией» — № 3) и др. В рекрутских причитаниях «начальство» не дает рекрутам проститься с семьей, заставляет их петь при этом веселые песни, разгоняет горющих женщин водой из пожарных брандспойтов и т. д.

В рекрутских и солдатских причитаниях, опубликованных Барсовым во втором томе, крестьянское горе предстает как следствие государственного гнета. Для солдата «служба государева» — это бесконечная муштра, походы, ночное стояние на часах, «сраженьице», бессмысленные истязания — «потыченья», «подушенья», вожделение «сквозь строй». Рисуя живую картину русской армии середины XIX века (в текстах отыскиваются отклики на Крымскую войну 1856 — 1857 гг.), Федосова призывает гнев божий на головы пасильщиков, она проклинает их, готова резать их той бритвой, которой бреют головы рекрутам:

Будьте прокляты, злодеи супостатые,
Вергай¹ скрозь землю ты, некресть вся поганая!..
И кабы мне да эта бритва наострѣная,
И не дала бы я злодѣиной этой некрести
И над моим пошкью рождѣнем надрыгаться²,
И распорозла бы я груди этой некрести...

В этих строках, которые могли бы быть начертаны на знамени лютого крестьянского бунта 60 — 70-х гг. XIX века, крестьянский протест против социальной несправедливости находит свое отчетливое выражение. Становятся понятными цитирувавшиеся уже слова Федосовой, сказанные Е. В. Барсову: «Не сошли меня на чужу дальну сторонушку», и невозможность публикации подобных плачей до военной реформы 70-х гг.

В 1918 г. со II томом барсовского сборника познакомился В. И. Ленин. По воспоминаниям В. Д. Бонч-Бруевича, В. И. Ленин, возвращая ему книгу, сказал: «Я внимательно прочел ее. Какой ценнейший материал, так отлично характеризующий арачьево-николаевские времена, эту проклятую старую вошницу, муштру, уничтожавшую человека. Так и вспоминается «Николай Налкиш» Толстого и «Орина, мать солдатская» Некрасова. Наши классики несомненно отсюда, из народного творчества, черпали свое вдохновение»³.

Стремление вырваться из мира социальной несправедливости всегда было свойственно русскому крестьянству. В ранние века русской истории оно привело русских крестьян из плодородных и теплых районов южной России в северные леса и болота. Оно побуждало крестьян к побегам на Дон, на Яик и другие казачьи районы, в глубь Сибири, где их не могли подчинить ни помещик, ни чиповник, где не отбирали сыновей в рекруты, а попы не за-

¹ провались.

² издеваться.

³ Бонч-Бруевич В. Д. В. И. Ленин об устном народном творчестве. — «Сов. этнография», 1954, № 4, с. 120.

ставляли старообрядцев справлять обряд по-никоиански. В фольклорной сфере мечта о справедливости выразилась преимущественно в социально-утопических легендах, получивших в XVII—XIX вв. довольно широкое распространение¹. В творчестве Федосовой она предстала в форме легенды о «золотом веке» — своеобразной социальной утопии, обращенной в прошлое. О некоем «золотом веке» рассказывается в упоминавшемся уже «Плаче о пшаре»: было такое время, когда Горе еще не властвовало на земле, «жили люди во всем мире постатейные» и «ду-друга люди не терзали». В «Плаче о старосте» и в рекрутских причитаниях легенда о «золотом веке» приобретает более определенные исторические очертания и воплощается в многообразно выраженной «новгородской теме». Заселение русскими Заонежия действительно связано с Древним Новгородом, сыгравшим столь большую роль в средневековой русской истории. Однако воспоминания заонежских крестьян о новгородском времени приобрели к середине XIX века (впрочем, может быть, уже значительно раньше) легендарный, иллюзорный характер. Настоящее осуждалось и противопоставлялось далекому прошлому. Начало всех социальных несправедливостей связывалось с падением Новгорода. Поэтому, читая мы в записях от Федосовой, «иныешие времена» — «не новгородские», «начальники» тоже «не новгородские», а все хорошее, добротное, даже вещи, наоборот, новгородские — «ковер новгородский», «питья (т. е. пацитки, питье. *К. Ч.*) новгородские», «попояска (т. е. пояс. — *К. Ч.*) новгородская» и т. д. Подобные мотивы особенно характерны для записей от Федосовой 1867—1870 гг., т. е. пореформенных лет; в записях 80-х гг. они встречаются сравнительно редко.

Итак, в творчестве Федосовой широко отразились социальные отношения и умонастроения русской деревни пореформенных лет. Разумеется, Федосова никогда сознательно не ставила перед собой такой задачи. Ее волновала преимущественно горькая участь вдов и сирот, солдаток и солдатских детей. Смерть мужа-кормильца или уход его в солдаты лишали крестьянку — бесправнейшую среди бесправных — надежды выстоять в борьбе с непомерными трудностями жизни. При этом она знала, что притеснители наказания не будут. Это окрашивало ее причитания в истинно трагические тона и превращало их не только в выдающееся явление крестьянской и общерусской поэзии, но и в выдающиеся историко-бытовые документы, исполненные реального социального содержания.

Записи от Федосовой, опубликованные Е. В. Барсовым, сразу же привлекли к себе внимание ее современников, и не только ученых-фольклористов, но и общественных деятелей, журнали-

¹ Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. Л., Наука, 1967. См. также: Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М., Наука, 1977; *его же*. Народная социальная утопия в России. XIX в., М., Наука, 1978.

стов и писателей. Так, орган революционных демократов «Отечественные записки» прекрасно понял значение того, что со страниц сборника «Причитанья Северного края» впервые в истории русской письменности крестьянка, родная сестра Орины из поэмы «Орина — мать солдатская» и Дарья из некрасовской поэмы «Мороз, Красный нос», сама заговорила о себе. При этом она выразила себя не в устойчивых и веками повторявшихся песнях, а в импровизированных причитаниях, теснейшим образом связанных с современным Федосовой крестьянским бытом. Это давало писателям неслыханную до сих пор возможность проникновения в подлинный духовный мир крестьянской женщины. Об этом, собственно, и говорилось в рецензии Н. К. Михайловского на первый том сборника текстов Федосовой¹. Естественно, что с особым энтузиазмом публикация записей от Федосовой была встречена Н. А. Некрасовым². Судя по сохранившимся рукописям, Некрасов, получив в руки I том «Причитаний Северного края», тут же стал думать об использовании материалов книги в поэме «Кому на Руси жить хорошо». Отправившись в заграничное путешествие, он взял ее с собой, видимо, читал и перечитывал ее и делал многочисленные выписки. Результатом этой напряженной работы явилась целая новая часть поэмы «Крестьянка», судя по всему, не предусматривавшаяся первоначальным планом поэмы. Некрасов использовал при этом и рассказ Федосовой о себе, записанный Барсовым (см. стр. 279—283 настоящего издания), и многие причитания. В главе «Демушка» он, по существу, пересказал и переосмыслил федосовское причитание «О поне — отце духовном», заключив ее проклятием «судьям неправосудным», которое мы уже цитировали. Приезд властей в этой главе построен в основном на «Плаче о старосте». Страницы о Матрени и ее сыне Федотушке во многом напоминают отношение матери к детям в плаче вдовы из «Плача о дяде родном». Рассказ Матрены о ее жизни в семье мужа в концентрированной форме передает основную часть «Плача вдовы по мужу» и т. д. В некрасовских строках о проглоченных рыбой ключах от «счастья женского» звучит прямой отзвук федосовской легенды о Горе из «Плача о писаре». Каждый факт, образ, сюжет, найденный у Федосовой, Некрасов оценил и осмыслил по-своему, придав им логическую законченность и обобщенность и подняв их на огромную социальную высоту, недоступную Федосовой.

С энтузиазмом реагировал на появление сборника и такой знаток быта и фольклора русского крестьянства, как П. И. Мельников-Печерский. За несколько месяцев до выхода в свет I тома писатель начал публиковать первые главы известного романа «В лесах». Прочитав Федосову, он сразу же ввел в роман новую

¹ «Отечественные записки», 1872, № 11, стр. 149—175.

² Подробнее см.: Чистов К. В. Народная поэтесса И. А. Федосова... стр. 87—105.

главу, в которой повествуется о смерти Настеньки и о в пленнице Устилье Клецихе. При этом была использована и вступительная статья Барсова, и автобиография Федосовой, и ее причитания, особенно «Плач о дочери», в котором оплакивалась дочь, умершая, как и Настенька, от тайной беременности (ч. II, гл. 11) ¹.

Третий том сборника Барсова, в который вошли свадебные причитания, вышел только в 1885 году, причем не отдельной книгой, а в двух номерах журнала «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете» (ч. III и IV за 1885 г.). В отличие от О. Х. Агрешевой-Славянской, к записям которой мы обратимся ниже, Барсов не ставил перед собой задачу описания свадебного обряда. Он хотел записать и издать свадебные причитания как самостоятельную разновидность обрядовой причеты. Здесь дается более 8800 строк причитаний на 239 страницах. Подсчет времени мог бы показать, что такое количество строк не могло быть произнесено на обыкновенной свадьбе, даже длившейся несколько дней. III том — это как бы максимальное собрание свадебных причитаний, которое можно было записать от одной исполнительницы. И в этом смысле, также как и по своим выдающимся поэтическим качествам, III том сборника Барсова не имеет себе равных в мировой фольклористике. Это поистине собрание шедевров свадебной лирики.

Тексты причитаний снабжены пометами, сообщающими читателю, на каком этапе свадебного обряда должно было бы исполняться то или иное причитание. В конце тома в качестве приложения дается описание заонежского свадебного обряда (подобно тому как это делалось в I и во II томах, где на последних страницах печатались описания похоронного и рекрутского обрядов) и публикуется некоторое количество свадебных песен (так же как во втором томе публиковались рекрутские песни). Публикация песен по какой-то причине, выяснить которую не удастся, оборвалась на середине шестого текста. В рукописи сохранились еще три свадебных песни. Есть сведения, что Барсов имел в виду напечатать в составе третьего тома также статью о языке причитаний и словарь. В 90-е гг. он возвращался к мысли издать III том отдельной книгой, однако это по каким-то причинам оказалось несуществующим.

В 1886 г., т. е. через два года после смерти второго мужа Федосовой и возвращения ее в Кузаранду, Ирина Андреевна была приглашена женой известного исполнителя русских песен и создателя первого в России этнографического хора Дмитрия Славянского ² Ольгой Христофоровной Агрешевой-Славянской в ее тверское имение Кольцо для записи свадебных причитаний и песен. До этого, т. е. более полутора десятилетий со дня отъезда Барсова

¹ Чистов К. В. П. И. Мельников-Печерский и И. А. Федосова. — В сб.: «Славянский фольклор», М., Наука, 1972, стр. 312 — 327.

² Кузнецов Евг. Из прошлого русской эстрады. Исторические очерки. М., 1958, с. 191 — 201; Юркевич М. Д. А. Славянский. М., 1889.

из Петрозаводска, никто Федосовой не интересовался, и она, столь известная уже в ученых и литературно-общественных кругах, оставалась скромной петрозаводской, а потом кузарандской жительницей, обремененной семейными заботами. Русское крестьянство за пределами Заонежья и Петрозаводска по-прежнему не знало своей выдающейся поэтессы. Ученые сборники до него не доходили.

Смерть второго мужа была для И. А. Федосовой началом долгих бедствий. Продав мастерскую, она вернулась в «мужичий угол» в д. Лисицыно Кузарандского общества, в избу брата мужа — Т. И. Федосова. «Не сладка была жизнь у деверя, — писал с ее слов в 1896 г. Барсов, — хлеб добывала она корзиной (т. е. нищенством) и обедала и ужинала за своим столом. Большуха не давала ей даже воды»¹. Дело тут, видимо, не в какой-то особенности семейных отношений или какой-то особой жестокости родственников. По крестьянскому обычаю того времени, в семье покойного мужа (в свое время отделившегося и уехавшего из деревни) она не имела никаких прав на наследство и даже на «хлеб». Не помогло и то, что она воспитывала племянника — сына Т. И. Федосова, Ивана. Он был усыновлен И. А. Федосовой, считался членом другой семьи. Семья кузарандских родственников бедствовала, жила, судя по всему, далеко не богато, и «лишние рты» ей были в тягость.

Но и нищенство Федосовой, о котором у нас есть документальные свидетельства, было своеобразным. Как вспоминал Г. В. Стафейков в 1948 году, «носили ей домой готовый кусок, как она прихрамывала»². И он, и другие односельчане Федосовой, вспоминавшие о ней³, говорили о том, что Федосова была окружена всеобщим уважением и по-прежнему ходила по свадьбам и похоронам. Пропитаться этим было трудно, и земляки со свойственным севернорусским крестьянским тактом («вежественностью») не заставляли ее бродить «под окнами», а приносили ей, что могли, домой. Временами она служила в пеньках. Только с середины 90-х гг. Федосовы стали жить получше.

О. Х. Агрепева-Славянская, о которой мы уже упоминали, решила поднести своему мужу к 25-летию его артистической деятельности своеобразный подарок. В то время пока он был со своим хором на гастролях в Америке, она приготовила к изданию три выпуска «Описания русской крестьянской свадьбы» (Москва — Тверь, 1887—1889), записав мелодии и тексты песен и причитаний от Федосовой и некой «нищей Ульяны из Петрозавод-

¹ Барсов Е. В. О записях и изданиях «Причитаний Северного края», о личном творчестве Ирины Федосовой и хоре ее подголосниц. 1896 (Архив ГИМ, Ф52704).

² Воспоминания об И. А. Федосовой, записанные в августе 1948 г. — В кн.: Чистов К. В. Народная поэтесса И. А. Федосова... с. 363 (№ 4).

³ Там же, с. 362 — 369 (№ 2 — 17).

ска», оставшейся нам неизвестной (видимо, она приехала вместе с Федосовой в Кольцово). Как Агреева разыскала Федосову и кто сопровождал сказительницу в пути, мы не знаем. Не исключено, что Агрееву побудил к записи вышедший за год до этого третий том сборника Барсова. Главной задачей Агреевой была запись мелодий исполнявшихся Федосовой фольклорных произведений.

Запись мелодий народных песен — дело далеко не простое, требующее не только специального музыкального образования, но и значительного опыта. Агреева, видимо, не располагала ни тем ни другим. Современные нам специалисты по народной музыке невысоко оценивают ее записи. В свое время об ее араажировках народных песен, которыми пользовался в своих выступлениях ее муж, довольно проницательно отзывался П. И. Чайковский¹. В записях словесных текстов, принадлежащих Агреевой, обнаруживается большое количество ошибок. Об этом писал еще в конце XIX века Е. В. Барсов². Сведения о некоторых ее промахах читатель найдет в примечаниях к ее записям, публикующимся в настоящем сборнике (см., например, № 34, 54, 52, 54 и др.).

Несмотря на все это, мы должны быть благодарны ей за запись многих текстов и за общее описание заонежского свадебного обряда, до сих пор сохраняющее свое значение. Описанию было посвящено два первых выпуска; в третьем томе опубликованы записи похоронных и рекрутских причитаний, рекрутских песен, былии, баллад, протяжных, хороводных и плясовых песен, пословиц, поговорок и поговорных величаний. Первые два выпуска были составлены из записей от Федосовой и Ульяны, в третий выпуск включены записи и от других лиц.

Сравнительное чтение сборников Барсова и Агреевой производит своеобразное впечатление. Возникает даже подозрение — не утратила ли Федосова с возрастом свой необыкновенный талант, так ярко блиставший в записях Барсова? До прежних высот она здесь поднимается только изредка. Однако причина была, видимо, все-таки в чем-то другом. Есть основание предполагать, что контакт Федосовой с Агреевой не был столь плодотворным, как с Барсовым. Вызванная в барское имение, лишенная привычной ей среды, она, вероятно, импровизировала не столь свободно, как в своей мастерской в Петрозаводске или в доме ее земляка М. С. Фролова, у которого Барсов стоял на квартире. Как будто об этом же говорит и удивительный экспромт, напечатанный Агреевой в I выпуске ее сборника:

Я ем да пью
Да челом не бью;

¹ Чайковский П. И. Музыкально-критические статьи. М., Музгиз, 1953, с. 41, 139, 287.

² Обзор их см.: Чистов К. В. Текстологические проблемы поэтического наследия И. А. Федосовой. — В сб.: «Фольклор и этнография Русского Севера», Л., Наука, 1973, с. 160—161 и др.

Ем я досыта,
Пью я долюба;
В дело нос не ткну
Да и перстом не щелкну¹.

Думаю, что если бы Агренева поняла этот экспромт, она не стала бы его воспроизводить в своей книге. Федосова хотела сказать: несмотря на то, что ее кормят и поят, она не собирается бить челом. По обычным пормам крестьянской этики не благодарить за стол и дом — более чем странно. Тем более страшно, что это произнесено кузараидкой, добывавшей хлеб «корзиной». Остается предположить, что у Федосовой были причины утверждать свое достоинство в доме Агреновой столь своеобразным способом. Одним словом, не исключено, что в поместье Агреновых сложились условия, недостаточно благоприятные для свободной импровизации.

Наконец, предположение об увидании таланта Федосовой, по видимому, не может быть принято и по другим причинам. Она была еще вовсе не стара — в 1886 году Федосовой было всего 55 лет. Да и все, что писалось в газетах и журналах 90-х гг. о ее публичных выступлениях, в том числе и отзывы Барсова о них в эти годы, говорит о расцвете ее таланта, а вовсе не об его угасании. Обратимся к этим свидетельствам.

В 1894 году Федосову разыскал преподаватель петрозаводской женской гимназии П. Т. Виноградов, сыгравший большую роль в дальнейшей ее судьбе. Он уже имел опыт организации публичных вечеров севернорусских сказителей в Москве и Петербурге, приезжал в обе столицы с сыном знаменитого певца былии Т. Г. Рябицина — И. Т. Рябининым. После пробного выступления в Петрозаводске в зале женской гимназии 27 августа 1894 года Виноградов с Федосовой приехал в Петербург по приглашению Русского географического общества. Этот выезд положил начало новому периоду жизни Федосовой — годам ее наивысшей публичной славы. Она выступала десятки раз в Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде, Казани, Петрозаводске. Ее слушали тысячи зрителей, среди которых были многие видные ученые, общественные и художественные деятели той поры.

А. М. Горький написал о ней два очерка и позже изобразил ее выступление в «Жизни Клина Самгила». Федосову слушали Ф. И. Шаляпин, оставивший о ней воспоминания, Н. А. Римский-Корсаков, сделавший запись девяти мелодий, М. А. Балакирев (он опубликовал в своей обработке песню «Пивна ягода по сахару пыла»), записанную от Федосовой в 1886 году Ф. И. Истоминым и Г. О. Дютшем и использованную С. М. Ляпуновым в «Торжественной увертюре на русские темы»), известный организатор оркестра народных инструментов В. В. Андреев, музыковед В. В.

¹ Агренева-Славянская О. Х. Описание русской крестьянской свадьбы, вып. I, на вклейке под портретом.

Истробцов, русская «гарибальдийка» и известная журналистка А. Н. Толиверова-Якоби. Ее слушали также крупнейшие филологи того времени Л. Н. Майков, В. Ф. Миллер, Ф. Е. Корш, А. Н. Пыпин, В. И. Ламанский, А. И. Соболевский, А. Е. Грузинский, известный антрополог Д. Н. Анучин и многие другие. Федосова выступала в залах Русского географического общества и Соляного городка в Петербурге, в Политехническом музее в Москве, в учебных заведениях и частных домах. Особенно многочисленными были ее выступления на Нижегородской художественно-промышленной выставке в 1896 году. С 1895 по 1899 год она прожила в доме председателя песенной комиссии Географического общества — известного мецената и друга А. П. Островского, М. А. Балакирева и М. П. Мусоргского — Тертия Ивановича Филиппова (Мойка, 74). Ф. И. Шаляпин вспоминал позже об одном из таких вечеров: «В. В. Андреев особенно близко к сердцу принимал мои неудачи и старался всячески быть полезным мне, расширяя круг знакомств, поучительных для меня. Однажды он привел меня к Тertiю Филиппову, о котором я уже слышал как о человеке значительном в мире искусства, приятеле Островского, поклоннике всего самобытного. Здесь я увидел знаменитую «сказительницу» Орину Федосову. Она вызвала у меня незабываемое впечатление. Я слышал много рассказов, старых песен и былин и до встречи с Федосовой, но только в ее изумительной передаче мне вдруг стала понятна глубокая прелесть народного творчества. Неподражаемо прекрасно «сказывала» эта маленькая кривобокая старушка с веселым детским лицом о Змее Горыныче¹, о Добрыне, о его «поездочках молодецких», о матери его, о любви. Передо мной воочию совершалось воскрешение сказки, и сама Федосова была чудесна, как сказка». И далее: «Не потому ли, думал я, так много в опере хороших певцов и так мало хороших актеров. Ведь кто же умеет в опере просто, правдиво и внятно рассказать, как страдает мать, потерявшая сына на войне, и как плачет девушка, обиженная судьбой и потерявшая любимого человека»².

В том же 1896 г. Федосова получила приглашение на гастроли в Америку, однако по нездоровью от него отказалась³. В 1895 — 1896 гг. газеты и журналы очень много писали о Федосовой. В прессе того времени обнаружено около 200 статей, сообщений, заметок, объявлений. Можно было бы ожидать, что длительное

¹ Судя по имеющимся источникам, И. А. Федосова не исполняла былин «Добрыня и змей» или «Алена Попович и змей», в которых фигурирует Змей Горыныч. О борьбе со змеем говорится в «Егорий Храбром» (см. настоящее издание, № 36).

² Шаляпин Ф. И. Страницы из моей жизни. Автобиография. Л., 1926, с. 183 — 184.

³ Нижегородский листок, 1896, № 152. В 1895 г. председатель Англо-русского литературного общества д-р Казалетта запросил у П. Г. Виноградова реферат о Федосовой для оглашения его на заседании общества (см.: «Новости», 1895, № 9; «Свет», 1895, № 6; «Волжский вестник», 1896, № 134).

пребывание в Петербурге и многочисленные выступления будут сопровождаться новыми и значительными записями от Федосовой. Записи действительно производились, но, к сожалению, судьба их сложилась крайне неудачно, если не сказать трагически.

С 1894 года появляются в прессе сообщения о том, что Виноградов записывает от Федосовой. В январе 1895 г. Виноградов говорил корреспондентам, что записал почти 3 тысячи стихов¹. В 1896 году было объявлено о том, что готовится новое трехтомное издание², а потом даже четырехтомное издание под покровительством Т. И. Филиппова³. Однако по каким-то причинам оно не состоялось. Вероятно, осуществлению его помешала смерть Т. И. Филиппова. Что же касается архива Виноградова, то есть сведения, что какие-то его части погибли в годы гражданской войны в Ростове-на-Дону.

Сообщения о работе Виноградова и Филиппова над новым изданием, видимо, обезоружили других фольклористов. В результате в 90-е годы, когда была еще прекрасная возможность записать Федосову, записано от нее было очень немного. В июне 1895 года Федосова встречалась с издательницей детского журнала «Игрушечка» А. Н. Толиверовой-Якоби, и в августовском номере этого журнала появился очерк, который иллюстрировался то отрывками, то полными текстами различными фольклорными произведениями, которые Федосова исполнила для Толиверовой. Полностью была дана сказка «Волк и лисица», две свадебные песни, колыбельная песня, песня «Во лужях» и в отрывках — причитание невесты. Все тексты при этом были отредактированы в расчете на детского читателя.

Не повезло Федосовой в эти годы и с музыкальными записями. Может быть, виной тому были многочисленные, хотя и неудовлетворительные по своему качеству, записи и публикации Агреневой. Мы располагаем только одной публикацией, осуществленной в эти годы. Это записи музыковеда С. Рыбакова, опубликованные в журнале «Русская беседа» (1895, № 4), — былина «Добрыня Никитич», песня «Во лужях» и 4 свадебные песни. Есть сведения также о том, что несколько музыкантов записывали федосовские напевы во время ее выступлений, но, видимо, это были преимущественно записи «для себя» (Римский-Корсаков, композитор Корецкий и др.). Так, записи Римского-Корсакова были использованы им в опере «Садко» и в «Сказании о граде Китеже», однако сами они были опубликованы только недавно⁴. Сравнительно недавно были также обнаружены и затем опубликованы записи двух мелодий от Федосовой на фонограф, произведенные в 1896

¹ Новости дня, 1895, № 4156.

² Олонецкие губернские ведомости, 1896, № 18.

³ Горький М. С Всероссийской выставки. — «Одесские новости». 1896, № 3660.

⁴ Римский-Корсаков Н. А. Литературные произведения и переписка. Полное собрание сочинений, т. IV, доп. М., Музыка, 1970, с. 61 — 62.

году Ю. И. Блоком. Они чрезвычайно ценны как единственные механические (т. е. подлинные, документальные) записи голоса и мелодий замечательной сказительницы. Любопытно также и то, что запись велась на один из первых фонографических восковых валиков, прилащенных Т. Эдисоном в Россию, и вместе с записями 1894 года от И. Т. Рябицина они остаются весьма ранними опытами фонографической записи фольклора в Европе¹.

Перед отъездом на Нижегородскую выставку Федосова успела побывать на родине. Это было в марте 1896 года. Она помогла своему приемному сыну Ивану выкупить проданный надел, обзавести земледельческий инвентарь и женила его. Кузараидцы старшего поколения еще в первые послевоенные годы помнили, что Федосова щедро помогала бедным соседям в этот приезд, делаясь с ними сборами от выступлений. Но это еще не самое удивительное. Как сообщала пресса того времени, а позднее подтвердил бывший кузараидский учитель Ф. И. Прохоров, Федосова пожертвовала немалую сумму денег на строительство школы в Кузараиде².

Ф. И. Прохоров рассказал нам, как, приехав в конце 1895 года в Кузараиду молодым учителем, он начал работу в школе, в которой было всего 12 учеников на всю большую группу деревень, причем среди них не было ни одной девочки. Школа ежегодно арендовала какую-нибудь комнату в одной из кузараидских изб. Взнос Федосовой (по его воспоминаниям, это было 300 рублей — сумма по тем временам очень большая!) позволил выстроить специальное помещение и заново оборудовать школу. Он ходил благодарить ее за пожертвование и вспоминает о том, что пародшая поэтесса живо интересовалась делами школы и особенно советовала ему «учить девочек». Кузараидцы еще в конце 40-х гг. помнили также, что Федосова помогла кузараидскому обществу, не имевшему около деревни соснового леса, выхлопотать лесную дачу на Пудожском берегу. Таким образом, в благодарной памяти земляков осталась не только ее фольклорно-поэтическая деятельность, но и активное участие в общественных и хозяйственных делах ее родни. Это особенно впечатляло, потому что все знали, что до отъезда в Петербург она вела полунищенское существование.

24 мая Виноградов и Федосова снова отправились в Петербург, чтобы затем к концу мая приехать в Нижний Новгород для выступлений на Выставке. После Нижнего Новгорода Федосова до 1899 года поселилась у Т. И. Филиппова.

Весной 1899 года И. А. Федосова почувствовала себя серьезно больной и пожелала вернуться на родину. 10 июля 1899 года

¹ Лобанов М. А. и Чистов К. В. Запись от И. А. Федосовой на фонограф в 1896 году.— Сб. «Русский Север. Проблемы этнографии и фольклора». Л., Наука, 1981.

² Воспоминания об И. А. Федосовой, записанные в августе 1948 г.— В кн.: К. В. Чистова. Народная поэтесса И. А. Федосова... с. 361 — 362.

она умерла и была похоронена на кладбище при кузарандской приходской церкви у д. Юсова Гора на берегу Онежского озера¹.

* * *

В настоящем сборнике публикуются избранные записи от И. А. Федосовой. Они составляют не более трети ее наследия, но при этом представляют различные жанры, которые она исполняла, — причитания похоронные (тиновые и плачи-поэмы на особые случаи), рекрутские и свадебные песни, былинты, баллады, необрядовые песни, величания, пословицы и поговорки. Тексты даны преимущественно в записях Барсова. К Агреновой мы обращались только в том случае, когда считали необходимым представить ту или иную песню, но не располагали другими записями. Все причитания даны только в записи Барсова. Часть песен в I и II выпусках сборника Агреновой не документированы с достаточной точностью. Судя по сведениям, помещенным на титульном листе I и II выпусков, причитания и песни в них были записаны от И. А. Федосовой и «писицей Ульяны из Петрозаводска». Определить долю участия каждой из них не представляется возможным. Все подобные случаи оговариваются в примечаниях к отдельным песням.

К. В. ЧИСТОВ

¹ Воспоминания об И. А. Федосовой, записанные в августе 1948 г. *Благовещенский И. И. А. Федосова* (некролог), Олонецкие губернские ведомости, 1899, № 73.

ПЛАЧИ-ПОЭМЫ. ПОХОРОННЫЕ И РЕКРУТСКИЕ ПРИЧИТАНИЯ

1. О СТАРОСТЕ

Вопит старостица:

Спаси, господи, спорядиных суседушек!
Благодарствую крестьянам православным,
Не жалели что рабочей поры-времени,
Хоронить пришли падежную головушку —
Уж вы старосту-судью да поставленую!
Он не плут был до вас, не лиходеишничек,
Соболезновал об обществе собраном,
Он стоял по вам стеной да городской
От этих мировых да злых посредников.
Теперь всё прошло у вас, миновалось!
Нет заступушки у вас, нет заборонушки!
Как найдёт мировой когда посредничек,
Как заглянет во избу да он во земскую, —
Не творит да тут Иисусовой молитовки,
Не кладет да он креста-то по-писаному;
Не до того это начальство добирается,
До судов этот посредник достукает;
Вопотай у недоростков он выведывает,
Уже нет ли где корыстного делишочка.
Да он так же над крестьянством падрывается,
Быдто вроде человек как пекрещеной.
Он затопае ногама во дубовой пол,
Он захлопае рукама о клеповой стул,
Он в походню по покоям запохаживае,
Точно вехорь во чистом поле полётывае,
Быдто зверь да во темном лесу порикивае;
Тут на старосту скрозь зубы он срыгается,
Он без разуму рукой ему приграживае,
Сговорит ему посредник таково слово:
— «Что на ям да вы тепер не собираетесь?
Неподсудны мировому, знать, посреднику?
Непокорны вы властям да поставленным?
Чтобы все были сейчас же на ям согнаны!»
Как у этих мировых да у посредников

Нету душеньки у их да во белых грудях,
Нету совести у их да во ясных очах,
Нет креста-то ведь у их да на белой груди!
Уж не бросить же участков деревенских,
Не покинуть же крестьянской этой жирушки
Всё для этих властей да страховитых!
Назад староста бежит да не оглядывает,
Под окошечко скорёпько постучается
Он у этих суседей спорядовых,
Чтобы справились на ям да суровешенько:
— «Как паехала судья неправосудная,
Мировой да на яму́ стоит посредничек,
Горячится он теперь да такову беду!
Сами сходите крестьяна, признаете,
Со каким да он приехал со известьицем,
Он для податей приехал ли казенных,
Аль казна его бесчетна придержалася,
Али цветно его платье притаскалося,
Аль козловы сапоги да црнтопталися?»
Тут на скоп да все крестьяна собираются,
При кручинушке идут да при великой;
Тут посреднику в глаза да поклоняются,
Позаочь его бранят да проклинаят.
Возгорчится как судья ведь страховитая,
В темном лесе быдто бор да разгоряется,
Во все стороны быв пламень как кидается,
Быдто Свирь-река посредничек свирепой,
Быдто Ладожско великое, сердитое!
Тут он скочит из-за этого стола из-за дубового,
Да он зглянет тут на старосту немилым зглядом,
Тут спроговорит ему да таково слово:
— «Вы даете всё повольку мужикам-глушцам,
Как бездельникам ведь вы да потакаете!
Хоть своей казпой теперь да долагайте-тко,
Да вы подати казенные сполняйте-тко».
Мужичоночки дробят да всё поглядают —
Ужель морюшко сипё да приутихпет,
Мировой скоро ль посредничек уходится,
За дубовым столом да приусядется?
Буде взыщется один мужик смелугище,
О делах сказать ведь он да всё о праведных,
Уже так на мужика стане срыгатися,
Быдто зверь да во темном лесе кидается;
Да он резвыма ногама призатопае,
Как на стойлы конь копытом призастукае,
Стане староста судью тут уговаривать:
— «Не давай спеси во младую головушку,
Суровства ты во ретливое сердечушко,

Да ты чишом-то своим не возвышайся-тко:
Единиы да все у бога люди созданы;
На крестьян ты с кулакама не паскакивай,
Знай сиди да ты за столиком дубовым,
Удержки да свои белы эти рученьки,
Не ломай-ко ты перстни свои значеные;
Не честь-хвала тебе да молодецкая
Пастунать да па крестьян ведь православных!
Не па то да ведь вы, судьи, выбираетесь!
Хотя ж рьян да ты, посредничек,— уходишься,
Хоть спесив да ты, начальник,— приусядешься!
Окол ноци мужики да поисправятся,
Наживут да золоту казну бессечетную!»
Сговорит да тут посредник таково слово:
— «Да вы счастливы, крестьяна деревенские,
Что ведь староста у вас да преразумной!»
Как уедет тут судья да страховитая,
Сговорят да тут крестьяна таково слово:
— «Мироеды мировы эти посредники,
Разорители крестьянам православным,
В темном лесе быдто звери-то съедучие,
В чистом поле быдто змеи-то клевучие;
Как наедут ведь холодные-голодные,
Оны рады мужичонка во котле варить,
Оны рады ведь живого во землю вкопать,
Оны так-то ведь пад има изъезжаютя,
До подошвы оны всех да разоряют!
Слава богу-то теперь да слава господу!
Буря-надара теперь да уходилася,
Сние морюшко теперь да приутихло —
Ночь уехала судья неправосудная,
Укатилася съедуба мироедная!
Мы пойдемте, мужики, да разгуляемтесь,
Нощку с радости теперь да со весельца,
Настоялися ведь мы да надрожалися,
Без креста-то мы ему да всё наклапаялись,
Без Исусовой молитвы намолилися!..»
Как сберутся в божью церковь посвященную
О владычном оны да этом праздничке,
И прослужат там обиденку воскресную,
И как выйдут па крылечико церковное,
И как сглянут во подлётную сторонушку,
Тут защежит их ретливое сердечушко,
Сговорят оны ведь есть да таково слово:
— «Где ведь жалобно-то солнце пропекае,
Там ведь прежняя родима наша сторона,
Наша славна сторона Новгородская!
Когда Новгород ведь был не разореной

И ко суду были крестьяна не приведены,
Были людюшки тогды да не штукавые,
Не штукавы оны были — запростейшие;
Как судьи да в тую пору не молóдые,
Пожиты да мужики были почетные,
Настойсливы оны да правосудливы,
Были добры у их коли иноходные,
Были славны корабли да мореходные.
Буде што да в прежни времена случалось,
Соберется три крестьянина хоть стоящих —
Промеж дў-другом оны да рассоветуют,
Как спасти да человека-то помиловать,
По суду ли-то теперечко по божьему,
По этим ли законам праведливым.
Тыи времечка прошли да не выдаюча,
Тыи годы скоротались не слыхаюча!
Настушили бусурманы превеликие,
Разорили оны славный Новгород!
Вси тут придались в подсеверну сторонушку
На званы острова да этии Кижские,
Во славное во обчество во Толвую...
Послыхайте словеса наши старинные,
Заприметьте того, малы недоросточки!
Уж как это сине морюшко сбущается,
На синём море волна да порасходится,
Будут земские вси избы испражняться,
Скрозекозные судьи да присылаются;
Вси изменятся пустыни богомольные,
Разорятся вси часовенки спасенные!»
Кругом-около ребята обстолпилися,
Как на этих стариков да оглядилися,
Ихних ричей недоростки приослухались;
Кои умны недоросточки, приметные,
Оны этии слова тут принимали
Об досюльных законах постоятельных,
Об досюльном житье новгородском.
Сволповалось сине славное Опегушко,
Как вода с песком помутилася!
Тут воспомнят-то ведь малы недоросточки:
— «Теперь-ночь да времена-то те сбываются,
Как у старых стариков было рассказано!»

Тут мы думали с надежной головушкой:
— «Как пропитывать сердечных малых детушек?
Накошилася станичущка детская!»
Говорила я надежной головушке:
— «Да ты съезди-ко на малой этой лодочке

Хоть во город да ты съезди Повенецкой,
Наживи да ты, надежа, золотой казны,
Да мы купим-то довольных этих хлебушков,
Мы прокормим-то сердечных малых детушек!»
Как во ту пору теперь да в тое времечко,
Как по этой почтовой ямской дорожке
Застучало вдруг копыто лошадиное,
Зазвонили тут подковы золоченые,
Зазвенчала тут сбруя да коня доброго,
Засияло тут седельшко черкасское,
С коньят пыль стоит во чистом поле,
Точно черной быдто ворон приналётывает, —
Мировой этот посредник так наезживал!
Деревешские ребята испугались,
По своим домам ош да разбежались!
Он напал да на любимую сдержавушку,
Быдто зверь точно на упадь во темном лесу!
Я с работушки, бедна, убиралася,
Из окошечка в окошечко кидалася, —
Да куда ж мою надежу одевают?
Я спросила у снарядовых суседушек.
Как суседушки ведь мне не объяснили,
Чтобы я, бедна горяща, не спугалася.
На спокой да легли добры эти людешки,
Ужо я, бедна, в путь-дорожку отправлялася,
Чтоб проведать про надежную головушку.
Уж как этот мировой да злой посредничек,
Как во страдную, в рабочу пору-времечко
Он схватил его с луговой этой поженки,
Посадил да он во крепость во великую,
Он на три садил господних божьи дёвечка,
На четыре он на летных эти поченьки,
Отлучился что без спросу на педелюшку.
Топно плакали сердечны мои детушки,
Не могла стерпеть, победная головушка,
Я глядеть да на детины горячи слезы —
Я склонилася в тяжелую постелюшку
С-за этого злодия супостатого,
Что обидел нас, победных головушек,
Присрамил да он при обчестве собрапом;
Со бесчестья в лице кровь да разыгралася,
Со стыда буйпа головка зашаталася.
Ворочался как надеженька со крепости,
В чистом поле неможепье сустигало,
На пути злодний-смеретушка стретала!

.
Вы падите-тко, горячи мои слезушки,

Вы не на воду падите-тко, не на землю,
Не на божью вы церковь, на строеньице,—
Вы падите-тко, горячи мои слезушки,
Вы на этого злодия супостатого,
Да вы прямо ко ретливому сердечушку!
Да ты дай же, боже-господи,
Чтобы тлен пришел на цветно его платице,
Как безумыице во буйну бы головушку!
Еще дай, да боже-господи,
Ему в дом жёну неумную,
Плодить детей перазумных!
Слыши, господи, молитвы мои грешные!
Прими, господи, ты слёзы детей мальных!

.....

2. О ПИСАРЕ

Вопит кума:

Отлишилися заступы-заборонушки!
Как не стало понь стёны да городской,
Припкрылся писаречек хитромудрой
Он во матушку сыру землю!
Вкупе все да мы, крестьяна, сухотуем:
Буди проклято велико это горюшко,
Буди проклята злодийная незгодунка!
Как по нынешним годам да по бедовым
Лучше на свет человеку не родитися;
Много страсти-то теперь да много укасти,
Как больше того великих пригрозушек!
Наезкают-то судьи да страховитые,
Разоряют-то крестьянски оны жирушки,
До последней-то оны да лопотишочки!
Не дай, господи, на сём да на белом свете
Со досадой этим горюшком возитися!
Впереди злое горе уродилося,
Впереди оно на свете расселилося.
Вы послушайте, народ-люди добрые,
Как, отколь в мире горе объявилося:
Во досколыби времена было годышки
Жили люди во всем мире постатейные,
Оны дў-друга люди не терзали.
Горе людюшек во ты поры боялося,
Во темны леса от них горе кидалося,
Но тут было горюшку не местечко —
Во осине горькой листье расшумелося,
Того злое это горе устрашилося!

На высоки эти щельи горе бросилось,
Но и тут было горюшко не местечко —
С того щелье кременисто порастрескалось,
Огонь-пламя из-за гор да объявилось!
Уже тут злое горюшко кидалось
В окнян сине славно оно морюшко,
Под колодишку оно там зашхалось —
Окнян-море с того не сволповалось,
Вода с песком па дне не помутилась.
В досюльпы времена да в прежни годышки
В окнян-море ловцы да не бывали.
Чего на слыхе-то век было не слыхано,
Чего на виду-то век было не видано —
Прошло времечка с того да не со много, --
В окнян-море ловцы вдруг пригодилися:
Пошили оны маленьки кораблики,
Повязали ошы неводы шелковые,
Проволо́ки оны клали-то пеньковые,
Оны плу́тивца тут клали всё дубовые,
Изловили тут свежку оны рыбоньку,
Подняли во малой во корабличек!
Точно хвост да как у рыбы лебединой,
Голова у ей вроде как козлиная.
Сдивовалися ловцы рыбы незнамой,
Пораздумались ловцы да добры молодцы:
По приметам эта рыба да как щучина.
Поскорешеньку ко бережку кидались,
На дубовой доске рыбу пластали,
Распоролн как уловну свежку рыбоньку —
Много множество песку у ей приглотано,
Были еглопутье ключи да золоченые!
Тут пошли эти ловцы да добры молодцы
Во деревенку свою да во селенне,
Всем суседям рассказалися,
Показали им ключи да золоченые.
Тут ключи стали ловцы да применять:
Прилагали ключи ко божним церквам —
По церковным замкам ключи не ладятся;
По уличкам пошли оны рядовым,
По купцам пошли оны торговым —
И по лавочкам ключи не пригодилися.
Тут пошли эти ловцы да добры молодцы
По тюрьмам пошли заключевным —
В подземельные норы ключ поладился,
Где сидело это горюшко великое.
Потихошеньку замок хоть отмыкали,
Без молитовки, знать, двери отворяли;
Не успели тут ловцы-добры молодцы

Отпереть двери дубовые,
С подземелья злое горе разом бросилось,
Черным вороном в чисто поле слетело;
На чистом поле горюшко садилось
И само тут, злодийно, восхвалялося,
Что тоска буде крестьянам пудольная!
Подъедать стало удалых добрых молодцев,
Много прибрало семейных головушек,
Овдовило честных мужних молодых жен,
Обсиротило сиротных малых детушек!
Уже так да это горе расплодилось —
По чисту полю горюшко катилось,
Стужей-ишем оно да там садилось,
Над зеленым лугом становилось,
Частым дождиком оно да рассыпалось.
С того мор пошел на милую скотинушку,
С того зябель на сдовольны эти хлебушки,
Неприятности во добрых пошли людюшках.

К писарю:

Ты послушай же, крестовой милой кумушко!
Буде бог судит на втором быть пришествии,
По делам-судам душа да будет праведна,
Може, стащешь у престола у господнего,
Ты порбескажи владыке-свету истинному
Ты про общество крестьян да православных!
Много множество е в мире согрешены,
Как больше того е в мире огорчены:
Хоть повыстанем по утрышку рапешенько,
Не о добрых делах мы думу думаем,
Мы на соимце бесовеско собираемся,
Мы во тяжких грехах да не прощаемся!
Знать, за наше за велико беззаконье
Допустил господь ловцов да на киян-море;
Изловили они рыбошьку незнамую,
Повыпяли ключи да подземельные,
Повыпустили горюшко великое!
Зло песносное велико это горюшко
По Россиюшке летает ясным соколом,
Над крестьянами, злодийно, черным вороном,
Возлетат оно, злодийно, само радуется:
— «На белом свете я распоселилося,
До этих крестьян я достигнуло,
Не начаются обиды, накачаются,
Не наднутся досады, принавядятся!»
Как со этого горя со великого
Бедны людюшки как море колыбаются,
Быдто деревья стоят да подсушенные,

Вся досюльщина куды да подевалася,
 Вся отцовщина у их пошь придержалася,
 Не стоят теперь стóги перегодные,
 Не пасыпаны амбары хлеба божьего,
 Нет на стойлы-то у их да копей добрых,
 Нету зимных у их сапок самокатных,
 Нет довольных-беззаботных у их хлебушков!
 Ты порбескажи, крестовой милой кумушко,
 Ты пороскажи владыке многомилостливу,
 Что неправедные судьи расселяются,
 Свысока глядят оны да выше лесушку,
 Злокоманно их ретливое сердечушко,
 Точно лед как во синем море;
 Никуды от их, злодней, не укроешься,
 Во темных лесах найдут оны дремучих,
 Всё доищутся в горах оны высоких,
 Доберутся ведь во матушке сырой земле!
 Во конец оны крестьян всех разоряют!
 Кабы ведали цари да со царицами,
 Кабы знали все куницы да ведь московские
 Про несчастную бы жизнь нашу крестьянскую!

3. ОБ УБИТОМ ГРОМОМ-МОЛВИЕЙ

Соседка к соседям:

Как о светлом владычном божьем празднике,
 На ранной на заутрены воскресной
 Пресвятой Ильи-пророк-свет преподобной
 Пролетал он ко престолу ко господнему,
 И проречёт Илья владыке многомилостливу:
 — «Уж я дам да эту тучу неспособную
 Уж я на́ это на чистое на полюшко,
 Я стрелу спущу в крестьянина могучего,
 Заражу да я грудь-то его белую!
 Не могу терпеть велика беззаконья:
 Он не ходит-то крестьянин во божью церковь,
 Он не молится-то богу от желашница,
 О души своей крестьянин не спашается,
 Да он в тяжких грехах попу не кается!»
 Испробоворит владыко-свет тут милостливой
 Преподобному Илье да он громовному:
 — «Что ты хочешь, Илья,— в волюшку всё
 творишь!»
 Как по этой по разливной красной вёснущке,
 На троицкой то было на неделюшке,
 Накрывать стала крестьянская работушка,
 Стали пахари на поле объявлятися.
 Тут повыехал спорядной наш суседушко,

Он в раздольице повыехал в чисто поле,
На эты на распашисты полосушки.
С утра жалобно ведь солнце воспекало,
Была тишинка на широкой на уличке;
На часу́ вдруг тут е да объявилося,
Стало солпышко за облака тулятися,
Наставала туча тёмна, неспособная,
Со громом да эта туча со толкучним,
Вдруг со молвией-то тученька свистучей,
Со этым огнем да она плящним;
На горы́ шла туча на высокне,
Горы с этой тучи порастрескались,
Мелки камышки со страсти покатились.
Уже шла да грозна туча эта темная,
По лесам шла она по дремучним —
Леса к зепи с этой тучи приклонились,
По кбрешку они все приломались!
Уже так да шла грозна эта тученька,
В темном лесе дики звери убоились,
По своим местам звери убиралися!
Становилась туча темна на синё море,
Сипе море со дна все расходилося,
Страшно-ужасно тут море расшумелося,
С луды камни оно тут вырывало,
Волпой на берег оно да их бросало;
В синем море белы рыбы убоились,
По своим стапам рыбы разметались!
По селам пошла туча деревепским,
Зпать, деревьями-то туча разгремелася,
Мать сыра земля со грому надрожалася;
С тучи добрые дома да пошатились,
Со чиста поля крестьяпа убирались,
Во своих домах опы да сохранялись!
С этой страсти крестьяпа, с переплоху
Затопляли свечы да воску ярого,
Тут молили опы бога от желаньца,
Оны кланялись во матушку сыру землю:
— «Снаси, господи, ведь душ да папих грешных,
От стрелы ты сохрани да нас, от молвии,
Пропеси, господи, тучу на чисто поле,
На чисто поле тучу, за синё море!»
На чисто поле тут туча своротилася,
Страшно-ужасно тут туча разгромелася,
Очень плящие огни да разгорелися;
Всё ведь думал-то спорядной наш суседушко,
Тороком да пройде тёмна эта тученька;
Становился под кудряву деревиночку.
Стрела божья тут вдруг да разлетелася,

Не на воду ведь стрелушка, не па́ землю,
Не на звиря в темном лесушке съедучего,
Она пала на суседа спорядового,
Изорвала всё ретливое сердечушко!
Заразил-нобил Илья-свет пренеподбой
Да он славного крестьянина могучего,
Туча темная зараз же уходилася,
Стрела-молвия зараз же приукрылася,
Вдруг поробснело тут красно это солнышко.
Как схватилася спорядная суседушка
За свою она надежную головушку:
Где от тучи, от молвии сохраняется,
Под какой да деревиночкой спасается,
Под малым ли ракитовым под кустышком,
Аль сидит он на катучем белом камышке?
Тут ведь бросилася спорядная суседушка,
Но селу она пошла да деревецкому,
Тут в раздольице бросилася во чисто поле;
Скоро шла да по распахистым полосушкам,
Вдруг увидела ступистую лошадушку,
Доброй конь стоит — головушка наклонена;
Тут ужახнулось ретливое сердечушко,
Не видать да всё надежной головушки!
Тут глядеть стала по чистому по полюшку,
Как зглянула на курчаву деревиночку,
Стоит деревце теперь — в щену разломано,
Ко сырой земле ведь деревце приклопено;
Тут бросилася к кудрявой деревиночке,
Как лежит ейна надежная головушка,
На матушке лежит да на сырой земле,
Бела грудь его стрелой этой прострелена,
Ретливо сердце всё молнией разорвано,
Белы рученьки его да пораскинуты!
Задрожала тут победная семеюшка,
Испугалася надежной головушки —
Нету душецьки его да во белой груди,
Нету зренья у его да во ясных очах,
Во устах его язык да не воротится,
Как убит лежит надеженька подстреленной,
От страсти он, падежа, тучи темной!
Воротилася победная суседушка
Она взад да во село тут деревецкое,
Со раздольица, победна, со чиста поля,
Объявила тут суседам спорядовым,
Как паделала тревоги всему обчеству,
Беспокойства-то крестьянам православным!
Караул да к телу мертву полагали,
К становому тут нарочных отпращивали.

Ты послушай, спорядовая суседушка:
По суду ли то теперичко по божьему,
По велению ли то пупько по господнему,
Было множество цароду на чистом поле;
Как увидли темпу тучу неспособную,
По своим домам тут все ведь убирались!
Твоя милая надежная головушка
Супротивник, знать, владыке многомилостливу,
Он с бахвальства во чистом поле остался,
Со белым светом ведь он да порасстался,
Как убиту эту смерть он получил!
Душа грешная пошла без покаянья,
Телеса его лежат без поминанья,
Не придают да их ко матушке сырой земле!
Приедут как судьи неправосудные,
Будут патьрошить надежную головушку,
По частям резать, по мелким кусочникам!
Как распорют его грудь да эту белую,
Как повынут-то сердечушко ретливое —
У тебя тут, у печальной у головушки,
Обмирать да стане зяблая утробушка,
Будет жаль-тошно надежной головушки!
Ты послушай же, спорядная суседушка:
Не жалый, бедна, любимоей покрутушки,
Заложки снеси крестьянину богатому,
Ты проси да золотой казны по надобью,
Запродай свою любимую скотинушку,
Набери да золотой казны бессчетной.
Как приедут дохтура да славны лекари
Как со этого со города Петровского,
Попроси да, бедна, добрых ты людешек,
Своих сельских проси, бедна, начальничков,
Цисарёв проси, победна, хитромудрых,
Чтоб вступились по победной головушке,
Уговорили б дохтуров да опы лекарей,
Задарили б золотой казной бессчетной,
Чтоб надеженьку твою не патрушйли,
Чтобы белой его груди не пороли,
Чтоб сердечушка его не вынимали,
Чтоб назолушки тебе не надавали,
Чтобы придали ко матушке сырой земле
Телеса-то бы его да без терзанья!
Не убойся ты, спорядная суседушка,
Говори, бедна горюшица, смелёшенько,
Ты корись, бедна, с великоей обидушкой,
Ты упрашивай, победна, с горючмы слезмы;

Може, сдобрятся судьи неправосудные!
Ты сули им золотой казпы по надобью,
Вопотай сули, без добрых ты без людושек,
Тут озарятся опы на золоту казпу;
Как дают опы ведь, може, приказаше
Сколотить эту колоду белодубову,
Приубрать твою надежную головушку
И покрыть да этой матушкой сырой землей!
Тут зови, бедна спорядная суседушка,
Как попов-отцов зови, бедна, духовных,
Зазови, бедна, служителей церковных.
Вы возьмите-тко со чистого со полошка
Вы во свой дом тело мертвое-убитое,
Сокрутите в тонко бело полотенышко,—
На сдиваленьце ведь добрым столько людושкам,
На ереканыце спорядным суседушкам!
Он не вор, кажись, был, не мошешничек,
Он не плут, кажись, был, не разбойничек,
Не хлопотной был в суседах спорядовых;
Уж какой да тяжкой грех вы сочинили,
Что разгневался владыко многомлостливой,
Он не спас его от грома да от молнии,
Не помпловал от тученьки от грозной?
Еще слушай-ко, спорядная суседушка,
Ты схоронишь как надежную головушку,
Ты во матушку схоронишь во сыру землю,
Ты во погребя опустишь во глубокие,
Постаивитесь крестьянска вся работушка
У тебя да у печальной тут головушки,
Разорится дом, крестьянска вся ведь жирушка!
Будешь слыть, бедна кручинная головушка,
Ты бобылочкой, победна, сиротничкой;
Вдруг отстанешь от участков деревенских,
Отлишишься от луговых от поженок!
Ты вспомнишь свет надежную головушку,
Ты поплачешь па раздолье на чистом поле,
Потоскуешь ты, победна, в зеленых лугах!
Ты послушай, спорядовая суседушка:
Не впадись в тоску, великую кручинушку,
Не забудь своей надежной головушки,
Ты зови, бедна, попов-отцов духовных,
Помишай часто любимую семеюшку!
Знаем-ведаем, спорядны мы суседушки,
Была в живности твоя да как надежешка,
Вы не знали, спорядовые суседушки,
Вы ни светлого Христова воскресеньца,
Ни владычного господня божья праздничка;
Да вы в божью ведь церковь не ходили,

Да вы госпуду-владыке не молились,
Всё ведь гнались за крестьянской работушкой;
Удивлялись многи добрые вам людюшки
И срекались спорядовые суседушки
Уже вам да всё победным головушкам!

.

4. О ПОТОПНИХ

Дочь вопит:

Спрядились мы за славное Онегушко
Во утлой малогребной этой лодочке,
С суседями, несчастны, не простилися,
Милосердому владыке не молилися,
Воску ярого свечей не затопляли,
Знать, судинушка по бережку ходила.
Страшно-ужасно голосом водила,
Во дни судинушка плескала,
До суженых голов да добиралась!
Тут от бережка, победны, откачулися,
От крутого мы, несчастны, отпихнулися,
В руки брали мы весёлышка дубовые,
Отправлялися за сине это морюшко.
Выезжали как на славное Онегушко,
Повевать стали ветрышки способные,
И мы мачты тут дубовы становили,
Тонки белы паруса мы распустили;
Вдруг по нашему великому несчастью,
По судьбы, видно, нашей бесталанной,
За тяжкое велико согрешенье,
По божьему господню повеленью
С-под холодной с-под северной сторонушки
Вдруг облака скорёшенько сходилися,
Наставала туча тёмная, неспособная,
Без дождя туча тёмная, без молнии,
Подымалася погода непомерная!
Вкруте буйны эти ветрышки завияли,
С торокамы эти ветры да ведь с западом;
Со хоромышков соломы посрывало,
Со могилушек кресты все сокидало,
На синём море вода вдруг сколыбалася,
Очень страсть как волна-то расходилася,
Пошла россыпь на синём море великая;
Тут дубова эта мачта приломалася,
Мала лодочка у нас да сколыбалася,
И скляпёшенько воды тут наливалося;
Добры людюшки во лодочке спугалися,
Дубовые весёлки с рук повыпали.

С этой страсти великой, с переделоуху
Мы с дү-другом парод ведь не простилсья
И ясных своих оч да не крестили;
Мы не знали того сами, добры людושки,
Как смахнуло среди эта Опегушка
Во этую воду во глубокую!
Утонул отец с дитем да со родимым,
Ои со малым своим да недоросточком!
Едина, бедна дочй, я оставалася,
На снем море, девица, я шаталася,
Трон сutoryки, победна, колыбалася,
Со слезамы тут молитовку творила,
Со горячима пречистой богородице:
— «Ты спаси меня, царица-свет небесная!
Сохрани меня, Микола многомилостливой!
Буины ветры в чистом поле укротились бы,
На снем море волна да уходилась бы!
Да ты дай-ко теперь, боже, дай-ко, господи,
Тиху тишиньку на снем на Опегушке,
Благодать да ты на круглом этом морюшке,
Мала лодочка теперь бы не шаталася,
Уже я, бедна девица, не цугалась бы;
Хоть прибило бы малу эту лодочку,
В острова хоть прибило не в бывалые,
В берега бы стащило незнакомые!»
С этой страсти у меня, с переделоуху
Обмирае моя зяблая утробушка,
Изменилось у победной бело личушко,
Красота с лица девочья потерялася
У мя стбячи во малой утлой лодочке!
За эту за дубовую оклочинку
Перетерло у мя тонки белы перески,
Приотерили тут девочьи белы рученьки,
Приозябли у мяя резвы эти пожепыки,
Задрожалося ретливое сердечушко!
От тошна горя, горюшна, стала плакать,
Стала думать я, несчастна, своим разумом,
Поклонюсь на все четыре на сторонушки:
— «Ты прости, прости теперь, да белой светушко!
Ой ты красное прости да поньку солпышко!
Ты прости меня, родимая сторонушка!
Отдай прости, родитель моя матушка!
Вы простите, спорядовые суседушки!
Тайны милые простите, поровечнички!
Друг-советные, простите, мои подружки!
Ты прости да на белом свете живленьице!
Прости, господи, во тяжком согрешеньи!
Зпать, судьба мяя, девицу, повзыскала,

Для меня, видно, погода поднималась,
На синем море волна да сколыбалась,
Единая в малой лодочке осталась!»
Сговорю еще единое словечушко,
Сотворю да я Иисову молитовку,
Да я крест кладу, победна, по-писаному:
— «Ты повыручи, владыко многомилостливой,
Ты повыздынь-ко, победну, со снзя моря,
Не придай мне-ка смерти ты напрасной!
Буде, господи-владыко-свет, помилуешь,
Я ходить стаю во церковь посвященную,
Я к заутреям ходить да ко воскресным,
Я к обиденкам ходить да ко Христовским,
По вечеренькам ходить буду по троицким,
По измоге я свечей да ставить ярые;
Запродам да я любимую покрутушку,
Я придамся ко крестьянину богатому
Я во летные ему во работнички,
Я во зимные ему во коровнички,
Я возьму да золотой казны бесчетной,
Попрощу да я попов-отцов духовных,
Я служителей, победнушка, церковных,
Прослужу да я молебен богородице,
Я другой да тут владыке многомилостливу,
Отложу да я гульбища со весельцем,
Отменно да тихомерны все беседушки,
Я заброшу все унылы эти песенки!»
Как на синем море, победнушка, шаталась,
Много страсти я, победна, привидала,
Много страстьства я, победна, притерела!
Не радию я, победна, во добры люди
Этой страсти я великой на синем море,
День и ночь да в малой лодочке шатаюча!
Знать, молитовки ко господу доходные,
Сожалела пресвята мать богородица,
Стала тишилька на синем на Онегушке,
Белой свет да стал на широкой на улочке;
Мала лодочка ведь вдруг да ставовилася,
К круту бережку она да пришатилася!
Я никак да не могу тут образумиться,
Взять я ум-разум во буйную головушку,
Уже так, бедной горюше, мне всё кажется,
Быв на синем я на славном этом морюшке!
Тут Иисову молитву сотворила,
Я на крутой, красной берег выходила,
Я сама того, победна, раздивилася —
Знать, по моему девчъему моленницу,
По владыкнну, знать, понь благословленьцу

Вдруг прибило тут ко крутому ко бережку!
Я гляжу, бедна горюша, придумалась,
За какó ж да это место незнакомое?
Уж я вóвки ведь здесь не бываюча!
Тут я села на катучий белой камышек,
Я под этот под ракитовой под кустышек,
Я схватилась за родителя за батюшка,
Я за светушка-братца за родимого:
Во сиём море оны, може, шатаются?
Пораздумаюсь победным своим разумом!
Я пойду да по дубравушке зеленой,
Я по темной этой роще по еловой,
Я вокруг пойду по крутому по бережку,
Я глядеть стану па все на три-четыре
на стороушки;

Примечать стану, печальная головушка,
Я по буйному глядеть стану по ветрышку,
Я по облачкам глядеть стану ходячим,
В депь по красному смотреть буду по солнышку:
С какой стóроны ведь ветры развеваются?
Куды темные леса да пагибаются?
В кою сторону идет да красно солнышко,
От востока ли оно идет ко западу?
Далеко ль моя родимая стороушка?
Вокруг острова пойду я красным бережком,
Призагрию эти резвы свои ноженьки,
Разману да я несчастны свои рученьки.
Распеки, да теплое красное ты солнышко,
Обогрей мое бессчастно ретливо сердце,
Ты девочи победны мои плечушки!
Обумись, моя бессчадна буйна гóлова!
Оглядитесь на свет, яшы мои очушки!
Повзыскать пойду родителя я батюшка,
Во-вторых да светушка братца родимого,
Я сердечного новозличка любимого:
Не прибило ли ко круту красну березку?
Погляжу, бедна кручинная головушка,
Межу этима катучима я камышкэм,
На камышке ль оны да не терзаются?
У бережка оны да не качаются ли?
Черны вороны телесов их не таскают ли?
Собаки ихны костья не волочат ли?
Во тяжких грехах без покаяния
Оны приняли смеретушку напрасную!
Телеса у их пойдут без погребения,
Не приданы ко матушке сырой земле!
Призавие буйным ветрышкэм,
Призагрие красным солнышкэм,

Западет тело снежочиком перистым!
Не знаем мы, победные головушки,
Ни умершей мы ихной там могилушки!
Лучше дал бы господь скорую смерётушку
На своей белой брусовой им на лавочке,
Во своем доме, крестьянской бы во жирушке;
Мы попов-отцов ведь тут да попросили бы,
В божью церковь посвященну мы спросили бы,
Честно-именно ведь их похорошили бы!
Мы бы знали, где могилушка умершая,
На владычной божий праздничек сходили бы!
Сномянули тут мы их да понахали бы!

Я пойду еще, печальная головушка,
Я по славному по крутому по бережку,
Я глядеть стану, сиротна красна девица,
Малых лодочек на шием на Онегушке,
Я ловцов глядеть на луды на подводной;
Я кричать буду, горюша, тухлым глобоском:
— «Не убойтесь-ко, народ, не утрашнитесь-ко,
Вы возьмите сироту да переймите-тко,
Души спасенье своей да залучите-тко!»
Знать, по моему талану по великому
Вдруг захопали весёлышка дубовые,
Показалась малогребна эта лодочка;
Вдруг наехали ловцы да добры молодцы.
Хоть ко бережку оны да становилися,
Оны в лодочке стоят да утрашилися,
На меня, бедну горюшу, огляднися.
Сговорят да тут ловцы-то добры молодцы:
— «Уже что это за чудо обчудилося,
Человек стоит на крутом этом бэрежку!
Что ведь горькима слезама уливается,
Что великой кручиной утирается?»
Тут повышли-то ловцы да добры молодцы
Со этой малогребной оны лодочки,
На этот на крутой красной бэрежок.
Тут я пала, горюша, о сыру землю,
Приклошлася, победна, во резвы ноги,
Стала клубышком во ноженьках кататися,
Стала червышком, победпушка, свиватися,
Горючима слезмы да их ножки обливать:
— «Не убойтесь-ко, народ, да не страшитесь-ко,
Вы возьмите сироту да переймите-тось,
Вы свезите-тко в какое е селепье!»
Оны подняли, победну, от сырой земли,
Стали спрашивать, победпушку, выведывать:

— «Ты откуль взялась теперь да с кем ты ездила,
Вы за красныма ль поехали за ягодмы?»
Отвечала я, победна, слезно плакала.
Говорят еще ловцы да добры молодцы:
— «Ты давно ль взялась на крутой здесь
на бѣрежок?»

— «Уже слушайте, народ да люди добрые,
Вы повирьте-тко победной мне головушке:
Я не знаю-то, победная, не ведаю
От толку сказать, победна, по-хорошему!
Не за красныма поехали за ягодмы,
Мы отравились за сине за Онегушко
Со родителем своим я со батюшком,
Во-вторых да со братцем со родимым,
Как в-третьих да я с суседом спорядовым.
Вдруг по нашему великому несчастью,
Как по этому злодийну бесталаньцу,
Вдруг поднялася погода непомерная,
Призавняли тут буйны столько ветрышки,
Потошло всех победных головушек,
Милого спорядного суседушка,
Желанного родителя-батюшка,
Сердечного света братца родимого!
Я не знаю-то, бессчастная головушка,
Уж я как спаслась, победна, сохранилась;
Трой суточки шаталась во Онегушке;
Знать, не сужено, победной мне головушке,
Потоцуть да мне на сипем на Онегушке!
Малу лодочку теперь да пришатало,
К круту бережку ведь ю да прибывало!
Сохранил меня господи, помиловал
От беды-смерти, победнушку, напрасной,
От воды меня, горюшу, от глубокой!
Кабы знали про то, светушки, бы ведали,
Сколько страсти приняла я, сколько ужаси!
Вы возьмите-тко скорее, люди добрые,
Переймите-тко, ловцы да добры молодцы,
Вы во эту малогребну меня лодочку,—
Холодпѣшепка, победна, голодпѣшепка!»

.....
Меня взяли тут ловцы да добры молодцы
Во эту малогребную во лодочку,
Отвезли меня за сипес Онегушко,
На милую родимую сторонушку.
Удивились народ да люди добрые,
Устрашались суседи спорядовые:
— «Это что теперь за чудо причудилося?
Со сипя моря ведь диво объявилося,

Как со мертвых она да восставала,
На родимую сторонку доставалася!»
Все собралися суседи спорядовые,
Объявили тут властям да оны сельским;
Приходили писаречки хитромудрые,
Садилися к столу да ко дубовому,
Вынимали лист бумаженьки гербовой,
Меня спрашивать тут стали да выведывать:
— «Где топули ведь вы е да во синём море?
Да ты как, красна девица, оставалася,
На синём море ты в лодке сохранялася?»
Допросушки от бедшой отбирали,
На гербовой лист-бумагу обчинили
И становому то начальству доносили.
Тут боялася, победнушка, полóхалася —
Как прииде становой да веё начальничек,
Он куды кладет победную головушку?
Меня сошлют со родимой, може, родинки;
Буду страствовать, победна, слезно плакать?
Уж как я, бедна, кручинная головушка,
По горям теперь, победнушка, по пóзорам,
По допросам-то пошла да по великим!
Умом-разумом ведь наб да применитися,
Наб стоять да пред начальством мне шататися,
Говорить надо, победной, не мешатися.
Отвечать буду, победна, таково слово:
— «Я не знаю ведь, горящица, не ведаю,
Уже что да ведь над нама сочинилось!
Буйны ветрышки ведь е да поразвилялись,
Уже вкруте тут волпа да расходилася,
Пал ведь тóрок теперь да пeудольной,
Сильной сивер-то завиял тут свиреной,
Мала лодочка у нас да сколыбалася,
Дубовá мачта на пей да приломалася,
Тонки белы паруса вдруг обрывалися,
Утопул да тут родитель милой батюшко,
Света братца тут смахнуло буйным ветрышком
Середе да сия славного Онегушка,
Тут же сбросило спорядшого суседушка,
Их смахнуло разом в водушку глубокую!
Я сама себя, победнушка, не знала,
Уж я как да на синём море спасалася,
Трои суточки я без вести качалася;
Тут прибило ко крутому ко бережку,
К темну острову меня да не к бывалому;
Тут повышла я на матушку сыру землю,
Я на этот на крутой красной бёрежок;
Тут приехали ловцы да добры молодцы,

Отвезли меня, сиротну бедну девушку,
На родимую меня да на сторонущку;
Спорядовые суседи собиралися,
Дива дивного оны тут дивовалися,
Сожалили все печальную головушку!
Ты помилуй-ко, судья да правосудная!
Ты снаси меня, власть да милосердная!
Не молила я родителю погибели,
Не топила света братца я в синём море,
Не спустила я суседа в глубоку воду;
Знать, судьба да их такая сустигала,
Их судишушка голов да повзыскала!
Но владыкину господню повеленью,
Знать, им сужено ведь смерть принять потоншая,
Потонуть да, знать, им сужено в синём море!
Я не знаю же, победшушка, не ведаю,
Може, прибило где к крутому ко бережку,
Телеса, може, на камышках терзаются,
Може, птиченька ведь их да патаскается!
Смилосердуйся, судья да правосудная!
Не пзьянь-ко ты победную головушку,
Не зори меня, сиротну красну девушку!
У мяя нет да золотой казны бесчетной,
Нету скатных, перебранных отдать жемчужков,
Задарить тебя, судью несправосудную!»
Не острастил-то пачальник, не сполохал,
Потихошеньку подпал он к красной девушке,
Не свирепо он со мной да разговаривал,
Он погладил-то по младой по головушке,
Умилыишенько меня да он выспрашивал:
-- «Ты по своему скажи да по девичеству,
Но души скажи теперь да ты по правдушке.
Ты о страсти своей да скажи ужаси,
Что случилось у вас да сочинилось?»
Удивился он судьбы моей несчастной.
Сговорил он мне, победной, таково слово:
— «Верно, господу молилась от желашница,
Богородице молилась с горючмы слезмы,
Не соробела печальна, не сполохалась,
Ты шатаюча на синем на Онегушке!
Уж как этыма темныма-то нощеькам,
Торок-буйны очень ветры развеваются,
Страшно-ужасно вода да колыбается,
Шибко лодочка теперь да расшатается;
Ты держалась за дубовую оклочипку,
Перетерло твои белы эты рученьки!»
Сговорил да стаповой еще начальничек,
Он народу сговорил да людям добрым:

— «Да вы съездите за сипе за Онегушко,
Пощите телеса да там бездушные.
Буде пайдете потонных — схорощте-тко,
Телеса до ко сырой земле предайте-тко!»

К соседям:

Вы послушайте, споридные суседушки:
Как сегодня, учетным долгим годышком
Па наше па хоромное строещице
Прилетела лесова птица незнамая,
Как садилась па хоромное строещице,
Она укула-то, птица, по-зверинному,
Как свистала эта птица по-зменному!
Уж мы тут, бедны горюши, устращилися,
Темной ночью от кренка сна прохвятилися:
— «Что что у нас за зверь да сидит ўкаст
И страцат да нас, победных, полохает?»
Всё я думала победным своим разумом:
Знать, беда приде победным нам напрасная,
Пожар там па хоромное строещице
Либо мор да па любимую скотинушку!
Не начаялась, победна, не падиялась
Я над милым родителем, пад батюшком;
Я не думала про братца про родимого,
Что потон буде па снем па Онегушке!
Ночь у нас да у печальных головушек
Така да е обидушка песносная!
Не радела бы, обидна красна девица,
Я бы вбропу, победна, во темных лесах,
Не радела бы суседям спорядовым
Я потону бы па снем па Онегушке!
Я привидела, победна, много горести,
Натерзалася, победна, нашаталася,
Со белым светом, победна, напроцалася!
Я не думала, несчастна красна девушка,
Что быть да мне, победной, па святой Руси,
Что ходить, бедной горюше, па сырой земле!
Ночь судил да боже-господи
Мне-ка быть да па родимой па сторонушке,
Во победном во сиротском теплом гнездышке,
На своей мне-ка брусовой белой лавочке!
Знать, подружки обо мне да помолчилися,
Видю, девушку меня да пожалили!
Вы послушайте, народ да люди добрые,
Подойдите-тко, души да красны девушки,
Да вы ставьтесь-ко под праву ко мне рученьку!

С этой страсти у меня да с переполоху
Буйна голова, у беднушки, не гладится,
Прядка с прядкой в русой косы не сплетается,
Побусили жемчуги да перебрапые,
Изорикавели колечка золоченые!
Быв с того свету, горюша, объявилась,
Со снтя моря, горюша, выставляла!
Не дай господи того да на белом свете
Уже быть да ведь на страсти такой Ыжасти!

К матери:

Ты послушай же, родитель моя матушка!
Хоть меня да ты, родитель, спородила,
Во несчастной день, победнушку, засияла,
Ты не участью-таланом паделяла;
Приносила хоть в хоромное строепыще,
Не в большой угол меня да полагала,
На кирпичную, зпать, печеньку ложила
И сосновую лучину подстинала,
Тут великим несчастьем награждала!
Столько жаль бедной горюше мне, тошнешенько,
Великого родительска желашпыца,
Светушка братца родимого
И милого спорядного суседушка!
Как могучий я был бы богатырь,
Кабы силушка была у мня звершная,
Потяги да у мня были лошадиные,
Пакатала бы катучих белых камышков,
Загрузила бы я славное Онегушко!
На снйём море волна бы не сходилася,
Со желтым песком вода бы не мутилася,
Малогребных этих лодок не шатало бы,
Тонких белых парусов не обрывало бы,
Бесовишньных голов да не тошило бы,
Уж как мужнних бы жен да не слезило бы,
Сирот малых детей не оставляло бы!
Теперь всё прошло у нас да миновалося,
Со тоской-горькой кручиной я позналася,
Талан-участь на снйём море оставила,
Мое счастье в синем море утопуло всё;
Ночь решилося великое весельще,
Миновалося любимо доброумьще!
Надо слыть да бедной дочери безотпей,
Как печальной сестры да мне безбратней,
Ночь не красит-то любимая покрутушка,
Не цветет да на мне цветно это платьще!
Как не жемчужком головка изнасяша —
Великой кручинушкой паделена,

Ясны очушки не сахаром насынаны —
Горючима слезамы пришаполнены!
Не песут меня, печальной, пожки резвые
Уж как на́ этот на кру́той красной бѣрежок,
Не глядят мои несчастны очи ясные
На сие на славное Онегушко!
Не радио я, победная головушка,
Уж я добрым, горюша, столько людюшкам
Ходить-ездить-то теперь да по синю морю
Во этих малогребных во лодочках!

5. О ПОПЕ-ОТЦЕ ДУХОВНОМ

Вопит соседка:

Как сегодня, сего дѣнечка,
Сего дѣнечка господнего,
Что за чудо причудилось,
В мире диво предъявилося:
Уж как зои теперь мешается,
Церковь божья-то шатается;
Наш священник трѣдным трудится,
С белым светом расставается.
Во обиды тут крестьяна собираются,
Межу собой оны да думу думают:
Уже нет, да такова пона не видано,
Больше не видать священника хорошего!
Не уныслива он был, да поп, головушка,
Примерная душа, благочесливая;
Он рачитель до участков деревенских был,
Всегда кехтал на крестьянскую работушку!
Как на чистых он полюшках похаживает,
Так подрясничек от ветрышка подмахивает.
Он старатель был до церкви богомольной,
Он служил всегда обидни-то по правилу,
Он заутрепы по божьим по законам:
Начало полагал он по-писаному,
Божью книгу читал да умильнешенько;
Здымал ручешки он свыше головы,
Всѣ молился о нас да он о грешных;
Как головушка его да посвященная,
Права ручешка его благословленная.
Он предоброй был отец да поп духовной:
Что случится ли при трудной постелюшке
Аль тяжелая родимца объявится,
Хоть там пошлют недоростка невеликого,
Среди да этой темной пошлют ноченьки,
Беспокоят хоть попа-отца духовного,
Поскореньку от крепку сну пробуждается,

Суровешенько в одежду одевается,
По закону-то берет ризу священскую,
По читанью-то берет да книгу божью;
Присезжает он, священник, среди ночи,
Говорит этот священник потихошеньку,
Отшпирает он книгу полегоньку;
Буде малой тут благоденств тяжелейшепек,
Проведет да он в веру во крещенскую,
Во крещенскую он веру христианскую.
Говорят да тут крестьянина православные:
— «Спаси, господи, поща-отца духовного,
Что трудился он во темной этой почепке,
Не страшился ни погоды он, ни падары».
Запосило хоть путь-широку дороженьку,
Хоть проезду пет во санках самокатных,
Он закону-то, отец, не поступает,
Среди ночи крестьян да он ведь слушает.
Буде что да у крестьянина случилось,
Хоть беда ему на грех да сочинилась,
Он к духовному отцу тут приезжает,
Сговорит ему крестьянин такову речь:
— «Куды хошь клади, отец да поп духовный,
У нас теперь незгодушка случилась,
Мало дитятко на лавочке убилось!»
Стане по избы священничек похаживать,
Он не грубо-то, священник, выговаривать
И с простым-то мужичком да разговаривать:
— «Вы как это дите не досмотрели?
Со белых ли вы рук да уропили?
Говори да ты, крестьянин, не мешайся-тко,
Ты поща-отца, меня, да не пугайся-тко,
Ты скажи да мне по правде всё, по истине,
По закону ты скажи да всё по божьему,
Ты отцу да мне не скройся-тко духовному!»
Говорит да тут крестьянин православной:
— «На работе в то я время прилучился,
Ко мне детушки во поле прибежали,
Потихошеньку про горе рассказали;
Я пришел как во хоромное строенье:
Стоит мать да над дитем тут погибает,
Сама горьки она слезы проливает!»
Воспроговарит же поп-отец духовной:
— «Что поделаем, крестьянин православной,
Мне-ка жаль тебя, дите мое духовное,
Ужо как тебя будет сохранить,
От великой беды мне оградити?
Не проведали б судьи неправосудные
Про твою беду-незгоду про великую!»

Тут крестьянин ему в ноги поклоняется,
Испроговорит ему да таково слово:
— «Сохрани да нас, батюшко, помилуй,
От изъяпу, от напасти от великой,
От судей нас сохрани неправосудных!»
Говорит да тут поп-отец духовной:
— «Спряжусь к вам во хоромное строещице,
Возьму книгу я под правую под пазушку,
Во леву руку я тросточку камышеву».
И скоренько сам подрясник накидае,
Он поповску черну шляпу надевае,
На добра коня священничек садится
И попрежде в путь-дорожку поспешает,
Вперед-то едет крестьянина он бедного;
Презикает ко крылечнику скорешонько,
Проходит во хоромное строещице,
Уж он крест кладё, священник, по-писаному,
Он поклон ведё, священник, по-ученому,
Поклон первой пресвятой да богородице,
Он еще поклон большухам подомовым;
И сговорит да тут священник таково слово:
— «Вы заирите-тко двери поскорешонько,
Вы издуйте огонька да суровешонько,
Затопите-тко свечу да воску ярого:
Быдто дятятко буде исповедапо».
Говорить стане священник, всё наказывать,
Потихошеньку ведь нас да уговаривать:
— «Вы не бойтесь-ко, крестьяна, не полóхайтесь;
Уж дам вам свое рукописаще,
Я избавлю от напасти страховитой,
От убытку, от изъяпу от великого!»
Тут прознали то судьи неправосудные,
Пришел староста теперь да со рассыльными,
С писаречком пришел он с хитромудрым,
Стали спрашивать оны, с ума выведывать:
— «Что сдиялось у вас да сочипилось?
Не болело у вас дите, не хварало,
Ужо как да у вас вскоре оно померло?
Говорите-тко вы нам да не мапите-тко!»
Тут стращать стали крестьянина, полóхать:
— «Донесем да мы начальству про то вышшему!»
Задумался крестьянин православной,
На священского попа он опирается,
Уже этой он бумагой оправдается.
Сговорит еще власть немилосердая:
— «Ты купи нам полуштоф да сладкой водочки,
Уже дай да золотой казны по надобью,
Тут повирим мы попу-отцу духовному,

Мы забросим все дела да уголовные!»
Тут поит их крестьянин сладкой водочкой,
Он дарит их золотой казшой по надобью;
Запоходят мироеды голопузые
Со этого хоромного строебница.
Сговорит да тут крестьянин со большухами:
— «Спаси господи попа-отца духовного,
Что сохранил да от беды он нас помиловал,
Что придал он ума-разума в головушку!»

.

В конце отпевания:

И гляжу-смотрю, печальная головушка,
Много-множество понов стоит духовных,
Еще больше е причетов-то церковных;
Все сокручены во ризах во опальных,
Погребешнице поют да упыльпешепько.
На гробу да эта риза золоченая,
На белых грудях книга эта божья,
Кругом-наокол подсвечники злаченные,
Все зажганы свечи да там наместные,
Много-множество народу людей добрых
Сожалниют-то попа-отца духовного;
Все забросили крестьянскую работушку,
Проводить пришли служителя церковного.
Вы простите-тко, мир да всё вы обчество,
Вы простите-тко попа-отца духовного!
Во подсвечниках свечей уж потухают,
Херувимские стихи уж доневают;
Все поны-отцы теперечко прощаются,
К телесам опы его да прилагаются!..

.
.

6. ОБ УПЬЯНСЛИВОЙ ГОЛОВУШКЕ

Жена покойного вопит:

Как вчерашним-то господним божьим дёнечком
У этой божьей церкви посвящённой,
У матушки пречистой богородицы
Был владычной-то господень божий праздничек,
Собиралися парод да люди добрые,
Соезжались все сродчи-милы сроднички.
Мы повыстали по утрышку ранешенько,
Уж я стряпала стряпню тут суетливую,
Да я ладилась к владычному ко праздничку.
Я спросилась у любимой семейшки.
У пристаршей богоданной в доме матушки,

Тут давалася, печальная головушка,
Я у упьяпсливой надежной сдержавушки
Ко моей милой сестричущке родимой:
— «Ты возьми меня, печальную головушку!»
Говорила мне упьяпслива головушка:
— «Рано ладисься к владычному ко праздничку,
На брусовой поостанешься на лавочке!»
Уж он впряг скоро ступистую лошадушку
Он во этии во сапки самокатные,
Он не взял меня, печальной головойшки,
Погостить да ко сестричущке родимой,
Повидаться мне, победной, с родом-племенем!
Поосталась во хоромном я строенице,
Шла я заперла воротичка дубовые,
Да и села на брусовую на лавочку,
Тут под малое косевчато окошечко,
Я глядеть стала на широкую на улличку,
Я смотреть да на спорядных суседушек —
Поезжают как в снарядной покругушке
Уж как добрые жены со мужёвьями;
Я раздумалась, победна, порасплакалась,
Под косевчатым я сидячи окошечком,
Под туманной стекольчатой окошечкой;
Тут я тяжкого греха-то залучила,
Мужу скорую смеретушку молила.
Не сдвуйте-тко, народ да люди добрые,
Помолила что я скороей смеретушки
Удолила всё тоска меня великая,
Ушибать стала злодийная кручинушка;
Хотя ж не взял ко владычному ко праздничку,
Не для праздничка, горюша, заобиделась,
Не для гостыща, горюша, закручинилась.
Вы подумайте, народ да люди добрые,
Вы поверьте-тко победной мне головушке:
Я с досадушки словечко сговорила!
Не дай боже ведь того, да боже господи,
Не радио многим добрым я людюшкам
Столько жить да ведь за горькими за пьяницам!
Уж как я жила, печальная головушка,
За безумной за надежной сдержавушкой,
По царевым кабакам да находилася,
У питейных я домов да настоялася,
Я за выручку глядела-надрожалася,
Назвалась свою надежицу, накланялась,
Я бесчестыца, победнушка, наслухалась,
Уж я смертных побоев натерпелася!
Он стыдил меня, бесчестил при добрых людях!
Кажись, дому я житья да не последнего,

Отца-матушки я дочь была разумных;
Век судьячила победна я головушка
На своих я на желанных родителей,
Что новыдали на чужку на сторопушку,
За ушьянслива млада сына отецкого;
Какнишь, знаком был остудник млад отецкий сын,
Да я шесть жила учетных за ним годышков,
Он ведь темные-то почешки прохаживал,
До полупочи он вечера просиживал
По этим по царевым большим кабакам,
Испивал да он хмельны эти паниточки,
Разорял да он крестьянску нашу жирушку.
Уж он прошил-то снарядно мое платицо,
Произвел мою жемчужную подвосточку,
Он на вишны пропивал да всё на чарочки!
Сождала я, победна, до полупочи,
Я сидела под косевчатым окошечком,
Резвы пожешки держала на дороженьке,
Белы рученьки держала на заложечке,
Буйну голову, горюша, во окошечке,
Нены очушки держала во чистом поле
Так сжидала горьку пьяницу-пропону!
Уж он пьян не пьян иде да всё шатается,
Надо мной, бедной горюшей, надмехается.
Я навиделась, победна, неприятностей,
Я намыкалась, победна, много горести!
Со двора прошил любимую скотинушку,
Со кошошенки сменял да копя доброго,
Заложил да он участки деревенские,
Запродал да он луговы эти поженки,
Всю он прошил золоту казну бессчётную.
Хоть он съехал ко владычному ко праздничку,
Я ждала, бедна горюша, дель до вечера,
Не спала да я всю темцу эту ноченьку,
Просидела под косевчатым окошечком,
Проглядела на путь-широку дороженьку!
Приезжали многи добры эти людишки
От владычного господнего от праздничка,
Я спросила у спорядных суседушек:
— «Вы скажите мне, суседушки-голубушки,
Не видали ли надежной там головушки?»
Говорили мне спорядные суседушки:
— «Ты не спрашивай, горюша, не выведывай
Про ушьянсливу надежную головушку,
Уж он пьян ходит у божьего у праздничка,
Тут поставлена ступистая лошадушка!»
Возгорчилась я, победна, порасплакалась:
— «Буди проклята, судьба моя несчастная,

Горька участь-то моя да неталанная!
Лучше матушка меня не спородила бы,
Иль замужницей меня не наделила бы!»
Как сегодня, сего дёпечка господнего
Я ставала хоть по утрышку ранешенько,
Не ключёвой водой да умывалася,
Я не в тошко полотню да утиралася,
Я не сном да темну почку коротала ведь,
Дума думушку, победной, пошибала,
В сон головушка была да не приклонена,
Всё я думала победным своим разумом,
Что запыется ведь законная державушка!
Так повышла я на широкую на уличку,
Белой свет да вдруг рассветился;
Я зглянула на путь-широкую дороженьку,
Как идет да там ступиная лошадушка,
Человек сидит на санках незнакомой!
Тут ужáхнулось ретливое сердечушко,
Обмирать да стала зяблая утробушка!
Пораздумалась победным своим разумом:
Я дожду эту ступистую лошадушку,
Я спрошу у этих добрых у людусек,
Про свою спрошу надежную головушку!
Подходить стала ступиная лошадушка
Ко мбему крылечнику перёному,
Ко мбему теперь да широкú двору;
Пятисотские сидят да со рассыльными
Как на этих на санках самокатных,
Сговорят мне-ка, победшой, таково слово:
— «Нету в живности твоей милой державушки!»
Тут задумалась печальна я головушка:
— «Уж где да пришла скоряя смеретушка?
Потихошеньку победнушке скажите-тко —
Не во все люди, горюше, объясните-тко —
Во царевом ли пришла да ему кабаке,
Аль застынул он на широкой на уличке?»
Говорили мне, победной голове:
— «Сустигала его скоряя смеретушка
Как во этом во царевом большом кабаке,
За вишней сустигала его рюмочкой,
Запивался-то ведь он да в зелено вино,
Очень сблож был до сладкой он до водочки!»
Вы послушайте, народ да люди добрые!
Проливаю хоть несчастна горючи слезы,
Не сдвуйте мне-ка добры того людуски,
Не жалию я надежной голове:
Разорил да он крестьянку пашу жирушку,
Он повыносил довольны эти хлебушки;

Поостались мы, победные головушки,
Среди грязи, горюши, на погибель!
Не выдали-то сердечны мои детушки
Век желанья от родителя от батюшка,
Не пошиты по резвым погам саноженьки,
Не положены по плечам теплы шубоньки;
Оны ласкова словечка не слышали,
Не спашнулся-то родитель до их батюшко,
Не приголубил их ко белым ко ручешкам,
Не гладил их по млáдой по головушке;
Обиждал да всё сердечных малых детушек,
Изгонял их из хоромного строения,
Не давал да им довольных этих хлебушкó!
Не песли бы теперь резвы меня пожепки
Во злодейпой бы теперь да во царев кабак!
Меня отдали на чужу как сторонушку,
Знать, не участью-таланом паделили,
Злым великим бессчастьем наградили!
Уж как это злодйное бессчастье
Вперед да в божью церковь приходило,
Вперед да райских дверей становилось,
Под златым оно венцом да принасло,
На буйную мою оно головушку!
Уж как это злодйное бессчастье
Круг палоя вперед да обскочило,
Вперед да в путь-дорожку спаряжалось,
На судимую сторонушку скатилось,
За дубовой стол бессчастье собиралось,
Во почётной во большой угол садилось,
За праву руку бессчастье ухватилось:
После этого венца вскоре злаченого,
После этого стола да княженецкого
Ко моей милой надежной тут головушке
Вдруг пришло да ведь великое безумице;
Знать, по моему злодйну бесталаньицу
Пастушили злые люди-нехорошие,
Погубили тут надежную головушку!
Со той порушки ведь оп да с того времечка
Почасту́ стал во царев кабак захаживать.
Набоялася, победна, наполо́халась,
Настоялась у дверей я у дубовых,
Сожидаючи надежную головушку!
Тут я господá владыку попросила,
За лихих людей я бога помолила:
— «Спаси, господи, людей да нехороших,
Отлей, господи, да людям этим злым,
Стрйть их, господи, на вто́ром на пришествии,
Кто сгубил мою надежную головушку,

Разорил пашу крестьянску эту жирушку.
Приходить стане владычной божий праздничек,
Да как светлое Христово воскресеньцо,
Говорить стагу, печальная головушка,
Я уньясливой надежной сдержавушке,
Стану плакать я, горюша, уговаривать:
— «Обратись, моя любимая семеюшка,
Ты отстань да всё от сладкой этой водочки,
Ты от этых от вишних от рюмочек,
Ты спяхнись да о души своей о грешной,
Ты иди да в божью церковь посвященную,
Помолись да ты богу от желаньца,
Ты покайся-тко попу-отцу духовному,
Может, вбзвратит владыко многомплоствивой
Да на доброй тебя путь он на хорошей;
Может, даст господь духовна ума-разума,
Ты забросишь все хмельны эты напшоточки!»
Возгорчится свет надежна тут головушка,
Испромолвит мне единое словечушко:
— «Ты несчастная пришла да неталанная,
Хоть я брал тебя, жену, себе по разуму,
По уму да брал семью себе по совести,
Уж как не зашло талану мне-ка участи!»
Тут сусстигло вдруг великое бессчастьице,
Он не слухал-то ведь добрых столько людюшек,
Уж он господа-владыки не боялся,
Роду-племени ведь он да не стыдился,
Родной матушки своей он не страшился.
За его, знать, за велико беззаконье
Пошла душенька его без покаянья!
Как свели его, смутили эты демоны
Во этот злодийной во царев кабак,
Запивался да он там зелена випа.
Не радела бы победна я головушка
Никакому человеку я бы злону
Уж я этого великого бессчастьица!
Кабы знала я, горюша, про то ведала,
Призапетсяя что надежная сдержавушка,
Я спорядным бы соседям покорилася,
Уж я добрых людей да попросила бы —
Не спускали бы его да во царев кабак!
Я о праздничке бы в доме не осталася,
Я давалася до надежной бы головушки,
Я держала бы, победна, под праву руку,
Уласкала бы, победна, потихошеньку.
Знать, судил господь законной державушке
Принять смерть ему, надеже, с зелена випа!
Удивились все спорядные суседушки,

Что певзгода сочилилась вдруг великая;
Проклинают его добры эти людюшки,
Что паделал суматохи он всему миру —
Беспокоиться по темным наб по поченькам,
Наб сидеть им тут у тела запитущего.
Наб отпавить объявелье во Петров город,
Наб прелобжить-то ведь лекаря умильного
Ко этому телу ко мертвому!

К соседям:

Спаси господи крестьян да православных,
Что послушали победную головушку,
Да вы сделали колоду белодубову,
Исконали да вы погреба глубокне
Про уньяслива суседа спорядового!
Ай же слушайте, суседи спорядовые,
Я корюсь да вам, несчастная головушка:
Не спокнийте-тко победных моих детушек,
Мне придайте ума-разума в головушку,
Дом вести да как крестьянска мне-ка жирушка!
Ночь раздумаюсь печальным умом-разумом,
Хоть нет нахаря на чистом этом полночке
Разорителя в хоромном пет строещице;
У меня, да у несчастной у победпушки,
Ночь не ржавее ретливое сердечушко
Об уньясливой надежной о головушке;
Уж я в сытость горьких слез напроливала,
Наболелася ведь буйная головушка,
Намутились несчастны мои очуники;
Ночь одна у мяя великая заботушка:
Не урошить бы мне крестьянской этой жирушки,
Воспитать да мне сиротных малых детушек.
Не дай господи на сем да на белом свете
Век корбтать мне за горькой за пьянницей;
Не порой бедна головушка состарилась,
Не во время красота с лица стерялася!
Куды спись да мое суровство девалося?
На делах была, победна, штуковатая,
На словах была, победна, смысловатая,
Разговорная с пародом-людьмы добрыма;
Как попала я за горькую за пьяницу,
Я сама того, победна, сдивовалася,
Шутки-шмоночки куды мои девалися,
Чваковита поговорюшка сменилася.
Спамятуйте-тко вы, горьки эти няницы,
Во проклятом во царевом его кабаке,

Вы за вишней помяните-тко за чарочкой,
Где вы собираем все пьяницы собиралися,
В коём кабаке вина да папивалися!
 Попрошу теперь попов к себе духовных,
 Я во свой дом, крестьянску прошу жирушку:
 — «Вы господний-то молебен прослужите-тко,
 Уж вы дом — мое житье понь освятите-тко!»

После похорои:

Спаси господи судью да правосудную!
 Спаси господи ведь лекарей умильных!
 Рассудили оны дело по-хорошому:
 Тело грешное оны да занитущее
 Порешили хоронить да поскорешеньку.
 Очень умной-то исправничек допрашивал,
 Не страдал меня, победну, не полюбил:
 — «Ты скажи-тко, сирота, да мне поведай-ко,
 По совету ли у вас да по согласьцу,
 По хорошему ли было у вас с дү-другом?»
 По своей душе, победна, отвечала,
 Я на всей воле, горюша, открывалась:
 — «У нас не было словечушка понь брашного!»
 Он повыстал по утрышку ранешеньку,
 Спарядился, мой надежа, поскорешеньку,
 Говорил да мне, печальнойей головушке:
 — «Я поеду ко владычному ко праздничку».
 Залагал да он ступистую лошадушку
 Во этии во санки самокатные,
 Тут отправился в путь-широку дороженьку.
 Знать, судинушка его да повзыскала,
 Во царев кабак судьба да зазывала!
 Тут пришла да ему скоряя смерётушка,
 Без креста ему пришла да без молитовки;
 Уж богу-то надежа не молился,
 Со любимой семьей да не простился!
 Как поехал путем-широкой дороженьской,
 Я глядела во косевчато окошечко,
 Скрозь туманную стекольчатку околепку,
 Летит ископыт в поле лошадиная,
 Бежит копь, иде дорожкой, подтыкается,
 Как в саночках надеженька шатается.
 Тут раздумалась победным умом-разумом:
 — «Не дождаться мне, победной, по-хорошому,
 Мне не стретить его трезвого на уличке;
 Как заехал-то надежа во царев кабак,
 Он до раннего обеда напивался ведь,

Целой дёпь сидел до поздого до вёчерка;
Его у праздничка суседи не видали,
У владычна сродчи-сроднички не знали».
Тут с надеженькой, победна, порассталася,
Я со малыма детьми оставалася!..

.

7. ПО МУЖУ

Укатилося красное солнышко
За горы оно да за высокие,
За лёсушка оно да за дремучие,
За облачка оно да за ходячие,
За часты звезды да подвосточные!
Покидат меня, победную головушку,
Со стадушком оно да со детиною,
Оставляют меня, горюшу горегорькую,
На веки-то меня да вековечыге!
Нéкак рóстить-то сиротных мне-ка детушек!
Будут по миру оны да ведь скитатися,
По подбóкнюю оны да столынатися,
Будет уличка ходить да не широкая,
Путь-дороженька вот им да не торношенька.
Без своего родителя, без батюшка
Привзвняются-то буйны на них ветрушки,
И набаются-то добры про них людюшки,
Что ведь вольные дети безуенные,
Не храбры да сыновья растут безотпие,
Не красны да сльвут дочери у матушки!
Глуно сделали сиротны малы детушки,
Мы проглунали родительско желаньицо,
Допустили эту скорую смерётушку.
Мы не заперли повых сеей решётчатых,
Не задвшули стекольчатых околенок,
У ворот да мы не ставили приворотчичков,
У дубовых дверей да сторожателей,
Не сидели мы у трудной у постелюшки,
У тяжела, крута складшего зголовьца,
Не глядели про запас мы на родителя, на батюшка,
Как душа да с белых грудей выходила,
Очи ясные с белым светом прощалися;
Подходила тут скорая смерётушка,
Она крадчи шла злодейка-душегубица,
По крылечку ли она да молодой женой,
По повым ли шла сеням да красной девушкой,
Аль калекой она шла да перехожею;
Со синя ли моря шла да всё голодная,
Со чиста ли поля шла да ведь холодная,

У дубовых дверей да не стучалася,
У окошечка ведь смерть да не давалася,
Потихошеньку она да подходила
И черным вороном в окошко залетела.
Мы проглупали, сиротны малы детушки,
Отпустили мы великое желапьице!
Кабы видели злоднийную смеретушку,
Мы бы ставили столы да ей дубовые,
Мы бы ставили скатерти да топкобраные,
Положили бы ей вилки золоченые,
Положили б востры пожички булатные,
Панесли бы всяких ествушек сахарниих,
Наливали бы ей питьеца медвяного,
Мы садили бы тут скорую смеретушку
Как за этие столы да за дубовые,
Как на этии па стульица клеповые,
Отходячи бы ей низко поклонялися
И ласково бы ей тут говорили:
— «Ай же ведь скорая смеретушка!
От господа распятого, знать, создана,
От владыки на сырú, знать, землю послана
За бурлацкима удалыма головушкам!
Ты возьми, злодей скорая смеретушка,
Не жалею я гулярна цветна платьица;
Ты жемчужную возьми мою подвесточку,
С сундука подам платочки левантеровы,
Со двора возьми любимую скотицушку.
Я со стойлы-то даю да коня доброго,
Со гвоздя даю те уздицу тесмяную,
Я седельшко дарю тебе черкасское,
Золотой казны даю тебе по надобью!
Не бери столько надежной головушки,
Не сироть столько сиротных малых детушек,
Не слези меня, победной головушки!»

Отвечала злодей скорая смеретушка:

— «Я не см, не пью в домах да ведь

крестьянских,

Мне не надобно любимой скотицушки,
Мне со стойлы-то не падо коня доброго,
Мне не надо златой казны бессчётной,
Не за тым я у владыки-света послана!
Я беру да, злодей скорая смеретушка,
Я удалые бурлацкие головушки.
Я не брезгую ведь, смерть да душегубица,
Я ни нищим ведь есть да ни прохожим,
Я ни бедным не брезгую убогим».

Тут спроговорит вдова благочесливая:

— «Видно, нет того на свете да не водится,

Что ведь мертвые с погоста не воротятся,
Хоть не дальняя дорожка, — безызвестная,
Не лесные перелески — мутарсливые.
Глупо сделали сиротны малы детушки —
Не сходили мы во улочки рядовые,
Не дошли да мы до лавочки торговья,
Не купили лист бумажешки гербовья,
Не взыскали писарёв да хитромудрых,
Не списали мы родителя-то батюшка
На портрет да его бело это личушко,
На эту на гербовую бумаженку
Его желты бы завивные кудерышки,
Его ясно развеселое бы личушко,
Прелестны бы учтивые словечушки,
Велико бы родительско желаньице!
Как подрастать станут сиротны малы детушки,
Но сеням да станут детушки похаживать,
Из окошечка в окошечко поглядывать,
На широкую на улочку поглядывать;
Приходить стане разливая красна вёснущка,
Новытают снежечки со чиста поля,
Новынесе ледочки со снря моря.
Как вода со льдом ведь есть да поразбьедется,
Быстры риченки с гор да поразбьедятся,
Протекут да ведь мелки малы риченки
Во это в океан да снне морюшко,
Как пойдут наши суседи снорядовые
На трудну на крестьянскую работушку,
Будут пахари на чистых на полюшках,
Сеицы да на распахистых полюсушках,
Малы детушки на мать станут поглядывать,
Сироту да меня, вдовушку, выспрашивать:
— «Ты послунай, сирота же вдова матушка!
Уже где да есть родитель-то наш батюшка?»
Тут я б выняла гербовый лист-бумажешку,
Показала бы сердечным малым детушкам!
Еще скажут-то сиротны малы детушки:
— «Кто же пойде на распахисты полюсушки?
Как у нас да ведь, родитель наша матушка,
Нету пахаря на чистых полюсушках,
Сенокосца на луговых нету поженках,
Рыболовушка на синем нет Онегушке!»
Тут я снахнуся, кручиппа вся головушка,
За свою да за надежную сдержавушку.
Ушибать стане великая тоскичушка,
Унывать стане ретливое сердечушко:
Да как растить-то сиротных малых детушек?

Обращаясь к соседям, вдова падает им в ноги и продолжает:

Поклоню да свою буйную головушку,
Покорю свое печальное сердечушко
Я со этой вышины да до сырой земли,
Своим милым споридовым суседушкам:
— «Не откиньте-тко вдову вы бесприютную
Со обидными, сиротными детушкам,
Да вы грубым словечком не обидьте-тось,
Да вы ббльным ударом не ударьте-тось!
Как пойдут мои сиротные к вам детушки
По вашему крыльцу да по перёлому,
Не заприте-тко новых сепей решётчатых,
Допустите в тепловито свое гнездышко,
Ко дверям да вы на дверную на лавочку,
Да вы милостину им тут сотворите-тко,
Сиротам моим бессчастливым малым детушкам,
Вы на добрые дела их научите-тось!»
Как допреж сего, до этой поры-времечка
Была в живности любимая семеюшка,
Маломошному суседу не корилася,
Была гордая ведь я да непоклонная,
Я с суседями была да неговорпая!
Не пачаяла я горя, не падицалась,
Что разлукушки с законпой со державушкой,
Что останусь, сирота — вдова бессчастливая,
Я со этой станицей псуодольной,
Со малыма, сердечными детушкам!
Как жила я с падежной головушкой,
Была счастлива ведь я да всё таланная;
Вдруг, зпать, счастье то суседы обзавидали,
Добры людущки меня да приобаяли,
Чёрпы вороны талац, зпать, приограяли,
Видно, участь ту собаки приобаяли!
Как по моему великому несчастью
Тут проклятая злодйика-бесталанница
Впереди меня злодйика уродилася,
Впереди меня в купели окрестилася.
Как жила я у желанных родителей
Во своем да я прекрасном девичестве,
Изнавешена была я цветным платицом,
Изпасажена была я скатным жемчугом.
Мои милые, желанные родители
Тут повыбрали судимую стороцушку,
Мне по разуму млада сына отецкого;
Отпущали на судиму как стороцушку,
Отдавали за млада сына отецкого,
Зпать, не участью-таланом награждали,

Знать, великим несчастьем паделяли!
Уж как это зло великое несчастьице
Впереди меня злодейно спаряжалось,
На судимую сторонушку справлялось,
Во большом углу несчастьице садилось,
Впереди да шло несчастье ясным соколом,
Позади оно летело черным вороном!
Впереди оно, несчастье, не укатится,
Позади оно, злодейно, не останется,
Посторбь оно, злодейно, не отплатится!
Кругом-около несчастье обстолнилось,
Всем беремечком, злодейно, ухватилось
За могучие оно да мои плечушки!

При выносе покойника вдова вопит:

Не спешите-тось, спорядные суседушки,
Вы нести мою надежную семеюшку
Со этого хоромного строеньица!
Ты прощайся-ко, надежная головушка,
С этим добрым хоромным строеньицом,
Со малыма сердечныма детушкам,
Ты со этой-то деревней садовитою,
Ты со волостью этой красовитою,
Ты со этими спорядныма суседушкам!
Вы простите, спорядовы все суседушки,
Мою милую, надежную семеюшку,
Вы любимую законную сдержавушку
Во всех тяжких его да прегрешеньицах
Ссветным его да всё живленьицом.
Вы не спомните, спорядные суседушки,
Уж вы злом его не спомните-тко, лихостью!

Затем, обратившись к вдове-соседке, если она оказывается при этом, продолжает:

Я гляжу-смотрю, печальная головушка,
На тебя смотрю, спорядную суседушку,
На тебя да я, вдову благочесливую!
Отдали ходишь, суседушка, туляешься,
Со мной на речи, победнушка, не ставишься,
На сговор со мной, печальна, не сдаваешься.
Видно, в живности надежная головушка,
Ты в прохладной живешь, да видно, жирушке.

А если есть дети — прибавляет:

Знать, не растишь ты сиротных малых детушек,
Видно, нет в сердце великой кручинушки,
Нет обидушки в ретливом, знать, сердечушке!

Не попустишь ты, суседушка, зычѣн голос,
Ни умильного, складного причитающа,
Зпять, боишься ты великого бѣсчащьяца,
Уж какого с злодейна бѣсталащьяца!
Знаю-ведаю, кручинная головушка,
Знаю-ведаю, кручинная головушка,
Про твое да горегорькое живленьеце:
Ведь ты рѣстишь-то сиротных также детушек,
Во маѣтной, во бобыльской ростишь жирушке!
Не одны родители хотя нас отродили,
Одним учащью-таланом наделили!
Да ты слушай же, бѣсчащная суседушка,
Хоть головушка твоя да бѣзначалная,
Сердечушко твое да бѣспечальное:
Мы с тобой, да свет спорядная суседушка,
Во бѣсчащный день во пятницу засыяны,
Во бѣсталаный день во середу вепорѣжены;
Как во ту пору родители спородила,
Когда кузнецы во кузницах стояли,
Часовые на часы да прибиралися,
Как булат это железо разжигали,
Как железны эти обручи ковали
На пашу на бѣсчащные сердечушка,
На пашу на победную утробушку.
Да ты слушай же, горюша бѣсприютная!
Кабы знала ты, спорядная суседушка,
Про мою да про велику бы невзгодушку,
Про эту бы неспосную обидушку!
Как сегоднѣшним господним божьим денечком
Без воды да резвы ножки подмывает,
Без огня мое сердечко разгоряется,
Ум за разум у бѣсчащной забегает,
Буйна гѣлова без ветрышка шатается!

Если станут ушмать, вдова вопит:

Дайте волюшку, спорядные суседушки!
Не жалейте-тко печальной горющицы,
Не могу терпеть, победная головушка,
Как долит тоска, великая тоскичушка!
Со кручинушки смерѣтушка не придет,
Со кручинушки душа с грудей не выдет,
Мое личушко ведь есть да не бумажное!
День ко вечеру теперь да коротается,
Леса к зещи-то теперь да приклопяются,
Красно солнышко ко западу двигается,
В путь-дороженьку надежа спаряжается,
Сирота бедна вдова да оставляется
Со бѣсчащною со станицей детищю!
Подойдите-тко, сиротны малы детушки,
Вы ко этой колоде белодубовой,

Вы ко спацливу родителю ко батюшку!
Вы спросите про великое желашьница —
Вам ведь в ком искать великого желашьница
И ласковых прелестных словечушек?
Уже так мне-ка, победной, тошнёненько!
Путь-дороженька теперь да коротается,
Все отцы-поны духовные собираются,
Оны божии-то церкви отпирают,
Оны божии-то книги отмыкают,
Воску яркого свечи да затопляются,
Херувимские стихи тут запеваются!

Соседка отвечает:

Ты послушай же, спорядная суседушка,
Что ведь я сказку, кручинная головушка!
Тебе времечко, суседушка, выспрашивать
Про мое да про победное живлешьцо.
Мне и в вёшней день кручинушки не высказатъ,
Мне в осеннюю неделюшку не выномнить;
Этой злой да всё вдовишней обидушки
Мне на вёшней лед досадушки не вынести,
Хитромудрым писарям да им не вычитатъ.
Как другой живу учетной долгой годышк,
Как я ронцу-то сиротных малых детушек,
Наконилося кручинушки в головушку,
Всё песноссыя тоскичушки в сердечушко;
У мя три поля кручинушки насыяно,
Три озерышка горючих слез паропено.
Во победном сиротском живлешьце,
Во бобыльной во сиротской живу жирушке,
За бобыльским столом да хлеба куняю,
Я не знаю же, победная головушка,
Кое день, кое темная е почепька,
Кое светлое Христово воскресешьцо.
Мы с тобой, моя спорядная суседушка,
Перед господом владыкой согрешили, знать;
Видно, тяжкого греха да залучили!
Мы в воскреспой дещь во церковь не ходили,
Мы молебенов, горюши, не служили
Как пречистой, пресвятой да богородице,
Мы не ставили свечи да всё рублевые,
Мы не клали пелены да всё шелковые,
От желашьница мы богу не молилися,
От усердия владыку не просили мы
Про своих да про законных сдержавушек,
Чтобы господи дал доброго здоровьца,
Он наставил бы им долгого бы вёкушку.
Знать, за наше за велико прегрешеньцо

Дал им господи тяжёло неможепыщо,
 Прислал господи сам скорую смертушку.
 Укорóтал господь долгой-то им векушко,
 Обсиротил нас, победных головушек,
 Без своих жить без законных сдержавушек!
 Да как рóстить-то сиротных малых детушек?
 Надо пбскоки держать да горносталевы,
 Поворотушки держать да сера заюшка,
 Надо полет-то держать да соловьиной;
 Наб на лавочке горюшам не посеживать,
 Наб за прялочкой сажёпки не дотягивать,
 У дубовой надо грядки не постанывать.
 Уж как рóстить-то сиротных малых детушек
 Резвы поженьки у нас да всё притопчутся,
 Белы ручепьки у нас да примахаются,
 Сила мógуча во плечушках придержитя,
 Без морозушку сердечко прирастрескает.
 Как живучи без законной сдержавушки,
 Принакошится злодийской тут кручинушки —
 Не выказывай во добрые во людушки!
 Ты повыбери слободну пору-времечко,
 Ты выдь-ко там ко быстрой ко ричепьке,
 Сядь, победнушка, на крутой этот бережок,
 Прибери да неподвижной синий камешок;
 Тут повыскажи обидуую обидушку,
 Рути слезушки, горюша, в быстру реку;
 Камышок от рички не откатится,
 В добры люди кручина не раскажется,
 Не узнают того добрые-то людушки!

Затем, обратившись к покойнику, соседка-вдова продолжает:

Мне-ка сесть было, печальной головушке,
 Мне ко этому спорядному суседушко!
 Да ты слушай, спорядовой мой суседушко,
 Да как сойдешь ты на иное живленьце —
 На второе па Христово как пришествие,
 Не увидишь ли надежной головушки?
 Ты порбскажи, спорядной мой суседушко,
 Про мое да про несчастное живленьце,
 Про мое да сирот малых возрастаньце!
 Как во этих два учетных долгих годушка
 Прискудалась вся сиротца моя жирушка,
 Разрешетилось хоромное строеньце,
 На слезах стоят стекольчаты околени,
 Скрозь хоромишки воронишки летают,
 Скрозь тынишка воробьишечки падают;
 Большака нету по дому — настоятеля,
 Ко крестьянской нашей жирушке правителя;

Задержали все распахисты полосушки,
 Лесом заросли лугови наши поженки!
 Ты поробескажи, спорядной мой суседушко,
 Скажи низкое поклонно челобитьцо
 От меня скажи, печальной от головушки,
 От сиротного от малого от дитятка!
 Глуно сделала кручинная головушка, —
 Не писала скоропечатой я грамотки,
 Я не клала-то по праву тебе рученьку,
 Ты бы спеш по на второе на пришествие!
 Може, вольная была бы тебе волюшка
 От этого владыки от небесного,
 Може, с дү-другом суседушки свидалась бы,
 Вы на стретушку бы шли да ведь сретались,
 Ты бы отдал скорописчатую грамотку!
 На словах скажи ж, спорядной мой суседушко,
 Ты про мбе про бессчастное живленьцо,
 Про бобыльную, сиротску мою жирушку.
 У меня, да сироты ночь бесприютной,
 Золотой казны на грех да не случилось;
 Как по моему вдовиному несчастьицу
 Были лавочки теперечко не отперты,
 Ночь кушцов да всё во лавках не сгодилося,
 Лист-бумаженки в продаже не явилоса,
 Писарёв да по домам-то не случилоса!
 Всё по моему несчастному живленьицу
 Как у этих писарёв да хитромудрых,
 Отчего у их чернильнички скатилися,
 Как чернила по столу да проливалися.
 Лебединые пера да притупилися?
 Как бессчетная была бы золота казна,
 Писаря-то бы меня да не боялися,
 Написали б скорописчатую грамотку!
 Не утай, скажи, спорядной мой суседушко,
 Моей милоей законной сдержавушке:
 Как после своей надежной головушки
 Я по земским избам да паходилася,
 У судебных-то мест да пастоялася,
 Без креста-то ведь я богу намолилася,
 Без Исусовой молитовки пакланялася,
 Всем судьям, властям ведь я да накорилася.

После отвеания овдовевшая вопит:

Что стою, бедна горюшица, задумалась,
 Чужих басенок, победнушка, ослухалась!
 Дивовать да ведь будут мне-ка людюшки:
 Знать, на радости стою да на весельице,
 Снаряжаю я законную сдержавушку

Как во жирную бурлацку во работушку!
Не в бурлакушки снуцаю того вольные,
Не по эту золоту казну довольную;
Я гляжку-смотрю, печальная головушка, —
Перед Спасом-то свечи да догораются,
Херувимские стихи да допеваются,
Божьи книги теперь да запираются.
Спасет бог да вас, отцы-попы духовные,
Спаси господи служителей церковных,
Что послушали победную головушку —
Потрудилсь — шли во церковь во священную,
Что вы душешку его да отпевали,
Телеса-то вы его да погребали!
Накрывают эту бедную головушку
Уже этою доской да белодубовой,
Опускают-то во матушку сыру землю,
Во погребя его да во глубокие!
Ой, тошным да мне, победнушке, тошнёненько!
Ночь я дольщица Никольской славной улицы,
Половищица Варварской славной буяны,
Ночь я дольщица великой кручинушки,
Половищица злодйной я обидушки!
Мне куды с горя, горюше, подеватися?
Рассадить ли мне обиду по темным лесам?
Уже тут моей обидушке не местечко,
Как посохнут все кудрявы деревнички!
Мне рассеять ли обиду по чистым полям?
Уже тут моей обидушке не местечко —
Задернят да все распахисты полосунки!
Мне спустить ли то обиду во быстру реку?
Загрузить ли мне обиду во озерышке?
Уже тут моей обидушке не местечко —
Заболотеет вода да в быстрой риченьке,
Заволочится травой мало озёрышко!
Мне куды с горя, горюше, подеватися,
Мне куды, бедной, с обидой укрыватися?
Во сыру землю горюше наб вкпатися!
Сиротать будут сиротны малы детушки,
Будут детушки на улочке дурливые,
Во избы-то сироты да хлопотливые,
За столом-то будут детушки едучие!
Станут по избы ведь дядюшки похаживать
И повесело на детушек поглядывать,
Оны грубо-то на их да поговаривать:
— «Ох уж вольные вы дети, самовольные!»
Станут детушек-победнушек подергивать,
В буйну голову сирот да поколачивать.
У меня ж тут, у бедной у головушки,

У мя совьется тоска неугасимая,
Я взмолюсь да тут ко матушке сырой земле:
— «Ты прими да меня, матушка сыра земля,
Схорони меня с спротным малым детушкам!»

Когда умершего зароят, вдова припадет к земле и вопит:

Приукрылся ночь надежная головушка
Во матушку ведь он да во сыру землю,
В погреба ведь он да во глубокие!
Призарыли там надежку с гор желтым песком,
Накатили тут катучи белы каменки!
Прозабыла я, кручинная головушка,
Доспроситься у надежной у державушки:
Когда ждать в гости любимое гостибинцо?
Во полночь ли ждать по светлому по месяцу,
Али в полдень ждать по красному по солнышку?
Али по утрышку да ждать тебя ранешенько,
Али по вечеру да ждать тебя позднѣшенько?
Не утай, скажи, надежна мне головушка;
Ухожу своих сердечных малых детушек
Я на эту на споконну малу поченьку,
С горя сяду под косевчатым окошечком,
Со обиды под туманное околенко,
Сожидать буду надежну тя головушку.
Покажись, приди, надежная головушка,
Хоть с-под кустышка приди да серым зайонком,
Из-под камышка явись да горностаюшонком!
Не убоюсь, бедна кручинная головушка,
Тебя стричу на крылечке перѣном,
Отворю да я новы сени рещѣтчаты,
Запуцу да в дом крестьянску тебя жирунку.
Ты по-старому приди да по-досюльному,
Большаком ты в дом приди да настоятелем.
Видно, нет того на свете да не водится,
Что ведь мертвые с погоста не воротятся,
Но своим домам оны да не расходятся,
Единая стоит могилушка умершая!
У меня, да у печальной бы головушки,
Кабы было золотой казны по падобью,
Я бы паняла ведь плотничков-работничков,
Я бы сделала кивоты белодубовы
Я на эту на могилушку умѣршую,
Чтобы белым спезком не записило бы,
Частым дождичком могилы не залило бы,
Мурава трава на ней тут вырастала бы,
Всяки-разные цветочки расцветали бы!
Я бы почаству туда стала учащивать,
Я бы подолгу ведь там стала усеживать!

У меня, да как печальной бы головушки,
В полном возрасте сердечны были детушки,
Они б ставили кресты животворящие
На этой бы могилушке умершей,
На родителя-кормильца света батюшка.

*Возвратившись с погоста, вдова останавливается
у крыльца своего дома и рыдает, причитая:*

Я приехала, печальная головушка,
Я от этой церкви бояжьей посвящённой,
Я со этой могилушки умершей,
Там оставила любимую семейку,
Я во матушке оставила сырой земле!
Ночь гляжу-смотрю, печальна горенашца,
Я на это на хоромное строеньице,
Повонú — стоит палата грановитая,
Понутру́ -- стоит тюрьма заключевная,
На слезах стоят стекольчатые околени,
При обидушке косевчаты окопечка,
Отшатилось крылечко перёное
От этого хоромного строеньица,
Разрешетились новы сени решётчатые;
Мне нельзя пройти, кручинной головушке,
Во это хоромное строеньице!
Новыщцу пойду любимую семейку
Я по этому хоромному строеньицу.
На этом ли сарае колеснетом,
Во этом ли дворе я хоботнетом
Не залагат ли он ступистой лошадушки,
Не поезжат ли во темпы леса дремучие?
Не могу пайти, печальная головушка!
Вы сжалуйтесь-ко, спорядные суседушки,
Засмотрите-тко печальную головушку,
Не покиньте сироту вы горегорькую
Со сердечныма малыма детушкам!
Сирота ведь я, горюша бесиротная,
Ночь позябну я холодной, студенной зимой,
Ночь помучусь я голодшой смеретушкой;
Нигде нету-то талой талишочки,
Ни в ком нету мне великого желаньица:
Как-то жить буде печальной мне головушке?

Если молода:

Не порой да моя молодость прокатится,
Голова моя не вовремя состарится!
Надо жить бедной горющице умяючи,
По уличке ходить надо тихошенько,
Буйну голову носить надо низешенько,
Наб сердечушко держать мне-ка покорное

Ко тым суседам спорядовым,
Не обидели б сиротной молодой вдовы!

Соседка к молодой вдове:

Не песи гневу, кручишая суседушка,
На меня ты, на приближну свою поддружку,
Что придам тие духовна ума-разума
В бесталашную твою да я головушку!
Ты послушай, хотя ж причеть нехорошая,
Ты вспомни, хоть наказы нелюбимые:
Как послаи своей любимой семеюшки
Затюремничкой ведь ты да не насидишься,
Прозабудешь всю великую кручинушку,
Пооставишь всю злодийную обидушку!
Не носи да свое цветное ты платьецо,
Не держи да ты любимой покрутушки,
Ты не крась да свое бело это личушко;
Будут зариться ведь многи столько людушки,
Приласкаться-то удалы станут мѡлодцы,
Будут ласково тебя да уговаривать,
Что возрѡстим мы сердечных твоих детушек,
Воспитать тебя мы будем, мать безмузную!
Не окинься, бедна вдовушка мѡлодая,
Ты на этих на удалых добрых мѡлодцев,
На баскѹ их мѡлодецкую походочку,
На их цветно ты гулярное на платьецо!
Не окинься на красу-басу с угожеством,
Пи на желтые, завивные кудерьшки,
На учливу, чваковиту поговорюшку,
Не прикинься к ихним ласковым словечушкам!
Живут ласковы словечушки обманчивы
И прелестной разговор их да падемечливой;
С уму с разуму ошы тебя повыведут,
Ты терпеть будешь, печальна, худу славушку!
Не честь-хвала тебе буде вдовиная
Красоту сменять, победна, на бесчестьицо,
Свой тот разум на великое безумьицо!
Тут не хлебушки тебе да не падиошка,
Твоим детушкам ведь тут не приберѣгушка.
Еще слухай-ко, кручинная головушка:
Как пройдет худа слава нехорошая,
Тут отрѣкнется порода именитая,
Не потужат по победной твоей бедности,
Говорить да стацут сродчи-милы сроднички:
— «Эка вольная вдова да самовольная,
За шальством пошла она да за безумьицом,
Много сѹровьства стало — больше удали!
Без своей да без надежной головушки

Стала хорошо ходить да одеватися,
Стала добела она да намыватися,
Уж как речь стала у ей не постатейная,
Разговорухи у ей да пехорошие».
Ты послушай-ко, кручинная головушка,
Хоть хорошо да скажут люди — не дарить их
стать,

Буде грубо тебе скажут — не брашить их стать!
Всё за благо ты, горюша, принимать будешь,
Небылицу ты, горюша, да напрасницу!
Как о светлом Христове воскресеньце,
О владычном ли господнем божьем праздничке
Хоть пойдешь ты во церковь посвященную,
Нустословье про тебя как река бежит,
Напрасничка ведь е как порог шумит,
Говорят да бают люди потихонешку,
Что не госноду пошла богу молитися,
За гульбой пошла она да за гуляньцем,
Но подруженькам пошла да пехорошним!
Во глаза да недоростки посрекаются,
Что гулять да от сердечных ходит детушек.
Ты послушай-ко, кручинная головушка,
Ты оставь да свои прежние гуляньца,
Забывай да свое прежне доброумьцо,
Не смени да многих добрых столько людюшек,
Не бесчести свое род-илемя любимое,
Худой славы на тебя бы не паздыцули,
В чистом поле бы вороны не награзилсь!
Ими совесть ты во белом своем личушке,
Стыд-бесчестьице во ясных держки очушках.
Весела ходи, горюшница, не смейся-тко,
При тоскичушке ты будь, слезно не плачь,
бедна.

Еще слухай-ко, кручинная головушка, —
Будешь жить да без надежной как семеюшки
Во сколотпой, во маетной этой жирушке,
Не клопи да в сон ты буйной головушки,
Ты по утрышку ветавай, не засыпайся-тко,
Не велико хоть крестьянство — управлять
надо!

Ходи к добрым ты людям на беседушку,
Посоветуй о крестьянской о работушке.
Тут крушить будет ретливое сердечушко,
Хоть ты выйдешь ко спорядным суседушкам
На раздй да ты великой кручиннушки,
Спамятуешь меня, бедную-победную,
Ты вспомнишь мою причеть пехорошую,
Тебе слобятся наказы нелюбимые!

На другой день, приближаясь к погосту, вдова вопит:

Слава богу теперь да слава господу!
Путь-дороженька теперь скороталася,
Друг могилушка в глаза да показалася.
Постою, бедна горюша, ночь подумаю,
Умом-разумом, горюша, посмекаюся —
Пришло три пути широких, три дороженьки:
Уж как первый путь-широкая дороженька
Во улочки она да во рядовые,
Во лавочки она да во торговые;
Как другая путь-широкая дороженька
Во церковь эту божью посвященную;
И как третья путь-широкая дороженька
На эту на могилушку умершую,
Ко моей она надежной головушке.
Мне во улочки ль пройти да во рядовые,
Аль во лавочки пройти мне во торговые?
Я вдова теперь е да молодешенька,
Ум тот разум во головушке глушешенек.
Как во лавочках кунцы стоят молодые,
На словах оны, кунцы, да ведь ученые,
На лицо оны ведь е да все ласковые,
Как на двух оны словах да приобают,
На ухливных речах да приласкают,
На сговоры тут, горюша, прикипуюся,
На молодых кунцов как приобзарюся,
Позабуду тут любимое гостибищо;
Подвуют мне-ка добрые молодушки:
— «Позабыла ночь сердечную головушку,
Видно, нет в сердце великой кручинушки!»
Я пройду лучше во церковь посвященную,
Я поставлю там свечу да всё рублевою,
Попрощу да там попов-отцов духовных,
Сослужили бы обидно полуденную,
За обиденкой молебенок пронели бы,
Оны господу-то богу помоллялись бы.
Возвращусь да с божьей церкви посвященныя
Я на эту на могилушку умершую.
Край пути наша, горюша, перепутьицо,
Край дороженьки любимое гостибищо.
Ночь раздумалась печальная головушка:
Я впрочем да спала темной этой поченькой,
Прилетали перелетны малы птиченьки,
Малы птиченьки летели-то незнамые,
Прилетал да этот мелкой соловеюшко,
Друга птиченька — орел да говорящий.
Соловеюшко садился под окошечко,

Как орел да эта птица на окошечко,
Соловей стал потихошеньку посвистывать,
Как орел да жалобненько выговаривать.
Оны тоненьким носочком колотили,
Человечьим оны гласом прогласили,
От крепка сна мешя тут разбудили
И в потай мне-ка, победной, говорили:
— «Ай же, стань-ко ты, вдова, да пробудися,
От крепка сна, несчастна, прохватися!
Ты спавнися да за надежную головушку,
Ты справляйся во любимое гостибище!
На сегодняшний господень божий денечек
Тебя ждет в гости любимое гостибище —
Твоя милая надежная головушка.
Там построено хоромное строеньице —
Прорублены респетчаты окошечка,
Врезаны стекольчаты околенка,
Складены кирпичны топлы печеньки,
Настлапы полы да там дубовые,
Перекладшки положены клеповые,
Чтобы шла да ты, горюша, не качалася,
Чтоб дубовая мостинка не сгибалася;
Порасставлены там столики точеные,
Поразостлапы там скатерти всё брашые,
И положены там кушанья сахарные,
И поставлены там пивьяца медвяные,
Круг стола да ведь всё стульице клеповое,
У хором стоит крылечко с цереходами.
Сождат тебя, надежная головушка!»
От крепка сна, горюша, пробудилася,
Я за мелких этих птичек хватилася,
Я вдовиным своим разумом сдвинулася:
Что за чудушко-то мне да причудилося,
Что за дивушко-то мне-ко предъявилося?
Мне во снах ли то, горюше, показалося?
Наяву ли то, горюше, объявилося?
Тут скоренько я с кроваточки ставала,
Тут со радости слезами обливалася,
Со досадушки кручипой вытиралася.
Тут издула огонечки муравейные,
Затопляла я кирпичну свою печеньку,
Скоро стряпала стряпну я суетливую,
Скоро ладила обеда полуденные,
Я справлялася во любимое гостибище.
Шла путем да как широкой дороженькой,
Все колоденки в обиды припинала,
Со кручины башмачёнки притоптала,
Приходила тут к могилушке умершей.

Обманул да меня малой соловеюшко,
Облукавил ведь орел да говорящий:
Не поставлено хоромное строеньеце,
Един крест стоит ведь тут животворящий,
Едини лежат катучи сини камешки!
Мне-ка сись, бедной горяще, пригорюпитесь,
Мне принасть да ко могилы, приголубитесь,
Воскликать да мне падежу — подокликаться!
Я просить буду, победная головушка,
Я пречисту, пресвятую богородицу,
Я этого владыку-света истинного,
Чтобы буйны дал он ветры, неспособные.
Вийте буйны, вийте ветры столько ветрушки!
Со божьих церковей вы глав да не рошите-тко,
Со домов да жёлобов вы не снимайте-тко,
На синем море волпы да не давайте-ткось,
Кораблей больших ведь вы не разбивайте-ткось,
Вы удалых голов не потопляйте-тко!
Столько вийте-тко вы, буйны ветероченьки,
На эту на могилу на умершую!
Раскатите-тко катучи белы камешки,
Разнесите-тко с могилушки желты пески!
Мать сыра земля теперь да расступилась бы,
Показалась бы колода белодубова!
Распахнитесь, тонки белы саватиночки!
Покажитесь, телеса мне-ка бездушные!
Пришли, господи, ты ангелов-архангелов,
Протрубили бы во трубы золоченые,
Они вздернули бы воздух спасенные!
Вложи, господи, ведь душу во белы груди,
Ему зреньцо во ясные во очуники,
Ум тот разум-от во буйную головушку,
Как речист язык в уста да во сахарине,
Ему силушку во резвые во поженьки,
Как могутушку в могучи его плечушки,
Как маханьцо — во белы его ручушки!
Да ты стаць-восстань, надежная головушка,
На свои да стаць могучи резвы поженьки,
Сотвори да ты Иисову молитовку,
Да ты крест клади, падежа, по-ученому,
Да ты сдей со мной доброе здоровьцо,
Воспробвори единое словечушко!
Ты спроси да у победной у головушки
Про мое да ты вдовиное живленьцо!
Не дай, господи, на сём да на белом свете
Без тебя жить, без надежной головушки,
Мне со этыма со братьям богоданыма!
Не по силушкам крестьянска мне работушка!

Всё не трудницей у них я, не работницей!
Как сегодняшним господним божьим денечком,
Знать, разгневалась надёжная головушка.
Я не поблагу к тебе да ведь ухаживаю,
Я не поблагу, горюшица, усеживаю!
Видно, долго я к тебе да собиралася,
Я у братицов ещё утрось подавалася,
У ветляпных пешуток домогалася!
Как гордливые ветляпные пешутушки
Мне-ка с грубости, горюшице, сказали,
Не с веселья светы братцы отвечали:
— «Недосуг идти в любимо во гостибище —
Постановитеся крестьянская работунка!»
Я того, бедна вдова, да не пытаюча,
Я с горючими слезами придвигалася,
Понижешеньку я братцам поклонялася,
Не надолго поры-времечка давалася,
На один столько господен божий денечек!
Светы братица мои да скаловалися,
Оны ласково меня да приласкали,
Тут спустили во любимо во гостибище.
Хоть в гостях бедна горюша побывала,
Не убавила кручинушки — прибавила.
Как сегодняшним господним божьим денечком
Как я шла да путем-широкой дороженькой,
Всё я думала победным буйным разумом,
Угощусь да у любимой у семейки,
Я подумаю-то крепкой с ним ведь думушки,
Пораздию тут великую кручинушку!
На глаза ко мне, мой свет, да ты не явишься,
На стоворы мне, победной, не сдаваешься,
Видно, пет тебе там вольной этой волюшки,
Знать, за тридцать за крепкими замками,
Сторожа стоят ведь там да всё не стареют,
Как булатные замки де всё не ржавеют;
Видно, век мне-ка, горюше, не видать буде,
Видно, на слыхе, победной, не слышать буде
Про свою да про надёжную головушку!
Мне пойти было, кручинной головушке,
Мне спросить ещё, победной горюшице,
У своей-то у закопной у сдержавушки:
— «Где работунка, победной, работать мне-ка?
Где век-от горюше коротать буде?
У твоих ли мне у братцов у родимых,
Али выдти на родиму взад на родину?»
Пораздумаюсь, победная головушка:
Мне не гостницей на родинке гостить буде!
Я от бережка, горюша, откачулася,

Я ко дру́гому, победи́на, не прика́чпузась!
Как послаи тебя, падежная голу́вушка,
Я не знаю-то, победи́на горепашаица,
Кое дешь, кое темная е поченька,
Кое светлое Христово воскресеньицо,
Аль владычпой е господень божий праздничек.

По приходе домой около дверей вопит:

Вы послушайте-тко, братцы богоданные,
Не заprite-тко новых сией решетчатых,
Не задвиште-тко стекольчатых околенок,
Допустите до хоромного строеища!
Вы возьмите-тко победу́ю голу́вку,
Вы во двор меня, горюищицу, коровищицей,
Вы во зимное гумцо да в зомолотчики,
Вы во летные меня да во работнишки.
Золотой казны вы мне да не платите-ко,
Только грубым словечком не грубите-тко,
К дубову столу меня да прииустите-ко,
Не обидьте вы печальную голу́вку!
Не прошу да я, победи́на горепашаица,
Со полосыишки у вас да я долииочки,
Не со поженки у вас да я третииочки,
Половины со хоромного строеища
И не пайю со любимой скотиушки.
Я о том прошу, победи́на голу́вка:
Вы обуите столько резвы мои поженки,
Вы оденьте столько белы мои плечуишки,
Вы подбёрите победу́ю голу́вку!

Обращаясь к детям, продолжает:

Стань, послушай, мое стадушко детное,
Кругом-паокол желанной своей матушки!
Я в гостях была, победи́на голу́вка,
Во гостибице у вапего у батюшки,
Я челом била ему да низко кланялась,
Переналась я, победи́на, в горячи́х слезах,
Зовучи да в дом-крестьянеку его жирушку.
Оттошна долит великая обидушка,
Порастрескалась несчастная утробушка!
Он не сдиял со мной доброго здоровьица,
Не сирогóворил единого словечушка,
Не снахпулся за сердечных своих детушек!
Не падия на родителя на батюшку!
Приубрался свет надежная голу́вка
К красну солнышку на приберёгушку,
К светлу месяцу на придрокушку!
Хоть обкладена могилушка сырой землей,

Заросла эта могила муравой-травой!
Из живого мертвой станется,
Из мертвѣ живой не сбудется!
Уж вы подьте ко кокоше горегорькоей,
Я прижму вас ко ретливому сердечушку,
Пораздио тут великую кручинушку!
Дал бы господи талану вам бы, участи,
Не покинули б сиротной вашей матушки
Всё при древней при глубокой меня старости!
Буде жизнь да долговека моя прѣдлится,
Душа грешная моя да проволочится.
Еще слушай, мое стадушко детинное!
Да как шла я путем-широкой дороженьской,
Всё горючима слезамы уливалася,
Злой великою кручиной утиралася,
Я на стретушке людей не узнавала;
Приходить стала к крылечичку перѣному,
На досирое взяли соседи спорядовые:
— «Да ты где была, вдова благочесливая?
Что томным идешь суседушка томнѣшенька?
Что заплакапы победны твои очушки?
У породушки была, знать, именитой?
Знать, за гостыцу тебя не почитали?
Знать, обидушкой твоей да убоялись?»
Унимать стали победну, уговаривать,
Мне про вас, да милых детушек, рассказывать:

«Как сегодняшним господним божиым

дешечком

Прискучали все сиротны твои детушки,
Сождаючи родитель тебя матушку!
Выходили на крылечико перѣное,
Выбегали на прогульную на уличку,
Всё глядели во раздолье во чисто поле,
На широку путь-дорожку колесистую:
Все приплакались сердечны твои детушки:
«Уже где-то есть родитель наша матушка,
Да куды она, родитель, подевалася!»
Без ума ответ держала
Тут спорядным я суседушкам:
— «Спасет бог вам, спорядовые суседушки,
Что снахнулись за сердечных моих детушек,
Сжаловались до обидной головушки!
Я у синего была славна Онегушка,
Я у пристаней была да корабельных,
Я глядела всё, обидная головушка,
Я во летную во теплую сторонушку —
Виют витрышки сегодня полегошеньку,
Корабли идут по морю потихошеньку,

Некѣ солнышко теперь да жалобпѣшетько.
Всѣ я думала победным своим разумом,
Как не едет ли любимая семеюшка
Корабельничком па сипем па Онегушке
Он со этим товаром заграничным?
Уже тут у мня, у бедной у головушки,
Расходилася обида в ретливом сердце,
Разгорелася бессчастливая утробушка!
Тут я грохнулась, горяша, о сыру землю,
Быв как дерево свалило от буйна ветра».

*Если дети находятя в заработках или в военной службе
и вообще где бы то ни было на чужой стороне, то вдова
так причитает на могиле своего мужа:*

Я путем иду широкоюй дороженькой.
Не ручей да бежит быстра эта риченька,
Это я, бедца, слезами обливаюся;
И не горькая оспна расходилася,
Это зла моя кручина расходилася.
Тут зайду да я, горящица победная,
Но дорожке па некат гору высокую
Край пути да на могилушку умершую.
Припаду да я ко матушке сырой земле,
Я ко этой, победца, к муравой траве,
Воскликать стану, горяша, умилынешетько:
— «Ой, развейся, буря-падара!
Разнеси ты пески желтые!
Расступись-ко, мать сыра земля!
Расколнись-ко, гробова доска!
Размахнитесь, белы саваны!
Отворитесь, очи ясные!
Погляди-тко, моя ладушка,
На меня да па победую!
Не березыпка патается,
Не кудрявая свивается,
Как шатается-свивается
Твоя да молода жена!
Я пришла горяша-горькая
На любовную могилушку
Рассказать свою кручинушку.
Ой не дай же, боже-господи,
Жить обидной во сирочестве,
В горегорькомем вдовичестве!
Привиют тонки ветерки,
Обдождят да мелки дождички,
Осмиют да все крещеные,
Все соседы порядовые,

Все суседки, малы детушки!
Ой не дай же, боже-господи,
Как сила моря без камышка,
Как чиста поля без кустышка,
Также жить бедной горющице
Без тебя да мила ладушка!
Как листочек в непогодушку,
Я шатаюсь на белом свете,
Как зеленая травиночка,
Сохну-вяну я кажинной день!
По чужим дальним сторонушкам
Разлетелись мои ластушки,
Все разбросаны-раскиданы
Да мои несчастны детушки!
Хоть стоснется им сторицата
На чужой дальней сторонушке,
Нé с кем горя поразднати,
Нé с кем горя поубавити.
Нет ни роду, нет ни племени,
Ни тебя, родитель-батюшка,
Ни меня, желанной матушки!
Охти мне да мне тошнешенько!
Невмоготу пришло горюшко,
Надломилло мою силушку!
Ой вы люди, люди добрые,
Вы возьмите саблю вострую,
Вы разрежьте груди белые,
Посмотрите на ретливое!
Как ретливое сердечушко
Позаныло-позаржавело
У меня, бедной горющицы,
Живучи без своей ладушки!
Охти мне да мне тошнешенько!
Невмоготу пришло горюшко,
Надломилло мою силушку!»

Насидице, когда стоскуется, рыдая, приговаривает:

Мне пойти было, кручинной головушке,
Мне во эти мелкорубленные клеточки,
Мне-ка взять было ключи да золоченые,
Ототкнуть было ларцы да окованные,
Мне-ка вынять там жилеточки шелковые,
Мне-ка взять да столько цветно его платицо
На свои мне-ка па белы эти рученьки,
Приложить было ко блеклому ко личушку,
Мне прижать было к ретливому сердечушку!
Тут присесть было к стекольчату окошечку!
Во руках держать да цветно его платицо,

Поглядить да на восточную сторонушку,
Мне ко этой божьей церкви посвященной,
Поглядить да на путь-широку дороженьку,
Тут не идет ли то надежная головушка,
Не оденется ль во цветно оп во платицо,
Не пойдет ли ко владычному ко праздничку,
Не возрадуется ль ретливое сердечушко
У меня, да у победной у головушки!
Ты приходи теперь, надежная головушка,
Единым теперь ведь я да единешенька
На сегодняшней господней божьей праздничек.
Я приму тебя за гостюшка любимого,
Угощу тебя, желанную семейку!
Не могу дождать, кручинная головушка!
Кладу платица на стопочки точеные,
Кругом-около, горюшица, похаживаю,
Я по цветному по платицу подрачиваю.
Снаряжусь пойду, кручинная головушка,
Ко этому владычному ко праздничку,
Повзыскать пойду надежную семейку
Я во этих толпах да молодецких;
Прибирать стану, постылая головушка,
Я по белому его да веё по личушку,
Я по ясным его да ведь по очушкам,
Я по желтым по завивным кудернышкам,
Я по возрасту, надежу, да по волосу,
По походочке его да по щепливой,
По говорюшке его да по учливой.
Не могу прибрать, кручинная головушка,
Не изо ста ведь я, да не из тысячи
Сопротив своей любимой семейки!
Как пойтить мне ко владычному ко праздничку,
Подивуют мне-ка добрые ведь людунки,
Что забыла, зпать, любимую семейку —
Веё гулят да у владычных у праздничков
Во любимой во снаряжпой покрутушке,
Знать, приманиват удалых добрых молодец,
Знать, на радости она да на весельице.
Нонько годушки пошли да веё бедовые.
Как бессовестной парод пошел мудрепой!
Пораздумаюсь, победная головушка,
Отложу да я, горюша, божьи празднички,
Буду господа-владыку ведь я зпать,
Поминать стану любимую семейку,
Потоскую над косевчатым окошечком,
Я поплачу на брусовой лучше лавочке!
Знать, судьба моя, горюшицы, пасчастливая,
Горька участь-то моя, зпать, бесталанная,

Видно, жить мне без надежной век семейки,
Знать, коротать мне, горюше, свою молодость!
Мне не дать снеси во младу во головушку,
Суровства да во ретливое сердечушко,
Мне в веселый час, горюше, не смеяться,
Мне кручинной быть, горюшице, не плакать;
Светов братцев не гневить падо,
Богоданных сестриц да не сердить падо!
Я без ветрышка, горюша, нынь шатаюся,
На работушке, бедна, призамаюся;
Надо силушка держать да мне звершая,
Потяги падо держать да лошадиные;
Столько живучи без милосей семейки,
Я со этой со великой со кручинушки
Я бы выстала на гору на высокую,
Со обиды пала в водушку глубокую бы;
Лучше матушка земля да расступилась бы,
Туды я, бедна горюша, приукрылась бы —
Тут не ржавело б ретливое сердечушко,
Тут не ныла бы несчастная утробушка.
Получила я, победная головушка,
Нелюбимое словечико — вдовиное;
Как несчастной вдовой да называют,
Быв холодной водой да поливают!
Не рада бы, победная головушка,
Я народу бы, горюша, некрещеному
Во победном жить сиротском во вдовичестве!
Как послы твоей любимой семейки
Уже шесть прошло учетных неделюшек —
Мне-ка за шесть-то учетных кажет годиков!
Притрудилась на крестьянской я работушке,
У мя силушка теперь да придержалася,
С горя рученьки мои да примахался,
Во слезах да ясны очи примутились,
Добры людучки того да надивились.
День и ночь хожу на трудной на работушке,
Не в спокою тут ретливое сердечушко,
Не во радостях кручинная головушка,
Я во этой во великой во досадушке!
Я приду да со крестьянской как работушки,
Я по вечеру приду, бедна, поздешелько;
Вся в собранице любимая семейка —
Светушки да тут все братцы богоданные
Со своим со любыма семейкам,
Со сердечными рожонима со детушкам;
Как во светлую собрались оны светлицу,
Во столовую во нову оны горенку,
Круг стола сидят оны да круг дубового,

Оны ныют сидят тешерь да угощаются.
Уж как я, бедна кручинная головушка,
Опришенна от любимой от семеюшки,
Отряхнулась я от светлой повой светлицы,
Отрешилась самоваров я шумячиных;
Не за чаем-то ведь я да угощаюся —
Я горючима слезама обливаюся,
Я крестьянской работой забавляюся!
Закреплю свое ретливое сердечушко,
Тут я ставлю им столы да всё дубовые,
Да я слажу им тут ужинны вечерные,
Потихошеньку к дверям да подходить стану,
Я с-за тульница, с-за лининки поглядываю,
Из-за дверей да разговоршки держу;
Сговорю да светам братцам богоданным:
«Скоро ль идете за стол да хлеба кушать?»
Засвириятся ветляны тут нештушки:
На меня, да на кручинную головушку:
— «Что торонишься за ужину вечернюю?
Знать, снешинишься на спокойну темну поченьку?»
Оны искося ведь вси тут запоглядывають,
Со всей лихостью оны да разговор держат:
— «Не устали твои белые там рученьки;
Не работунку сегодня работала с,
За кудрявой деревичочкой стояла всё,
На красное солнышко поглядывала:
Скоро ль солнышко ко западу двигается,
Скоро ль красное за облако закатится,
Со работунки вдова да в дом пришатится?»
Им не в честь моя крестьянская работунка;
Потихошеньку, горющица, похаживаю,
Всё по этому хорошему строеньцу.
Вся усадится любима тут семеюшка
Как за стол да хлеба кушать,
Круг стола стану, горющица, похаживать,
Приносить да стану ествушка сахарине,
Словно белка, на нештушек поглядывать.
Один умпой да мой братец богоданной
Он спроговорит единое словечушко:
— «Ты, вдова, наша невестушка родимая,
Что похаживашь, сноха наша любимая,
Ты садись-ко ведь за стол да хлеба кушать!
Тоже дольщица ведь ты — да не подворщица,
Ты участница участку деревенскому,
Ты ведь пайщица любимой скотинушке,
Половинщица хорошему строещицу!
Ты садись, бедна, за стол да хлеба кушать!»
Тут возрадуюсь, победная головушка,

Благодарствую я братцу богоданному:
— «Спасет бог да светушкá братца любимого
На твоём да на великом на желаньице,
На прелестных, на ласковых словечушках!»
Тут за стол сяду, горюшица, смелешенько,
Я поем да тут, обидна, веселешенько,
Устелю да тут пуховы им перицушки,
Уберу я со стола да со дубового;
Тут я сяду под косевчато окошечко.
Уснокоится любима вся семеюшка;
Быв великая вода тут разливается,
Под окном сижу — слезами обливаюся!
Тут не спом да коротаю темну поченьку,
Я победным своим разумом смекаю всё:
Как наутро буде по раннему заутрышку
Разрядит ли на крестьянску хоть работушку,
В добромъи ли ветляные пешутушки
Со снокойной станут темной оны поченьки?
Уж я бедна кручинная головушка,
Быв упалой, как загнаной серой заюшко,
По мостипочке с утра стапу похаживать,
Я на светушков на братиццов поглядывать.
Стапу спрашивать, кручинная головушка:
— «Мне куда пойти на крестьянску на
работушку?»

На луга ли мне пойти ль да сенокосные?
На поля ли мне пойти да хлебородные?»
Разрядят да светы братцы богоданные.
Как пойду, бедна кручинная головушка,
Я на трудну на крестьянскую работушку,
Проливаю тут я слезы на сыру землю,
Я правой ногой горючи заступаю,
Чтоб не видели суседы спорядовые,
Что заплаканы ведь ясны мои очушки,
Что утерто мое бело это личушко;
Не сказали бы тут братцам богоданным,
Не шенгули бы ветляным пешутушкам,
Всё остудушки в семье не заводили бы,
Оны в грех бедну вдову да не вводили бы.
Встричу стритятся суседи спорядовые,
Я поклон воздам, обидна, пошизешеньку,
Говорю, бедна горюша, веселешенько;
Не подам виду во добрые во людушки,
Что иду, бедна горюша, при обидушке!
Веселым иду, горюша, веселешенька;
Не в укор да буде братцам богоданным
От этих от спорядных суседушек!
Я путем иду — с суседмы взвеселяюся,

Светов братищев ведь я да одобряю,
Злых нештушек ведь я да восхваляю;
А что дается в ретливое сердечушке,
Кабы знали про то людущи да ведали!
Хоть иду, бедна горюша, веселешенька,
Без огня мое сердечко разгоряется,
Без смолы моя утроба раскниляется,
Без воды да резвы пожки подмывает!

8. ПО ДОЧЕРИ

Как сегодня долгим годышком
Перед этой злой обидушкой
Упивало всё ретливое сердечушко
У меня, да у позяблой бедной матушки!
Говорила мне-ка белая лебедушка:
 «Я не знаю же, родитель мой межонной день,
 Что болят да крепко резвы мои поженьки,
 Что устали понь девочки мои рученьки,
 Изменился белой свет да со ясных очей!
 Хоть дождусь-то я темной этой поченьки,
 Хоть я лягу на тесовую кроваточку,
 Всё болит да моя буйная головунка!
 Ты будить придешь, родитель жалостливая,
 Кое-как да на постели я размаюся,
 Погляжу тут на косевчато окошечко:
 Видят витрышки на широкой на улочке,
 Погодушка стоит во чистом поле!»
Я не знала, бедна мать, горька детская,
Что разлукушка с сердечным буде дитятком!
Было совестно сказать да во добры люди,
Что грузна-больна белая лебедушка!
Тут по моему великому несчастью
Вдруг сложило ю тяжело неможеньце,
Суетилась злодией скорая смерётушка;
Я сидела тут по темным у ей поченькам,
Провожала с ей господни белы дёнечки,
Я забросила крестьянскую работушку,
Прозабыла всю любимую скотипушку,
Поднимала от пуховой ю перицушки,
Я держала ю на белых своих рученьках.
Говорить да стала белая лебедушка:
— «Не могу сидеть, родитель жалостливая,
Не глядят да ясны очушки на белой свет,
Я трудный да понь, лебедушка, труднешенька!»
Приносить стану тут ествушки сахарные,
Стану потчивать сердечно свое дитятко:
— «Чего хочешь, моя белая лебедушка,

Но уму сложу те питыца медвяные!»
Говорить стане сердечно мило дитятко:
— «Не спешись, моя родитель жалостливая,
Не ходи да ты во лавочки торговые,
Не бери ты мне-ка сладкого едепыца,
Ты не трать, мое желанье, золотой казны,
Не тревожь ты добрых многих этих людюшек,
Не труди меня при трудной постелюшке;
Простит господи в великом согрешеньце,
Може, даст господь доброго здоровьца
И наставит мне-ка долгого оп векушку!»

Уже день за днем как река течет;
Приходить стала разливи красна вёснушка,
Стало синее Онего разливатися,
Мое дитятко от нас да удалятися.
Быв как дождички уходят во сыру землю,
Как снежочки быдто тают кругом-наокол огней,
Вроде солнышко за облачко теряется,
Так же дитятко от нас да укрывается!
Как светел месяц поутру закатается,
Как часта звезда стерялась поднебесная,
Улетела моя белая лебедушка
На иное, безвестное живленье!

Когда оденут:

Ой, долит меня детская тоска неугасимая:
Ночь крутят мою косату милу ластушку,
Во умершее крутят да ю во платице!
Я пойду с горя во светлую светёлочку,
Со обиды по ларцам я окованным,
Я повыцу ейно цветно это платице,
Приложу да ей на белые на грудюшки;
Уж я эту жемчужную подвесточку
Положу да я на младу ей головушку,
Но подвесточке розову косыпочку;
Я заглажу ейпы русые волосушки,
Уберу да я завиву ейну кóсыньку
В дорогие золотые эти ленточки;
По русой косы кладу цветы алые,
Я накину тут соболью эту шубоньку
На девочи ей на белые на плеченьки!
Полюбуйтесь-ко, род-племя любимое,
Покрасуйтесь-ко, советны-дружны подружки,
Со сторон глядя, суседи спорядовые!
Ой, тошным да мне, победной, тошненько!
Не цветно ноньку басисто на ей платице,
Не приляже к ей жемчужная подвесточка,

Ю не греет-то соболя попку шубонька!
Убирают мою белую лебедушку
Во эту ночь колоду белодубову!
Не жалею я, победная головушка,
Ни этой пуховой я перинушки,
Ни эта соболина одеяльица;
Устелите-тко перину хоронохонько,
Вы одените-тко лебедушку теплешенько,
Отрядите мое дитятко любешенько!
Распороти бы ночь грудь да мою белую,
Посмотрели бы во матерну утробушку;
Быв огнем мое сердечко разгорается,
Как смола, кинит в бессчастной утробушке,
Ушибат столько злодйная обидушка!

К покойнице:

На полете лебедь белая,
Ой, куда летишь, косатушка?
Не утай, скажи, сугрёва моя теплая;
Как ичела в меду, добротипка, куналася,
Как скачки жемчуг по блюду рассыпалася;
У стола была любимая стряпёнушка;
За ставом да дорогая была ткиношка;
За тамбуркою досука рукодельница,
Вышивала всяки-разны полотенечки;
Столько зарилися многи добры людюшки,
Все ласкалися удалы добры мблодцы;
Ведь наряжеса, кажись, была покрутушка,
Освобождена гостинная педельюшка;
Говорили вси советны-милы подружки:
«Счастливая ты девушка, таланная,
Цветным ты платьем изнавешена,
Тяжелой ты работой не огружена,
Бранным ты словечком не огрублена;
Вопрягú тебе ступнистая лошадушка —
Днем ездить по унылым по свадебкам,
Вночери да по смиренным беседушкам!»
Не начáлась я, горюша, не наднялась!
— «Сыто идется дитя, да долго выспитесь».
Хоть новыстану по раппому я утрышку,
Потихú приду во светлую светелочку,
Тихомолком ко тесовой я кроваточке,
Сотворю да тут Исусову молитовку,
Припакрою соболиным одеялышком,
Я поглажу ю по младой по головушке:
— «Да ты спи же, моя белая лебедушка,
Во своем пока прекрасном ты девичестве,
На этой на пуховой ты перинушке!»

Знать, что ведало ретливое сердечушко,
Что не долго буде ейного живленьица!
Как сегодпым долгим годышком
Было раннее у пей да пробужденьеце;
Не охотило сердечко мило дитятко
Ходить-издить по ушылым по свадебкам,
По летным ходить да по игрищечкам,
По зимным тихомерным беседушкам,
Тосковало за девочьим рукодельцем,
Быв в гостях да у породы именитой.
Не поспела бедна мать полюбоватися,
На дитятко свое да посмотритися,
Воспокинула ю белая лебедушка!
Не утай, скажи, косата моя ластушка,
Ты на чье нас покидаешь доброумьнце?

К родственникам:

Спасет бог вас, порода родовитая,
На вашем великом желаньице!
Вы любили шаливную мою ягодку,
Почитали мою белую лебедушку,
Почасту брали в любимое гостибище:
Но этой студёной холодной зиме
Да вы подлете крылата ясна сокола
На этой ступистой вы лошадушке,
На дубовых вы санках самокатных.
Она гостинцей бывала двунедельной,
Почасту была беседницей воскресной;
Как приидет со любимого гостибища,
Всё хвалилося сердечно мое дитятко:
Было мистечко во светлой, скаже, светлице,
Мне почет-то был, скаже, во большом углу!
Вы на улице голубоньку стретали,
Через два поля вы гостью провозжали:
По уму ей были кушанья снаряжены,
По устам ей были питьица составлены,
По рукам ей красна ложечка положена!
Тенерь всё прошло-миновалось,
С родом с племенем она порассталася,
С отцом с матушкой распростилася,
Пошь далече от породы отшатилася!
Не прииде к вам белая лебедушка
На гостиную уречную неделюшку!
Еще слушай же, порода именитая!
Попеняю вам, любимы милы сроднички!
Столько гневалось сердечно мое дитятко,
Как лежало при болезной постелюшке —
Не пришли вы к ей, белой лебедушке,

Засмотреть да вы при крутом ю зголовьице.
Знать, боялись вы тяжёла неможеньица,
Устрашились, видно, скорой вы смерётушки?
От суда божья, род, да мы не деемся,
От смерётушки ведь нам да не убежать!
Знать, что невесто вам было не вестимо
Про ейно тяжёло неможеньицо?
Памятила моя белая лебедушка,
Сожидала кренко милых она дяденек!
Хоть я писемок, горюша, не писала,
Пословечно да я людям наказала,
Что трудна очень белая лебедушка,
Тяжела она, при скорой смерётушке.
Не посмели вы, снацливы, прийти, диденки,
Подоброумить мою белую лебедушку;
Что вы подолгу теперь снаряжаетесь,
Что вы нётиху ко мне сподобляетесь?
Недосужна, знать, пора было времечко?
Аль умножила крестьянска вас работушка?
Кажись, порушка теперь не рабочая,
Времечко, кажись, не сенокосное!
Аль умножила станица малых детушек,
Что вам не было свободной поры времечка
К нам придти о владычном божьем праздничке,
Ни о светлом Христове воскресеньице?
Чем разгневала вас белая лебедушка?
Знать, дубовые полы да притоптала?
Скамеечки клееновы присидела?
Хрустальны она стекла приглядела?
Знать, добрых она коней притомила?
Ваших детушек она ли притрудила?
Знать, дубовы ваши сашки прикатала?
Цветно платяицо у вас да приносила?
Норазгневалась белая лебедушка
На вас она, снацливых своих дяденек,
Сожидаюча родима засмотреньица;
Была в живности белая лебедушка,
Говорила мне, печальной головушке:
— «Засмотрели б как снацливы меня дяденки,
Принесли бы оны доброго здоровьица,
Я поправилась с болезной бы постелюшки,
Я бы стала со тяжёла неможеньица,
От этого я складшего зголовьица!»
Да вы слушайте-тко, род-племя любимое!
После моего сердечного как дитятка
На вашей прогульной славной уличке
Владычной господен буде праздничек,
Там гульбищечко буде со прокладбищем,

Гулящице буде со весельцем,
Приберутся души красны девицы,
Ейны милые сестрицы сдвуродимые,
Тайшы милые советны-дружны подружки,
Оны к вам во любимое гостибищо,
Станут шуточки лебедушки шутить,
Всяки-разны будут игры преставлять,
Тут вспомните сердечно мое дитятко
Вы при милых, советных ейных подружках!
Была первая любимая затейница
На все разные игры на забавные,
Взвеселяла вас, спацливых родных дяденек,
Спотешала всё сердечных ваших детушек!

При выносе:

Ты прощайся-ко, рожёно мое дитятко,
С добрым хоронным построеньцем,
Ты со новой любимой своей горенкой,
Со этыма милыма подруженькам,
Со этыма удалыма ты молодцам!
Вы простите, жалостливы милы сроднички,
Ты прости-прощай, порода родовитая!
Ко белому лицу прикладывайтесь-ко,
Ко сахарным устам прикладывайтесь-ко!

Вы простите-тко поля хлебородные,
Вы раскосисты луга сенокосные!
День ко вечеру последний коротается,
Красно солнышко ко западу движается,
Всё за облачку ходячую теряется,
Мое дитё в путь-дорожку отправляется!
Вы идите-тко, попы-отцы духовные,
Отомните божьи церкви посвященные!

После отпевания:

Наглядитесь-ко, победы мои очушки,
Хоть во этой божьей церкви новященной
Про запас вы на сердечно мило дитятко,
Во умершее во бело это личушко!
Все попы-отцы духовны сдивовались,
Попомарь звонит во колокол — мешается,
Попы-отцы книги зачитаются!
Херувимский оны стих уж допевают,
Умерший венец уж прилагают,
Под праву руку бумагу кладавают,
На вековое живленье отправляют!

Спаси господи попов-отцов духовных,

Что священны́е вы церкви отмыкали,
На престоле божью книгу отворяли,
Не жалили вы свечи да воску ярого,
Вы подевичники на церковь выносили,
Честно-именно лебедушку отпили!

Как берут да мою белую лебедушку
Со этой дубовой со скамеечки
На правдó плечо удалы добры молодцы,
Но левдó плечо советны-дружны подругки;
Тут песут опы колоду белодубову
Со этой божьей церкви посвященной
На крещенскую на славну опы уличку,
На эту на микольску славну буйаву;
Опускают мою белую лебедушку
По этим опы бразым полотенечкам
Во могилушку, мой свет, во сыру землю!

Я прошу еще попов-отцов духовных,
Вы глубоки погребá покадите-тко,
Не жалийте дьявьяна да вы ладану!

Ты прости, моя белая лебедушка,
Во сем меня веку́ да веку будущем,
Ты во тяжком великом согрешеньице,
Буде слóвечком тебя да приогрúбила!
Прозабыла я, печальная головушка,
Поспросить еще сердечно свое дитятко,
Как раздать куды любимая покрутушка.
Сотлнет ночь в ларцах да цветно платьице,
Забусиют жемчуги ночь перебраные!
Я кладу ейну жемчужную подвосточку
Во эту божью церковь посвященную,
Ко этой пресвятой да богородице,
Я своей души кладу да на спасенье,
Я по дитятке па вечно поминание;
Вен шелковые платочки заграничные
Я раздам да по удалым добрым молодцам,
Пусть-ко держат о владычных божьих
праздничках,
Пусть-ко посят кругом шеи молодецкой!
Я вси алые девочки ейны ленточки
По душам раздам по красным по девушкам,
Пусть спасают опы белую лебедушку,
Взвеселяются на тихих беседушках!
Раздарю да я колечка золоченые
По милым, сердечным ейным подругкам,
Пускай посят-то па белых опы рученьках,

Поминают свою дружну разговорщичку!
 Я подбрю всю породу родовитую,
 Я полажу всех сердечных милых сродничков,
 Сарафаны я раздам им мелкоскладные!
 Вы придите, сироты да бесприютные,
 Вы обидные все дочери безотные!
 Я дарю да вас по розовой косыночке,
 Я за то дарю обидных вас головушек,
 Что сиротки вы победны-бесприютные,
 Вам не от кого ждать себе покрутушки!
 Я еще дарю вас, белых лебедушек,
 За ваше за великое желаньице,
 Привитали вы к косатой моей ластушке,
 Засмотрили во болезной ю постелюшке,
 Взвеселяли во тяжелом немощеньце,
 Проводили вы косату мою ластушку
 До этой божьей церкви посвященной,
 Вы несли да ю на белых своих рúченьках,
 На своих несли на младых головушках!
 Уж вы слушайте, сиротны малы детушки!
 Вы ходите-тко к победной мне скорешенько,
 Засмотрите-тко, позяблую, частешенько,
 Во обидушке меня разговорите-тко:
 Погляжу на вас, победная головушка,
 На свою да как я белую лебедушку!

9. О СВАТЕ

Невесткина свекровь отправляется на похороны свата — отца невестки. «Сказали: Сватушка живого нет! Вот тебе сватушко! Бог убрал — конец бревна урвал! Больше, спусти на похороны — сватушка похоронить, в последний уж проводить до церкви божьей: доброй был!» Снарядилася, пошла путем-дорогой, горой-водой, лесом-парусом. На крыльце встречает ее сватья — невесткина мать:

Мне повыдти на крылечико перёное,
 Мне-ка на эты новы сени решётчатые!
 Как сказали многи добры эты людюшки,
 Мне пробаяли суседы спорядовые,
 Что со этого раздолъя со чиста поля,
 По этому лугу да по зеленому,
 Ко нашему крылечику перёному
 Катит-жалусе любима-мила сватьюшка!
 Видно, из роду сыскалася из племени,
 Как идет она в хоромное строеньице,
 На последнее ко сватушку прощеньице!
 Ты послушай-ко, любима-мила сватьюшка!
 Да как шла путем-широкой дороженькой,
 Ты не стретила ль надежной там головушки,
 Во темном лесу дремучем,

Аль на чистом его полюшке?
Кругом шла да как ты малого озёрышка,
По крутому ты шла да как по бережку,
Там не видла ль любима-мила сватушка?
Он охоч ведь был, надежная головушка,
Ходить-издить к быстрым риченькам,
На риченьках стрелять серых утушек,
На озерышках ловить свежих рыбок!
Ностою, бедна горюшица, подумаю,
Поспрошу, бедна горюша я, доведуясь,
Он не съехал ли в любимо к вам гостибище,
Ко своей белой надеженька-лебедушке,
Засмотреть он бажённых своих впучаток?
Подожду, бедна горюшица, подумаю,
Не расскажет ли любима-мила сватыюшка
О моей милой семеюшке,
Не поведаст ли доброго известьица?

Сватья-свекровь с дороги отвечает:

Ты послунай-ко, любима моя сватыюшка!
На крылечушке мепя по останавливай,
На прогулочке-на уличке не спрашивай;
Можешь знать-ведать, любима моя сватыюшка,
Что, пристарипая победная головушка,
Я дороженькой ведь шла да приустила,
У крылечушка едва я отсдыхалась!
У холодного вестей ты не выспрашивай,
На переднем крылечке не выведывай,
Допусти хоть до хоромного строещица,
До своей ты брусовой белой лавочки!

Вы послушайте, народ да люди добрые,
Приложите-тко совет-думу крепкую:
Да мне как назвать победную головушку?
По-прежнему назвать ли милой сватыюшкой,
Аль назвать было победной этой вдовушкой?
Не любимое словечико вдовиное!
Хоть я шла путем-широкой дороженькой,
Мимо это кругло малое озерышко,
Я по крутому шла там по бережку,
Я по тихиим шла да всё по заводам,
Столько видела, победная головушка,
На той стóроны малого озерышка,
Что незнамый человек там шатается.
Невдомек пришло победной головушке,
Посмотреть мне во бело его личушко,
Поглядеть да мне во ясны его очушки,
Запримитить по желтым кудёрышкам!

Понь сказала бы победным вам головушкам:
Да я шла как, кручинная головушка,
Через быстру я шла да эту риченьку
По этой дубовой по мостиночке,
По этой кленовой перекладипке,
За кустышком вдруг что-то схорбытелосея,
Уловня вроде рыбонька там свежая;
Уж я так, бедна-победна, испугалася,
От ричешки бежала поскорёшешко,
В путь-дорожку, горюша, поспешалась,
С перендлоху я шла, взад не ворочалась!
Не глядела под ракитовой под кусточек,
Не смотрела под малиновый под листочек:
Аль под кустычком птица перелетная,
Под листочком человек ли е прохожкой?
Извини в том, любима-мила сватьяшка,
Он не ехал на ступиной к нам лошадушке
Во любимое желанное гостибище!
Поджидала я, кручинная головушка,
Не подъедет ли любимой-милой сватушко.
Тут раздумалась победным своим разумом:
У нас спущена ветляная пешутушка
Она па свою родиму эту родинку.

К невестке:

Ворочусь пойду, печальная головушка,
Ко своей я ветляной пешутушке:
Ты застала ли в живности родителя,
Сердечное великое желаньице?
Как вечёр ты по поздому по вечеру
Спросилась у победных нас головушек,
Доложилась у богоданного у батюшка:
— «Вы пустите на родиму мешя родинку,
Очень тяжёл мой желанной родной батюшко?»
Говорила я, кручинная головушка,
Большаку да я, во доме пастоятелю:
— «Отпустить надо ветляная пешутушка
На свою да на родимую на родинку,
На последнее к родителю прощешьице!»
Ты просила тут, ветляная пешутушка,
Во собой да ты сердечных своих детушек.
Отвечала я, печальная головушка:
— «Долго путь пройде дальняя дороженька
Со малыма сердечныма детушкам;
Малы детушки пойдут потихошеньку,
Приустанут путем-широкой дороженькой;
Ты пройдешь с има темну эту ноченьку,
Не застанешь ты родителя ведь в живности!»

Говорила я, печальная головушка:
— «Будут деточки твои не обижены,
Им устлана пуховая перицушка,
Будет убрано складное зголовынце;
Уложены сердечны будут детушки,
Усыплены малы мои впучатки!»
Говорила я, кручинная головушка:
— «Снаряжайся знай поскорёшенько,
Ты путем иди дорожкой суровёшенько,
Заставай ты родителя-батюшка,
Пока в живности великое желаньице,
Ты проси себе прощенья с благословеньцем,
Да ты на веки проси нерушимые!»

Сваты-адова, мать невестки:

Спасет бог, моя желаша мила сватьяшка,
На вашем великом желаньице!
Да вы умны богоданные родители,
Разумна любимая семеюшка,
Почитат да он жепу-семью любимую!
У вас вложено великое желаньице
До моей этой белосей лебедушки,
До сердечных байбёных моих впучаток!
Почасту держишь на белых своих рученьках,
Да ты тоишь тёплы-парны про их баенки;
Почитаете сердечно мое дитятко!
У вас вольная дана ей была волюшка
Почасту да на родиму ходить роднику;
Всё хвалится моя белая лебедушка
Она этой сторонущкой судимой,
Удобрят да богоданну тебя матушку:
«Лучше-краше мне девчьево живленьца
На судимой, скаже, этой мне сторонущке!»
Да ты слушай-ко, любима моя сватьяшка!
Мы довольны тобой, бедные головушки;
Как мы издили с покойной головушкой
Ко своему сердечному дитятке,
Не сгрустнулась, любима-мила сватьяшка,
На свою да ты ветляную нештушку,
Не грубила нас, печальных головушек;
Не надиялась, любима-мила сватьяшка,
Да нас дбсыта, победных, накормитися.
С веселá да в ясны очи паглядитися!
Как мы издили с покойной головушкой,
Ох хвалился всё любимым угощеньцем,
Удобрят да он житье ваше богатое,
Восхвалял да он во добрые во людущки:

— «Наша счастлива ведь белая лебедушка,
Как таланное сердечно наше дитяtko,
В похвалы у богоданных родителей!»

Сватья-свекровь отвечает:

Ты послушай-ко, любима моя сватюшка!
Я вперед прошу, кручинная головушка,
Ты гости, бедна любима-мила сватюшка,
Без своей хоть ты надежной головушки,
Принимать будем горящицу по-старому,
Будут ествушки тебе да по-досюльному,
Спасет бог да вам, любима-мила сватюшка,
Что ходили ко своей белой лебедушке,
Не гневались вы нашим угощеньцем,
Не гнушались вы ествами сахарными!

Сватья-теща:

Еще слушай же, любима моя сватюшка!
После своего родитель-батюшки
Вы спустите во любимое гостище
Мою белую кручинную лебедушку
Засмотреть меня, победную головушку,
Хоть о светлом Христове воскресеньце,
О владычном ли господнем божьем праздничке!
Я ожидать буду, печальная головушка,
Я встречать да па крыльчке ю перёном
Со сердечными желанными внучаткам;
Станут по избы, горящица, похаживать,
У окошечка я буду всё послушивать,
Не скрипят ли путем саночки дубовые,
Не едут ли гостюшки любимые,
Ко мне бедной головушке,
Сердечные желанны мои детушки!
Я составлю ведь ествушка сахарные,
Я по разуму им питьица медвяные,
Закуслию да им сладкие закусочки!
Я тебя прошу, любима-мила сватюшка,
С сердечными я вкуне прошу детушкам,
Тебя вместе со ветляной пешутушкой,
За сестру тебя прошу да за бажёную,
Я за гостью почитаю за любимую!

Сватья-свекровь:

Спасет бог тебя, любима-мила сватюшка,
На твоём да на великом желаньице;
При суседушках меня не осрамила,
Перед добрыми людьми ты не выдала!
Хоть не спацива ведь я да не желанная,

Хоть я пá слово, победпушка, спесивая,
На ричную поговорочку бросливая,
Горяча больно, победная головушка, —
Приобизжу когда белую лебедушку,
Свою милую ветляную пешутушку,
Не в пропос да буде в добрые во людушки,
Невдомек да вам, желанным родителям!
Благоразумная ветляная пешутушка —
У мня умное сердечпо это дитятко!
Не дават да воли семье своей любимой,
Почитат меня, задорну богодашную,
Она матушкой меня да извеличает
И родителью меня да воскликкает;
Запоходит на родиму когда родину,
Доложится у победной головушки,
Она спросится в любимое гостибище,
Меня звать стане, печальную головушку:
— «Ты пойдем да богодашна с нами матушка,
Ты во это во любимое гостибище,
На мою да ты родиму пойдем родинку,
Ко моим светам желанным родителям!»
Да я разумом, горющица, простёшенька,
На словах поднять горющица любимая,
На подъем да я, горющица, легошенька.
Спаряжусь вкруте с сердечныма я детушкам,
Мы пойдем да тут с има поскорешенько,
Разговор держим ведь с има веселёшенько,
На срекащице суседям спорядовым:
— «Будто с родной она дочерью похакиват!»
Я ходила ко любезному сватушку,
Почасту во любимое гостибище,
Почитал он за сердечну милу гостыцу,
Всегда сдиял со мной доброе здоровыце,
Кругом-наокол обхакиват тихошенько,
Говорить стане победной мне головушке:
— «Ты садись да всё на стульице кленовое,
Ты устала путем-широкой дороженькой!»
Говорить стане любимой он семеюшке:
— «Да ты слушай-ко, жена-семья любимая!»
Стане шуточную речь он разговаривать,
Он жецу свою ведь стане поднаряживать:
— «Ты ходи да по хоромам-то скорёшенько,
Ты готовь-ко да им ества суровёшенько,
Да ты ставь-ко самовары им шумячие,
Ты вари да крепки кофеи горячие;
У нас гостюшки теперечко любимые —
Во-первых, у нас сердечны эти детушки,
Во-других, да дорогая мила сватыюшка!»

Припимал всегда сват мой от усердия,
Меня потчивал с великого желанья.
Говорить да станут добры мне-ка людюшки,
Как сбивать станут победну с ума с разума:
— «Да ты ходишь с сердечными детушкам,
Не к лицу ходишь в любимое гостинице,
Во глаза лестит любимой тебя сватушко,
Обсуждат тебя любима-мила сватьюшка,
Что ведь ходишь со сердечными со детушкам
Во любимое ты к им да всё гостинице!»
Я не слушала ведь добрых этих людюшек,
Никаких их я пустых разговорюшек.
Да нам по уму ветляная нешутушка,
Нам по разуму любима ей породушка.
Ты послушай-ко, родима моя сватьюшка!
После твоей-то надежной головушки
Мы отложим всё любимое гостинице;
Как моей милой ветляной пошь нешутушке
Хоть захочется на родицу тошнѣхонько,
Отхочется от родинки скорѣшенько!
Столько слушайте, народ да люди добрые!
На катуем посидеть да хоть на камышке,
На родимой побывать бы столько родинке!
Всё не голодна придѣ она, не холодна,
Не для хлеба придѣ соли наеданья,
Не для сладкого медвяна напиванья;
Повидать да свет любиму свою матушку,
Посмотреть да светов братицов родимых.
Да ты слушай-ко, родима моя сватьюшка!
Как сегодняшним господним божьим дѣпечком
Да я шла путем-широкой дороженькой,
Я по вашим лугам сенокосным,—
Тут посохла на лугах трава зеленая,
Тут поблѣкли всяки розовы цветочки,
Из погибели-то деревца шатаются,
На все стороны пруточки развеваются,
Но сырой земле листочки свиваются!
Устоялась тут, победна, призадумалась,
Огляделась, победна, устрашилась,
Ума-разума, победна, изменилась!
Как до сегодняшня господня божья дѣпечка
Как на вашей на луговой этой пожепке
Очень длинная трава да вырастала,
Всяки разные цветочки расцветали,
Уж как деревца росли не погибали,
Кругом-наокол пруточки завивались
И зеленые листочки шумели!
Тут раздумаюсь победным своим разумом:

Перемена на лугах на сенокосных,
Изменушка в хоромном во строещице,
Изменилися поля да хлебородные!
Тут подумала победным своим разумом:
Нету в живности любимого, знать, сватушка,
У моей да, знать, родимой у сватьяшки
Во доми, видно, великая кручинушка,
На окошечке злодйная тоскичушка,
Порассталася с надежной, знать, головушкой.

К свату-покойнику:

Ворочусь да я, печальная головушка,
Я во этот во почестной во большой угол,
Я ко этому любимому ко сватушку;
Воскликать стацу, победна, жалобнищенько,
Разговаривать по-прежнему тихощенько:
— «Да ты стань-восстань, любимой-милой
сватушко,

Да ты сдйй-ко со мной доброе здоровыццо,
Сговори со мной хоть малое словечушко!
Как допрежь сего, до этой поры-времечка,
До сегодняшния господня божья денечка,
Как стретал да нас на шйрокой на улице,
Убирал наших ступиных лошадушек!
Были гостюшки у сватушка ушманы,
Соболыны, куньи шубошки скидываны,
Как по стопочкам ведь платыца развешены,
По гостям да были стулыца расставлены;
Как сегодняшним господним божьим денечком
Не стаёшь да ты на резвые на поженьки,
Не разманешь свои ясны эти очушки,
От сердечка белых рук не отшибаешь,
От белой груди ты их не поднимаешь!
Что же гнев песешь, любимой-милой сватушко?
Знать, напрасно добры люди насаказали что,
Аль голубушка невестушка пожалилася
На меня да богоданную на матушку,
Как на этую свекрову, змию лютую?
Ты послушай же, любимой-милой сватушко!
Кажись, дитятко твое да не обижено,
Всё невестушка словами не огрублена;
Я стеной стою по ей да городовую,
Заменяю на работушке тяжелой!
Сговори да хоть единое словечушко
Ты при милых спорядовых суседушках,
При всех сродчах сговори да ты, при
сродничках!

Знаю-ведаю, печальная головушка,
Поразгневался родимой милой сватушко,
Что не спущала любимой невестушки
Засмотреть тебя в тяжелом зголовнице,
При злодийном твоём я неможещице!
Можешь зпать-ведать, родимой милой сватушко,
Шынь стрядня да пора-времечко рабочее,
Пришло времечко теперь да сенокосное;
Не одна живу ведь я да едипешенька,
Е великая любимая семейшка,
Есть ведь братья у меня да сдвуродимые,
Е племяннички у нас да всё любимые;
Как спущать да ю па роднику частёшенько,
Буде не любо братцам сдвуродимым,
Буде не любо племянничкам любимым;
Буде здор да во любимой во семейшке,
Неприятности в крестьянской нашей жирушке;
Будут грубно светы братцы разговаривать,
Не к лицу будет любимой невестушке!
Ты послушай, родимой милой сватушко!
Ты прости меня, печальную головушку,
Ты во всем веку прости да меня в будущем!

При отпевании:

День ко вечеру теперь коротается,
Ко горам красно солнышко двигается,
Как народ-добры люди собираются,
Староверы со пустыней-то съезжаются,
Во монашеское платье одеваются;
Воску ярого свечи да затошляют,
Одноручное кадило зажигают,
Староверчески стихи да запевают!
Оны голосом ведут потихошеньку,
Оны слóвечко-то скажут полегошеньку,
Крест кладут оны ведь по-писаному,
Как начало полагают староверское,
Отпевают любимого понь сватушка!
Ты послушай-ко, родимая невестушка,
Да ты стань подле надежной головушки,
Да ты вточь гляди во темные во очушки,
Не пугайся-тко великого желаньца!
Как призаперты понь очушки плотнёшенько,
Почернело его бело это личушко,
Поблекли его белы эты рученьки,
Придались ко гробу резвы эты поженьки!

В конце отпеванья:

Я гляжу-смотрю, печальная головушка:
Ночь скорёшенько свечи да догораются,
Староверские стихи да допеваются,
Все ведь добрые-то людюшки прощаются,
Оны к мертвым устам да прилагаются,
Наглядитесь-ко вы, род-племя любимое,
Пасмотритесь-ко, сердечны малы детушки,
Приклонитесь-ко во резвые во ноженьки,
Прилагайтесь-ко к родителю ко батюшку!
Укрывается великое желаньице,
Удаляется желанной родной батюшко!
Ты прости, да наш любимой-милой сватушко,
Ты сердечных прости да малых детушек!

К детям покойного:

Вы послушайте, любимы-милы сватушки,
Недорослы боровые ягодиночки!
Хоть вы возрастом, светы, не малешеньки,
Во годах еще вы дети молодешеньки!
Умом-разумом головушки простешеньки!
Как вам жить да без родителя без батюшка,
Управлять да дом крестьянска буде жирушка?
Прежде добрых людей вы не кидайтесь-ко
Позади да вы от их не отставайте-тко
Вы на трудной крестьянской на работушке.
Много ума падо разума в головушку,
Падо розмыслу в ретливое сердечушко
Уже вам, да златокрылым ясным соколам!
Глуны-молоды скачбные жемчужинки,
Да вы слушайте родитель вашу матушку,
Почитайте вы наказы света батюшка!

.

10. О ХОЛОСТОМ РЕКРУТЕ

В избе много народу. Мать вопит:

Я чего да сижу, мать бедна бесщастная,
Сирота теперь сижу да бесприютная,
И на брусовой сижу да белой лавочке,
И под печальным косевчатым окошечком,
И под туманной стекольчатой околеникой?
Я сижу, бедна горюша, призадумавши
И чужих басенок, горюша, прислухавши!
Подивуют мне-ка добры эти людюшки
И посрекаются спорядные суседушки:
— «И, знать, на радости сидит да на весельице
И на великой, знать, господней божьей милости —

У ей вси вкупе сердечшы, видно, детушки.
Я гляжу-смотрю, печальная головушка,
И что ведь прибрались народ да люди добрые?
И не весельице у нас да не забавушки,
И не тихие смиренныи беседушки,
И не честице у нас да пиروваньице.
Ночь как этым ученым долгим годишком
И сочиплася грозна служба государева,
И сволповался неприятель земли русской,
И присылать стали указы государевы,
И собирать стали удалых добрых молодцев
Как на сходку ведь теперь да на обчествопну,
И тут писать стали удалых добрых молодцев
Да на этот на гербовой лист-бумаженьку,
И призывать стали судьи неправосудныи
И всё ко этым ко жеребьям дубовым!
Уж как этыи удалы добры молодцы
И перед госнода глаза да ведь крестныи
И богородице молитовку творили,
И оны брали жеребья да тут дубовые:
И пойти надо тут во службу государеву!
Как сегодняшним господним божьим дёпечком
И хоть не скованы да резвы у их поженьки,
Только сковано ретливое сердечушко;
И хоть не связаны бурлацки белы рученьки,
И обрестованы указом государевым!
Вот похаживат сердечно мое дитятко
И он по доброму хорошему строеньицу,
И да он буйшой-то головушкой покачивает,
Он жёлтыма кудеркама потряхиват,
И молодецкима-то ручкама помахиват,
И он на память-то словечка спроговариват,
И говорит столько, скачёная жемчужника:
— «Знать, судьба моя теперь да всё несчастная,
Суетигае, видно, жизнь да петаланная,
Суетигае грозна служба государева!
И на роду, да видно, служба мне унисана,
И, видно, на делу, бурлаку, доставалася!»
Тут он смáхне свои белы эти рученьки
И на бурлацку молодецкую головушку,
И на завивные на желтые кудерышка;
И не жалие молодецких кудер желтых
И с горя рвет да свои желтые кудерышка!
Тут он смáхнет молодецки белы рученьки
Он на эту на грудь да молодецкую
И подождмет свое ретливое сердечушко:
— «И не тоскуй, да молодецкое сердечушко,
Не упывай, да молодецкая утробушка!»

И он пройдет да по хоромному строеньицу,
И он спроговорит единое словечушко
Всім приближним спорядовым суседушкам,
Всім дружьям да молодцам своим приятелям,
В собиnú да душам красным скажет девушкам:
— «Поглядите-тко, народ да люди добрые,
И на печального бурлака на молодого!
И как хожу я по хоромному строеньицу,
И по светлой хожу да я по светлице:
И я не пьян, да с горя, молодец, патаюся,
Без воды да резвы попки подмывает,
Без огня мое сердечко разгоряется,
Без смолы моя утроба раскшиляется,
Дума думушка бурлака попибает,
И ум за разум у бурлака забегает!
Вы простите-тко, души да красны девушки!
Как что сдидется над добрым над молодцем,
Как возмут да в грозпу службу государеву,
И вы вспомните, души да красны девушки,
И спомяните-тко бурлака размолодого
Вы на этих горах да на искатных,
И вы на тихих на смиренных беседашках!
Помолитесь-ко, старушки стародревние,
Вы пречистой пресвятой да богородице,
Чтобы господи-владыко-свет помиловал
Как от этой бы от службы государевой,
И возвратил бы на судиму бог сторонушку —
И рыболовушко на сипе бы Опегушко,
И меня нахарем на чисто бы на полюшко,
И воскормителем желанным бы родителям!
И не тоскуй, моя родитель родня матушка!
И ты не плачь, мое желанье, горючмы слезмы,
И ты не дай тоски к ретливому сердечушку,
И ты обидушки ко зяблоей утробушке!»
Я гляжу-смотрю, победная головушка,
И на печальное сердечю свое дитятко:
И как не белая березка нагибается,
И не шатучая осипа расшумелася —
Добрый молодец кручиной убивается!
Не дай, боже, ведь того, да боже-господи,
Расставаться со сердечным со дитятком!
Ой, тошпёхонько ретливому сердечушку!
Как детская тоска неугасимая,
И как жива эта разлука пуще мертвой!

Приезжают за рекрутами земские власти; мать вопит:

И прошел денечек теперь да не выдаюча,
И красно солнышко ко западу двигается,

И ко крылечнику судьи да подбьезжают,
И тут подогнаны ступистые лошадушки
И не по разуму любимы хоть извозчицки
И про сердечное рожоно мое дитятко!
И по фатерушке судьи да всё похаживают,
И добра молодца они всё понаряживают:
— «И ты справляйся, молодёц, да поскорёшеньку,
И одевайся-тко, бурлак, да суровёшеньку,
И у крыльца стоят ступистые лошадушки,
И отправляйся в путь-широкую дороженьку
Ты ко славному ко городу Петровскому,
Ко припёмной палате белокаменной!»
И как у мбего сердечного у дитятка
И подюмились да тут резвы его ноженьки,
И подрожали молодецки белы рученьки,
И поблекло его белое тут личушко,
И приужахнулось бурлацкое сердечушко,
И красота с лица у светушка стерялася,
И с горя желтые кудерки развиваются!
И хоть одет да он во цветное во платьице,
Хоть надеты ведь тулуны одинцовые,
И не цветет да теперь цветно на нем платьице
И не красит да добра молодца покрутушка,
Не согреват да кушня шубка соболонная!
Сдайвольюйте-тко, народ да люди добрые,
И смилосердуйтесь, судьи да милосердые!
Вы возьмите золотой казны по надобью,
Вы увольте-тко на темну эту ноченьку
Вы рожоное сердечно мое дитятко!
Я удумаю, победная головушка:
Схичу-спрячу я скачёную жемчужинку
Я от этых властей немилосердых,
Я от этых судей неправосудных,
Я запру да ведь во светлу его светлицу
Я на эту на тесовую кроваточку,
Положу да на пуховую перинушку,
Принакрою соболиным одеялышком,
Приадвину я ситцевы запавесочки
И отвечать буду судьбам да я обманывать:
— «Приотправила сердечно мое дитятко!
Он ко городу уехал ко Петровскому,
И он не ждал да вас, властей ведь милосердых,
Он казенного не ждал да всё извозчицка!»
И пораздумаюсь победным умом-разумом:
— «Нынь не скроешь-то сердечного ведь дитятка:
Времена теперь пошли да всё бедовые,
Хитроумны стали власти страховитые!»
И дайвольюте-тко, судьи вы правосудные,

Уж как мѣму сердечному-то дитятку,
И с горя сить ему на саночки дубовые,
И попроехать на ступистой лошадушке,
И прокатиться по селу да деревенскому.
И по прогулушке по широкой по улличке
И со малыма ему да поровечникам:
Как спюют оны солдатску ему писенку,
И воспотешат-то удала добра молодца,
И взвеселят его ушылую утробушку!
Ой же ты, мое сердечно мило дитятко!
И укатись, да мое красное ты на золоте,
И укатись да от родимой пошь от родинки
И далеко да на чужую на сторопушку,
И ты на эты на уречные неделюшки
И в города да удались ты незнакомые,
И ты за крепости уйди повогородские;
И не знали бы судьи неправосудные,
И не доведались бы власти страховитые;
И тоей порушкой теперь да тыим времечком
И прианолнятся наборы государевы,
И ты останешься, сердечно мое дитятко,
И во своей да молодецкой вольной волюшке!»
И пораздумаюсь победным своим разумом:
Никуда нынь не уйдешь да не упрячешься,
Времена теперь пошли да все бедовые,
Хитроумны стали власти скрозекозные!

Вопленица причитает за рекрута:

И как у нашего хоромного строеньца,
Как у этого крылечика перёного,
Как у этого столба да у точёного
Есть подогнаны ступистые лошадушки
И под меня, да под несчастна добра молодца!
И все извозчички — крестьяна полномочные,
И челом бьют да мне-ка судьи, поклоняются,
И со мной диют оны доброе здоровьице.
И как до сегодняшна учетна долга гóдышка,
И в моем по́росту да было в возрастаньице,
И не знали меня добры эты людюшки,
И по изотчинке меня не нарекали,
И не били-то челом, низко не класялись;
И столько знать да стали добры эты людюшки,
И примечать стали судьи да правосудные
И как брать падо во службу государеву.
И охти мни, да добру молодцу, тошнешенько!
И дайвольте-тко, судьи вы правосудные,
И споровите-тко вы, власти милосердые,
И мне пройти да по хоромному строеньцу,

И по двору пройти, бурлаку, колесистому,
И по сараю-то пройти да хоботистому,
И мне проститься со хоромным строенщиком,
И во дворе да со любимой скотинушкой,
И во конюшенке проститься с конем добрым!

Мать к молодцам и сверстникам рекрута:

И вы послушайте, удалы добры молодцы,
И уж вы, милые-любимы поровечники!
И да вы спойте хоть унылу ему песенку,
И взвеселите вы скачѣную жемчужнику!
И ты пройди да ведь, удалой доброй молодец,
И по прогулушке по широкой по улочке,
И ты меняй свою кручину на весельице,
И ты обидушку свою на доброумице!
И да мы поглядим, печальные головушки,
И как водут да дружье-братыца-приятели
И как тебя, нашу скачѣную жемчужнику,
И под несчастны молодецки белы рученьки,
И воспевают-то солдатеку жалку песенку
И уласкают-то скачѣную жемчужнику!
И с деревескиим селом, да свет, прощается
И сговорит наша скачѣная жемчужника:

«И ты прости-прости, село да деревеское,
И прости, улочка, бурлакушка, рядовая,
И вси суседушки простите спорядовые,
И вы простите, вси старушки стародревние,
Меня, малые младенцы-педоросточки,
И да вы, вдовушки, простите-тко победные
И меня, горькие несчастны вы спроточки;
И как ходил я по прогульной этой улочке,
Я не впервое прошел, бурлак, последнее,
И проторил да эту малую тропиночку
Я до матушки теперь да до сырой земли;
И от меня, да от дорѣдня добра молодца,
И от злодейской от великой от кручинушки
И мать сыра земля теперечко шатается,
И от горячих слез следочки заплываются!

Рекрутá едут кататься по деревне; мать вопит:

И пойду-выйду я на широку на улочку,
И погляжу да на сердечно свое дитятко:
Как он иде по прогульной этой улочке
И на ступистой удалой на лошадушке,
И он на саночках, мой свет, да самокатных,
И как подвязаны звон-унылы колокольчики,
И спотешат себя сердечно мое дитятко,
И взвеселят да молодецкую утробушку.

И сохранил бы меня господи, помиловал,
И от припёмной палаты белокаменной,
И как от этой бы от службы государевой!
И ты спаси, да пресвята мать богородица,
Ты от этых властей немилосердых,
Ты от этых судей да всё безбожных!
И вы простите-тко, поны-отцы духовные
И благодетели служители церковные!
И на духовных молитвах веномяните-тко
Вы меня, да всё удала добра молодца!
И буде вбвращусь на родимую сторонушку
Я со этого со города Петровекого,
Рассчитаюсь я за ваше утруженьице
И за молитовки-то ващи ведь церковные
Уж я едно вам духовно угощеньице!»

*По присаде из церкви родные зовут рекрута в гости:
Провожая в дверях, мать вопит:*

Я гляжу-смотрю, кокоша горегорькаи,
И на сердечное гляжу да я на дитятко,
И как идё да он по шйрокой по уличке,
И во любимое идё да во гостебице
И ко добротушке к желанной идё тетушке.

Тетка, встречая, вопит:

Я новыду-то, печальная головушка,
Я на это на крылечико перёное,
Да я стричу-то любимо свое племнятко,
И подхвачу его под праву ручешьку,
Я прижму да ко ретливому сердечушку!
Я гляжу-смотрю, печальная головушка,
Я на эта златокрыла ясна сокола:
И хоть с дружбём идё, мой свет, да со приятелям
И с холостьбой идё, желанье, пеженатой,
И он пе князем-то идё ко мне молбдым,
И он пе славным жепихом да паряжённым,
И хоть пе первое идё, мбже, последнее,
И со злодийной идё да со кручинушкой
Он ко мни да во любимое гостебице!
И ты поди, мое сердечно мило племнятко,
И ты по-прежнему поди да ио-досюльному,
И как ходил да ты к печальной головушке,
И ты во радости ходил да во весельице!
Как про тебя, мое сердечно мило племнятко,
Нонь дубовые столы да порасставлены,
И тонки белы скатерти да поразостланы,
И сахарни тебе ествы припалажены,
И с Новагорода питья тебе доставаны!

И ты пройди, мое любимо-мило племнятко,
Ты в мое пройди хоромное строеньице,
Ты во светлую пройди да мою свѣтлицу;
И ты раздень да молодецко цветно платице,
И положу да я на стопочку точѣную,
И посажу тебя на стул да на кленовой,
И угощу я тебя, дитятко, учёстую;
И ты садись, да наш едовольный белый светушко,
И ты гости, гости, любимо мое племнятко,
Пока во своей бурлацкой вольной волюшке!
И я гляжу-смотрю, печальная головушка,
И на сердечного любимого племянничка:
И уж он оствушек, горюи, не искушѣет,
И медвяного питья не пививает,
Он горячима слезама обливается,
Он великой кручинной утирается.
Жаль-тошнѣшепко победным головушкам
Нам сердечного любимого племянничка!
И день ко вечеру теперь да коротается,
И красно солнышко ко западу двигается,
И наше дитятко с суседами прощается,
И во слезливу путь-дорожку отправляется;
И не начаемся, печальны мы головушки,
И увидеть нашу скачѣную жемчужинку.
И ты послушай же, любимо мое племнятко!
Как что еднётся, скачѣная жемчужинка,
Как соймут да молодецку вольцу волюшку,
Как приведут да во палату белокаменну,
И поразденут у вас цветно это платице,
И вас поставят-то под меру государеву,
Как под эту под линейчку дубовую,
И у тебя, наша скачѣная жемчужинка,
И тут подломятся бурлацки резвы поженьки,
И подрожат да молодецки белы рученьки,
И приужахнется ретливое сердечушко,
И помутятся молодецки ясны очушки.
И тут повыстанут судѣй неправосудные
Со этих со стульицев кленовых
Опы пѣ свои пѣ резвы пѣ поженьки
Как от этих столов да от дубовых,
В белокаменной полатушке похаживают,
И козловы сапоги у их поскрипывают,
И опы вточь глядят во ясны вам во очушки,
И по головушке начальники подрачивают:
— «И всим здоров да молодѣц-то этот бравой!»
И столько слушайте, народ да люди добрые!
И не радили бы, победны мы головушки,
И отпустить нашу скачѣную жемчужинку

И во злодийную палату во приёмную!
 И буде господи владыко не помилует
 И как во этой во палате белокаменной,
 И буде «лоб» скричат жагдары государевы,
 И тут подхвѣтя вершалá да всё молодые
 Как тебя, нашу скачѣную жемчужинку,
 И посади как на стульица клеиновые,
 И во руки оны берут да бритвы вострые,
 И оны брить да будут желтые кудѣрышка!
 И у тебя, да у скачѣной у жемчужинки,
 И волоса падут, наш свет, да на дубовой пол,
 И тут ты сдвинешь свои белы эти рученьки
 И на печальну молодецкую головушку,
 И горьки слезушки с очей да одеваются:
 «И куды волонька моя да подевалася
 И молодецкие кудѣрка истерялися!»
 И прибори свои завинны кудри жёлтые
 Ты со этого полу да со дубового,
 И ты клади да во гербовой лист бумаженку
 И отошли да на родиму свою родинку,
 И на погляженьице желаньным родителям,
 И на утехушку нам срóдчам милым сродничкам!
 И не поставь в гнев, скачѣная жемчужинка,
 И хоть я уныло, горюша, причитала,
 И во слезах тебе, победна, рассказала
 Про злодийную палату белокаменну!
 И ты гости, да тѣпло-красно наше солнышко,
 И пока нá своей родимой ты сторонушке,
 И ты по этому селу да деревенскому,
 Ты по милым спорядовым соседушкам!
 Как тебя, да тѣпло-красно наше солнышко,
 Сожалют вси спорядные соседушки!

Вопленица за рекрута, обращаясь к его товарищам:

И спасет бог да вам, дружѣ-братья приятели,
 И что севали вы унылы жалки писемки,
 И воспотенили удала добра молодца,
 И молодецку мою зяблую утробушку:
 И нынь сердечушко мое не утешается
 И молодецкая головушка кручинится —
 И поскореньку наб бурлаку распроститися
 И мне-ка со своей родимой со сторонушкой,
 И суровѣшенько мни наб да отправлятися
 И во злодийну эту службу государеву!
 И жаль-тошнѣшенько удалу добру молодцу
 И порасстаться со родимой мне-ка родинкой,
 И мне с дружѣм-братѣм теперечко с приятелям!

Проводы, угощенье и прощанье:

Поглядите-тко, народ да люди добрые
И все приближили спорядовые суседушки!
И как во этом во почётном во большом углу
Уже все вкупе удалы добры молодцы,
Все сидят тут рекрутá да очередные,
И не удаванице им ествушка сахарные,
И не власть да им сладка пошку водочка!
За столом да их головки принаклоены,
И о сыру землю их очушки утулены,
И тут великою обидой забавляются,
И оны горькими слезами обливаются!
И говорят да им тут власти поставленные:

«И с родом с племенем, бурлакушки,
процдайтесь-ко

И в путь-дороженьку, рекрутá, отпраляйтесь-ко!»
И ответ держат им рекрутики молбдые:
— «Дайволуйте-тко, судья вы милосердые!
И хоть единой час вы дайте-тко, минуточку
Нам потешить свое сердце молодецкое!»
И, зная, пришла да ведь пора да тое времечко
Из-за стола пойти бурлакушкам молбдым,
И от кушаньев пойти да от сахарных,
И от нитыцев пойти да от медвяных;
И пыль долит да их великая кручинушка,
И ушибат да их великая тоскичушка!
И оны крест кладут, бурлаки, по-писаному,
И перед господом ведь славу сотворяют.
И затопляя тут свечи да воску ярого,
И на бурлацкие колена становилися,
И сговарят да тут рекрутики молбдые:
— «Уж ты спас да паш владыко

многомилостливой!

И ты спаси да нас, несчастных добрых молодцев,
И ты от этой от меры государевой!
И ты, покров-мать пресвятая богородица!
И ты покрой да нас, рекрутиков молбдых,
И от злодейской ты от службы государевой!»
И тут повыстали па резвы оны поженьки,
И приклонили свою буйную головушку
И со молодой вышины да до сырой земли;
И па все па три-четыре па сторопушки
Все окольным суседам поклонялися,
И в собицу поклон желанным родителям,
И во пристаршии да держат оны поженьки:
— «И вы простите-тко, желанные родители,
И во всей глупости простите нас во дурасти!»

И благословите-тко, желанные родители,
 И нам поехать во путь-широку дороженьку,
 И паделите-тко талапом вы нас, участью
 И всей великою господней божьей милостью!
 И вы смотрите-тко, парод да люди добрые!
 И как не белые березки нагибаются —
 И с отцом с матерью рекрутики прощаются,
 И оны червышком, несчастные, свиваются,
 И оны клубышком, победные, катаются,
 И в безызвестную сторонку снаряжаются!
 И не ясен сокол с тепла гнезда слетает —
 И добрый молодец из дому выезжает.
 И пынь по позднему теперечко по вечеру
 И по закату тёпло-красного веде солнышка
 Тут повывстали бурлакушки сердечные;
 И как повывцали со хоромного строеньца
 И у крылечика оны обстановилися,
 И как взглянули на хоромное строенье,
 И на светлую взглянули оны светлицу,
 И сняли шапочки со младых со головушек,
 И на три стороны бурлаки поклонялися,
 И со строеньцем оны да распростилися:
 — «И ты прости-прости, хоромное строенье,
 Прости, светлая тёсова нова горенка!
 И не бывать да на родимой буде роднике,
 И не хаживать по хоромному строеньцу,
 И нам не езживать во светлой буде светлице!»
 И поклонилися несчастные рекрутики,
 И печальные удамы добры молодцы,
 И своим да всё ступистым лошадушкам:
 — «И спаси господи ступистых лошадушек,
 И что возили нас, печальных добрых молодцев,
 Всё по этим владычным по праздничкам,
 И по тихим по смиренным беседам,
 И по унылым, слезливым по свадебкам!
 И знае-ведае несчастно ретливо сердце:
 И нам не езживать на ступистых лошадушках,
 И нам не езживать на санках самокатных!»
 И уж как тут эти рекрутики печальные
 И оны поджали ретливое сердечушко,
 И сговорили тут, несчастны, таково слово:
 — «И ты не пой, паше сердечко молодецкое,
 И не тоскуй, наша утробушка бурлацкая!
 И жаль расстаться со родимой со сторонушкой!»
 И со тоски да тут пали рекрута о сыру землю,
 И подхватили да их судьи поставленные,
 И взяли молодцев под правую под рученьку,
 И посадили во печальны дубовы сапи

И приукрыли соболиным одеялышком;
И приоттолкнули желанных родителей
От своих опы сердечных милых детушек,
И отпихнули сродчев-сродничков любимых!
И тут извозчики добрых копей поудили,
И добры кобышники пошли да суровешенько.
И быдто серый волк под кустышком поукиват,
И так бурлаки путь-дороженькой тоскуют,
И в дубовых санях опы да горекуют!
И не далй-то им судьи немилосердые
И со старыма старушкам им проститися
И на все стороны рекрутам поклонитися!
Как везут да их извозчики немилые
И не по разуму ступистые лошадушки
И дале, дале от родимосей сторонущики,
И ускоряются ко городу Петровскому,
Как ко этому приёму государеву.

К матери — двоюродная сестра:

И ты послунай, бедна мать да горегорькая!
Хоть снаряжашь свою скачѣную жемчужинку
И ты не в славны города да полнзовые,
И не в извознички, горюша, ты и охотные,
И не в бурлакушки, горюша, ты во вольные,
И не по эту золоту казну довольщую,
И погляди, бедна кручинная головушка,
Ты на эта златокрыла ясна сокола!
И по мостиночкам, наш свет, да он похаживат,
И он во цветном бурлацком во платьеце;
И не красит на нем да цветно это платьеце,
И со кручинушки головушка не гладится,
И со обиды волос к волосу не ладится,
И со печали жѣлты кудри растрепались!
И не темны леса ко зени приклошались,
И не камышки понь с гор да поскатилися,
И добры людущки бурлаку сдивовались —
И до сегодняшня господня божья денечка,
И как до этой до студеной холодной зимы,
И быв свеча у нас была да петоплѣная,
И как верба, да был наш свет-то, золоченая,
И быв сахарная он был да деревиночка,
И как наливная изюмша ягодичка;
И уж как этосей студѣной холодной зимой
И паша милая скачѣная жемчужинка
И быдто деревцо, наш свет, да подсечѣное,
И во сыром бору береза подсушѣная,
И недозреша как теперь да ягодиночка,
И быдто вѣшная земля да ворошоная,

И на лугах трава, паш свет, да подкошоная,
И быдто рыбинка во сетку изловлёная,
И как ясен сокол во клетку посажбной!
И как сегодняшним господним божьим дёпечком
И скрозь туман да печё красно это солнышко,
Скрозь-то темный лес светлеет млад светёл месяц
И скрозь облак-то течет да наша милая звезда
да подвосточная.

И ты гляди-смотри, сестрица едвуродимая,
И на сердечное рожконо свое дитятко:
И нынь не годышек ведь с ним да годовать,
И не уречная неделя красоватися,
И прошла зимушка студёна — не выдаюча,
И вдруг недели мпновалсь — не слыхаюча;
И по часу наши бурлаки одеваются
И во злодпннюю палату снаряжаются.
И ты послушай, свет сестрица едвуродимая!
И как почесь да было темной этой поченькой,
И у тебя да про сердечно мило дитятко
И было убрано хоть складнее зголовице,
И хоть ложился спать по позднему по вечеру
И сговорил да тут скачбная жемчужника:
— «И я последнюю то сплю да тёмну поченьку
И я на этой на пуховой перинушке,
И на убраном я на складнем на зголовице!
И ты послушай же, родитель родна матушка,
И не клоши да в сон победной буйной головы,
И подле сидь да на тесовую кроваточку
И супротив да ты обидного сердечунка;
И ты гляди-смотри, родитель, во белё лицо,
И ты поглядь да по несчастной буйной головы,
И подрачй ты по несчастным по белым грудям,
И не жалей, зажги свечи да воску ярого!»
И темной поченькой свечй горят-туманятся,
И как несчастной добрый мблodeц печалится,
И не спокойна была тёмна ему поченька;
И, зная, что ведае ретливое сердечунко
И нынь над молодцем великую невзгодушку!
И он не спом да тёмну почку коротаает,
И он горючима слезама обливается;
И от победных молодецких его слезушек
И потопувши круто складнее зголовице
И полинявши наволочечки шёлкбвые!
И с тоски смáхне молодецки свои рученьки
И на печальпу молодецкую головушку,
И с горя рвет да свои желтые кудёрышки,
И подает да он родимой своей матушке:
— «И ты возьми, моя родитель жалостливая,

И мои желтые завивные кудерышки,
И ты клади да во гербовый лист-бумаженьку,
И положи кудри во правую во пазушку,
И прижимай да ты к ретливому сердечушку;
И знаю-ведаю, горюи да я печальной:
И что забудешь ты, родитель родна матушка,
И ты меня — своё сердечно мило дитятко —
И ты ведь поясок носить будешь слабёшенько,
И ты обробишь мои желтые кудёрышки,
И подойдут да светы братьяца родимые
И мои желтые завивны там кудёрышки
И повикинут с хоромного строещица,
Иль сожгут оны в огни да в этом плящем!»
Еще слушай же, сестрица сдвуродимая!
Уж как эту скачѣную жемчужинку
И ты в бесчастный день во среду засіяла,
И в бесталаный день во пятницу венорѣдила;
И, зная, не в ту пору на свет ты попустила,
И когда божьи были церкви приотворены,
И во церквах да божьи книги приотомкнуты,
И двери царские в церквах были приотперты;
И в бесталаный час во вечеру родила,
И когда кúзнецы во кузницах стояли
И как булат это железо разжигали
И ко оружьям замки да прилагали;
И на роду служба ему, свету, уписана,
И на делѹ ему от братьев приделаяся!
Еще слушай же, сестрица сдвуродимая!
И хоть ты думаешь, печальная головушка,
И поостанутся сердечны у тя детушки,
И то гордливы тыи детушки, енесивые.
И поненяю при всех добрых я людюшках,
И посрекаюсь при спорядных суседушках:
И ты не матушка была да ему — мачеха,
И быдто ў сердца его ты не носила;
И не слышал да он, любимо наше племятко,
И как от вас, своих желанных родителей,
И он ни ласкова прелестного словечушка,
И не видал да он, скачѣная жемчужинка,
И от вас да он великого желашьяца,
И неавидли светы братьяца родимые
И за столом его сидеть да за дубовым,
И на стульицах его да на кленовых!
И возрастал как он, любимо наше племятко,
И он не пашивал сапожешьков козловых,
И он не держивал бурлацка цветна платьяца,
И была не дана ступистая лошадушка
И ходить-издить по владычным по праздничкам;

И его кушаньем ведь вы не наважали,
И всё крестьянской работой утружали;
И вы держали-то его вместо подворничка,
И почитали-то его да как работничка!
И говорит тебе сердечно мило дитятко,
Он пеняет жалостливой тебе матушке:
— «И попустила что великое желаньице,
И по головушке, родитель, ночь подрачиваешь?
Я не дитятко тебе да не сердечное,
И ты солдатушком меня да ведь засняла,
И ты солдатушком меня да ведь спорбдила;
И не на красном да я солнышке повыврощен,
И уж я рос да на катучем синем камешке;
И не дитятко ты ростила — изменушку;
И надсмехались светы братьица родимые.
И надрыгались желаньицы родители!
И удивляюсь я, удамый добрый молодец, —
Уж как этою студёной поньку зимушкой
И стали светушки ведь братьица ласковые
И родима моя матушка снащивая!
И кругом-около родитель-то подхаживат,
И хоть во ясны мни-ка очушки поглядыват,
И уласкают светы братьица родимые
И всё мильма прелестныма словечушкам,
И утешают-то бессчастна добра молодца.
И я того, бедный бурлак, да обиждаюся:
И при послёди я скажу да поры-времечки:
И мне-ка не было, бурлаку, приборёгушки
И от родителей великого желаньица!
И уж как мне-кова, бессчастну добру молодцу,
И мне-ка не было ведь сладка усданьица,
И мне медвяного, бурлаку, униваньица;
И не настроено да мне-ка цветна платьица,
И всё вы ладили на милых других детушек!
И я повьстану по утрышку рашешенько,
Я обуюсь в сапоженка поскорешенько,
Я одену хоть шубенку стозащлатную,
И поднояшусь я, победной, хоть веревчонкой,
И снаряжусь да на крестьянскую работушку,
Я во эты во темны леса дремучие,
Я за этыма травама за зелешыма;
И мои братьица в домь да оставаются,
И на пуховой перинке проклаждаются.
И хоть прииду со темных лесов дремучиих,
И я повыпрягу ступистую лошадушку,
И приведу да я на стойлы на кониные,
И задам лошадям еденья со питемьцем,
И я приду да во хоромное строеньце,

И у моей да у родителя у матушки
И произведены обеды полуденные,
И отдыхают-то сердечны у ней детушки,
Как мои да милы братьица родимые;
И по избы стану, несчастной, я похаживать
И говорить стану родителю я матушке:
— «И вы накройте-тко на стол да на дубовой,
И вы дайте мне еденья со нитемьцем!»
И по избы станешь, родитель, ты похаживать,
И ты не с вёсела на молодца поглядывать,
И ты не ласково со мной да разговаривать!
И уж как этой студёной-холодной зимой
И сдивовалися ведь дёбры эти людюшки —
И хоть стала ночь близёшенько подхаживать,
И в устах держишь хоть прелестные словечушка,
И во сердцы пету великого желаньца,
И лицемеришь ночь при добрых столько
людюшках,

И обижданы столько удала добра молодца!
И мно-ка из роду ведь было да из племени
И всех желаннее родитель была тетушка,
И на любимое была да краснословынце,
И на сердечное великое желаньце,
И на заступушку была на приберёгушку!
И у меня ночь, у несчастна добра молодца,
И так победное сердечко разгорелось,
И так обидушка с досадой расходилася!
И не ласкайте, светы братьица родимые!
И ты не плачь да понапраспу, родна матушка,
И не диви да многих добрых столько людюшек —
И я не дитятко тебе да не роконое!
И, знать, не трудничек я вам да не работничек,
И не старатель был крестьянской, видно,

жирушки,
И не рачитель до участков деревенских!
И знае-ведае ретливое сердечушко,
И что вы ростили удала добра молодца,
И во людюшки вы ростили казенные,
И на убойцу эту службу государеву,
И на измену светам братьяцам родимым!
И высокí, да знать, вы терема построите,
И знать, зеленые сады да принаситее,
И винограду, видно, в садику наростите;
И как послí меня, несчастна добра молодца,
И принаскопите казпу да вы бесчётную,
И будут детушки стоять ваши любимые,
И во уличках стоять оны рядовых,
И во лавочках стоять оны торговых!

И уж как я, да горегорькой е детинушка,
 И едипёшепек, уда́лой доброй молодец,
 И отрешош да от крестьянской я от жирушки,
 И приотказал от хоромного строещица;
 И быдто птичешка в лесах да заблудящая
 И так же я, бедной несчастный добрый молодец!
 И прости-йзвиши, родитель родна матушка,
 Что поменял да я при добрых тебе людушках
 И посудьячил при спорядных суседушках, —
 И я клошо тебе несчастну буйну голову
 И молодецко бесталанное сердечушко!»
 И я скажу тебе, сестрица едвуродимая,
 И для людей зря рушишь горьки свои слезушки,
 Как вестимо всем спорядным суседушкам
 И про его да молодецко возрастащице,
 И какова была от вас да приберёгушка;
 И он гневён да наш едовольной белой светушко,
 Что говорят да его братыща родимые:
 «И мы возрбстили себе да всё изменушку!»
 И оны ходя, светлы братья, извеселяются:
 «И слава богу-то теперь, да слава господу!
 Е замена в грозной службе государевой!»

В пленница за рекрута обращается к тетке:

И спасет бог, да едвуродима мила тетунка,
 И на твоём складе-умильном причитанице,
 И на твоих да на расказах правосушних!
 Уж как я, да разбесчастный добрый молодец
 И бесталанная победная головушка,
 И я в бесчастный день во среду заснял,
 И в бесталанной день во пятницу вспорожен,
 И я солдатушкой в купели ведь окунал,
 И во казенные во людушки возрбщен,
 И меня в зыбоньке, солдатушка, качали,
 И вдвое-втрое тут мни горя цакачали!
 И уж я взрос да на катушем синем камешке,
 И к завоенному оружищу воскормлен,
 И на измену светам братыщам родимым;
 И от младости во радости не бывано,
 И от рождешница веселых дней не видало,
 И не видал да я великого желашница
 И от родителя родимой своей матушки
 И не слыхал да я прелестных словечушек
 И от своих да светов братыщев родимых!
 И поровечники ведь мни были не подругье —
 И подойду я к ним, уда́лой доброй молодец
 И во глаза-то мни оны да прилецаются,
 И посторонь оны «служивым» парекают,

И говорят да там суседи спорядовые:
— «Не участник он участков деревенских,
И не дольщик он крестьянского ведь полюшка
И не косец да на луговых буде поженках!»
И во глаза лезят дружьё-братья-приятели,
И по заглязью-то оны да спроговаривают:
— «И вот казенный-то солдатушко нохаживае,
И горемыка-та удёлая погуливае!»
И подойду да я ко красным ко девушкам,
И ведь тут да ми, несчастну, не весельице,
И красны девушки меня да сторонилися,
И быв чужанина меня да полонилися!
И вдруг подрёже тут победно ретливё сердце
И пустылая родима каже родинка!
И ещё слушай же, родитель мила тетунка!
И ты поиди со мной ко городу Петровскому,
И да ты погляди, родитель мила тетунка,
И как в злодийшой ведь палате белокаменной
И нас дёгола, победных, раздевать будут,
И становить станут под меру государеву,
И принимать станут бессчастливых добрых молодцев
И во злодийшую во службу государеву!
И станут брить да наши желтые кудёрышки,
И приберешь, моя родитель мила тетунка,
И мои желты молодецкие кудёрышки
На доброумнице себе, на погляженнице
И на роздий себи великой кручинушки:
И ты увидишь тут, родитель мила тетунка,
И как нас сводят в божью церковь посвященную
И принимать да нас присягу уреченную,
И служить да верой-правдой нам, солдатункам,
И без измены-то царю — богу русийскому.
И тут новысмотришь, родитель мила тетунка,
И как водить станут бессчастливых солдатунков
И приучать да ко оружьям завоенным,
И нас ко этим пистолетам зарукавным;
И как съедешь на родиму нашу сторону,
Порасскажешь многим добрым столько людешкам
И всем приближним спорядовым суседушкам!

Вопит соседка, у которой брат в солдатах:

Я стою гляжу, кручинная головушка,
И что внотай рушю, победна, горячи слезы,
И не попущу да я, кокоша, жалка голоса,
И я обидной горькой причети солдатской!
И подивуют мне-ка добры эти людешки,
И посрекаются спорядны вси суседушки,
Я сестра, видно, стою да ведь безбратняя,

И, знать, сердечушко мое да беспечальное,
И у меча ведь, у победной у головушки,
И единая также скачѣная жемчужинка
И единойутробной светушко братец родимой,
И также отдан в грозную службу государеву!
Уж как третий-то учетный идѣ годышек,
И как я да была в городе Петровском,
И хоть недолгой я поры да была времечки,
Хоть одну жила уречную неделюшку,
И насмотрелась на несчастных я головушек
И на победную горькую жизнь да я солдатскую!
И не дай господи на сѣм да на белом свете
И глядеть-смотреть на подстрельных ясных
сѣколов!

И отрешѣнные-то от добрых опы людюшек,
И приотрѣкнутся от сродчев опы сродничков.
И я гляжу да нынь, печальная головушка,
И как похаживат наши сдовольной белой
светушко,

Уж как милой спорядовой наш суседушко
И он по доброму хоромному строевнику,
И как тоскует-то ретливое сердечушко
У дорогой милой скачѣной жемчужинки!
И мне-ка смирь ли то, печальной головушке,
И подойти, бедной горюшице, близешенько,
И наложить свои несчастны белы рученьки
И на победны молодецки твои плечушки
И на несчастну молодецкую головушку!
И не огонь иду, горюшица, не обпалю,
И не змея иду, победна, я не обклошу!
И сама по себе, горюша, разумею могу,
И по светушке по братце разумно вас:
И жаль расстаться с молодецкой вольной
волюшкой

И распротиться со родимой со сторонушкой!
И ты послушай, спорядовой мой суседушко!
И не радью я, победная головушка,
И тоби быть да в грозной службе государевой;
И возврати, господи, скачѣную жемчужинку,
И тебя взад да на родимую сторонушку,
И большаком да тебя в дом-то настоятелем,
И тебя пахарем на чисто взад на полюшко,
И сенокосцем на луговые на поженки,
И севцем да на распахисты полосушки,
И рыболовушком на сине на Онегушко!
И как тебя, да тепло-красно наше солнышко
И наша милая свеча да не топлѣная,
И сожалеют все спорядные суседушки

И за твои да за умильные словечушка!
И как смиреннице у ты было со кротостью,
И ты не плут да был ведь, свет-то, не разбойничек,
И красным девушкам ведь ты да не пасмешничек,
И молодым женам ведь ты да не проказничек,
И как мужским-то жёнам не стыдитель был!
И долгих вёчеров, наш свет, да не просиживал,
И тёмных ноченок, наш свет, да не прогуливал!
И я гляжу-смотрю, печальная головушка,
И на тебя, да златокрыла ясна сокола;
И нынь под тученькой ты ходишь гриновитоей,
И ты под облакой ведь е да страховитоей!
И ты думаешь несчастным своим разумом:
— «И возвращусь да на родиму, може, родинку!»
И ты послушай-ка, скачёная жемчужинка,
И не поставь во гнев, сдвольной белой светушко,
И буде господи-владыко не помирует
И от злодийной тебя службы государевой,
И ты пойдешь да во солдатушки походные,
И ты во дальнюю путь-широку дороженьку,
И в безызвестну незнакомую сторонушку,
И я поникажу, печальная головушка,
И как тебе, милый спорядный мой суседушко:
И не случится ль тебе слышать
И там про братца про родимого
И увидеть мою скачёную жемчужинку?
И во единой во казармы, може, сйдетесь,
Иль на стретушке, несчастны, може, стрититесь,
И да вы дў-друга, победы, признаете,
И за одним, може, столом да вы там будете,
И, може, сядете за стол да против дў-друга,
И вы на дў-друга, победы, усмотритесь-ко,
И потихошеньку ведь вы разговоритесь-ко:
— «И с коей стóроны, солдат, какой губернки?
И сколько лет служишь во службе государевой?
И ты которой год в солдатушках походных?»
И тут вы дў-другу, победы, порасскажетесь,
И вы, несчастны тут солдаты, порасплачетесь!
И ты скажи, да спорядовой мой суседушко,
И моей милоей скачёной жемчужинке,
И скажи низкое поклонно челобитьице!
И ты скажи еще, сдвольной белой светушко,
И всё на нас, да на печальных головушек,
И что не пише скорописчатой он грамотки,
И не упише свою жизнь бедну солдатскую?
И таки ль нет да ему вольпой столько волюшки,
Иль на письмо нет золотой казны бесчётной,

И нет поутчичков оттуль, видно, ходаталей?
И ты порбскажи, спорядной мой суседушко,
И что не знаем мы, горюшицы, не ведаем,
И во какой орды наш свет, да во какой земли;
И что по утрышку его мы воскликаем
И по вечерним зарям да вспоминаем!
И ты скажи, да тёпло-красно мое солнышко,
И как тоскую я по братце по родимом!
И кабы мне-кава, печальной головошке,
И были крылышки, горюше бы, гусиные,
И были полёты, победной, лебедины бы,
И я бы справилась, горюша, поднималась
И выше лесушку, победна бы, дремучего,
И на безродну бы на чужу на сторонушку,
И я во дальни города бы незнакомые;
И облетела всю Русню подселенну бы,
И новыскала бы скачбную жемчужинку
И на пути да во солдатушках походных,
Я по этим бы казармам по казенным,
И по часовенкам искала бы на спасеньи,
И по зеленым лугам да там на страженни!
Я слетала бы за сйпе за Онегушко,
Я во это в океан да сине морюшко,
Новыскала бы по чёрным бблыпим коаблям,
И я по этим берегам да незнакомым,
И признавала б светушка братца родимого
И по солдатскому бессчастну белу личушку,
И по печальным его ясным по очушкам,
И по обидным по солдатским разговорюшкам!
И знаю-ведаю, печальная головошка,
И про его да я жизнь горьку-бессчастную!
И как в три годы резвы ножки притопталися,
И все солдатски сапожкошка придержалися,
И по походушкам мондеры притаскалися,
И заболели-то солдатски его плечушка,
И столько посячи ранцы эти казенные,
И подрожали, може, белы его рученьки,
И столько дбержачи оружьяца военные!
И притомивши-то скачбная жемчужинка,
Уж он ходячи, наш свет, да по походушкам,
И он стбоячи, победной, каравульщиком
Всё у этих замков да у казенных!
И еще слушай же, спорядной мой суседушко,
И ты скажи да светушку братцу родимому:
И как послй его, скачбной жемчужинки,
И изменилася крестьянска наша жйрушка,
И издержалась золотá казна бессчётная!
И ты еще скажи, спорядной мой суседушко:

И хотя ж есть да светушки братцы родимые,
И всё не снѣдцивы к солдатушку несчастному,
И как в злодийпу его службу приотправили,
И прозабыли его братица родимые,
И не распрѣдают любимой скотинушки,
И не прищлют да золотой казны по пѣдоблю,
И на расход ему, солдатушку несчастному!
И сдѣвольной, да спорядовой мой суседушко,
И мни порѣсказать про службу государеву,
И что я видела, печальная головушка,
И как была да я во городе Иетровском
И отнускали как солдатушков несчастных
И их во партни, победных, во собраной,
И как идут да путем-широкой дороженькой.
И оны в дальнюю орду да безызвестную.
И как по ранному было да всё по утрышку
И приходили эты дядьки-то со старшинами,
И оны прѣшли по казармам по казенным,
И оны громко всем солдатушкам сказали:
— «И вам отправка сего дѣнечка господнего
И вам со города теперь да со Петровского».
И как у этых у солдатушков несчастных
И в кренкий сон да у солдатушков не зѣбранось,
И тут повѣстали солдатушки победные
И как со этых оны коек со казенных,
И тут Иисову молитву сотворили,
И во слезах глаза солдатушки крестили,
И не ключѣвой водой да умывалися,
И как не в бело полотно да утиралися —
И умывалися солдаты горючмы слезмы,
И утиралися великой обидушкой,
И обували сапожѣнки тут казенные,
И на плечушки шапельчишки походные,
И кренко-пѣкренко сердечко подтягали;
И приходили эты дядьки-то со старшинами
И их повывели на широкую на уличку,
И их в шариночку, солдатов, становили,
И по едипушке солдатов выкликали,
И во походные солдаты назначали.
И как в шариночке победпушки стояли,
И уж так да камендѣры надрывалися:
И как стояли бы, солдатушки, прямѣшенько,
И глядили бы, несчастны, веселѣшенько,
И белы рученьки были б да порасставлены,
И в едипу струну бы поженьки наставлены,
И говорили бы солдаты умильѣшенько,
И привывали бы к ученью хорошохопко!
И насупротѣв стоим, победны мы головушки,

И поблизёшеньку ведь нас не подпущают
И как злодии-каменцеры скрозекозные;
И пету душепки у их да во белых грудях,
И пету совести у их да во ясных очах,
И пет креста-то ведь у их да на белой груди;
И немоготу им умильно причитаньице,
И им не по сердцу горячи наши слезушки!
И как приставлены судьи да всё немилостливы,
И тут привозят оны бочки с ключевой водой,
И тут над пама-то оны да надрыгаются!
И как начальнички стоят да там не русские,
И как судьишечки ведь там не новгородские;
И велят оны из труб да всё пожарных
И нас окачивать, победных головушек,
И всё тушить пожар в ретливых сердечушках!
Ой, топнёхонько победным нам головушкам!
И немоготу нам сесветное живлениеце
И всё от этих властей да страховитных,
И всё от этих судей да скрозекозных.
И суди господи злодиям-суностатым
И за их тяжкие велики беззаконья!
И ты услышь наши молитвы изутробные,
И ты узри да наши слезы горегорькие!
И при последи-то походе этой времечке
И как на нас, да на победных головушек,
И быдто белочки солдатушки поглядывают,
И быв уиалы серы заюшки посматривают,
И не помянут-то, удалы добры молодцы,
И с ноги на ногу оны да всё переступить
И скинуть ясных несчастных своих очушек
И всё на нас, да на печальных головушек,
И у которых е желанны хоть родители,
И у которых е сестрицы хоть родимые,
И хотя ж клубышком, горяши, мы катаемся,
Хотя червышком, несчастные, свиваемся,
И не повирия нам, победным головушкам,
И столько эти властей немилосердые.
И не повирия нам, победным головушкам,
И своих милных скачёных нам жемчужинок;
И на три ряд наше сердечко прирастрескае,
И на четыре ряд утроба перелопала,
И столько глядячи на братищев родимых!
И подходить стали судьи неправосудные
И как ко этим солдатам новобранным,
И паливали тут по чары зеленá вина,
И оны в музыку, злодии, заиграли,
И барабанщик барабан да пробивает.
И створят да тут судьи неправосудные:

— «Марш! В поход пойти бессчастливым
солдатушкам!»

И позади пошли победы мы головушки,
И мы не знаем-то, кокоши горегорькие,
В кую путь пошли широкую дороженьку;
И сговорят да тут судьи несправосудные:
— «И вы, прибравые солдатики молодые,
И вы по городу пойдете по Петровскому
И мимо славную палату егеральскую,
И вы пойдете, повобраны, веселешенько,
И пойте песенку, походные, умильнешенько!»
И столько дается солдатушкам бессчастливым!
И им песенки запеть да не хотелось бы
И ущемляют у их ретливое сердечушко,
И обмирает у их зяблая утробушка!
И впереди идут все дядьки да со старшими,
И позади идут ведь крепки караульщицки,
И среди да музыканты с барабанами;
И как по городу идут оны тихошенько,
И сквозь слезы поют жалку оны песенку,
И сквозь обидушку словечка выговаривают,
И не мешаются, погами-то выстунывают,
И ретливо сердце ведь кровью запечатано!
И не дай господи на сём да на белом свете
И расставаться-то со братищем родимым,
И отлучать да во солдатушки походные!
И не глядели бы победы ясны оцущки
И на бессчастное житье да на солдатское,
И на слезливо их, победных, расставанье!
И как жива эта разлука лучше мертвой!
И не радил бы победна я головушка
И я ни роду бы крещеному, ни некрести,
Как ходить да по солдатушкам походным!
И я не знаю ведь, печальная головушка,
Кое день да кое темная де почепька:
И во горях, бедна кокоша, во кручинушке,
И по сырой земле, горящица, каталася!
И сговорила тут скаченая жемчужинка,
И мой бессчастной светушко братец родимой:
— «И ты прости, прости, сестрица-свет родимая,
И ты во всей вины прости да во всей глупости!»
И сговорил да еще, красно мое солнышко,
И со правой руки подал мне златый перстень,
И от сердечка опояску новгородскую,
И со кармана он платок да левантеровой,
Все подал да он утехи молодецкие
И сговорил да при последи таково слово:
— «И дарю тебе, сестрица-свет родимая,

Я на память-то, сестрица, свой злачён перстень.
На доброумье опояску повгородскую,
И на роздйй тебе великою кручинушки
И со кармапа я платок да левантеровой;
И снамяти меня, сестрица-свет родимая,
И ты гляди да на последние подарочки,
И точно на меня уда́ла д́обра молодца;
И ты держи эти любимые подарочки
И да ты в день держи на белых своих ручешках,
И да ты в ночь ведь у ретливого сердечушка,
И мой злачён перстень держи, бедна,
но праздничкам,
И прилагай, бедна, ко блёклому ко личушку,
И прижимай да ко несчастну ретлину́ сердцу!»
Уж вы слушайте, народ да люди добрые!
Как прощалася, победна, расставалася
Я со светушком со братцем со родимым,
И мы плотнешенько ко сердцу прижимались
И во сахарные уста да целовались,
И словорил еше, скач́ёная жемчужинка,
И с горя малое единое словечушко,
И он челом бил, мой ведь свет, да низко кланялся,
И он до матушки, наш свет, да до сырой земли
Уже всем вкупе спорядным суседушкам,
И он воздал да всем спасибо е благодарностью,
И он за наше за великое желанье!
И буде вирите, народ да люди добрые,
И не могу забыть, кручинная головушка,
И я про сл́азное со братцем расставаньце,
И я про бедное солдатско похожденье,
И я пи в дешь забыть, пи в т́ёмну ночь осеннюю.
И поглядите, многи д́обры столько людюшки,
И вы на этого несчастна добра молодца,
И вы на этого суседа спорядового!
И он тонёшенек теперь, да как тетивочка,
И молодёшенек, наш свет, да как травиночка,
И зелена стоит быв он да деревиночка,
И недоросла, как кудрявая рябиноушка,
И незрела борова да ягодиночка!
И молчи-то-ко, спорядной мой суседушко:
И как ты с́ойдешь-то во службу государеву,
И на словах да ты, несчастный, всё простешенек,
И умом-разумом, победной, ты глупешенек.
И ты подтыченья, победной, наувидишься,
И ты поушенья, несчастной, наприидишься;
И тут избита-то несчастна будет спинушка,
Всё подбиты будут ясны твои очушки,
Исколочена несчастна буде ѓолова,

Как подсечены ведь резвы будут поженьки,
И придосажено ретливое сердечушко,
И приобижена бесщастная утробушка!
И в темном лйсе — да ты зверя устрашился бы,
И в чистом поле — да ты змея убоялся бы,
И в злодийной этой службы государевой,
И не начашься ты горя — пакачашься,
И не наднешься обидушки — навидишься;
И невзначай да получать будешь поушенья,
И ты не знаешь, за что побой превеликие!
Уже ой да горе-служба государева:
И как еденьце вам буде ведь скотинное,
И точно питыце, победным, лошадиное;
Уеданыце вам будут ведь сухарики,
И вам питемыце-то вѳдушка со ржавушкой!
И хоть не великую вину да вы провиинтесь,
И нету милости, бесщастным, нет прощеньца;
И под бока станут солдатекие подтыкивать,
И подобьют да ваши ясны эти очупки,
И победную бесщастную головушку,
И дают розги во бесщастны ваши плечушки,
И уже бьют да так бесщастну ващу еппушку
И странно-ужасно ведь палкама великими,
И вам не сто дают ведь разом целу тысячу;
И тело с мясом у бесщастных смепається,
И как из плеч да ручьем кровь-то разливается!
И как от этых побоев от тяжелых
И тут бесщастна бы головка не клопшлася,
И тут солдатекое бы сердце не корилося,
И наб повынести могучим вашим плечушкам
И эты смертные побой да тяжелые,
И наб повытерпеть бесщастному сердечушку
Уж как всю эту обиду преужасную;
И тут утробушка у вас не унывала бы,
И горячй слезы у вас не протекали бы,
И как пред этым начальством пред всевышним,
Как пред этым злоднем супостатым;
И веселым наб быть, победным, не смеяться,
И при обиды вам, песщастным, не расшлаться —
И между собой начальники смущаются,
И над бесщастныма солдатам изъезжаются!
И не поставь во гнев, спорядной ты суседушко,
И что жалобно, горяша, причитала,
И про злодийну грозпу службу рассказала;
И хоть я не была во службы государевой,
И не ходила по походам я солдатекиим,
И столько бѳла я во городе Петровском —
Я одинава со братцем со родимым,

Хоть одну была уречную неделюшку,
И навиделась, победная головушка,
И насмотрилась на солдатов новобранных,
Как ходили на ученьице великое;
И хотя ж ветрышки-то были со погодушкой,
И была стужа со морозами крещенскимя,
И всё поверны командиры страховитые,
И столько этих солдатушков молодых
И приучали ко оружию завоенному,
И чтобы вдруг ровно направо повернулись,
Чтоб в минуточку оружия перекинули,
И их повыстанет шарниочки казенные,
И плечо с плечом ровно б у них ровнёшенько,
И буйна голова была б у них примёшенька,
И отойдут да командиры тут ведь ротные,
И оны впрямь глядя по плечушкам могучним,
И оны вточь глядя по буйной по головушке.
И повобранные солдатушки несчастные,
И всё к оружию оны не применилися,
И оны в вытяжку стоять да не навькли
И поворотушков держать да не умют!
И горячи да эти ротные свиреные,
И отдали да оны скоро поразбьдуютя,
И закричат оны, злодны, по-звериному,
И как этих несчастных солдатушков
И оны ткнут да всё во правое во плечушко!
И как у этих солдатушков несчастных
И со ясных очей да слезы вдруг повытекут.
И как у нас, да у печальных головушек,
И обмирает наше ретливое сердечушко,
Уж как глядячи на скачбных жемчужинок!
Хоть в бело лицо дуют буйны эти ветрышки,
В ясны очи бьет погода непомерная,
И никуды, бедны солдаты, не увёрнешься,
И по фатерышкам, несчастны, не разбьдешься!
И от снежку да зябнут резвы у их пожешьки,
И от оружица несчастны ручки белые,
И от морозушку сердечко перетрескает;
И по одеты там соболю белы шубоньки,
И одны только мушеры сукоп серых;
И у их здрагиват бесщастно тело белое!
И мие-ка жаль того, победной головушке:
И лучше я, бедна горящица, радела бы
Ему скорую злодийну бы смеретушку
И опустила бы, горяша, во сырú землю!
И тут не ржавело б победно ретливо сердце,
И где таскается бесщастно наше дитятко,
Иль зябет да по студёной он по зимушке;

И летной порою на дождях стоит сыпучиих,
 И на страстях, можа, светушко, на ужастях:
 И мое трескае ретливое сердечушко.
 Ой несчастные солдаты, неталанпые!
 И как у вас, да у победных головушек,
 И без угару разболитея буйна голова
 И от побоюшков у вас да от тяжёлых!
 Наб бояться-то судей неправосудных,
 И покоряться наб властям немилосердным,
 И подрожать да вам кажинную минуточку —
 И буди проклято на сём да на белом свете —
 Уж как это зло-великое несчастье,
 Всё злодйное проклято бесталаньеце —
 Уж как эта грозна служба государева!
 И трудна-тяжела ведь служба государева:
 И день и ночь служить солдатушкам несчастным,
 И нет покою-то ведь темной этой поченькой,
 И нет оддоху на владычны божьи празднички!
 Дробить наб, да как начальству-то являтися,
 Чтоб мундеры суком серых наглажены,
 Как оружице всё было бы начищено,
 И сабли вострые всё были бы насветлены,
 И плотно-наплотно ведь были б подпоясаны!

Если рекрут пошел охотой за братьев, то соседка продолжает:

Да ты слушай же, спорядной мой суседушко!
 И ты окипулся на братьицев родимых
 И на их ласковы прелестные словечушка!
 И ублаждают тебя, доброго ведь молодца,
 И тебе цветно поньку платице наряжено,
 И тебе ествушки сахарные составлены,
 И тебе пштыца медвяные налажены,
 И для прогулушки добры копи подпиряжены.
 И да ты думаешь, спорядовой мой суседушко,
 И что ведь век будет тебе да уваженьице?
 И не векво уваженьице — часовое!
 И тебя сдают как во службу государеву,
 И позабудут светушки братцы родимые!
 И буде бог судит, владыко многомилостливой,
 И по благу служить ведь службу государеву,
 И буде выслужишь уречны эти годышки,
 Буде возвратишься на родимую сторонушку,—
 И не будет тут от братьев уваженьица,
 И приобидят тут солдатушка несчастного,
 И сговорят да тебе братица родимые:
 — «И ты не дольщичек крестьянской нашей
 жирушки,
 И не участничек участкам деревенским,

И не пристройщичек к хоромному строещицу,
 Ты не пайщичек любимой скотиноушки!
 И позабудут светушки братцы родимые
 Оны пынешнюю напасть-беду великую,
 И сговорят еще солдатушку несчастному:
 — «И ты ведь дольщичек всё службы государевой,
 И ты участничек солдатушков походных,
 И ты пайщичек казармам всё казенным,
 И половищник ты оружьям военным!»
 И заобидишься, солдат ты, закручинишься,
 И во слезах да ты ответишь таково слово:
 «Бог судья вам, светушкí братцы родимые,
 И как во тó пору былó, да в тое времячко,
 И когда грозна эта служба суетилала,
 И вы не шли да туды, братцы, не едавалися,
 И вы ведь мной, да горегорьким, заменялися,
 И кабы знал да я, несчастной, про то ведал бы,
 И вас не слушл бы я, братыщев родимых,
 И не окинулея б на ласковы словечушка,
 И не сменил бы ум тот разум на безумице,
 И я не шел бы в грозну службу государеву!
 И хоть бы в горе жил — на вольной своей волюшке,
 И хоть я в худом был, победной, во житищечке, —
 И столько на своей любимой бы сторонушке!
 И как за вас, да светушкí братцы родимые,
 И много страсти я привидал, много укасти
 И большí того — побоев превеликих;
 Белы рученьки мои да примахалися,
 Белы поженьки мои да притопталися,
 Ясны очушки мои да притомлилися,
 Бедна шинушка моя да пораспластала,
 И вся утробушка моя да перержавела;
 От подтычки я не вижу света белого,
 От поушенья не слышу ветра буйного!
 Бог судья вам, светушки братцы родимые!»
 И тут вспомнишь ты кручинную головушку,
 И ты меня, да ведь приближнюю суседушку:
 — «И говорила как спорядная суседушка,
 И так ведь избылось и в точь всё обрещалося!»
 И ты не гневайся, сдвольной белой светушко,
 И на мое да ты пескладше причитайице!
 Хоть не умилно я, горюша, причитала,
 Столько ума-разума в голову придавала!
 И хоть не много жизнь солдатскую видала,
 Знаю-ведаю, победная горющица,
 Каково да им, несчастным, уваженьице!

Порастроньтесь-ко, народ да люди добрые,
Дайте мистечка вы мни да несомножечко,
И с одну лётнуюю со малую троиншочку,
И вы со эту дубовую мостиночку,
И не на добром мни комоин проехать,
И единбѣ пройти кручинной мни головушке,
И мие ко милоей спорядной суседушке,
И повзыскать мие-ка, печальнойей головушке,
И мие, победной, бедну мать горегорькую.
И я гляжу-смотрю, печальная головушка,
И я на милую спорядную суседушку,
И что сидит да на брусовой она лавочке,
И у ей поджато ретливое сердечушко,
И принаклонена несчастна буйна гóлова,
И утуплены ведь очи на дубовой пол,
И вопотай рушит, горюша, горючий слезы?
И ты послунай же, спорядная суседушка!
И не попустишь ты унылой жалкой гóлосок,
Хоть не умильное бы складне причитаныце,
Вей не дяя чести, горюша, не дяя похвалы,
И со великой бы злодийной ты кручинушки;
И хоть горючи, бедна, слезы проливаешь,
И не повиря того добры тебе людюшки!
И про тебя, да про несчастную головушку,
И межу дý-другом тихонько разговаривают:
-- «И не жалѣе, зпать, сердечного ведь дитятка,
И свою милую скачѣную жемчужинку!»
И не могла стерпеть кручинна я головушка,
И содержать свое ретливое сердечушко,
И подошла да я, кручинная головушка,
И наздыну свои несчастны белы рученьки
И на твои столько печальные на плечушки:
Ты послушай, спорядовая суседушка!
И что сидишь да на брусовой на лавочке
И не подходишь ко сердечному ко дитятку?
И он похаживат, удалый добрый молодец,
Хоть по доброму хоромному строеньицу,
И нету сродчев у него, да видно, сродничков,
И нету любушек-сестриц, видно, родимых,
И по головушке никто да не подрачивает,
И по несчастным его плѣчам не поглаживает?
И подойди да ты, родитель родна матушка,
И ты наздынь свои, родитель, ручки белые
И на печальну молодецкую головушку,
И на несчастные могучи его плечушки!
И, видно, у тебя, печальной у головушки,

И плотно-каменно ретливо, знать, сердечушко,
Что отдалі ходишь, горющица, туляешься
И от сердечного рожкого от дитятка!
И как у твбей скачѣной жемчужишки
И закручинилась несчастная головушка,
И закатилась, знать, катуший белый камешек
И на печальное бурлацкое сердечушко,
И на несчастну молодецкую утробушку!
И он без ветрышка, наш светушко, шатается,
И ума-разума, победной, он срекается,
И он похаживает, свет, да выговаривает,
И он во все в эвты во добрые во людюшки,
И сговорит да он, победной, таково слово:
— «И я не знаю, добрый молодец, не ведаю,
И что разгневалась желанна моя матушка
И на несчастного удала добра молодца,
И кругом-около родитель не обхаживат,
И ко мни во глаза родитель не поглядыват,
И про запас да в молодецко бело личушко.
И подойди скажи, родитель родна матушка,
И чим разгневал я, удалой доброй молодец,
И отрешил чим я родительско желаннице?
Аль ты слушаешь любимых своих детушек,
И моих милых светов братыцев родимых?
Ты подумай же, родитель родна матушка,
Как мои да светы братыца родимые
Изживают меня, бедна добра молодца,
И быдто лютото зверя да из тѣмнѣ леса,
И быдто лютую змею да из чистѣ поля
И знать, что я, бедной несчастной доброй
молодец,

И знать, не дитятко тебе да не рожкое,
И знать, не вси равны сердечны тебе детушки,
И тебе по-люби, знать, дети остаются.
Уж как вы, мои желанные родители,
Изговяете несчастную головушку,
И быдто заншка с-под ракитова под кустышка,
И горносталя с-под катуша бела камешка!
И можно знать, моя родитель родна матушка,
И про несчастного удала добра молодца:
Уже так мое сердечко разгоряется,
И зла великая кручина расхотилася,
И на сердечушке тоска да распалилася,
И белой свет да со ясных очей теряется!
И чем разгневал я родитель тебя матушку,
Так ты в том прости, родитель жалостливая!
И не гпевила бы, бедна моя матушка,
И при последи-то меня да поры-времечки,

И не дивила бы ты добрых-то людюшек,
И не знобила бы несчастного сердечушка!
И мне пройти было, несчастну добру молодцу,
И мне во этот бы упылой задний угол
И ко желанной к родителю ко матушке,
И приклонить своя бурлацкая головушка,
И покорить да всё печальное сердечушко!
И не прошу да я, удалой доброй молодец,
И ни злата-то у вас да всё ни сребра,
И не прошу да золотой казны по надобью —
Я прошу столько, родитель родна матушка,
Я родительско прощенье с благословлепницей!
И как что едятся, родитель моя матушка,
И над несчастной бурлацкой головушкой,
И как во этой во полаты белокаменной,
И буде бог судит несчастну добру молодцу
И во злоднийной быть во службе государевой,
И не споконьте-тко несчастна добра молодца,
И вы приидьте-тко во город во Петровской;
И не забудьте, светы братица родимые,
И во поход меня, несчастна, проводите-тко!
И обмездерят как несчастных нас головушек,
И увидите, сердечные, узнаете
Тут про нашу бедну жизнь да про солдатскую,
И про несчастное еденье со штемблицем,
И про тяжкие побои превеликие,
И про зло это начальство страховитое,
И про злых этих судей да скрозекозных!»

Другая соседка к матери:

Я ответ держу, кручинна пынь головушка,
И я тебе, милой спорядной суседушке!
И да ты слышала, победна, в глаза видела:
И скрозь обиду твое дитятко высказыват,
И скрозь горючи он ведь слезы выговариват;
И приклошил свою несчастну он головушку,
И покорил да бесталанно ретливó сердце
И он со этима слезама со горючима
И он при всех да ведь при добрых при людюшках,
И при ближних спорядовых суседушках;
И он повысказал, удалой доброй молодец,
И какó его из дому похожденнице!
И жаль-тошпешепько удала добра молодца:
И он возрастом, наш свет, да не малёшенек,
И на походочку, наш свет, да быдто стопочка,
И во лица да всё белила со румянама,
И развесёлы молодецки ясны очушки;
И по палатушке пройдет, да свет, не стряхнется,

И говорит да паш свет-то, не мешается,
И знать, приглянется судьям там поставлѣнным!
И ты послушай, спорядовая суседушка!
И кабы ў тебя, кручинной у головушки,
И во сердцѣ было велико бы желаньце,
И во устах были прелестны бы словечушка
И до печального сердечного до дитятка,
И не допустила бы, победна, во резвѣ погѣ,
И ты приняла б на белы свои рученьки,
И от тошна горя к сердечку прижимала бы,
И со кручины к белу лицу прилагала бы,
Уговорила бы дитѣ да уласкала бы,
И наказала бы сердечному ты дитятку
И ты умильным родительским словечушном:
 «И как поедешь ты, сердечню мило дитятко,
И ко злодѣйному ко городу Петровскому,
И на пути да гди на широкѣй дороженьке
И где увидишь ты часовни богомольные,
Где прознаешь да ты церкви посвященныя,
И во часовенки зайдѣ да ты на спясеенье,
И в божьи церкви заходи да ты на мѣлеенье,
И да ты ставь-ка там свечи да всё рубленные,
И засуляй-ко пелены да всё шелковые
И ты пречистой пресвятой да богородице;
И молись да ты там богу от желаньца,
Чтобы господи-владыко-свет помиловал
И от злодѣйной грозной службы государевой,
И возвратя бы на родиму тебя родинку,
И во свой да дом, крестьянскую во жирушку;
И ты начальству во палаты не годился бы,
И черным вороном в глаза да показался бы!
И ты послушай, спорядовая суседушка:
И когда дитятко тебе да покорялося
И как несчастная головка приклонялася
И ко теби да всё во резвые во пожееньки,
И у тебя, моя спорядная суседушка,
И не здынулось тут ведь бѣлы твои рученьки
И на печальну на бурлацкую головушку,
И на обидны его желтые кудѣрышки.
И знать, на ту пору уста да запечатались,
И у тебя, да у спорядной у суседушки,
И не воротится ведь пынь да всё речист язык!

Соседка, у которой брат в солдатах, к народу:

И вы послушайте, народ да люди добрые,
Что ведь я скажу, кручинная головушка!
Сама по себи, горюша, разумею могу;
Я была в такой ж великой кручинушке,

Я в песнопоей злодийпоей тоскичушке!
И как со светушком я братцем расставалася
И всё горючима слезама обливалася,
И во горях добрых людей не узнавала,
И родимого я братца не видала!
Не дивуйте-тко, народ да люди добрые,
И также этой спорядовой суседушке:
Ведь детская тоска — неугасная;
И може, нет да ума-разума в головушке
И у ей рбзмьеслу в ретливом сердечушке;
И как сегодня, сего дёнечка господнего
И без ума, да може, мать ходит-шатается!
И вы не вирите, спорядные суседушки,
И нам, несчастным кручинным головушкам:
И вы во добрых живёте всё во жирушках,
И вы невзгоды над собой да не выдаюча,
И вы кручины-то печали не слыхаюча;
И може, рада бы она да причитать —
И она в грамоты, горюша, не училася,
И всё от добрых людей да непонятная!
И не начаялася она да не надиялася
И над собой да всё великою кручинушки!
И она в доброй во крестьянской жила жирушке,
В добре рбстила сердечных она детушек;
И она думала победным, може, разумом,
Что повыврацу сердечных своих детушек,
И отпущу да их на чужу на сторонушку,
И по охотным бурлацким работушкам,
И наживут да золотой казны по надобью,
И да мы приборем бурлакушка охотничка,
И добра молодца возьмем да мы панемничка,
И задайм да золотой казны бесчётной,
И слободим да мы бурлацкую головушку!
И не по думушкам теперь да дело ставится,
И не по розмыслам у ей да обрещается:
И хоть возрбстила сердечных еще детушек,
И сожалела отдать в добрые во людюшки,
И содержала на родимой их сторонушке,
И всё во доброй во крестьянской во жирушке.
Еще думала спорядная суседушка:
— «Може, годышки-то будут не бедовые,
И не придут скоро паборы государевы!»
И как по ейпому великому несчастыцу
И пошли годышки теперь да всё бедовые,
И времена пошли с бедами со напастями,
И часты пошли наборы государевы,
И выбирать стали удалых добрых молодцев,
И всё по полному бурлацкому по возрасту,

И красотой да всё по белому по личушку,
И на походочку бурлакушков щобливую,
На поговорюшку рекрутиков учливых!
И как у ей да тут, спорядной суседушки,
И тут повбзросла сахариа деревиночка,
И вдруг ведь расцвела изюмна ягодиночка;
И тут ведь зпать стали народ да люди добрые,
И тут проводали судьи неправосудные,
Что к набору есть скачѣная жемчужинка.

Та же соседка к матери:

И ты послушай, спорядовая суседушка!
И ты проглупала скачѣную жемчужинку,
И прозабыла ты, печальная головушка,
Как в достояльны времена да было годьшки,
И были людюшки ведь о да запростейшие,
Уж как прежний-то народ да был ведь
снѣдливой,
И повгородские крестьяна небалблывы,
И как судьи да в тую пору правосудливы,
И как власти да тогда были милосердые,
И были времечка в ту порушку спокойные!
И прозабыла ты, печальная головушка,
И что ведь времечко идет да ускоряется;
И пошли людюшки ведь о да всё баловливы,
И судьи-власти-то попли да скрозекозные,
И начальнички пошли да всё бездельные,
У их женушки пошли да белорукые,
У их дочушки пошли да пичевухи —
И пе ткиюшки оны да пе прядеюшки,
И одно у их в умы, да одно в разуме
И всё белила-то у их да со румянами,
И как хвостом вертеть да как погой трихпуть;
И пе знают-то, несчастные, пе ведают,
И что ведь дом вести — не головой трясти,
И как от этого велика беззакония,
И как от ихного теперь неправосудья
И на часу да всё законы составляются,
И на минутой вси статьи да рассуждаются;
И мужиков-то всё судить да добираются,
И их наглядко, несчастных, разоряют!
И как за наше за велико согрешенье
И пошли годьшки ведь нонь да всё бедовые,
И зачастую неприятель всё волнуется,
И под Русию подселенну подбирается,
И пошли часты нонь наборы государевы!
И ты послушай, спорядовая суседушка!
И да ты властна всем сердечным своим детушкам,

И ты бы ладила в уречны их во годишки
 И ты бы славным кушам да всё богатым,
 И ты бы пажила златой казны бессчетной;
 И не спала бы ты по темным по поченькам,
 И ты ездил б к судьям неправосудным,
 И ты по этим писарям да хитромудрым,
 И на безлюдье золотой казной дарила бы,
 И чтоб подальше в жеребях да отложки бы
 И твою милую скачѣну бы жемчужнику!
 И пынь схватила ся, спорядная суседушка,
 И жалить да всё сердечнo свое дитятко,
 Как поблизѣшеньку в бумажку записали;
 И ты проспала-то по темным по поченькам,
 И пынь проглунала по божним по дѣнечкам;
 И наб вдрoг сиуетить сердечнo понькo дитятко
 Из очей да ведь скачѣную жемчужнику,
 И единѣшенька удала добра молодца
 И от доброй крестьянской от жирушки.
 И вам укор да от спорядных суседушек;
 И обиждаться-то сердечнo буде дитятко,
 Что поотдали во службу государеву,
 Пожалили светушкѣв братцев родимых!
 И знать, так сужено скачѣной жемчужникo,
 И на роду судьба бессчастному утешана,
 И на делѣ да, видно, служба доставалася
 Твоему да всё печальну милу дитятку!
 И как на этой на уречной на неделюшке
 Я заметила, печальная головушка:
 И как поедет-то бессчастной доброй молодец
 Он на доброй на ступинстой лошадушкe,
 И на хороших на санках самокатных,
 И он на славном коври повогородском,
 И принаклонит-то бурлацкую головушку!
 Я повьду на крылечико перѣное,
 Я гляжу да на путь-широку дороженьку,
 Я в раздольце, горяща, во чисто поле,
 И на бессчастного удала добра молодца;
 И он идѣ путем-широкой дороженькой,
 И он раздольцем, победшой, всё чистым полѣм,
 И он глядит да на четыре все сторонушки
 И молодецки горьки слезы проливает,
 И он с головушки фуражечку снимает,
 И кашемировой платочек вынимает,
 Им подмахиват бессчастно бело личушко,
 И утирает, бесталанной, горячій слезы!
 Знать, что ведае ретливое сердечушко
 И над собой да злу великую невзгодушку!
 И прогляжу, бедна горяща я бессчастливая,

И как па светушка я братца па родимого.
И ты послушай, спорядовая суседушка!
И ты бы взяла золотой казны по надобью,
И ты сходилла бы во улочки рядовые,
И ты во лавочки зашла бы во торговые,
И закупила лист бумаженьки гербовой,
И паняла бы шеарёв да хитромудрых,
И ты спсала у скачѣной бы жемчужишки
И его ласковы, прелестны бы словечушки.
И ты учливу бы умильню поговорюшку,
И ты цвѣтно бы бурлацко его платьце,
И несчастно молодецко его личушко,
Бесталанны бы слезинны ясны очушки!
И ты держала бы во правой белой рученьке,
Прижимала бы к ретливому сердечушку,
И прилагала бы ко блеклому ко личушку
Ты на свѣтло бы Христово воскресеньце,
На стоночке держала бы точеной!
Как во нашем селе да деревенском,
Как у нашей божьей церкви посвященной,
И во приходе буде праздничек годбвой;
Как приезжать да станут сродчи-милы

сроднички,

И соберется вся порода именитая,
И да вы сладите обеды полуденные,
И тут сходилла в мелкорублену бы клеточку,
И ты бы принесла патрет да лицо белое,
И становила бы за стол да за дубовой,
Ты на это бы косевчато окошечко!
И сродчи-сроднички глядели любовалнесь бы,
И ты сама села, победна бы головушка,
И супротив бы ты патрета лица белого,
И ты дровичла по гербовой бы бумаженьке,
И тут вспомнила сердечно ты бы дитятко;
Вси бы род-племя любимо вспомятили бы
Как за этым столом да за дубовым;
И нагляделась бы, спорядна ты суседушка,
Как на сердечное рожко свое дитятко;
И ты бы причетью, горюша, причитала,
И сговорила бы, несчастна, таково слово:
— «Хотя ж прибралнесь вы, род-племя любимое,
Хотя ж вси вкуне, порода именитая,
И единой пету скачѣной жемчужишки!
И мы не знаем-то, победпушки, не ведаем,
Где победное дитѣ да обрешается!
И светы братьница с породой угощаются,
И за дубовым столом да проклаждаются,
И единой, може, несчастно это дитятко

И трои суточкы ведь дѣтѣ не едаюча,
 И педелюшку спокою не видаюча;
 И может, на страсти, наш светушко, на ужасти,
 И на сраженице, наш свет, да на великоем;
 Не до владычного господнего до праздничка
 И не до сладкого ему да удаваница!
 И может, горькима слёзама обливается,
 И ретяиво сердце ведь кровью запечаталось
 Как во этой грозной службе государевой
 И во несчастных солдатушках походных!
 И в слезах вспомнит он родиму свою родинку,
 И сговорит столько несчастной доброй молодец
 И межу братней солдатамы походными:
 — «Как сегодня, скаже, дѣнечка господнего
 Как на мѣей на родимой, скаже, стѣроне,
 И как у нашей пресвятой да богородицы
 И е престол да ведь господень божий праздничек
 И е гулянице на шѣрокой на улице,
 Как собранице душам да красным девушкам,
 Веѣ гульбищечко удалым добрым молодцам;
 Уж как мы, бедны несчастные солдатушки,
 Не на гульбищечке ведь мы да проклаждаемся,
 С завоенным мы оружием забавляемся,
 И нас не посят с горя резвы пошько поженьки,
 И не глядят да на свет ясны наши очушки!»
 И ты послушай, спорядова суседушка!
 И пожалела золотой казны бессчѣтной,
 И не пожалела ты сердечно свое дитятко,
 И ты не наняла инсарѣчка хитромудрого,
 И не списала еще, победна ты головушка,
 Как ведь дитятко тебе да выговаривал,
 И скрозь обиду при добрых людях высказывал,
 Что ублаждали-то его да как напѣмника;
 И обиждалося сердечно мило дитятко
 И на тебя, да на родитель всё на матушку,
 И он на светушков на братницев родимых!
 И не списала на спомин своей скачѣной
жемчужинки,
 И на раздѣй своей великой кручинушки.
 И молча схватишься, спорядная суседушка,
 Да как пѣживешь с любимыма со детушкам,
 И не будет-то, победной, приберѣгушки
 И уваженьица от милых своих детушек;
 И тут вспомнишь ты скачѣную жемчужинку,
 И ты печальное сердечно свое дитятко,
 И скрозь обидушку, горюша, ты великую
 И да ты дѣждешься разливной весны красной,
 И ты повыдешь всё на шѣроку на уличку,

И с горя сбидеши ты к крутому ко берегу;
И быстры риченьки теперь да поразобьются,
И синё славное Онего порасполется,
И ты глядѣть станешь за сине за Онегушко,
И ты наглядать будешь чёрных больших кораблей
Издайка, бедна горюща, из синя моря,
Не заблудят ли там тонки белы парусы,
И не покажутся ли чёрны большы корабли,
И не подьедет ли сердечно мило дитятко
И он ко пристани, наш свет, да корабельной,
И он на тихие, наш светушко, на заводи.
И не дождеши ты, печальная головушка,
Взад воротиться в хоромное строеньице!
И ты патрет взяла б, бело ого личушко,
И ты ходить стала б по хоромному строеньицу,
И ты во светлую сходила бы во свѣтлицу,
И ты послала бы патрет да бело личушко
И супротив очей во белых своих рученьгах,
И ты клала бы на стол да на дубовой,
И обходя ж да ты патрету поклонялася,
И ты горючима слезамы обливалася,
И тут раздьяла велику бы кручинушку,
И тут спромолвила едино бы словечушко:
— «Наглядитесь-ко, несчастны мои очушки,
И вы на эту на гербовую бумаженьку,
И как на милое сердечное на дитятко!»
И пораздумайся победным своим разумом:
И твои поженьки, победна, притомалися,
И твои белы-то ручки примахалися,
И ясны очушки твои да притомалися,
И твоя сила, у несчастной, придержалася,
И твой век, да у горющи, скоротался ведь,
И пристарела ты, спорядная суседушка,
И не видать, може, сердечна будет дитятка,
И може, на слыхе, горюше, не слышать буде!
И быдто вѣшная вода со льдом разбѣдется,
И так же ты, бедна, со дитятком расстаеться:
И поразлучат-то победную головушку
Как во этом тебя городе Петровском,
Во приёмной палате белокаменной
Уж как этии судьи неправосудные,
Уж как этии власти немилосердые:
И отведут этих несчастных рекрутиков
Как во эти во казармы во казенные;
И вы без спросу к ним, победные, не сходите,
И без доклада вы в глаза да не увидите!
И как их выпустят на широкую на уличку,
И впереди да у их будут провожатели,

И позади дают солдата караульщика.
И хоть пойдешь, бедна, в казармы во казенные,
И золотой казной ведь падо подарится,
И угостить падо ведь дядьков-то со старшима,
И угостить падо, горюшнице, ушодчивать!
И ты послушай, спорядовая суседушка:
И я порбесскажу печальной всё головушке,
И накажу тебе, спорядной суседушке;
Я сама была, печальная головушка,
И во злодийном была городе Петровском
Я со светушком со братцем со родимым;
Я сама знаю, горюша, про то ведаю,
И как ходить да во казармы во казенные,
И по часам ходить туды да по минуточкам.
Я ходила как ко братцу ко родимому,
У дверей да я дарила всё придвершничков,
И угощала его крешких караульщичков,
И придержала золоту казну бессчётную;
И хотя ж придем мы по утрышку рашёшенько,
И кренко-накренко воротушки призанерты,
И плотнёшенько решёточки задвинуты;
И кругом-около, горюшницы, похаживаем,
На часовых этих солдатушков поглядываем,
И поскорёшеньку ль ворота поотложатся,
Что решёточки в казарме приотдвинутся ль,
Скоро ль выпустят скачѣпных жемчужничков
Прогулять их на шіроку на уличку
И повидать да пам, победным головушкам.
И ты вспомнишь, спорядовая суседушка,
И мое бедное уныло причитаньце;
И не радела бы, печальная головушка,
Порасстаться-то с сердечным тебе дитятком!
И всё не вирят-то судый неpravосудные,
Не разумют всё власти немилосердые,
Что пам жаль-тошно сердечных милых детушек!
Я гляжу-смотрю, печальная головушка,
И на твое да на сердечно мило дитятко:
И быдто вѣшная земля да ворошѣная,
И твое милое сердечно сидит дитятко,
И вдруг подзяблая изюмна ягодипочка,
И вдруг подсохлая сахарна деревипочка!
И скрозь туман да пече красно это солнышко
И на несчастного удала добра молодца,
И долит его великая заботушка,
Ушибат его злодийная невзгодушка,
И жаль расстаться-то с довольну белу светушку
И ему с добрым, хоронным строньцем,
И со светлой ему да всё со светлицей!

И как сегодня, сего дѣпечка господнего,
 И как у вас да во столовой поной горепке
 И хоть расставлены столы у вас дубовые,
 И на столах да самовары хоть шумячне,
 И хоть садилися сердечны твои детушки,
 И на стульица садилися на кленовые,
 И дружкѣв-братыцѣв садили всё приятелей,
 И своих милых садили поровѣчничков,
 И мы глядили всё, победные головушки,
 И со сторон да на скачѣнных жемчужинок —
 И у одного сердечного у дитятка
 Как дрожат да молодецки белы рученьки,
 Как поднять да эта чайна столько чашечка,
 И он не чаю столько, свет, да пекущает,
 И он горячи-бедны слезы проливает!
 И твои детушки ведь тут сильно раслакались,
 И за дубовым столом да разобиделись,
 И оны дѣ-другу тут братья покоряются,
 И единѣ да свету братцу поклоняются,
 И паливают ему чару зеленá вина!
 И говорит эта скачѣная жемчужинка,
 Он своим да светам братьицам родимым:
 «И что за чудышко теперь да причудилось,
 И что за дивно в доме диво проявилось,
 Что дубовые столы да порасставлены,
 И тонки гладкие сукна да поразостланы,
 И что собраныце народу-людям добрым;
 И я взгляну да на косевчаты оконечка,
 И прикручививши косевчаты оконечки,
 И на слезах стоят стекольчаты окбленки,
 И при печали самовары-то шумячне!
 И что почтенъице от братьѣв угощенъице
 Уж как мне-ко-ва, удаду добру молодцу!
 И не честибе ведь у нас да шированъице,
 И не веселое у нас да столованъице;
 И за столом да я не князь сижу молбдой,
 И сижу мблodeц теперь я под неволюшкой,
 И при досадушке сижу да я песноеной!
 Уж вы слушайте, дружкѣ-братѣ-приятели,
 Уж вы пейте чап-кофеи горячне,
 Взвеселите-тко победную головушку,
 Вы воспойте-тко унылу жалку песенку:
 Я мевать буду кручину на весельице!
 И как послѣ меня, дородня добра молодца,
 И вы пойдите, бѣрлаки, на гуляньице,
 И вы на тихие смиренныя беседушки,
 И вы воспомните бессчастна добра молодца
 И во шестѣрочках, бурлакушка, веселых;

И столько пёвесто, дружбё-братбё-приятели,
Не могу да знать, уда́лой доброй молодец,
И мне-ка быть ли на родимой па сторонушке!»
И сговорит еще уда́лой доброй молодец:
— «И супротив стоишь, родитель родна матушка,
И хотя ж рушишь ты, горюша, горячи́ слезы,
И как послаи меня, родитель жалостливая,
Буде сжалу́ешься до бессчастья добра молодца,—
И ты гляди, моя родитель родна матушка,
На моих дружбёв гляди да на приятелей,
И на любезных гляди да поровечничков;
И заводи моих любезных поровечничков
Хоть на владычной ты господень божий праздничек,
И угости, моя родитель, их, уютчивай,
Будто своего, родитель, да ты дитятка!»
И ты послунай же, спорядная суседушка:
И примечай его ласкбвые словечушки,
И прилагай слово к ретливому сердечушку,
И поплотнее ты ко зиблосей утробушке!

Та же соседка к рекриту:

И ты послунай, златокрылой наш ясеи сокол,
И да ты милой, спорядовой наш суседушко!
И не забыть буде победным нам головушкам
Всё тебя да нам, удала добра молодца.
И мы сберемся как, спорядные суседушки,
И на сидиму на прядимую беседушку,
И хоть придут да твои милы поровечники,
Не забудем мы, печальные головушки,
Все тебя, да златокрыла ясна сокола
И всё печальных словечушек слезливных,
И всё обидных наказов молодецких!
И скрозь обиду доброй молодец высказывал,
И скрозь злодийную кручину выговаривал!
И жаль-тошнёшенеcko победным нам головушкам
И тебя, милую скачённую жемчужинку:
И поговорушка была твоя учливая,
И разговорушки-то были чваковитые,
И ты шутил да всё на широккой на уличке,
И не обидел ты ведь добрых-то людюшек,
И не грубил да спорядовых суседушек,
И не кливил да ты ведь малых этих детушек;
И шутя времечко у света проходило!
И сожалием мы, печальные головушки,
И за твое да за велико доброумьце,
И за прелестны твои ласковы словечушка!
Все жалиют многи добры тебя людюшки,
Все окольные спорядные суседушки,

И жалиют тебя малы педоросточки!
И за столом да сидит молодец дубовым,
И хоть на стульицах, паш свет, да на кленовых,
И молодецкой буйной гóловой покачиват,
Он бесщастныма кудёркама потряхиват,
И он горячима слезама обливаеця,
И великою кручиной утираеця,
И не в любимую дороженьку справляеця,
И не по разуму извозчички молбды!
И не везите-тко, ступистые лошадушки,
И вы бесщастного удала добра молодца
И ко злодийному ко городу Петровскому,
Ко приёмшоей палате белокаменшоей!
И на пути да, дóбры кони, становитесь-ко,
Уж вы взад да со дорожки воротитесь-ко!
И возвратись, да наш спорядной ты суседушко,
И ты взад да на родимую сторонушку,
На утехушку ты нам, на доброумице!

Та же соседка к матери:

И ты послушай, спорядовая суседушка!
И ты отпустишь как сердечно свое дитятко
Ты к злодийному ко городу Петровскому,
И затопи, бедна, свечй да воску ярого
И ты пречистой пресвятой да богородице,
И ты молись, бедна горяша, с горячмы слезмы,
Ты ведь господа-владыку всё упрашивай,
И сохранил бы столько господи, помиловал
И твое милое сердечно это дитятко
И всё от этой грозной службы государевой,
И от бесщастных солдатушков походных,
И возвратил бы он рожоно твое дитятко
Его в дом да во крестьяпскую во жирушку,
Воскормителем победным бы головушкам!
И ты послушай, спорядовая суседушка,
И что скажу да я, кручинная головушка!
И буде господи его да не помилует
От злодийноей от службы государевой,
И да ты съидешь как ко городу Петровскому,—
И про запас гляди, победна ты головушка,
И на сердечное печально свое дитятко;
И подле сядь да ты скачёной жемчужинки,
И ты подумай при последи думу крепкую.
Потуряют-то судьй неправосудные,
Потужают в путь-широкую дороженьку,
И стоворят столько судьй неправосудные:
— «Одевайся-тко, удалой доброй молодец,
Надевай-ко свое цветно это платьице,
Снаряжайся со хоромного строеньица,

Ты прощайся со родителю со матушкой,
И с суседами прощайся спорядовыма,
С своей милоей породой именитою,
С дружью-братыицем прощайся, со приятелем!»

Та же соседка к двоюродным сестрам рекрута:

Вы послушайте-тко, белые лебедушки,
И да вы любушки-сестрицы сдвуродимые!
И како ж было сердечное желаныице
Всё до вас было, до белых лебедушек,
И уласкал всегда скачбша вас жемчужишка!
Как приходить стане владычный божий

праздничек,

И говорить да стане братец-красно солнышко:
— «И уж вы любушки сестрицы сдвуродимые,
И вы давайтесь у желанных родителей
И вы к владычному господнему ко праздничку,
И во любимо во сердечно во гостибище,
И я свезу да вас там, белых лебедушек!»
И допрежь сего поры да этой времечки
Вы спарядитесь, лебедушки, скорешенько,
И вы пойдите со братцем суровешенько.
И любовались мы, спорядимые суседушки,
Как ходили вы, лебедки, по гуляиыицам,
И утешались вы со братцем, взвеселялися;
И как цвело да на вас цветно это платьице,
И алели в косы алы у вас ленточки!
И вы вспомните-тко, белые лебедушки,—
И да вам летной был, голубушкам, новозничек,
И да вам зимной безответной был извозничек;
И да вы издили со братцем сдвуродимым
И по гульбищечкам ведь вы да по прокладбищам,
По искат-горам вы издили высоким,
Вы по этиим унылым по свадебкам,
И по тихим смиренным беседушкам,
И красовались вы сдвольным белым светушком.
И на добром коне была сбруя золоченая,
И на вас цветно было платьице покушлено,
И как пошиты были шубки соболиные;
И тут снарядитесь сдвольным белым светушком,
И вы усадитесь во санки самокатные;
И со сторонь да глядя добры эти людюшки,
И всё дивуются спорядные суседушки,
И как вы идите с любимым повозничком
И взвеселяетесь путь-широкой дороженькой,
И воспеваете унылы жалки пйсенки;
И шутя времечко, голубки, провозжали,
И за весельицем дорожку коротали

И вы со светушком со братцем сдвуродимым,
И вы со милым соколочком златокрылым!
И он заступушка вам был да заборонушка,
И он стоял по вас ведь, белых лебедушках,
И он за вашу за бажону волю вольную!
И вы вспомните, души да красны девушки,
И по разливною его да вёсны красною,
И вы по трудной крестьянской работушке,
И по чистых полях да хлебородных,
И по зеленых лугах да сенокосных,
И где работушку со братцем работали,
И заедино жалки песенки севали,
И он ведь словечком-то вас да не огрубил,
И он тяжелой работой не огрузил!
И были ласковы прелестны вам словечушка
И вам от эта соколочка златокрылого,
И вам от светушка от братца сдвуродимого!
И вы послушайте, косаты летны ластушки:
Как что сднется над им да как что сбудется,
И кто возить да будет белых лебедушек?
И вам не буде столько летного повозничка,
И да вам зимна безответного извозничка
По гульбищечкам у вас да по прокладбицам,
И впереди у вас не будет передовничка!
Как сднется над братцем ясным соколом,
И приотмените владычны божьи празднички,
Приотложите смиренные беседушки,
Все унылые слезливы эти свадебки.
И как поедут-то советны ваши подружки,
И тут вы станете, печальные головушки,
И вы похаживать по хоромному стропынку,
И вы поглядывать в косовчато окошечко,
И вы поглядывать на широкую на улочку,
И тут вы горькими слезами обливатися,
И тут великою обидой отиратися!
И хоть отпуста вас, победных, на гулянице,
И целый день пройде у вас, бедных, справляюча,
И вам повозничка, победным, дожидаяча!
И как послы да света братца сдвуродимого,
И уж как эта соколочка златокрылого,
Не сугреват да вас сугреват ваша шубенка,
И не цветет да на вас цветно пынько платице,
И всё со этой со великою со кручинушки
И со злодийною великою обидушки.
И добры людюшки того да принабаются,
И все суседушки того да пасрекаются!
И как послы да света братца сдвуродимого,
Уж как эта соколочка златокрылого,

Уж вы пойдете как, белые лебедушки,
И вы на трудную крестьянску как работушку,
И вспомнуете, победны, потоскуете,
Потоскуете, несчастны, порасплачетесь;
И среди да тёпло-красного ведь летушка
И жалобно да печё красно это солнышко,
И уныло да в саду птички возжужають,
И оны причетью ведь, птички, причитают!
И как у вас, да у печальных головушек,
И унывать стане ретливое сердечушко,
И ушибать стане великая обидушка:
И послаи светушка ведь братца ясна сокола
И на лугах да вам ведь свет-от не объявится,
И на чистом поле ведь братец не покажется!
И тут вы сядете, обидны красны девушки,
И под ракитовой, горюши, этот кустышок,
И на катучий да вы сядете на камешок,
И думу думать да вы станете тут крепкую,
И воскликать да света братца сдвуродимого:
— «И как на эту бы пору да в это времечко
Приобъявился бы сдогольной белой светушко
И он во этом бы солдатском хоть во платнице,
И показался хоть на минутной бы часочек,
И поглядел бы во ясны мы во очушки,
И мы в печальное во блёклое во личушко!
Не утрашились бы, горюши, не сполохались,
И мы спросили бы, победные головушки,
Про несчастно горегорько живлещице,
И бесталанное солдатско похождение;
И мы досыта ведь, победны, накормили бы,
И сладкой водочкой его горе раздьяли б!»
И не увидите вы, белые лебедушки,
Из-под кустышка, победны, сера заюшка,
Из-под камешка, горюши, горносталюшка!
И прибирайте-тко, души да красны девушки,
И вы на горушках его да на высокних,
И на гульбищечках его да на прокладбницах,
Из бурлаков прибирайте вы молодых
И вы по цветному, горюшицы, по платицу,
Вы по белу молодецкому по личушку,
Вы по ясным молодецким его очушкам,
И по желтым завившим кудёрышкам,
И по походочке бурлацкой щебливой,
По говорюшке его да цвяковитой,
Вы по возрасту, горюшицы, по волосу
И супротив своей скачепой жемчужинки,
И супротив да света братца сдвуродимого,
И молча схватитесь, голубушки, наплачетесь,

Спамятуете, победы, патоскуестесь;
И не подсядете к скачѣной жемчужнице,
И вы ко светушку ко братцу сдвуродимому!
И не поставьте в гнев вы, белые лебедушки,
И что причитаю я, печальная головушка!
Я сама знаю, горюша, сама ведаю
И про злодѣйную великую обидушку,
И какѣ да е со братцем расставащице!
Как со светушком я братцем расставалася,
И я навекѣ с ним, горющица, прощалася,
И не надиюся, победная головушка,
Я дожждаться своего да ясна сокола
Со злодѣйной этой службѣ государевой;
И он во снях да мнѣ, горющице, не кажется,
И наяву мнѣ-ка, горюше, не объявится
И ни на трудной мнѣ крестьянской работушке,
И ни у синего у славного Онегушка,
Ни на тихиих, горюше, мнѣ на заводях,
И ни на пристапях, горюше, корабельных!
И так же вы, бѣды кручиные головушки,
И про запас да вы глядите на красно свое солнышко,
И вы на светушка на братца сдвуродимого!
И как у вашей у скачѣной жемчужники
И подрезано ведь пынь да ретливѣ сердцѣ:
И наб пойти да со родимой со сторонушки,
Как со доброго хоромного строеньца;
И жаль расстаться-то бурлакушку тошнешенько,
И распротиться с родом-племенем скорешенько!
И он горючима слезама омывается,
И ретливѣ сердцѣ ведь кровью обливается;
И со злодѣйной великой кручинушки
И цветно платице по швам да расшивается;
И со этой великой обидушки
И распаялися перстнѣ его жуковѣнья
И на его да молодецких белых рученьках!
И хоть дружѣ-братѣ ведут его приятели,
И хоть по доброму ведут да по строеньцу,
И по светлой ведут да его свѣтлице,
И он не пьян да с горя, молодец, шатается,
И не дай господи на сѣм да на белом свете
И как смотреть да на несчастных добрых молодцев,
И на горячие бурлацки смотреть слезушки,
И на тоску да их глядеть ведь молодецкую!
И лучше на свет оны были б не спорожены
И как несчастные сердечны эти детушки,
И бесталанные солдаты новобранцы!
Как сегоднѣшним господним божьим дѣнечком
И всё горит свеча теперечко туманится,

И пресвята мать богородица печалится,
И сожалиет-то удала добра молодца,
И как несчастного рекрутника молодого.
И ты садись попку, удалой доброй молодец,
И да ты милой спорядовой мой суседушко,
И ты во этот во почётной во большой угол,
И ты на лавочку, наш свет, да на дубовую,
И ты под мило под косевчато окошечко,
И под тумашную стекольчату околечку.
И вы глядите-тко, народ да люди добрые:
И поскорёшеньку сестрицы подвигаются,
И как клонят да оны буйну свою голову,
И как корят оны ретливое сердечушко
И при послéди-то теперь да поры-времечки,
И всё ко светушку ко братцу-ясну соколу,
И сожалиют оны братца сдвуродимого,
И расстаются с соколочком златокрылым!
И говорят да им скачёная жемчужинка,
И сквозь слезушки, победной, им наказывают:
— «И как пойду да я во службу государеву,
И вы, летные косаты мои ластушки,
Не забудьте вы несчастна добра молодца,
Не забудьте вы солдата горегорького!
И вы спроведайте у добрых у людюшек,
И напишите скорописчатую грамотку,
И вы пошлите-тко на чужу на сторонушку,
Ко несчастному солдату горегорькому!»

Мать к соседям:

Вы послушайте, народ да люди добрые,
И все суседушки мои да спорядовые,
Как утрось было по раншому по утрышку,
Как до раннего петушья воспевашница
И до ушья соловьиного жупляница;
И красно солпышко в тумане выкаталось,
И добрый молодец с кручишушки ставает,
И со обиды резвы ложки обувает,
И со печали цветно платье надевает,
Горючмы слезмы лицо да обмывает,
И сговорит да он, победной, таково слово
И он мни, да всё родимой своей матушке:
— «И благослови да на сесь день меня господний
И ты, желанная родитель моя матушка».
И сговорит еще несчастной доброй молодец,
И он в обидушке, победной, таково слово:
— «И я спал да ведь, несчастной доброй молодец,
И знать, последнюю господню божью поченьку
И во своей да я во светлой во свётлице,

И на этой на тесовой на кроваточке,
И на своей да на пуховой на перинушке,
И на этом крутом складнеем зголовнице,
И я под теплым соболиным одеялышком!
И не спом-то коротал да я ведь тёмну эту почепьку,
И думал думушку, несчастный, во бессопнице,
И обливался я слезама во кручинушке,
И ретливо мое сердечко подмывало,
И несчастная утроба обмирала,
И знать, приходит та пора да это времечко,
И как последние часы да со минуточкой,
И как мне-ко-ва, удалу добру молодцу,
И наб поехать со хоромного строеница,
И разлучиться со родителю со матушкой,
И порастаться с родом-племенем любимым,
И навек бросить да родиму эту сторону!
Ой, тошихопко, родитель икалостливая,
Мне, несчастному удалу добру молодцу!»
И не повирите, народ да люди добрые,—
И невмогутушку слезливые словечушки,
И не по летушкам великая озпобушка!
Уж как мпи, да ведь кокоше горегорькой,
Вдруг как треспуло ретливое сердечушко,
И перелопала несчастная утробушка,
И от тошна долит великая кручинушка,
И на глазах слезы у беднушки не ставятся,
И невмоготу мпи сесветное живленьеце!

Соседка утешает мать рекрута:

И ты послушай, спорядовая суседушка,
И не давай тоски к ретливому сердечушку,
И береги да ты пристарше свое личушко!
И знаем-ведаем, кокоша горегорькая,
И не в спокое что ретливое сердечушко,
И про твою да мы великую невзгодушку,
И про проклятую злодийную кручинушку!
И да ты съезди-тко, кокоша горегорькая,
И ты во эту божью церковь посвященую
И ты ко этой пресвятой да богородице,
И помолись да ты владыке от желапница,
И ты крест клади, горюша, по-писаному,
И ты поклон веди, победна, по-ученому:
И ты поставь свечу, горюшица, рублевою,
И пелену да положи ты ведь шёлковую
Уж как этой пресвятой да богородице
И ходателю Миколу многомилостливу;
И поклоняйся ты до матушки сырой земли,
И ты с горючима слезама материшескими;

И ты проси да пресвятую богородицу,
И от желатища проси да со усердием:
— «И сохрани, да пресвята мать богородица,
И ты меня спаси, кокошу горегорькую,
И ты от этой тоски неугасимой,
И ты от этой печали неудольной!»
И може, господи-владыко-свет помилует,
И пресвята мать богородица заступится,
И сохранит да ведь Микола многомилостливой
Уж как милое рожкопо твое дитятко
И во пути да во широкой дороженьке,
И от злодйиной этой службы государевой,
И от этих солдат новобранных,
И от этих полков да ведь походных!

К рекруту — соседка:

И ты послушай, спорядовой паш суседушко!
И за тебя да вси владыке мы помолимся,
И мы пречистой пресвятой да богородице,
Чтобы господи-владыко-свет помиловал,
Дал бы господи ведь доброго здоровыща
И ума-разума во буйну бы головушку,
И понятия в ретливо бы сердечушко,
И тебе мудрости в бурлацкую утробушку,
И за твое да за великое смиренъице,
И за твое да за велико доброумъице!
Ведь смиренъице у тя было со кротостью,
И всим челом да было низко поклоненьице;
Ты по улчичке ходил, да свет, тихошенько
И ты головушку носил да понизешеньку,
Поговорюшка была твоя ровнешенька,
И сердечушко ведь было не спесивое,
И добрый молодец ты был да не гордливой;
И да ты старого суседа не огрубил,
И да ты малого младенца не обидел!
И быде сбйдешь ты во службу государеву,
И спаси, господи, удала добра молодца
И от побоев-то тебя да от тяжелых,
И от страстей-властей тебя да страховитых!
И ты послушай, спорядовой мой суседушко,
И не поставь во гнев, сдвольной белой светушко,
Что попкажу, кручинная головушка:
И не шали да ты там, дитё, не сбалуйся-тко,
Не увивайся во хмельны да там напитокки;
И может, даст да господь службу не тяжелую,
И раскрое бог науки вси великие
И тебе да все во службе государевой;
И ты повыслужишь уречны свои годышки,

И може, судит бог владыко многомилостливой,
И побывашь да на родиму ты сторонушку,
И с родом-племем, несчастной, увидеешься,
И издалёка да ведь солдаты ворочаются,
И на великих сраженьицах спасаются!
И еще слушай, спорядовой мой суседушко:
И как катучий этот камень не мохнатеет,
И так походной-то солдат да не богатеет!
И ты запрёдал бы любимую скотинушку,
И да ты взял бы золотой казны по надобью.
И как во этой в грозной службе государевой
И вы придержитесь, победы, притаскаетесь,
И там износится солдатско у вас пятъице,
Все притопчутся казенные сапожкышки;
И вы к начальству появиться не посмиете;
И вам ведь не нажить мундеров сукон серых,
И вам ведь не обути несчастных своих поженек!
И еще слушай-ко, спорядной наш суседушко:
И не могу да знать, кручинная головушка,
И увидаем ли, спорядные суседушки,
И мы тебя, да златокрыла ясна сокола,
И как на сём да мы, горюши, на белом свете?
И хоть чрез три да вы учетных этих годышка
И хоть каку да ни е весточку послали бы,
И хоть три строчки вы, победы, написали бы,
И мы бы знали хоть, горюшицы, да ведали,
И вы в какой орды, несчастны, во кой земли,
И в сухопутном ли вы, светы, походженьице,
И у синя моря ль вы, светы, на сраженьице,
Аль на крутом вы ведь, светушки, на брешку,
На желтых песках стоите ль на сыпучих!
И уже где да вы, победы, сохраняетесь,
И от злодией-неприятелей спасаетесь,
И в раздольицах стенах ли во великих,
Аль в долинушках, победы, во диких,
И уничтожите нам, сдовольны белы светушки!
И у вас, може, несчастных у солдатушков,
И золота казна на тот час не случается,
И хитромудры писаря будут призаныты,
Аль не будет у вас вольшой столько волюшки.
И тут приде да как разлива красна вёснушка,
Как поваятают снежочки со чиста поля,
И повыпесе ледочки со синя моря,
И будут корабли в синем море шататися,
И вы на кораблях, несчастные, скитатися,
И там увидите да малу эту птиченьку,
И как летит она в родиму вашу сторону,
И понизёшеньку вы птице поклонитесь-ко,

И пословечно перелетной накажите-тко,
И всё ко родушку теперь да вы ко племени,
И хоть по низкому поклону челобитному
И со обиды об солдатском живленьице!
И мы глядеть будем, кручинные головушки,
И па печальбу перелетну малу птиченьку,
И коя лётит пиже облачка низёшенько,
И она машет столько крылышком тихошенько,
И она голосом ведет да унылёшенько,
И она жалобно ведь, птичка, разговаривае,
И она бьет челом тут нам да поклоится,
И порасска́же тут печальным нам головушкам:
— «И лечу, птиченька, с-за гор я с-за высоких,
Из-за лесушков лечу да с-за дремучих,
И я со далькою со чужей со сторонушки,
Из-за славного с-за синего с-за морюшка,
И мы ведь, лётячи дорожкой, приуспали,
И в синем морюшке корабль да увидали,
И па покой да мы на отдых становились,
И мы па кóрабли на мачты тут садилсья,
И много ужасно солдатом мы смотрели;
И как один столько солдатушко несчастной,
И он по кóраблю, солдатушко, похаживат,
И он печальбу меня, птиченьку, высматриват:
— «И ты откуль летишь ведь, птица, куды путь
держишь,
И на мою ль летишь родиму на сторонушку?
И ты лети, да эта птиченька, тихошенько,
И ты ведь слéтишь на родиму мою родину,
И ты под северну холодную сторонушку,
И ты за славное за сине за Онегушко,
И увидашь моих желашных родителей,
И всех спорядных моих да ты суседушек;
И скажи низкое поклоно челобитьице
И от меня, да от солдатушка несчастного!»

Та же соседка к братьям:

И вы послушайте, спорядные суседушки,
Да вы милы светушки братцы родимые:
И не забудьте вы несчастна добра молодца,
И своего да светушка́ братца родимого.
И тяжела да ему служба доставается:
И на часах ему стоять да на всеночных,
И по зарям ему, несчастну, по вечерним,
И во полночь да под звездам-то под восточным
И студеной холодной этой зимушкой;
И на спяжках стоять, победному, перистых
И на студеных морозах-то на плящих;

И как дрожит его ретливое сердечушко,
И от ветра́ да зябет блёкло его личушко;
И тут он скажет-то единое словечушко:
— «Ой, несчастны мы на свете уродилися,
И бесталанна бедна жизнь наша солдатская,
И горегорька наша служба государская!»
Уж как вы, да светы братица родимые,
И про злодийну эту службу не прознаете,
И на родимой вы сторожке остааетесь
И во своем да во хоромном во строеньце,
И на тесовых своих да на кроваточках,
И на мягких пуховых перинушках;
И не позябнут у вас резвы эти поженки,
И не подвие ветром блёклого ведь личушка;
И на медвяном да вы в доме удашьце,
И на утехушках ведь вы да на забавушках!
И не забудьте ж вы несчастна добра молодца
И своего да светушка братца родимого!

Когда бредет лоб, мать вопит:

Будьте прокляты, злодii суностатые!
Вергай скрозь землю ты, некресть вся поганая!
И секите вы кудри поскорая,
И точите вы бритвы новостряя,
И уж вы брийте его да побеляя;
Охти мни да мне тошнѣшенько!
И кабы мне да эта бритва навострѣная,
И не дала бы я злодийной этой некрести
И лад моим пошьку рождельем надрьгаться;
И распорола бы я груди этой некрести,
И уж я вышула бы сердце тут со печенью,
И расцластала бы я сердце на мелкѣ куекн,
И я парьла бы корыто свиным в месиво,
А и печень я свиным на удашьце!

Когда забреют, соседка вопит:

Как сегодняшним господним божьим дѣнечком,
Во несчастный час, во злу эту минуточку
Уж как прийняли бурлакушков молодых
Во приёмную палату белокаменну,
И их подбрили-то, удалых добрых молодцев,
И во злодийную во службу государеву.
Тут им дали этих крепких караульщиков,
Да им дядьку становили-то со старшим;
И тут сводили в божью церковь посвященную,
И приводили их к присяге вековечной;
И выше го́ловы кресты ошы вздымали,
И свою сторону солдаты забывали,
И отца-матушку рекрúты проклинали:

— «И мы служить будем царю-богу росейскому,
И мы стоять будем за веру христианскую,
И мы не сделаем измены в каменной Москве,
И мы спасать будем Россию подселенную.
Мы оружице держать да на правом плече,
И саблю вострую держать да во правой руке!»
И тут повывадали солдатикам молодым,
Как молодым солдатам новобранным
И не по поженькам сапоженьки козловые,
И не по плечушкам мондеры сукон серых,
И на головушку им шляпы не пуховые —
И да им киверы солдатские пудовые!
И тут соймут да молодецку вольну волюшку,
И тут повывадут им ружьица тяжелые,
Их отправят в путь-дорожку незнакому,
И во поход сошлют удалых добрых молодцев
И как во эти города да не в бывалые,
И дале-дале от родимой от сторонушки!
И оны пойдут путем-широкой дороженькой,
Хоть студеноей пойдут да холодною зимой,
И как повыстанут на гору на высокую,
И оны брякнут тут оружием завоенным,
И оны топнут правой белой этой поженькой,
И сплют с горя унылу жалку писенку,
И оны, стоячи на горы на высокой,
И вспомнят-то родиму свою сторону:
— «И ты прощай, наша родимая сторонушка,
И ты гульливая сторонка, щегольливая!»
Уже слушайте, солдатика молодые:
Да вас сошлют как на чужу на сторонушку,
И на у будочки стоять да студеною зимой,
И на часах стоять, несчастным, на всеочных;
И от земли да зябнут резвы ваши поженьки,
И от оружица зябнут да ручки белые,
И как от ветра подвеват да блёкло личенько,
И от морозушку сердечко поастрескает;
И вы у будочки-то будете поахивать,
И сапог о сапог ведь вы да поколачивать,
И с руки на руку ружье да перекидывать;
И глядеть да вы будете, несчастные,
И выше лесушка глядеть да по поднебесью!
И ты смотреть будешь, солдат, да на светёл месяц
И на эти часты звезды поднебесные,
И поскорёшеньку ль светёл месяц закатится,
И часты звездочки в минуточку стеряются ль,
И скоро ль свет да ясна зоренька просветится,
И расцвет ли это красное ведь солышко
И обогреет ли солдатское сердечушко,

И приоттает ли несчастная утробушка.
И тут вспомните родиму свою сторону,
И тут сговорите единое словечушко:
— «И лучше были б мы, солдаты, не спорожены;
И как родитель нас, бурлаков, попустила,
И нас не участью-таланом наделила,
И злой несчастной этой службой наградила!»
И не дай господи на сём да на белом свете
Уже жить да в грозной службе государевой:
Как еденнице солдатушкам — сухарики,
Как итемнице им — водушка со ржавушкой.
И вы послушайте, несчастные головушки!
И как вас сошлют в безывестную сторонушку,
Хоть за синее за славное за морюшко
И как на этых на черных бблших кóраблях,
И буйны ветры в чистом поле развеваются,
И пеномерная погода подымается,
И на синём море волна да сколыбается,
И как вода да со желтым песком смешается,
И черны кóрабли ведь в море раскачаются,
И мачты б воду со брызгам ударяются,
И сговорят да тут дядьки им пристаршие:
— «И вы идите-тко, матросики молодые,
И не страшитесь-ко погоды пеномерной,
И поднимайтесь вверх по мачтам по дубовым,
И вы держитесь-ко за спасти за смолёные,
И убирайте тонки белы эты парусы!»
И тут сердечушко у вас да приужахнется,
И тут вспомните, несчастные солдатушки,
И вы желанных своих да всё родителей —
И на молитвах оны да вспомянули бы,
И за матросов оны бога помолили бы.
И столько пёвесто, победным, пёвестимо!
И поставаете по мачтам по дубовым,
И вы по этым по спастям по смолёным,
И с переполоху-то сбьдут белы рученьки,
И тут падете вы во синее во морюшко,
И во эту вы воду во глубокую!
И буде господи вас, светушко, помилует,
И спасет вас пресвята мать богородица,
И на этом на большом на черном кóрабле
И вас прибьет да там ко крутому ко бережку,
И хоть не к знамым к островам да не к бывальным.
И може, буде вам, несчастным, воля вольная
И как повыйти-то на крутой красной бёрежок;
И ты по бёрежку иди, бедной, тихошенько,
И ты гляди да выше лесу по поднебесью,
И выше гор гляди, наш светушко, высоких,

И вровень с облачкой гляди да ты ходячей,
И примечай да перелетну малу птиченьку;
И не гусей гляди, наш светушко, не лебедей:
И гуси-лебеди-то птиченька гордливая,
И на речах да эта птиченька спесивая,
Высоко да она лётит по поднебесью,
И хоть полётит по родимой твоей родинке,
И на косевчато окошко не рассядется,
И про походных солдат не расскажется!
И ты гляди-смотри, сдовольной белой светушко,
И ты печальну перелетну малу птиченьку
И горегорькую кокошу из сырá борá —
И та птиченька ведь е да не гордливая,
И на речах-баснях она да не спесивая;
И ты пиши, свет, скорописчатую грамотку,
И ты со чужей со дальшой сторонушки,
И ты со этих полков да новобранных,
И ты с-за синего с-за славного с-за морюшка
И ты со большего со черного со кóрабля!
И упиши, напа скачѣная жемчужинка,
И про несчастну свою жизнь да про солдатскую,
И не чером пиши, наш свет, да лебедьным,
И не черныма пиши да ты чернилами,
И ты письмо пиши, наш свет, да всё кручиною,
И запечатай ты его да ведь тоскичущкой;
И хоть ты выйдешь, свет, на крутой этот бѣрежок,
И увидашь да перелетну бедну птиченьку,
И ты клади да ей под правое под крылышко
Уж ты эту скорописчатую грамотку;
И мы по этой по разливной красной вѣснушке
И мы ходить будем на шѣрокой на уличке,
И мы глядить будем, горюши, по поднебесью,
И мы смотреть да перелетной малой птиченьки;
И как увидим мы кокошу перелетную,
И воскликать стаем мы малу эту птиченьку
И на отдѣх да на крылечико перѣное,
И на рассказ да на косевчато окошечко:
— «И ты иди да перелетна сюды птиченька,
И ты откуль летишь да куды путь держишь,
И со которой ты летишь да со сторонушки,
И ты с-за славного ль с-за синего Онегушка,
Ты с-за этого ль 'кеан да синя морюшка?»
И тут птиченька ко зѣни ведь приклопится,
И супротив дому она да приусядется,
И принесет да скорописчатую грамотку,
И тут смахнет да она правым этим крылышком,
И тут уронит скорописчатую грамотку
И супротив наших косевчатых окошечек;

И тут мы возьмем скорописчатую грамотку,
И мы сходим к писарям да хитромудрым,
И рассмотрим да скорописчатую грамотку —
Как тоской да с письмо ведь запечатаю,
И с горячмы слезмы, с кручинушкой написаю;
И прочитаем мы, печальные головушки,
И тут узнаем про несчастного солдатушка,
И про злодийну бедну жизнь да про солдатскую.
И не поставь во гнев, скачѣная жемчужинка,
Что пона́кажу, печальная головушка:
И как служить будешь во службе государеве
И ты писать да на родиму свою сторону,
И не уписывай, сдвольной белой светушко,
И нам ведь пизких поклонов-челобитьцев,
И униши, наша скачѣная жемчужинка,
И про несчастно горегорькое живленьеце!

11. О СОЛДАТЕ, ПРИБЫВШЕМ НА ПОХОРОНЫ ОТЦА

И признала тут родитель его матушка,
И наздынула тут несчастны белы ручешки
И на обиду на печальную головушку,
Она сдияла с ним доброе здоровьице
И плотибшенько к сердечку прижимала,
И лицо к личушку она да прилагала,
И ко солдатским устам да припадала,
И она с радости, родитель-то, сказала:
— «Слава богу-то теперь да слава госноду!
Слава вышшему царю да всё небесному!»
И сговорила тут во добры она людешки
Всё со радости она да со весельица:
— «Как мне белой свет теперь да порассветился,
И красно солнышко теперь будто порбспекло,
Как светлѣшенько-то месяц порассветился,
И часты звездочки теперь да рассветать стали!»
И сговорила тут сердечным она детушкам:
— «И что стоите да вы, дѣти, остолопились,
И вы клоните теперь буйную головушку
Всё ко светушку ко братцу ко родимому!
Да мы дождались скачѣной жемчужинки,
И я сердечного рожего ведь дитятка,
И мы со дальной пути-широкой дороженьки,
И с заграничной чужой-дальной сторонушки!
Десять лет да мы письма не принимали,
И мы слыхом про него да не слышали,
Мы во живности его да не считали!
Аль гора да со горой, светы, не сойдется,
Человек живой со родышкой свидается!»

Тут снахнулася порода именитая;
Оны днют с ним ведь доброе здоровьицо,
Все собралися суседы спорядовые,
Межу ду-другом оны да рассуждаются,
Всё про гостюшка ведь е да наслушаются!
И раздевать да стали род-племя любимое,
Все ведь рапцы от его да отбирают,
И перед ду-другом шинель да скидывают.
Как судил господи солдатущку победному
И ему быть да на родимой своей родине,
И повидать еще желанных родителей,
И при последи при родителе при батюшке,
Проводить да к божьей церкви посвящённой!
И тут снахнулася родитель родна матушка,
И вдруг на радости она да на весельице
И она ставила столы скоро дубовые,
И она стлала скатерти да шито-браные,
И она нанесла-то ествушков сахарниих,
И она налила ведь питьица медвяные;
Тут садила ведь за стол да за дубовый,
И сама села-то на стул подле кленовый;
И она потчеват сердечно свое дитятко,
И она гладит всё по младой по головушке,
И она дрочит по солдатским по плечушкам,
И она ласково его да уласкает,
И она уныло-печально причитают,
И говорит столько родитель родна матушка
Всему роду да спорядным суседушкам:
— «И вы послушайте, народ да люди добрые!
И не сдвуйте-ко, суседы спорядовые,
Что прозабыла я надежную головушку,
И зрадовалась на сердечного я дитятка;
И буде вйрите, народ да люди добрые,
И разумйете, суседы спорядовые,
Уж я так, бедна горюша, зрадовалась,
Как я дождалась годова будто праздничка,
И точно светлого Христова воскресеньица!»
И да ты ешь, мило сердечно мое дитятко,
И напивайся, мое дитятко, пьянешенько,
И я пойду, бедна-кручинна нонь головушка,
И воскликать пойду надежную головушку,
И стану радовать, печальная головушка!
И ты послушай-ко, сердечно мое дитятко:
И да мы сядем-ко, победные головушки,
Мы на эту на бросову белу лавочку,
И припади ты ко родителю ко батюшку,
И может, дитятко, ведь ты да поталаннее,
И родитель до тебя да пожеланнее;

И воскликай да желанного ты батюшку:
— «Ты повыстань, свет надежная головушка,
И отвори да свои ясны эти очушки
Ты на свёбе на сердечное на дитятко,
И на обидного солдатушка походного!
Со пути как, свет, пришел да со дороженьки
И поспешил на родимую на родинку,
И он ко свóим ко желанным родителям!»
И стану спрашивать, печальная головушка,
У обидного сердечного у дитятка:
И ты не ведал про велику, зпать, невзгодушку,
И ты про эту про злодийскую кручинушку,
И ты про свёбого родитель про батюшка,
И что при трудной при болезной был постелюшке?
И что он при этом тяжелом неможеньице
И памятил столько сердечно тебя, дитятко?
И говорил да он, победная головушка:
— «Кабы дал господи да доброго здоровица,
И мне дожждаться бы сердечно свое дитятко,
И мне обидного солдата новобраного!»
Говорил еще желанной родной батюшко:
— «И не дожждаться мне сердечного, зпать, дитятка,
И не видать мне-ка во ясны его очушки!»
Ты послушай же, сердечно мило дитятко:
И кто сказал те про великую невзгодушку,
И на пути ль кто на широкой на дороженьке?»
И отвечат столько солдат да повобраной,
И говорит да он во дóбрые во людюшки:
— «И да я шел как путем-широкой дороженькой,
И унывало тут солдатско ретливó сердце,
И подломилися солдатски ножки резвые,
И рад я сить был на пути да на дороженьке,
И соби думал я ведь крепку эту думушку,
Что ведь чóвствуе победно ретливó сердце,
И не начаюсь я соби какой невзгодушки?
Кажись, пé болит у мя да буйна гóлова,
Я ведь йду на родимую сторонушку —
Всё на радости идти бы, на весельице!
И прихожу да ко селу я деревенскому,
И я гляжу да ведь на красное на солнышко,
Я с остатку да на бёлой гляжу светушко,
И на деревеньки ведь я да становлюсь,
И под окошечком, солдат, стою-стучаюсь,
У знакомых почевать да я даваюсь,
И я думаю, солдат, соби, походной,
И ночевать да у людей ведь у знакомых —
Я запомню-то крестьян да полномочных.
Ко крылечушку я стал да подвигатися,

Со пути стала лошадушка казаться,
И я на уличке теперь да устоялся,
И я ступистые лошадушки дождался.
И вижу — идет человек да всё знакомый,
А мой прежний-то сусед да спорядовой,
Человек да туто йде потихошеньку,
Уж смотрит на меня да всё вострешенько;
И хоть в белó лицо меня не признавае,
Уж он доброго копя да поставляе.
Я пришел да к этым сапочкам дубовым,
И честь воздал ему я точно ешеральскую:
Как во службы-то к чему да приучали,
Что умильную бы честь мы отдавали.
И стал я спрашивать суседа спорядового,
И далеко ль это селенье в расстояньце?
И говорит столько сусед да спорядовый,
Уж вточь глядит во ясны мни-ка очушки.
— «Солдат, — скажет теперичка знакомой, —
Ты скажись-ко ведь солдат да мни знакомой,
Ты по имечки скажись да по изотчинке!»
Мое имечко ведь есть да всё тяжелое,
И назовусь да я суседом спорядовым!
Тут я сдеял с ним ведь доброе здоровьице,
Я про всех спросил суседей спорядовых,
И не сказался тут спорядному суседушку.
И повинюсь да вам, желанна рѳдна матушка —
Я назвал да вас суседмы спорядовыма,
И я сказался, мне-ка люди там знакомые, —
И вси во добром ли опы да во здоровьице,
И в исправности ль крестьянска у них жирушка?
И отвечал да мне сусед да спорядовый:
— «Они живут да ведь теперечко по-прежнему,
И не изменяна крестьянска у них жирушка.
Как вчерашним господним божьим дѳнечком
У их сделалась великая невзгодушка:
Переставился сусед понь спорядовый!»
Я на красное на солнышко поглядываю,
На путь-шѳроку дороженьку посматриваю —
И не пойду я на спокойну эту ноченьку,
Я направлюсь в путь-широкую дороженьку,
И поспешусь да на родимую на родинку,
Я застану-то родителя ведь батюшка
Пока во своем хоромном строеньце,
Пока на своей брусовой белой лавочке!
И подобрал да я шинель тут сукон серых,
И подынул ранѳц на плечушки солдатские,
Я отправился в путь-шѳроку дороженьку,
Шаги делаю ведь я да по-звериному,

Уж я хоботы даю да по-лисицыному,
 Я военным ружьем да подпираюся,
 Путь-дороженькой иду да поспешаюся.
 И я дороженькой ведь шел да призамайлся,
 У перёного крылечка порасплакался;
 Хоть постучался у крылечика перёного,
 Подивился у косевчата окошечка
 И доложился у дверей да у дубовых:
 — «И вы пустите-тко солдатуска походного
 Отдохнуть да с пути-широкой дороженьки,
 И на спокойну вы пустите темцу почешку,
 И отдохнуть да с пути-широкой дороженьки,
 Обогреть да мне солдатски пожки резвые,
 Прирастать бы ретливое сердечушко!»
 Как в окошечко ведь вы да отвечали,
 И на перёное крылечко не пуцали,
 И дубовы́ двери ведь вы да заидали;
 И отвечала мне сестрица тут родимая:
 — «Всё не та пора у нас да пора-временчко,
 Что пустить да нам, победным, почлежничков!
 И не до вас да нам, солдатшко походный!
 У нас е в дома великая невзгодушка,
 Е злодийская великая тоскичушка!»
 И скрозь околенку глядит да мила сватьюшка,
 И сговорит да она речь-то умильшешенько:
 — «Он не швед-то ведь е да не татарин,
 И почлегу за собой да добры людюшки не посят;
 И со пути да со дороженьки пустите-ткосе,
 И вы от темной его ночи сохрашите-тко,
 И да ужиной его вы покормите-тко,
 И родителя ведь есть да спомяните-тко!
 И разумйте-тко вы добры того людюшки,
 Человек, может, идет да он кручинной,
 И солдатшко идет да не богатой,
 И может, нет да золотой казны по надобью!»
 Покорбшешеньку ведь он да ворочается,
 Он на этое крылечико перёное;
 Тут зашел как во хоромное строещице,
 Распознал да тут солдат, порассказался
 Он ведь про свою-то жизнь да про несчастную,
 И как путем да он шел широкой дороженькой,
 И где проведаль про великую невзгодушку,
 Где сердечушко его да взвещевало,
 Про кручинушку его да рассказало!
 И сговорил да тут солдатушко походной,
 И как устал да путем-широкой дороженькой,
 И заболели крепко резвы его поженьки.
 Тут ведь устали пуховую перишушку,

Положили на тесову на кроваточку,
И склонилася родитель подле матушка
Как ко эту круту складному зголовьницу,
И принакрыла соболиным одеяльшком,
И просидела темну поченьку до утрышка,
И ублаждала по солдатским по плечушкам,
И быв кокоша в сыром бóру вскоковала,
И темну поченьку она протосковала,
И всё горячима слезама обливалася!
Тут повыстала по утрышку рашеньку,
Затошила она печь да поскорешеньку,
Она сладила тут ествушки хорошие,
И по разуму ведь питыца медвяные,
Она напекла блинов да деревенских;
И подходила ко тёсовой кроваточке.
Тут Иусову молитву сотворила,
И она господу-владыку попросила,
Соболито одеяло приоткрыла,
И она правой рукой да побудила,
И она с причетью дитё да воскликнула:
— «Хоть и жаль будить сердечно тебя дитятко,
Хоть устал да путем-широкой дороженькой,
И притомилися ведь резвы твои поженьки,
Примахалися ведь бёлы твои рученьки,
Ишталася ведь буйная головушка,
И настучалося ретливое сердечушко,
Столько этой путем-широкой дороженькой!
Кабы знала я, горяша, про то ведала
Как вчерашним бы господним божьим дёпечком,
И про тебя, мило сердечно это дитятко,
Что в пути идешь широкой дороженькой,
Так бы впрягла я ступистую лошадушку,
Я во этии во санки во дубовые,
Спарядила бы любимого извозчика,
Я бы встретила, победнушка, за тысячу,
Я сердечно бы рожею тебя дитятко;
Да ты стань-восстань, рожею мое дитятко,
Ты ведь на свои на резвы на ноженьки;
Ночь ты на своей родимой сторонушке,
Пока у своей родителя у матушки;
И не ротной по фатеры-то похаживает,
Не кумандер вас, солдатушков, побуживает,
И воскликат тебя родитель родна матушка
Есть за стол да за дубовой хлеба кушать,
И за столом да сиди, дитятко, полакомься —
У мя кушанья теперь да не солдатские,
У мя пѣтя про тебя да не артельные;
Сыто йдется тебе да долго выспится!

Ты порбсскажи, сердечно мое дитятко,
Ты на долго ль по билету приотпущен е
У великого царя да на слободушку?
И на сколько на учетных да ты годышков
Пришел пахарем на чисто ли на полюшко,
И сенокосцем ли луговые па поженки,
Аль рыболовушком на сине на Опегушко?
Нынь раздумаюсь победным своим разумом:
И не вовсе ж я, горюшица, несчастная,
И сирота в людях ведь я не бесталанная;
И расставаюсь хоть с надежной я головушкой,
И себи дождалась сердечно это дитятко
Я во свой да дом крестьяпскую во жирушку,
И большаком да по дому я настоятелем!
Спаси господи царя да со царицею,
И со наследством со сердечным со детушкам
Как от этих неприятелей неверных,
Что спустил да ведь сердечно мило дитятко
Уж он на свою родимую сторонушку!
И ты послушай же, рожбо мое дитятко:
И да ты стань теперь, дитё, да пробудися
И белой свет да всё на улочке рассветился,
И красно солнышко с-за облачки выглядает,
И выше лосушку дремуча подымается,
И добры людюшки теперь да собираются,
И на часу да сродчи-сроднички съезжаются;
Во-первых, да ведь сегодня-сего донечка
Хоронить будем великое желаньице,
Как спадливого родителя ведь батюшка!
И во-вторых, еще порода собирается,
И посмотреть тебя, сердечно мило дитятко:
Идут тетушки ведь к нам да всё добротушки,
И катят-жалуют сестрицы сдвуродимые
И повидать да тепло-красно тебя, солнышко,
И проводить да ведь родителя-то батюшка
Что до этой божьей церкви посвященной,
Как до этой пресвятой да богородицы!
Я пойду, бедна кручинная головушка,
Я по этому хоромному строепницу,
Я ко своей ко надежной головушке —
И не могу ли я, победна, допытатися,
Я едина-то словечка допроситися
Я у своей у надежной у головушки:
— «Ты послушай-ко, надежная головушка,
И сговори да с ним хоть малое словечушко,
Ты с любимым со сердечным своим дитятком,
Со печальным со солдатушком походным;
Ты повыспроси, надежная головушка,

Про несчастну его жизнь да про солдатскую,
Про его да похождение горегорькое,
Как про эту грозну службу государеву,
Какова да эта служба государева!
Лучше матушка ведь е да не родила бы,
И на белой свет она не попустила бы —
Такова да эта служба государева!
Как на этих караулах па всеночных,
Как по этим студеным холодным зимам
От земли да зябют резвы эти поженьки,
Как от ветра подвевает лицо белое!
Уж как в будку ведь солдат да забирается,
Не познобить бы столько белого ведь личушка,
И не отстать бы-то от резвых от поженёк!»
И рассказался тут сердечно наше дитяtko,
И приоткрылся мне, желанной родной матушке:
«И как в походы мы, солдаты, снарядились,
И со родимой своей стороной простились,
И нам присягу ведь попы-отцы читали,
И выше плеч да мы тут рученьки здымали,
И выше головы кресты мы поднимали,
И свою сторону да мы тут проклинали,
И соху-боропу ведь мы тут забывали!
И на сраженье нас, солдатов, отправляли,
И нам причастице, солдатушкам, давали,
И мы стояли за Русию подселенную,
И не дробили мы за веру христианскую,
И сожалили мы царя да превеликого,
И сожалили мы царицу благоверную!
И на сраженье-то наследник приезжает,
И уж он честь да нам, солдатам, воздает,
И говорит да тут наследник умильную речь;
— «И вы палите-тко, робята, не дробите-тко,
И послужите-тко за веру христианскую,
И пожалуйте-тко царя, бога русийского,
Прогоните-тко злодия-неприятеля!
Вы без мерушки-то пейте зеленá вина,
Вы без счёту получайте золоту казну,
Принимайте вы, солдаты, енеральску честь
Как за ваше услуженье да за верное,
Как за храбрость за вашу за великую!
И будут отпуски ведь вам да подомовые,
Как русийский царь да вас пожалует,
Он отпустит на родимую сторонушку,
И на отдох вас ко желанным родителям!»
И сожалили мы царя, бога русийского,
И наследника его да милосердого:
На плечах у нас мондеры сукон серых,

На головушке-то кивера пудовые,
Опоясьем у нас сердце обрестовано;
Тут оружие да мы держим на правом плече,
Саблю вострую мы держим во левой руке,
И тут мы брякнем-то оружием завоепным,
И да мы тошшем этой правой белой ножешкой;
Шаги делаем ведь мы да по-звериному,
Уж мы хоботы даем да по-лисицыному;
И где нет пути-дороги, тут протариваем,
И где мхи да болота, тут орлом летим,
И на злодия мы, солдаты, наступали,
И за горы да супостата прогоняли;
И кабы вы, да ведь желашные родители,
И увидали бы ведь нас да на сраженнице,
И на великом ведь нас да кроволитьи,
И так вы пали бы, желанны, о сыру землю,
И вы бы померли, победны, да ведь со страсти! •
Как последник-от ведь есть да милосердой,
И во дыму да между нами он поезживае,
И как ясен сокол, меж нама он пролетывае,
И уж просит-то владыку всё небесного
Покорить да ведь злодия супостатого,
И сберечи да ведь Русию подселенную!
И как война да в чистом поле уходилась,
И неприятель-то царю да поклопяется,
И на семь лет, пише ему, да замиряется.
И на страженнице нас господи помиловал,
И нас великий царь медалями пожаловал,
И что мы бились-то за правду за великую,
И что стояли за Русию подселенную!
Тут солдатунки пошли мы, взрадовалися,
Неприятелю ведь мы да надсмехалися,
И подходить стали к двору да мы ко царскому,
И нас со радостью великой царь стретает,
И он по чары сладкой водки паливает,
И он походных нас солдатов угощает!
И мы по чары сладкой водки выпивали,
И мы русийскому царю честь воздавали
И поспешались на родиму свою родинку!
И походить да стал, солдатунко походной,
И хоть по вечеру я к родине поздпешешко,
И добры людунки того да испугалися,
И родна матунка ко мне да не призналася!»
И тут спроговорит родитель его матунка:
— «И ты послушай-ко, сердечно мое дитячко,
И ты не гневайся, скаченая жемчужинка,
И да ты на своих желанных родителей!
И знать, судьба тебя, дитё, да повзыскала,

И как злодийна эта служба сустигала,
И кабы нынешним умом да теперь разумом,
Не пожалили мы любимой бы скотинушки,
И заложили бы луговы эти поженки,
И в заклад отдали б распашисты полосушки,
И мы бы нажили бессчетпу золоту казну,
И мы бы наняли охотна добра молодца,
И слободили бы бурлацкую головушку,
И не спустили б в злодий-службу государеву!
И теперь-нонечи, сердечю мило дитяtko,
И не песи гнев па родителя на батюшка,
И ты простишь да при послидней поры-времечка,
И пока на своей брусовой он на лавочке,
И пока во своем хоромном строеньице!
Как сегодняшным господним божьим дѣпечком
И понесут да всё родителя ведь батюшка
И как ко этой пресвятой да богородице,
И как ко этой церкви божьей посвященной,
И как до этой до ограды обложѣнной!
Хоть судил господь-владыко многомилостивой
Уж как быть тебе, сердечю мило дитяtko,
И при послиднем у родителя прощашице,
И хоропить да всё великое желаньице!
Укрывается родитель родной батюшко
И он не в дальнюю дорожку безызвестную,
И он во погребѣ, родитель, во глубокне!
И подойду да я к колоде белодубовой,
И я просить буду надежную головушку:
— «И ты послушай-ко, надежная головушка,
Бласлови да ты сердечю это дитяtko,
Ты обидного солдатушка походного,
Надели его таланом столько участью,
Надели да ты участком деревенским.
И ты прости, прости, родитель родной батюшко,
И ты во всей вины прости да нас во глупости,
И во всем тяжком великом согрешеньице!»

СВАДЕБНЫЕ ПРИЧИТАНИЯ

12

В день сговора невеста причитает:

Как сегодня, сего ж дѣнечка,
Сего дѣнечка господнего,
По утру ж было рапѣшенько,
Как до звуцу колокольного,
И до пенья там церковного,
Уж я тут, дѣчи, схватилася,
И от сна да пробудилася.
Что я думала, младѣшенька,
Сотворила, молодѣшенька,
Добрых людей удивила,
И родитель разгневила?
Я ставала-то с постелюшки,
Обувала пожки резвые,
Во башмачики козловые,
Во чулочки вязѣнные;
И одевалась хорошохоныко,
Умывалася белѣшенько.
Себе думала, младѣшенька,
Вопотай да думу кренкую;
И хоть умылася белѣшенько,
И снарядилася хорошохоныко,
И приходила, красна девушка,
Во унылой задний уголок,
И я садилася, лебедушка,
На брусѣву белу лавочку;
И подходила родна матушка,
Говорила таково словѣ:
— «Я дозналася-доведалася,
Про тебя, да дитѣ милое,
Что сама себя просватала,
Свою волю прозакладала!»
Ох, раздумаюсь, невольница,
Я девочьим умом-разумом:
Как сегодня, сего денечка,

Ночь по позднему по вечеру,
Как в раздольице в чистом поле
Вдруг ведь пыль да подымалася,
Добры кони появлялися.
Добры конюшки рублёвые,
А санишечка грошовые.
Мне-ка что да прилюбилося,
Мне-ка что ли пригляделося;
И застучало тут копыто лошадиное,
И зазвонила тут сбруя да все чесмяная;
Как ко пашему крыльцу да ко перёному,
Как ко этому столбу да ко точёному,
И приаехали росскáзы-свáты бóльшие,
Быв гроза да превеликая,
Быдто страсть да не милóстлива.
Я того да испугалася,
Со постелюшки ставала я;
И не сказала, не поведала
Я желанной своей матушке,
Ни подруженьке я милой,
Ни суседке спорядовой.
Не во снях ли то казалось,
Наявú да появилось.
Скоре сон да исбывается,
Сегó дня́ дело решается,
И добры люди удивляются.

13

И сегодняшним господним божким денечком
И все по раннему ведь было да по утрышку,
И наставала туча тёмна неспособная,
Из-за сиего, с-за славного Онегушка,
Из-за гор да эта тученька высокиих,
Из-за лесу подымалася дремучего,
Из-за облачка ведь, тученька, ходячего,
Со громом туча ведь е да и со молвией,
И со частым эта туча мелким дождичком,
И со страстями эта туча со великима!
И по горам да эта тученька катилася,
И с гор камешки со страсти соскатилися!
И по темным да шла ведь лёсушкам дремучиим,
И в лёсах дерева теперь да расшумилися,
И до сырой земли лесá да приклонилися;
И как листочки по зéми расстилалися!
И по синю́ морю как тученька катилася,
И океан да синё море сколыбалось,
И с крутым бёрежком волна да расходилася,

И со желтым песком вода да помутилась,
И на кораблях-то снасти прерывались,
И корабельщички ведь е да испугались!
И по лугам да эта тученька катилась,
И потопила все луга да там зелёные!
И по чисту полно ведь тученька катилась,
И она шнеем ведь, тученька, садилась,
И добры людюшки того да утрашились
И по домам да ведь крестьяна убоялись.
И все я думала, повольна красна девушка:
И пройде тороком ведь тёмна эта тученька,
И мимо пашее село да деревенское,
И мимо девушки тепериче зелёный сад!
И не по думушкам теперь да становилось,
И не по розмыслам теперь дело сбывалось!
И все же думала я, белая лебёдушка:
И пронесет да эту темну столько тученьку,
И ю за синее за славно за Онегушко!
И среди села туча да становилась,
И надцесло да эту тёмну грозну тученьку
И все над батюшков теперечко высок терем,
И пад матушкин теперя на широкой двор,
И пад братцеву теперь да светлу свитлицу,
И все пад мой же ведь теперь да над зелёный сад,
И поломало в саду деревца сахарные,
И изорвало с дров листочика зелёные!
Изменили теперь вольну мою волюшку!
И как мои светы-желашные родители,
И опристали, зпать, невольну красну девушку,
И меня кормячи, невольну, столько поячи,
И обуваючи, невольну, одеваючи,
И разгневились на белую лебёдушку!
И [с]лучилось слышать невольной красной девушке,
И про остудушку, про чужую сторонушку,
И про родителей млада сына отцового:
И скрозекозный богоданный, скажут, батюшко,
И зла-спесива богодана буде матушка,
И быдто Свирь-река она да ведь свиреная,
И быдто Ладожско она, скажут, сердитая;
И по избы да как медвидица похаживат,
И она искоса, злодийка-то, поглядыват,
И не свёсела она да проговариват!
И [с]лучилось слышать невольной красной девушке,
И все от многих от добрых от людюшек,
И от милых спорядных суседушек,
И мне про ихное хоромное строенье:
И на мшишечках бревнишки, скажут, смичены,
И худыма топореночкам изсичены,

И под дождёвой водой да бревно плавлено,
И па собаках на строенье бревца вожены,
И на угрюмое то место у их ставлено,
И тридцать сажеп-то у их да в землю вкопано,
И три саженьишка строепья в верёх поднято;
Как сверлом у их окнишечка просверлены,
И долотом двери у их да все продолблены,
И решетом свету у их туда панашено,
И сорок лет у их избебочка не мывана,
И рукомойника в доми у их не водится,
И па степы у их иконы не случается;
И па болото-то оны да ходя, моются,
И па поцуты на лопату богу молятся,
И ко осиновым пеньям да прилагаются!
Уж как этая судимая сторонушка:
И пет суседушков ведь там да спорядовых,
И пету божиих церквей да посвященных,
И пету звону на остуды колокольного,
И пет служителей у их да все церковных;
Там ведь темное теперечко залисьице,
Очень малое ведь там да все безлюдьице,
И черным воронам туды да все прилетище,
И серым заюшкам туды да все прибегище,
И серым волкам-то ведь там да становищечко;
И как па этой па судимой па сторонушке,
И место звону-то у их да колокольного,
И серы волки-то у их да там паваются;
И вместо пенья у их да все церковного,
И черны вороны ведь там да принаграются;
Вместо соседей спорядовых,
И со чиста поля собаки приналаются.
И как у этого млада сына отецкого,
И домишечко его да все перажей,
И житьишечко у их да искорыстное;
И разрешетились новы сени решетчаты,
И подшиблося крылечико перёное,
И надломилися сосновы перекладинки,
И подогнулись дубовые мостиночки,
И скрозь тынишка воробьишка пролетают,
И во большом углу ведь гнездышка свивают,
И там выводят оны малых своих детушек!
И все страшит меня, невольцу красну девушку,
И как у этого остудника-чужанина
И во копошеньке ведь нет да коня доброго,
И во хлевы да ведь скота нету рогатого,
И нету на поле стогов да перегодных,
И нет засыпано засеков хлеба божьего;
И на ногах нету козловых сапоженочков,

И зимней пѳрой никакой пету шубеночки!
И вижу-смичу же, невольна красна девушка,
Уж как этого млада сына отецкого,
И я за этым теперь да дубовым столом:
И быдто вѳшной-то сидит да жаворѳнчек,
И быдто зимний сидит поздной поросѳнчек,
И быдто грязь да он сидит там подпорожня;
И красота взята его да все от пыльника,
И белота взята его да все от чельника!
И [с]лучилось слышать невольной красной девушке,
И мне про этого млада сына отецкого:
И на походочку ведь он да е не стопочка,
И разговорюшки его не чваковитые,
И па головушке не желтые кудерышка;
И как у этого млада сына отецкого,
И на щеках у его да растут ельница,
И под щеками у его растут березьце,
И головушка его как куст вересовой!
И всё страшит да меня белую лебѳдушку.
И [с]лучилѳсь еще, невольной красной девушке,
И знать про этого млада сына отецкого:
И хотя хвастает остудник-млад отецкий сын,
И он своей да золотой казной бесчетной,
И просказали люди добрые — пробаяли:
Хотя ж добры его кони — панятые,
И золота казна его да занятая,
И цветно шлатье на себе да все чужое!
И как охочь ходить, остудник, да захаживать,
И он по темным по долгиим почешкам,
И сожидать да буде белой мне лебѳдушке;
И буде поженьки держать да на дороженьке,
И белы рученьки держать да на заложечке,
И буйна гѳлова держать да во окошечке,
И ясны очушки держать да во чистом поле,
И умом-разумом смекать да во все стороны:
И он которой придет путем-дороженькой,
И он откуда придѳ, остудник, со сторопушки?
И сожидать буде, невольной, до полуночи;
И вот идет да он, остудник-млад отецкий сын,
И он плотнѳшенько идет да подпоясанось,
И песет шанку-то, остудник, на одном ухе,
И рукавицы-то несет да на правой руке;
И уж он пьян-не пьян, остудничек, шатается,
И надо мной хочет, остудник, надсмехатися;
И по черным грязям, остудничек, валяется,
И как еще того, остудник, похваляется,
И он за нашим столом да за дубовым:
— «И буде садичек, ведь скаже, полошеной,

И буде род-племя теперь да покореное,
И буде волюшка моя да полоненая;
И буду девушка ему да покореная;
И хорошо да я жепу свою повыучу,
И школьно-пашкольно, детина, я повышколю!
И от двора пойду, остудник, я дороженькой,
И ко двору да приду малоей тропиночкой,
И чтоб воротечка у нас да ведь не хломнули,
И железные заложечки не щёлпули,
И чтоб не слышала стритить молода жема,
И уж так-то пад ей да надрыгаюся,
И от того она буде виноватая!»
И все не хвастай же, остудник-млад отецкий сын,
И дорогой да моей вольной столько волюшкой!
И соберусь да я, невольна красна девушка,
И мне бы крылышка, невольнице, гусиные,
И мне бы дру́ги, горегорькой, лебёдиные,
И подымусь да я, невольна, выше лесушку,
И облечу да всю Русию подселенную,
И я во крепости слечу Новгородские,
И я за степенушки слечу да белокаменные,
И пайду да там кунца я пребогатого,
И я задамся во служачочки во верные,
И во тыи-то задамся долги годышка!
И не прознаешь ты, остудник-млад отецкий сын,
И не проведаетшь про вольну мою волюшку,
И далеко буду за синим за Онегушком,
И буду девушка тебе да непокорная,
И буде голова моя да непоклонная!
И [с]лучилсь слышать невольной красной девушке,
И как еще да про остуду — чужу сторону:
И живе зябель на полях да хлебородных,
И все потоп да на лугах-то снокосных,
И круг сенá да все ведь звери-то съедучие.
И скажи, что берешь, остудничек, пахалишься,
И да ты что во мне, остудничек, начеаешь?
И не безродная ведь есть да не бесплеменная;
И у меня ж да, у невольной красной девушки,
И три заставы у меня е превеликих,
И три стены да у меня е городовых:
И перва стéпа у меня да городовая,
И стоять матушка у мяя буде крестовая;
И дру́га стéна у мяя е городовая —
И много братицев у меня да ясных соколов;
И третья стéна у меня да городовая —
И супротив крыльца стоит она перёного,
И как у этого столба да у точеного,
И у витого колечка золоченого:

Я повешу тут, невольна красна девушка,
Уж этуя затѹлу — сиюю завеску!
Очень хитро эта завеска вышйвна,
Она шита ведь шелком да шамахнискиим,
И она обвита ведь шитым-то золотом,
И вобсажеша ведь скатным буде жемчугом,
Из Москвы швийки у меня да ведь наниманы,
Из Новагорода учёны-то привезены!
И как на первом буде ўголку вышивано,
И изба земская-то буде да со старостой;
И на другом да буде ўголку вышйвано,
И целой полк буде солдатов повобраныих,
И со оружием-то оны да завоенным;
И как на третьем буде ўголку вышивано —
И церкви божии-то ведь будут посвященные,
И со отцем-попом будут со духовным,
И все служители-то будут тут церковные;
И на четвертом буде уголку вышивано,
И будут улочки вышиваны рядовые,
И будут лавочки раскладены торговые
И всяки разные товары разноличные;
И среди этой затулы сипей завески
И все повышит будет царь да со царицею,
И впереди да я повышью красно солнышко,
И позади царя повышью я светёл месяц,
И по праву руку повышью часты звездочки!

14

И пораздумаюсь девочьим своим разумом:
И куда класть буде бажона дорога воля?
И я возьму да свою вольпу эту волюшку,
И во девочки во белы свои рученьки,
И во перетий да свою волпо бриллиантвы,
И во свои кольца возьму да золочёные,
И прижму волюшку к ретливому сердечушку,
И русу косыньку ко белому ко личушку,
И сговорю столько едино таково слово:
И дорога ж моя бесценна воля вольная!
И воля — красное миженьско мое солнышко!
И воля, дённый ты теперь да белой светушко,
И воля, сладкое было да уяданьце,
И воля, долгое было да усыпаньце!
И быдто сыр в масле ведь волюшка каталась;
И как пчела да воля во меду купалась,
И белый сахар как по блюду рассыпается.
И куды класть да мши бажона дорога воля?
И кладу волюшку в ларцы да окованные,

И замну волюшку замочком шелкотурпыим,
И я в ларцы буду ходить да потихошеньку,
И отмыкать буду замочки с осторожностью,
И все не место тут ведь волюшке, не мистечко,
И все дознается остудник-млад отецкий сын,
И он до моей дорогой да воли вольной!
И я спесу лучше во мало устороньце,
И я спущу волю на луг там на зелёной,
И я на травоньку спущу да на шелковую,
И на цветы спущу я волю, на лазуревы!
И я сама пойду, душа да красна девушка,
И я во свой да дом, крестьянску пойду жирушку,
И пооставлю дорогу волю бажоную,
И на пути да на дорожке приодумаюсь,
И не стонет ли то матушка, сыра земля,
И не вянет ли под волей шелкова трава,
И не плачет ли бажона дорога воля?
И ворочусь да возьму вольну свою волюшку,
И во свои возьму я белые во рученьки,
И я спущу да дорогу волю бажоную,
И я на чужую, на дальнюю сторонюшку,
И накажу да дорогой воле бажоной:
— «И ты не стой да, моя вольна эта волюшка,
И ты у быстрых-то рек за перебродама,
И у озерышек не стой за перевозама,
И на ямах да не стой, воля, за подводама,
И у харчевень-то не стой да за обедама!
И ты постой да, столько вольна моя волюшка,
И ты во божних церквах да за молебнам
И у духовных отцов да за молитвам!»
И пораздумаюсь, невольна, умом-разумом:
И я не ладно-то, невольница, ведь сдумала,
И я не хорошо про волюшку уладила!
И как на ту пору ведь буде тое времячко,
И как поедет тут остудник-млад отецкий сын,
И от богатаго суседа спорядового,
И он с извозом-то во Питерску дороженьку,
И сустижет да тут ведь вольну мою волюшку,
И на пути да на широкой на дороженьке!
Я спущу лучше бажону дорогу волю,
И в сипе морюшко уловной белой рыбонькой!
И не проведает остудник-млад отецкий сын,
И все не взять да буде вольной ему волюшки!
И [с]лучилось слышать невольной красной девушке,
И мне про этого млада сына отецкого:
Есть пошиты малогребны малы лодочки,
И е повязаны ведь невода шелковые,
И он изловит дорогу да вольну волюшку,

И он на синсем, на славном на Онегушке!
И пораздумаюсь, невольна, своим разумом:
Я спущу да дорогú волю бажоную,
Я по крутому спущу да ю по бережку,
Я по тихим спущу волю по заводям,
Я по частым спущу волю по затрестям,
И водоплавной спущу да серой утушкой,
И в острова да спущу волю не в бывалые,
И в берега да спущу волю незнакомые!
И не проведает остудник-млад отецкий сын,
И не доступит он до вольной моей волюшки!
И мне сказали люди добрые — пробаяли,
И что охоч ходить, остудничек, захаживать,
И за охотой-то у синего Онегушка,
И он стрелять охоч гусей да серых лебедей,
И подстрелит мою бажону дорогу волю.
И тут пеладно, бедна девушка, я сдумала,
И я нехóрошо про волюшку уладила;
И я возьму тут дорогу да вольну волюшку,
И я кладу волю в пустыню богомольную,
И я в обитель положу да во спасённую,
И где в пустыне красны девушки спасаются!
И пораздумаюсь, невольна, своим разумом:
И все пеладно я про волюшку уладила,
И понько годышки пошли да все бедовые,
И разоряются пустыни богомольные,
И красны девушки оттоль да разъезжаются,
И тут не место дорогой да вольной волюшке!
И я спущу да ю к Макарью на желты пески,
И в приберёгушку вдовы благочестливой!
И пораздумаюсь невольным своим разумом:
И там не место дорогой да вольной волюшке,
И не сдержать да ю вдове благочестливой!
И я кладу да дорогу волю бажоную,
И я пристаршей желанной кладу матушке,
И я под праву положу да ю под рученьку!
И пораздумаюсь невольным своим разумом:
И тут не место моей волюшке, не мистечко,
И еще матушка моя да все старёшенька,
И носит поясок она да все слабёшенько,
И потеряет дорогу волю бажоную!
И с волей выйду на крылечко я перёное,
И спущу волю выше лесу по поднебесью,
И вровень с облачком пущу волю ходячим,
И к красну солнышку спущу да во беседушку,
И к светлу месяцу спущу да в приберёгушку,
И я к луны спущу, к звездам да подвосточным,
И не прознае-то остудник-млад отецкий сын!

И тут раздумаюсь, невольна красна девушка,
И что пеладно я про волюшку уладила:
И выше лесу моя воля не подойдет,
И опа с облачком ходячим не сравняется,
И с красным солнышком она да не разбается,
И как у месяца она не сохрается!
И я возьму волю во белы свои рученьки,
И во почестен посажу да во большой угол,
И я под милое косевчато окошечко,
И я под эту под стекольчату околенку,
И обсажу волю скатным я жемчугом,
И обошью волю чистым я серебром,
И обовью волю красным я золотом!
И как на ту пору теперь да тое времечко,
И прилетали ведь две птиченьки заморские,
И как садились на косивчато окошечко,
И оны тоненьким носочком колотили,
И оны жалким голосочком говорили,
И оне девушке ведь мне-ка взвещевали,
И моему сердцу пазолушки давали:
— «И не садись же ты, душа да красна девушка,
И убирать да свою вольну эту волюшку,
И ты не трать да ведь, девица, скатна жемчужка,
И ты не порти, красавица, чиста серебра,
И ты не рви, паша голубка, красна золота,
И уже так да столько е, то не минуется!
И ты не долго с своей волей покрасуешься,
И буде садочек ведь твой да полонёной,
И буде род-племя твое да покорёное,
И буде волюшка твоя да во неволюшке,
И, красна девушка, ты будешь во заботушке,
И во маетной сколотной будешь жирушке!»
И тут возьму да дорогу я свою волюшку,
И брошу волю я, горюша, о дубовый пол,
И стопчу волю я, несчастна, черным башмачком!
И тут раздумаюсь, невольна, своим разумом:
И не краса сидеть без вольной мне-ка волюшки,
И подивуют многи добры эти людюшки,
И надоела что же воля, напрокучила!
И подыму волю с полу да со дубового,
И положу волю на стопочку точеную,
И я на лавочку кладу да на брусковую!
И до приезду-то младу сыну отецкому,
И до злодией-то росказов-сватов больших,
И пусть сидит да дорога воля бажопая,
И все под милым косивчатым окошечком,
И по прежнему она, да по досюльному,
И за девочьим сидит да рукодельцем,

И вышиват, пущай, узоры хитромудрые,
И пусть повыше тошко-бело полотешшко,
И пошешит да к тепло-парной этой баенке!

15

Мать, обращаясь к просватанной, причитает:

И ты послушай, моя белая лебёдушка,
И да что я скажу, кручинная головушка:
И трудно-тяжело тебя да я послала,
И тошко-больно от утробушки родила;
И я возрбстила до полна тебя возрасту,
И все я думала, печальная головушка:
И посидишь да ты во красных во девушках,
И ты во свбей-то во вольной этой волюшке;
И будешь легкая ведь мне да переменушка,
И будешь скоро безответно послушаньце;
И у стола будешь, невольница, стряпнеюшкой,
И за ставом будешь умильна мне-ка ткинушка,
И безответна на работушке работница,
И будешь летна мне, горяше, водооцичка,
И будешь зимня на гумни да замолотчица,
И будешь баенна родителям истончица;
И будут вёшные пвански нам ведь винички,
И будут красные петровски нам ведь ягодки!
И не по думушкам-то дело становилось:
И не поцела ты, сердечное мое дитятко,
И ты со возрастом, лебёдушка, сровнятися,
И ума-разума в головушку набратися,
И поохотила на чужу на сторонушку,
И отрекнулась от желапных родителей!
И пораздумаюсь печальным умом-разумом:
И не велики города стоят от девушек,
И, видно, хдроно дитё да уродилось,
И скоро в добры оно люди погодилося!
И сожалию я, печальная головушка,
И я сердечного рожона тебя дитятка;
И у меня, да у победной родной матушки,
И уныват да все бесщастно-ретливо сердце,
И все долит тоска-великая кручинушка;
И того жаль мне-ка, кручинной головушке:
И твои плечика, лебёдушко, узёшеньки,
И твоя силушка, лебёдушко, малёшенька,
И у тя ручешки, у дитятка, тонёшеньки,
И ум тот разум во головушке глунёшенек!
И твои милые любимы поровечнички,
И все во девушках оны да оставаются,
И оны малыма ребятама считаются,

И оны куклама сидят да забавляются,
И на уличке ведь щенкамы сшибаются!
И столько ты, мое сердечно мило дитятко,
И ты под тученькой сидишь да гряновитой,
И ты под облачкой сидишь да страховитой!
И не умела сдержать вольной да ты волюшки,
И на девочьей ты на младой на головушке!
И молчи схватишься ведь, белая лебёдушка,
И по своей да по бажоной дорогой воли,
И по девочьем украшенном живленьице!
И да ты хватишься, лебёдушко, наплачешься,
И не судьбачь же, наша белая лебёдушка,
И ты на снацлива родителя на батюшка,
И на меня, да на печальцу родну матушку,
И мы ведь волюшки твоей да не неволили,
И во заботушку тебя да не заботили,
И ты сама да себя, девушка, просватала,
И сама волюшку свою да прозакладала,
И во гостях да свою волю прогостила,
И на беседушках ты волю проиграла,
И ты на лисенках бажбну проневаля!
И поразгневала родителя ты батюшка,
И со остудником ведь ты да сговорила,
И подманули тебя, девушку, сподбали,
И все на ласковых прелестных словечушках;
И не хватило у тебя да ума-разума,
И не спросила ты во добрых во людушках,
И ты послушала спорядную суседушку,
И она поблизку, суседка, к тебе лаццилась,
И по головушке тебя да она гладила,
И все за близкую родню да она ладила!
И дорога да твоя вольна нынько волюшка,
И она в цвето хотя ж платье одевалася,
И во козловые башмачки обувалася,
И в путь-дороженьку ведь воля снаряжалася,
И тебя, девушку, ведь воля проклинала,
И пошла волюшка за чистое за полюшко,
И по лугам да пошла воля по зеленым,
И по селам да пошла воля деревенским!
И вдруг настрету твоей вольной этой волюшке,
И на пути да на широкой на дороженьке,
И встрету стретилось великое неволице —
И как угрюмая неволя страховитая!
И у него ли буйна голова нечесана,
И как неволя в кафтанишечко сокручена,
И она липовой веревкой подпоясана,
И во лаптишечка неволя подобулалася!
И уже тут да твоя воля испугалася,

И она взад да твоя воля ворочалася,
И у крылечушка она да постучалася,
И под косевчатым окошечком давалася,
И все горячима слезама обливалася:
— «И ты пусти меня, девица, в светлу светлицу,
И ты возьми да, красавица, вольну волюшку,
И клади в день да ты на младу на головушку,
И клади в почь да на пуховую перинушку,
И ты по утрышку к ретливому сердечушку!»
И отрекнулась ты, косата моя ластушка,
И от своей да дорогой ты вольной волюшки!
И пошла волюшка искать да приберегушки,
И у твоих да у советных дружных подружек.
И ты послушай же, сердечно мое дитятко:
И скоро вздумала ведь кренку эту думушку,
И промахнула свою вольну эту волюшку;
И не винылася желашным родителям,
И что ведь воля у тебя да прозакладана,
И что великое неволице приказано!
И мне-ка жаль-тошно, кручинной головушке,
И безответну тебя, белую лебёдушку:
И быдто вёшная вода со льдом разойдется,
И также мы с тобой, голубка, порасстанемся!
И уж ты думала, знать, белая лебёдушка,
И все похвальную чужую-то сторонушку,
И что ведь жемчужком она да изнасажена,
И краше солнышка тебе она казалася;
И не скажон жемчуг ведь там да рассынается,
И горьки слезушки у вас да проливаются,
И там не белой столько свет да рассветается,
И на сердечушке обида порасходится!
И кабы знала ты, лебёдушко, бы ведала
И про злодийную похвальную сторонушку,
И тридцать лет бы на сторонку не подумала,
И сорок лет бы на судиму не помыслила,
И все сидела б ты, косата летна ластушка,
И до уречных девочьих двадцать годишшков,
И во своем да в прикрашённом во девичестве;
И кабы знала ты, сердечно мое дитятко,
И про остудушку, про чужую сторонушку,
И ты бы белого лица не умывала,
И ты бы цветного ведь платья не держала,
И добела б лица, лебёдушко, не бйлила,
И ты бы алыма румян да не румянила,
И не примащывала б удалых добрых молбдцев,
И берегла бы да ты вольну свою волюшку,
И младёшенька со волей не рассталась бы,
И молодёшенька с неволицем не сзналась бы!

И ты послушай же, сердечно мило дитяtko:
И как ты жила у желанных нас родителей,
И ты во свдем прикращённом как девичестве,
И была дапа у нас вольна тебе волюшка,
И слободная досужна пора-времечко —
И мы по утрышку ранешко не будили,
И с благословленьцем тебя да спать ложили,
И со Иисусовой молитовкой укрыли,
И была устлана пуховая перинушка,
И у меня, да у желанной твоей матушки,
И про твою да про бажону вольну волюшку!
И я приду да хоть с по равному по утрышку,
И я ко этосей тесовой ко кроваточке,
И подойду да ко кроваточке тихошешко,
И приотдвину эту запавес легошешко,
И чтобы дитяtko мое да не спужалося,
И тут я правойей рукой да тебя подрочу,
И сговорю, бедна, единое словечушко:
— «И жаль будить мне-ка, сердечно тебя дитяtko!
И да ты спи, моя косата летна ласточка,
И ты на этосей тесовой кроваточке,
И ты на мягкойей пуховой на перинушке,
И утешайся-ко со вольной своей волюшкой!»
И отойду, бедна горюша, поскорёшешку —
И возбудить да жалко дитяtko тошнёшешко!
И одна стряпаю стряпню да суетливаю,
И столько лажу я обеды-то воскресные;
И ты пойдешь как на крестьянскую работушку,
И ты со светушкамы-братцам родимым,
И ты со милым соколочкам златокрылама,
И вы за шуточку работу работали,
И за весельице вы день да провожали,
И за гульбищечко дорожку коротали;
И говорили светы братица родимые,
И всё тебе, мое рожоно мило дитяtko:
— «И не трудись, да наша белая лебёдушка,
И не томи да свои белы эты рученьки,
И ты не трать да все девочью свою силушку!
И не тобой наша работа сработается;
И да ты сядь-ко на катуший белой камешок,
И взвесели свою бесценну вольну волюшку,
И в доброумье светушкам-братцам родимым!»
И хоть ты придешь со крестьянской работушки,
И ко своей да ты родителю ко матушке,
И выду-стричу на крылечике перёном,
И сговорю, бедна, единое словечушко:
— «И слава богу-то теперь, да слава господу,
И слава вышнему владыке-то святителю,

И все пречистой пресвятой да богородице!»
И подрочу да по девочьим тебя плечушкам:
— «И это трудничка идё моя работничка,
И что усталая идё да опресталая,
И на работушке ведь ты да притрудилася,
И свои белые-то ручки примахала,
И ты девочью свою силу придержала!»
И паготовво про сердечных про вас детушек
И к вечеру да парна баенка истоплена,
И по столу да самовары-то сготовлены,
И к вечеру да про вас кушанья излажены,
И вам ведь устаны пуховые перинушки.
И погодя ж этой поры да столько времечка,
И будешь жить как на судимой на стороушке,
И там не будет тебе рано положеньице,
И тебе позднего не буде пробуженьица,
И свет от строгой богоданой тебе матушки!
И по утру стане злодейка все ранёшенько,
И стане по избы свекровице похаживать,
И все правой погой она стане потагивать,
И каблучком стане ведь в пол да приколачивать,
И деревом стане в двери да приударивать!
И не с молитовкой ведь там да спать уляжешься,
И не с благословеньцем по утрышку повыстанешь;
И как свекровице-то стане разговаривать,
И возбуждать да стане белую лебёдушку:
— «И стань, ленивая сноха да несталливая,
И ты лебойка молодуха неудалая,
И ты ведь прбснала господень божий денечек!
И вси повыстали суседки спорядовые,
И вси сошли да по крестьянским работничкам!»
И ты послушай же, сердечно мое дитятко,
И ты по утрышку, лебёдушко, слушаешься,
И со тесовой кровати забросаешься,
И смахнешь рученьки на младу на головушку,
И тут проклянешь свое горькое замужьице,
И тут ты спомнишь прикрашенное девичество,
И спамятуешь ты родиму свою родишку,
И дорогу свою бесценну вольну волюшку!
И у тебя, да у сердечнаго у дитятка,
И тут ужахнетя ретливое сердечушко,
И растоскуется ведь зяблая утробушка,
И тут покатыся ведь слезы со ясных очей,
И все по блеклому по твоему по личушку,
И тут горючима слезама приумоешься,
И правой белой ты рученькой приутрешься!
И хоть ты придешь во хоромное строеньице,
И строга-злая богоданая-то матушка,

И по фатеры-то, злодийка, ведь похаживает,
 И на семь дел тебя, головушку, разряживат,
 И пословечно-то она да не рассказывает,
 И все немилыма словама паговариват;
 И буде бросишься за дело ты скорёшенько,
 И сговорит она, злодийка, таково слово:
 — «И ты гордливая, молодуха, ты спесивая!»
 И тихо пойдешь по дубовой как мостиночке,
 И говорить станут сестрицы богодапые:
 — «И не стапливая, ветляпа ты нешутушка!»
 И столько слушай же, сердечню мое дитятко:
 И как живучи на чужей на сторонущке,
 И паде печаль на ретливое сердечушко,
 И тут поблекнет твое бёло это личушко,
 И станет синь да все под ясные под очушки,
 И без угару болит буйная головушка,
 И без морозушку сердечко перетрескает!
 И хотя ж прийдешь со крестьянской со работушки,
 И строга-грбзна богодана эта матушка,
 И говорит она, злодийка, быдто зверь ревит,
 И сговорит она, злодийка, таково слово:
 — «И ты не трудничка идешь, да не работничка,
 И на работушке ведь ты не притрудилась,
 И ты ведь силушки своей да не истратила,
 И цветна платица ведь ты да не изгрязнила;
 И не работушку ведь ты да работала,
 И день ко вечеру ведь столько коротала;
 И ты поглядала на красно часто солнышко».

16

Перед прощальной беседой невеста причитает:

И мне-ка стать было, невольной красной девушке,
 И мне на резвы стать девóчки эты ножешки,
 И на башмачики, невольнице, козловые,
 И на чулочки, девице, па вязёные;
 И мне пройти было, невольной красной девушке,
 И со унылаго пройти да задня уголка,
 И по единой дубовой мостиночке,
 И как по малоей теперь да перекладинке!
 И не ломитесь, перекладинки кленовые,
 И вы не гнитесь-ко, мостиночки дубовые,
 И от меня да от невольной красной девушки!
 И я не конь иду теперь да сторублёвый,
 И я не зверь иду теперь да из темпа леса,
 И я иду да столько, белая лебедушка,
 И подневольная душа да красна девушка,
 И во почётный я иду да во большой угол,

И ко желанному снащливому родителю!
И пораздумаюсь невольным своим разумом:
И как назвать да жалостливого мне батюшка?
И красным солнышком назвать, да призакатится,
И светлым мйсецем пазвать, да приукроется,
И мне звездой его пазвать, да порассыплется!
И вижу-смичу я, печальная головушка,
И во почестиом он сидит да во большом углу,
И приаклонена бурлацкая головушка,
И приутулены ведь очи во сыру землю!
И принаклбнюсь, подневольна красна девушка,
И я ко этому полу да ко дубовому,
И повзыщу да его резвы эти поженьки,
И оболью да все слезами-то горючима!
И до сегоднешня господня божья денечка,
И у тебя, да у родителя у батюшка,
И была дана мне бажона вольна волюшка,
И во прягу была ступистая лошадушка
И во снаряде златокрылый был ясен сокол,
И все свещá была, невольной, петоплёная
И то верба́ была, невольной, золочёная
И мой ведь милой светушко братец родимой.
И я еще корюсь, желанный родной батюшко,
И ты спусти да на смиренную беседушку,
И ты не первое спусти меня, — последнее,
И ты виряги да свет ступистую лошадушку,
И привяжи да зvon-унылы колокольчики,
И снаряди мне-ка любимого повозничка,
И сберегателя бажоной дорогой воли,
И от остудника-млада сына отецкого.
И как допреж сего до этой поры-временьки,
И на беседушку меня да отправляли
И строго-грозно вы мне-ка наказали:
— «И ты ходи честно на тихой на беседушке,
И береги да свою вольцу эту волюшку,
И ты блюди да прикрашенное девичество».
И теперь понечку, невольна красна девушка,
И я все думушки, невольна, нынь продумала,
И я продумала бажону дорогу волю,
И разгневила, свет-родитель, тебя, батюшко!
И как сегодня, сего денечка господняго,
И ты гневён-гневён, родитель-красно солнышко,
И па беседушку меня не отправляешь,
И уж ты добрых копей не запрягаешь.
И прости-йзвини, родитель жалостливый,
И ты меня да все невольну красну девушку.
И я корюсь еще с слезама со горючима:
И дай прощеньице ты мне с благословеньицем

И сговори мне-ка единое словечушко,
И уж ты мне-ко-ва невольной красной девушке:
— «И поезжай, да моя белая лебедушка,
И ты на тихую смиренную беседушку,
И поиграй там во кружечиках девочьих,
И походи да во шестерочках веселых,
И взвесели да там ведь волюшку свою волпошку!»

17

К брату:

И возвращусь, да подневольна красна девушка,
И я ко светушку ко братцу ко родимому,
И я ко эту соколочку златокрылому
И надпесу да свои томны белы ручешки
И на его да на могучие на плечушка,
И на младу да молодецкую головушку!
И ты послушай, братец-красно мое солнышко,
И да что я скажу, невольна красна девушка:
И поблизку, дочи-невольна, придвигаюся
И понизёшеньку я братцу поклоняюся.
И я зову, дочи, тебя да красно солнышко,
И я во верные любимые повознички,
И на дубовые я саночки извожничком!
И ты пойдём, свет-скачёная жемчужишка,
И ты со мной да с душой-красной этой девушкой,
И с подневольной дорогой да волей вольной,
И ты на тиху на смиренну на беседушку,
И на последнюю, мой свет, да вечерниочку!
И снарядись, моя скачёная жемчужинка,
И хоть не первое, мой светушко, — последнее;
И не жалей своей ступистой лопадущки,
И уж ты этою ведь сбуи золоченою;
И вираги в сапочки, мой свет, да во дубовые,
И привяжи да звоп-унылы колокольчики;
И снаряжусь я на смиренную беседушку.
И я одену скоро цветно себе платище;
И уберу свою бесценну дорогую волю
И мелкопрядную девбчью косу русую,
И навяжу да в косу русу алых этих ленточек;
И по плечам да лежит косушка — ликуется,
И со сторонь да глядя, людущки дивуются;
И сговорят да честны мужни молоды жепы:
— «И гладко голова у девушки учесана,
И мелко русая коса, скажут, уплетена,
И в разны ленточки ведь волюшка приубрана,
И в золотые косоплеточки завязана!»
И подойдет да мужни жёнущки близёшенько

И скажут девушке ведь мне-ко-ва тихошенько:
 — «И уже как да у тя воля изукрашена!»
 И сговорят еще невольной красной девушке:
 — «И нагуляйся ты, душа да красна девица,
 И во своей пока во вольной ты во волюшке,
 И во придрокунке у ясна братца-сокола,
 И в приберёге у скачёной у жемчужники!»
 И ты послушай, братец-красно мое солнышко!
 И моих милых советных возьмем подружек,
 И моих тайных советных задушевничек,
 И из роду возьмем сестриц да сдвуродимых,
 И во-вторых, возьмем споридных суседушек,
 И мы не для чести возьмем да не для похвалы:
 И для весельяца возьмем да дорогой воли;
 И перво стадушко возьмем да лебединое,
 И друго стадушко возьмем да мы гусиное
 И что ж бы сберегли бажону дорогу волю; .
 И на пути да ль со младым сыном мы встретимся;
 Аль на беседушке с остудником мы свидимся!
 И как во ту пору, мой свет, да в тое времячко,
 И тут остудничка-то волюшка спугается,
 И с угла в уголок тут воля закидается,
 И стане ластушкой тут воля перелетывать,
 И на пути да на широкой на дороженьке
 И серым зайком буде воля перескакивать,
 И чтобы ласточку тут девушки имали бы,
 И сера заюшка оны да тут схватили бы,
 И сберегли б да оны волю мою волюшку,
 И мое мило прикрашено бы девичество!
 И я сама, красна девица, налюбуюся,
 И на свою да на бажону дорогу волю,
 И я на эту мелкопрядицу русу косыньку,
 И я на эти на алы свои лепточкы;
 И глядя ж да я на волю, растоскуюся,
 И на беседушке тут я да порасплачуся.

18

*Невеста приодит с беседы; девки держат ее под руки;
 в дверях она держит косу в руках, кланяется и вопит:*

И ты прости, прости невольну красну девушку,
 И тиха-смирная, прости меня, беседушка;
 И да ты поздая, прости ведь, вечерипочка,
 И ты сосновая, прости теперь, лучиночка!
 И вы простите-тко, кружки меня девчбы,
 И вы простите-тко, «щестерочки» веселые,
 И вы простите, «перепелочки» хорошие,
 И вы простите, млады-мблуды «вьюночки»,

И меня, милы друг-советны мои подружки!
И вы простите, звои-унылы жалки писешки!
И вы простите, честны мужни молоды жены!
И вы простите, бедны вдовки горегорькие!
И вы, несчастные солдатки размолбды!
И ты прости меня, бажона дорогá вля,
И прости, красное мижешьско мое солнышко!
И шутки-шмопочки, простите-тко, девочьи,
И все игры, меня, забавы молодецкие!
И вы простите, холостьба да леженатая,
И златокрылые удалы добры молодцы!
И все окольные спорядные суседушки!
И вы вспомните, светны-дружны подружки,
И все меня да вы, несчастну красну девицу,
И вы на горочках, лебёдушку, катаюча,
И на бесёдушках, невольщицу, играюча,
И жалобны да в кружкѣх писешки слеваюча.
И честны мѹжни вы теперь да молоды жены,
И вы придайте ума-разума в головушку,
И размышляешица в ретливое сердечушко,
И как со волюшкой теперь да расставатися,
И с злым неволицем теперь да познаватися.
И хоть была я на смиренной беседушке,
И хоть стояла во кружечках хоботистых,
И все не в радости была я, не в весельице,
И приуныв да была вольна моя волюшка!
И отдалы да теперь воля отдаляется,
И за добрых да людей волюшка туляется,
И все остудника млада сына пугается!
И уж как брал меня, невольну красну девушку,
И во кружечики меня да хоботистые,
И крепко жал меня за правую за ручешку,
И подговаривал, невольцу красну девушку:
— «И не тоскуй же ты, душа да красна девушка,
И ты не плачь да по своей же воле вольной,
И ты не плачь же ведь, девица, за меня идти,
И ты наплачешься, девица, за мной живучи».
И у меня ж тут, у невольной красной девушки,
И как со этих его слов да нелюбимых,
И приужахнулось ретливое сердечушко,
И слезно плакать стала вольна моя волюшка!
И не боюсь того, невольна, не сполохаюсь,
И строго-сѹрово, невольна, отвечаю:
— «И не похвасташь, остудник-млад отецкий сын,
И не взять буде ведь вольной тебе волошки,
И не с родом-то не взять воли, не с племенем;
И не стоптать воли копытом лошадиным,
И не наехать вам на саночках дубовых!

И у тебя ж да у остудника чужанина,
И все конишка у тебя да призаезжаны,
И все людишка в поезду у тя подержаны!
И как во мбем-то роду да моем племени,
И целой полк да златокрылых ясных соколов,
И с ширипочка у мня да белых лебедей,
И впереди, да у невольной, передовщички,
И позади, да у невольной, позадовщички,
И по праву руку ведь братцы ясны соколы,
И по леву руку сестрицы сдвуродимые;
И побоча да друг-советны милы подружки,
И стерегут да оны волю мою волюшку,
И не изменят оны воли на неволице,
И ни за сто оны ведь воли, ни за тысящу!
И возвращусь, да подневольна красна девушка,
И я ко милым советным дружным подружкам:
И вы иридите-тко, души да красны девицы,
И погулять ко мне, невольной, в разоренный сад,
И вы сберите-тко удалых добрых молодцев,
И на прогулку на широкую на улущку,
И как ко нашему крылечу перёному,
И на один да на господень божий денечек,
И вы на светлое христово воскресеньице;
И воспотешите бажону дорогу волю,
И ввнеслите меня, белую лебёдушку!
И уже ой же мне, невольнице, тошнёшенько,
И мне-ка жаль-тошно бажонной дорогой воли,
И пожалчее мне смиренных беседушек!
И дорогой воли в глаза да мне не выдывать,
И во кружечиках, невольнице, не играть,
И жалких писенок, невольной, мне-ка не певать.
И вознести теперь спасибо с благодарностью,
И большаку да мне ведь есть-то подомовому,
И дано мистечко невольной было девушке,
И возле самой-то свещи да воску ярого!
И не слыхала я, невольна красна девушка,
И от тебя ж, да большака ведь подомового,
И я не грубого словечушка обидного;
И мне хвала была, невольной, позаочная,
И краспословье было мне-ка заочимое,
И от тебя да от спорядного суседушка!
И нынь прошу, дочи, невольна красна девушка,
И я о светлом христове воскресеньице,
И на честнбе я прошу да пированьице,
И на унылую слезливу к себе свадебку,
И на разлукушку бесценной дорогой воли;
И я испить да прошу сладкой к себе водочки,

И напою, да я, невольница, учёстую,
И я тебя, да большака ведь подомового,
И за твои да всё за ласковы словечушка.

Во время предсвадебных объездов родственников невеста причитает:

И не песут да ножки резвые,
И все невольну красну девушку,
И не дает идти ретливое сердечушко,
И мне со этих сапей да со дубовых,
И все ко этому крылечику перёному!
И путь-дороженька теперь да скороталась;
И мы приехали к селу да деревенскому;
И мы ко этому хоромному строепницу,
И свет ко любушке сестрице сдвуродимой.
И не посмию же, невольна красна девушка,
И на крылечико идти да на перёное,
И на мостиночки ступать да на дубовые.
И как допреж сего до этой поры времечка
И как крылечико-то было не поднимано
И с Москвы плотнички-то были не наниманы,
И во крылечушке-то было три мостиночки,
И во перёном-то три да перекадишки;
И я с того, дочи-невольна, устоялася,
И устоялася я, дочи, удивилася.
И допрошусь я у сестрицы — удоветаюсь:
И с Москвы плотнички ль наниманы,
И очень высоко крылечико поднимано?
И на сегодняшний господень божий денечек,
И пятьдесят и две у вас да е мостиночки,
И шестьдесят да е четыре перекадишки!
И не с подману ли, сестрица, дело делалось?
И не с подлогу ль берёшь вольну мою волюшку,
И во любимо во сердечно во гостибице?
И не взяла ль скуп, сестрица сдвуродимая,
И ты со этого млада сына отецкого?
И не смеяла ль моей воли на неволице,
И ты на эту золоту казну бесчетную,
И не барышишь ли бажоной дорогой волей?
И ворочусь да от крылечика перёного,
И допрошусь да у спорядных суседушек:
И вы скажите-ко, народ да люди добрые,
И уже нет ли у крылечика перёного,
И сорока сажен подкопов да подкопано,
И бочки с мелким-то порохом закачены ль,
И пистолетики ведь е да запаряжены ль?
И [с]лучилсь слышать невольной красной девушке:

И как у вас, моя сестрица сдвуродимая,
И во домѣ да е злодѣи супостатые
И в светлой свитлице росскáзы-сваты большіе,
И за дубовым столом да млад отецкѣи сын,
И столько чуж сидит тешеречко чужбинничек,
И он с-за лишники, остудничек, поглядыват,
И скрозь хрустальное стекло да он посматриват,
И на меня ж, да на невольну красну девицу,
И на мою да на бесценну дорогу волно!
И не боюсь столько, невольна, не полохаюсь
И не росскáза я злодѣя свата ббльшого,
И я не этого млада сына отецкого!
И я со стадушком приехала гусиным,
И со другим я, невольна, лебединым,
И не боюсь, дбчи невольна, не полбхаюсь;
И ты пройди да мое стадушко гусиное,
И пролети да дрѹго стадо лебединое,
И ты по красному крылечку пербному;
И ты пройди да дорога воля бажоная,
И во почбтный ты пройди да во большбй угбл,
И сядь-ко, волюшка, на лавочку брусовую,
И под мило под косевчато окошечко,
И под эту под стекольчату околенику!
И нынь пройду, да подневольна красна девушка,
И я по красному крыльцу да по пербному:
И не ломитесь, перекладики кленовые,
И вы не гнитесь-ко, мостиночки дубовые;
И не конем иду, невольница, казенным,
И не молотом ступаю все чудовым;
И я тонкá иду, невольна, как тетивочка,
И зеленá иду, быв вбшная травиночка,
И я под тученьку иду да гряповитую,
И я под облачко иду да страховитое,
И под неволюшкой иду да превеликой,
И во любимо во сердечно во гостибище.
И слушай, лобушко-сестрица сдвуродимая:
И приукрой да меня, белую лебедушку,
И ты от этого млада сына отецкого,
И сбереги мою бажону дорогу волно;
И не сади меня, невольну красну девушку,
И ты на стульица, сестрица, на кленовые,
И ты ко этому столу да ко дубовому,
И супротив столько млада сына отецкого,
И не сдержатъ да буде вольной мне-ка волюшки
И мни на младой на девочьей на головушке;
И уж так да моя волюшка пугается,
И за дббрых людей воля туляется!

И спасет бог тебя, сестрица сдвуродимая!
И востречашь да меня, белую лебедушку,
И ты на этом на крылечике перёноем,
И паделяшь да меня хлебом столько образом,
И ты великою господней божьей милостью!
И ты послушай, свет-сестрица сдвуродимая:
И не для хлеба я пришла да наеданьца,
И для сердечного любима повидашьца,
И я позвать тебя, сестрицу сдвуродимую,
И со своей тебя надежной головушкой
И ко родителям на честно игровашьце,
И я к себи да все на слезно обливашьце,
И на разлукушку бажоной дорогой воли,
И я под правую стоять да тебя рученьку,
И сберегать да мою волю столько волюшку!
И не убойся ты, сестрица, не полбхайся;
И моя волюшка, сестрица, не огнем горит,
И дорога моя сестрица, не смолой кипит,
И все, бажоная моя, да не змеей плывет;
И моя волюшка, сестрица, тихи заводи,
И будто утушка ведь воля подстрелёная,
И точно зайушко во сетку обойдёный.
И можешь знать-ведать, сестрица сдвуродимая:
И моя волюшка была да все дрочёная,
И росла девушка ведь я да куболёная;
И я умела столько волюшку повырастить,
И не умела я сберечь да своей волюшки,
И до девочьих до уречных двадцать годышков!
И что я сдумала ведь вскоре крепку думушку,
И промахнула свою вольну эту волюшку,
И на злодийное великое неволице;
И пынь схватилася, сестрица, утрашилася,
И сожалею нынько вольной своей волюшки,
И уж я милого прекрасного девичества!
И хоть худо е сиротское девичество,
И лучше славного похвальна молодечества;
И хоть бы жирушка во девушках сиротская,
И столько б волюшка всегда жила господская!
И ты послушай, свет-сестрица сдвуродимая,
И не утай-скажи ты, красно мое солнышко,
И как со волюшкой, сестрица, расставалася,
И как с остудой ты, желапна, спознавалася,
И таки ль шелком ты, сестрица, пришивалася,
И таки ль золотом к остуды прививалася?
И ты придай да ума-разума в головушку,
И мне-ка розмыслу в ретливое сердечушко;
И хоть я возрастом, сестрица, не малёшенька,
И я в годах еще, сестрица, молодёшенька!

Уезжает от двоюродной сестры, причитает:

И ты прости-прости, любимое гостибище,
И вы простите-тко, народ да люди добрые,
И вы простите, честны мужни молоды жепы,
И вы оставайтесь, шутки-шмопочки девочки,
И здесь у любушки сестрицы сдвуродимой!
И нагостилась подневольна красна девушка,
И насиделась во светлой я во светлице;
И я со стадом угостилась со гусиным,
И со другим да угостилась лебединным,
И я со милыма советныма со поддружкам
И я со светушкама-братцам со родимыма!
И не пачаялась, невольна, не надиялась,
И во этом во любимом во гостибище,
И что стеряю дорогу да волю вольную!
И я повыду как на широкую на уличку,
И попеняю, подневольна красна девушка,
И своей любушке-сестрице сдвуродимой:
— «И ты надсмешничка, сестрица сдвуродимая!
И ты с подману взяла вольну мою волошку,
И ты с подлбгу меня, белую лебедушку,
И во любимо во сердечно ты гостибище;
И пригласила ты млада сына отецкого,
И во свою да ты во светлую во светлицу,
И за едйный со мной стол да за дубовый,
И заобче меня, сестрица, угощала,
И до моей да столько воли добиралась».

20

У крыльца крестной матери:

...И на пути нашла, невольна, перенутьице,
И край дороженьки любимое гостибище,
И я добротушку желанну себе тетушку,
И воспринёмную крестову себе матушку,
И как котбра от креста да принимала,
И меня участью-талапом наделила!
И она стритила на широкой на уличке,
И на печальном крылечке на перёном,
И на унылых новых сеньях решетчатых,
И со мной сдияла ведь доброс здоровице,
И наздышула ведь печальны свои рученьки,
И на мои томны девбчы эти плечушки,
И мне пройти да подневольной красной девушке,
И мне ко милой ко крестовой своей матушке,
И принести покор родимой своей тетушке:
— «И ты послушай же, крестова моя матушка,
И приукрой да меня — белую лебедушку;

И дорогú схити бажону вольну волюшку,
И хоть ты на одинь господень божий денечек,
И ты на малое на темное обночице,
И от остудушки, крестова, чужой стóроны,
И ты от этого млада сына отецкого!
И не страшись, мила крестова моя матушка,
И что приехала со стадушком гусиным,
И со другим да я со стадом лебединым,
И ко тебе да во любимое гостибинце;
И не для хлеба — пришла — соли наедаица,
И для любимого сердечна повидаица,
И тебя звать да на слезливу свою свадьбу,
И на разлукушку к бажонной дорогой воле,
И за прощеницем ведь я блаасловленицем!»

21

По дороге на девичник невеста причитает:

Я увидла, дочь-невольница, обдзрила,
Скрозь туман-слезы, невольница, горячие,
Я с-за облачка, невольница, ходячего,
Свою милую советну дружну подружку,
И дорогую спорядовую суседушку,
Тайну милую сердечну разговорщичку,
Я деннú свою любезну задушевничку!
И попеню же, невольна красна девушка,
И я тоби, да друг-советной милой подружке,
И отдали стоишь, голубушко, туляешься,
И за людей, да друг-советна, ухичаешься,
И что же на глаза невольнице не явишься,
И что же на речи с лебедушкой не ставишься,
И на сговóр ко мне, невольной, не сдаваешься?
Иль красотой моей, голубушко, гнушаешься,
Аль богатством своим да ты возносишься,
Аль убоялась меня, белой лебедушки,
И устрашилась, верно, вольной моей волюшки?
И пьнь волюшка моя да не огнем горит,
И дорогá моя ведь е да не смолой кипит!
Аль не посмиешь ты, советна мила подружка,
И подойти да ко невольной головушке?
И из домú, знать, ты пошла да не спросилася,
И ты у дяденек своих не доложилася,
И не посмиешь того, белая лебедушка,
И паднести да свои белы эты рученьки,
И на мою да все ж на млáду на головушку,
И на девóчью мелкопрядну русу косынку?
Подойди да того, белая лебедушка,
И ты ко мне да к подневольной красной девушке!
И ты возьми да мою вольну эту волюшку,

И на печальные возьми да ты на рученьки;
И ты клади да дорогую мою волюшку,
И на свою да на обидну на головушку,
И поддержки мою бажону дорогу волно,
И хоть один да круглой малой этот годышек,
И хоть гостиную уречную поделюшку!
Уж ты в день держи на младой на головушке,
И уж ты в ночь да у ретливого сердечушка,
И поутру да на тесовой на кроваточке,
И ты на этой на пуховой перинушке,
И ты на крутом на складном зголовнице!
И после моего девчачьего живленьца,
И спомни-спмятуй, советна-дружна подружка,
И ты на тихих на смиренных беседах,
И на некат-горах, голубушко, катаючи,
И во веселых кружечках играючи,
И жалко-уныло ведь писенки спеваючи!
И не забудь еще, советна-дружна подружка,
И весной спомни ты, невольну, о христове дни,
И красным летушком, невольну, о петрове дни,
И ты по осени на чистом меня полюшке,
И гди собирались все спорядшы вдруг суседушки,
И гди сходились души да красны девушки!
И ты воспомни там бесценну мою волюшку,
И как меня, да подневольну красну девушку,
И вы еще да спомяните, дружны подружки,
И вы по вечерку меня да все поздешенько
И путем-широкой, невольную, дороженькой,
И гди раздольцем ходили чистым полюшком,
И гди вкуши да со крестьянской работушки,
И мы с тобой да друг-советна мила подружка,
И со печальной обидной красной девушкой!

Подруга отвечает:

И ты послушай, друг-советна мила подружка:
И [с]лучилось слышать печальной мне головушке
И похвалается остудник-млад отецкой сын:
— «И я не звану нашел девушку, не сватану,
И я под нару срубил в саду деревиночку,
И со травы да сорвал аленькой цветочек,
И подобрал себе душю да красну девушку,
И нашел девушку ведь я да все дешёвую,
И подкунил да столько волюшку грошовую!»
И ты послушай же, советна-дружна подружка:
И мы удумаем младу сыну отецкому,
И ко приезду-то его да княжесецкому,
И столяров найдем, советна, добрых молодцев,
И уж мы сделаем-ко куклу деревянную,

И мы оденем ю во цветное во платьице,
И мы поставим на крылечико перёное,
И мы обстанем, души красны, кругом, девушки,
И затулим да твою вольну эту волошку,
И мы отвѣтим тут младу сыну отцу:
— «И у нас девка под тебя да е подлажена,
И молодая-то княгиня е сокручена,
И на крылечико перёное поставлена;
И ты бери же ю за правую за рученьку,
И вы садите ю во санки самокатные,
И поезжайте к божьей церкви посвященной!»
И ты останешься, советна-дружна подружка,
И во своей же дорогой да воле вольной;
И мы воротимся в хоромное строенье,
И мы глядѣть станем во чистое во полюшко,
И мы на этот столько поезд княженецкий,
И на посмех возьмем млада сына отцового!
И на дороженьке-то саночки покáчнутся,
И из саней да эта кукла-то покатится,
И весь тут поезд княженецкий постановится,
И тут остудник-млад отцовый сын спохватится:
И оны сделали надемешку добру молодцу,
И надсмеялись над бурлацкою головушкой!
И, ой, не ладно да я, девушка, удумала,
И я не хóрошо, обидушка, уладила!
И вперед еще остудник похваляется:
— «И незадолго то поры да буде времечка,
И будет девушка у нас да во белых руках,
И будет волошка ведь е да во златых перстнях,
И уж я так буду над ей да надрыгаться,
И простоят ночь у тесовой у кроваточки,
И продрожит да всю у складного зголовница;
И на гвоздѣ да провисит-то плеть шелковая,
И ради страсти тут она да ради ўжастн!»
И еще слышала, печальная головушка,
И я про этого остудничка-чужанничка,
И я про этого млада сына отцового:
И тошко поги он, остудничек, подтягиват,
И плотно сердце он, чужбинник, подпоясыват,
И носит шапку-то, остудник, на одном ухѣ,
И рукавиченко-то носит на правой руке;
И охоч за углом, остудничек, застаивать,
И охоч вольных солдаточек захвачивать,
И молодых да бедных вдовушек поугивать!
И он по поздним, лебѣдушко, по вечеркам,
И он по темным по долгим этим ноченькам,
И он картежной игрой да зашивается,
И баловством да все, остудник, забавляется!

И теби ждaть будe млaдa сынa oтeцкoгo,
И oн скoрo ли к крылeчку пришaтaeтся;
И вce глядить дa тeбe, бeлaя лeбeдушкa,
И из-зa тульцa в кoсeвчaтo oкoнeчкo,
И из-зa лeшички в стeкoльчaтo oкoлeнкo:
И уж oн шeйк-нe шeйк, злoдeй, идe-шaтaeтся,
И пaд тoбoй дa пaд нeвoльнoй пaдeмeхaeтся!
И кaк тoбe дa бeть, нeвoльнa дрyжнa пoддружкa?
И вeсeлa выдe нa крылeчeчкo пeрeнoe,
И стрeть-кo с рaдoстью млaдa сынa oтeцкoгo;
И нe грyбe дa стoлькo, бeлaя лeбeдушкa,
И улaскaй eгo лaскoвымa слoвeчкaмa,
И пoдхвaти eгo пoд прaвyю пoд рyчeнькy,
И пoдoймe дa ты oт мaтyшки сырoй зeмлe,
И свeсeлa скaзкe eдинoe слoвeчyшкo,
И ты пo нeмeчкe чeстe дa пo изoтчeннe!
И гoвoри дa ты млaдy сыну oтeцкoмy:
«Из oкнa глядят жeлaнныe рoдитeли,
И нa сeнeх стoят вeтлeнныe пeшyтyшкe,
И сoстoрoнь глядят вeдe дoбрe-тo мoдyшкe!»
И ты пoслyшaй, дрyг-сoвeт дa мoя пoддружкa:
И глyпo сдeлaлa, нeвoльнa крaснa дeвyшкa,
И ты нe дoждaлaсь скaчoчeнoй жeмчyжeчки,
И свeтyшкa дa ты брaтцa вce рoдимoгo,
И ты сo дaльнoй сo бeзвeстнoй стoрoнyшкe,
И ты с злoдeйнoй грoзнoй слyжбe гoсyдaрeвoй!
И [с]лyчылoсь слышaть, пeчaльнoй мнe гoлoвyшкe,
И тeпeрь брoдцa-тo вeдe eсть дa гoсyдaрeвa
И вooтнyски тeпeрь eсть пoдoмoвыe,
И oтпyщaют с oлдaтoв зaбилeтныx,
И пo свoим дoмaм крeстьянским пo зпyрyшкaм!
И ты бы дoждaлaсь скaчeнoй жeмчyжeчки,
И нa чeстнoбe бы к сeбe дa пирoвaнцe,
И нa рaзлyкyшкy бaжoнoй дoрoгoй вoли!
И ты пoслyшaй жe, сoвeт дa дрyжнa пoддружкa:
И oн пoстрaпeствoвaл пo чyжoй пo стoрoнyшкe,
И oн нaмыкaлeя-тo слyжбe гoсyдaрeвoй!
И уж кaк этыe бeсчaстныe oлдaтyшкe,
И oны oбoшли Рyсню пoдeсeлeннyю,
И приoбъeхaли кeяк дa сипe мoрyшкo!
И ужe, oй, дa скoлькo сyкe oн пaвидeлeя.
И ты пoслyшaй жe, сoвeт дa дрyжнa пoддружкa:
И ты писaлa б скoрoписчaтyю грaмoткy,
И ты нa чyжy бы нa дaльнyю стoрoнyшкy,
И ты пoвышлa бы нa ширoкy нa yличкy,
И ты зглянyлa бы вo три-чeтырe вo стoрoнyшкe,
И вышe лeсyшкy зглянyлa бы дрeмyчeгo,
И вышe гoр дa yсмoтрeлa бы выcoкиx,

И увидала б перелетную ты птиченьку,
И ты несчастную кокошу горегорькую,
И доспросилась бы, невольна ты головушка,
И ты у этой перелетной бедной птиченьки:
— «И ты куды, птица, летишь да куды путь
держишь?»

И куда, горькая кокоша, поспешаешься?
И приответила бы мала тие птиченька:
— «И приустали мои крыльица махаюча,
И мое перье, у бессчастной, прищипается;
И я не птиченька бессчастлива лечу — матушка;
И хоть одно было сердечю у мня дитятко,
И оно отдано во службу государеву;
И облечу да я Русню подселенную,
И по страженницам, бессчастлива, по военным,
И повзыцу свое сердечю мило дитятко!»
И как еще ответ тут держит мала птиченька:
— «И вы шируете, девицы, взвеселяетесь,
И уж как твой да светушко-братец родимой,
И он во службы-то слезама обливается!»
И ты с обидушки бы тут да покорилася,
И ты с горючима слезама помолилася бы,
И ты бы этой перелетной малой птиченьке:
— «И ты возьми да скоропечатую грамотку,
И спеси грамотку на чужу на сторонушку,
И отыщи да светушка-братца родимого,
И доспросись-ко его, птиченька, доведайся:
И ты с какой земли, солдатушка, с какой орды,
И ты с которой, солдат, е да со сторонушки?
И тут подай да скоропечатую грамотку
И столько милому ведь братцу все родимому!»
И возьме грамотку он в руки, закручинится,
И закручинится он тут да заобидится,
И он солдатские смахне да белы рученьки,
И на бессчастную служилую головушку,
И крепко прижмет он солдатское сердечушко,
И проклинять стане судьбу свою бессчастную:
— «И отрешенный я от добрых, скаже, людшек,
И отрекнулись, видно, род-племя любимое,
И отлишились желашны, знать, родители;
И меня не ждут на родимую на родинку!
И все спешится, знать, сестрица е родимая,
И без меня сыграть любиму свою свадебку!
И я стоял бы там, солдатушко походной,
И я за ейну за бажону дорогу волю,
И с оружьием стоял бы завоенным,
И с пистолетиком стоял бы зарукавниим!»
И тут он спомнит да родиму свою родинку,

И проскучается до поздога до вѣчерка,
И с горя выпьет да он чару зеленá вина,
И со обидушки, солдат, хмельных паниточков!

И не бессудь да ты, победная головушка,
И да ты, милая советна-дружна подружка!
И что я вольная девица-самовольная,
И просказала про остуду чужку сторону,
И про остудника-млада сына отецкого,
И причитала тебе, белой лебедушке.
И столько в ум возьми, советна-дружна подружка,
И все так сбудется на чужей на сторонушке!

22

Певеста, обращаясь к замужней подруге, причитает:

И я увидла дочь-невольница,
И я совет да прежно подружку,
И я спорядную суседушку.
И подойди ж ко мне, невольнице,
И ты порѣскажи, советна-дружна подружка,
И как со волюшкой ведь ты да расставалася,
И со великою певолей познавалася?
И невдавий была в советном ты в девицестве,
И теперь в славном похвальном молодечестве.
И не утай-скажи, спорядна мни суседушка,
И паложки да свои белы эти рученьки,
И на девочки на узещеньки ты плечушка,
И на мою да ты на младую головушку,
И на бесценну дорогú да волю вольную!
И не убойся, спорядовая суседушка,
И ты скажи мне-ка певольной красной девушке,
И про остудушку про чужую сторонушку,
И уже как да ты советна прежня подружка,
И гди оставила бажкону свою волюшку?
И таки ль у своих желанных у родителей?
Аль с собой взяла на чужку на сторонушку,
И ты послушай же, советна-дружна подружка:
И ты придай да ума-разума в головушку,
И размышленница в ретливо мне сердечушко.

Замужняя подруга отвечает:

И ты послушай, подневольна красна девушка,
И не посмью я, печальная головушка,
И подойти к тебе, голубонько, скорѣшенько,
И да я стать к тебе, невольница, близѣшенько,
И наднести да на тя белы свои рученьки.
И можешь знать-ведать ты, белая лебедушка,
И на перстах моих перстий не бриллиантовы,
И на руках да ведь пальца не золоченые;

И во моих да во бессчастных во плечушках,
И пятьдесят да с булавочек калёных,
И с пять вострых булатных столько пожичков,
И приобрежу твою вольцу эту волюшку,
И посудьячишь ты, советна-дружица подружка,
И на меня да ты, печальную головушку!
И еще слушай, подшевольна красна девушка,
И тебе времячко, голубушка, выспрашивать,
И мне-ка не время, советной, все высказывать,
И про поволице про чужую сторонушку:
И мне похаять-то сторонки столько не можпо,
И похвалить мне-ка, злодиейной, столько не за что!
И все рассказывать про чужую сторонушку
И не посмию же, печальная головушка!
И хотя ж нет здесь богоданных родителей,
И донесут да все спорядные суседушки,
И про меня, да честну мужию молодую жену:
— «И у невольницы она — скажут — расплакалась,
И на вас, да богоданных, порозкалилась!
И можешь знать-ведать ты, белая лебедушка,
И что ведь ветрышки-то виют со западочкой,
И говорят да бают люди со прибавочкой!
И кабы знала ты про чужую сторонушку,
И не рассталась бы с беспешной дорогой волей;
И ты бы сошла ведь ко синему ко морюшку,
И ты бы пала да там в водушку глубокую!
И ой, штукавы там ветляные нештушки!
И скоро пойдешь по мостипочке, не бегай-ко,
И они сподлобья, злодийки-то, поглядяют,
И межу ду-другом оны да усмехаются;
И по походочке твоей будут ерекатися:
— «И, зная, спесива на походочку щепливую!»
И как пойти тебе, голубоцько, тихошенько,
И не стабьись путем широкой дороженькой,
И хоть ты голову несешь да понизешеньку,
И на посмех да богодаша возьмет матушка:
— «И что щепливая идет да пеставливая!»
И столько в ум возьми, советна моя подружка,
И каково жить на судимой на сторонушке:
И хоть за умной за надежной я головушкой,
И строги грозны богоданы есть родители!
И хотя ж двадцать пять нечетных е неделюшек,
И как со волюшкой ведь я да порассталася,
И мне-ка за двадцать учетных пять-то годышков,
И мне-ка кажется пора да это времячко.

И ты послушай, свет-советна мила подружка:
И не досуг сидеть печальной мне, усеживать,

И чваковито мне с тобой да разговаривать;
И позади стоит остудник-млад отецкий сын,
И моя милая надежная головушка;
И воскликат меня, печальпу, уговариват:
— «И что расселася с суседкой, порасплакалась,
И про остуду-чужу сторону разикалилась!»

И еще слушай, моя белая лебедушка:
И когда свáтова тебя да все засватывали,
И со сторбнь да тебя жéпихи засматривали,
И ты окинулась, советна-дружна пóдружка,
И ты на этого млада сына отецкого,
И на учливу ль молодецку поговорюшку,
И на завивны ль на желтые кудерьышка?
И [с]лучилось слышать, печальной мне головушке:
И вси спорядные суседы в дом сбиралися,
И ведь учили тут млада сына отецкого,
И на ричную молодецку поговорюшку;
И его гладили по младай по головушке,
И завивали его желтые кудерьышка,
И на словах бы он к тебе да прелестился,
И по головушке тебе бы прилюбился!
И ты на что, на что, голубонько, окинулась,
И ты на что, моя лебедушко, [и] озарилась?
И на луга ль его, девица, сенокосные,
И на поля ль его, девица, хлебородные?
И как у этого остудничка-чужакничка,
И не пшена у их растет да белоярого,
И не стоят да у их стóги перегодные;
И ты послушай, друг-советна моя пóдружка:
И на женитьбы молодец да высоко поди́ят;
И он богат, скажут, остудничек-богáтина;
И нахвалили тебе, белой лебедушке;
И скажут, медь гребет, остудничек, лонатама,
И серебро мерят, остудничек, маленькама,
И уж он золото, остудничек, четверкама!
И ты послушай же, советна-дружна подружка,
И что ведь я скажу, печальная головушка:
Сподмапули тебя, белую лебедушку,
И на словечиках тебя да приоббаяли,
И точно вóроны с чистá поля ограяли,
И со подлóгу взяли вольгу твою волющку!
И как на ту пору ведь было в тое времячко,
И у тебя столько у белой у лебедушки,
И, знать, на тихой на смиренной на беседушке,
И, видно, не было ведь роду у тя племени,
И, знать, ни любушек-сестриц да сдвуродимых,
И, видно, не было новозничков любимых,

И сберегать да твоей воли было пёкому!
И добры людюшки к тебе да подходили,
И уж как этого ль остудничка-чужашничка,
И его милые сестрицы ль родимые,
И песпроста́ да по головушке погладили,
И все за ближнюю родню да оны ладили!
И туды ум пошел у белой у лебедушки;
И на словечушках ведь ты да спростовалася.
И столько слушай же, совет да дружка подружка:
И ты ведь [в]споминишь того, белая лебедушка,
И ты меня да все печальную головушку,
И что сказала про остуду-чужу сторону!

23

Перед обрядовой предсвадебной баней невеста причитает:

Уж я что же сижу, девушка, одумалась,
И сижу на́ этой брусовой же па лавочке,
И я под милыим косевчатым окошечком,
И под тумашной стекольчатой околенкой,
И чужих басенок, лебедушко, ослухалась,
И я у девушек ли есть да жалких нисенок,
И у молодухек ли есть да тихих басенок,
И у старых ли старух да все молитовок,
И али малых младенцев слезно плачучи?
И прозабыла я, душа да красна девица,
И что я в этой великой невольюшке,
И во злодийной проклятой во заботушке.
И па доспрос возьму, невольна красна девица,
И эту баенку ведь я да поль истопничку,
И ключевой да холодной воды изтопничку:
И не утай-скажи, советна дружка-подружка,
И сколько мне да подневольной красной девушке:
И про меня ль да парна баска истоплена,
И про мою ль да волю водушка изтопнена?
Я прослышала, невольна красна девушка,
И пазвалась да ты ведь баенной истопничкой,
И добивалася желанным родителям,
И ты ведь этой ключевой воды изтопничкой.
И столько слышала, победная головушка,
И ты ведь делаешь измену воли вольной,
И ты топила тещу парну хоть ведь баенку,
И проезжал да все остудник-млад отецкий сын
И мимо эту тепло-парную ведь баенку;
И ты ведь скуп взяла с млада сына отецкого,
И на головушку ты — розову косыночку,
И на резвы ноги — башмачики козловые,
И по башмачикам чулочки вязёные;

И ты послушай-же, совет да дружка подружка:
И ты ведь штофу-то взяла, скажут, на штофничек,
И парчи да ты взяла-то на парчевничек,
И много злата ты брала, да много серебра,
И много скатного взяла да ты ведь жемчужку,
И много красного брала да ты ведь золота;
Изменила, скажут, вольну мою волюшку,
И допустила ты млада сына отецкого,
И ты ко этой тепло-парной-то баенке;
И ты со первого ведь тазу золоченого,
И допустила измыть бело его личушко,
И впереди да моей вольной этой волюшки.

Баиная истопница отвечает:

И ты послушай, подневольна красна девушка,
И ты послушай, свет-советна дружка подружка:
И чество-совестью тебе да открываюся,
И я при веих тебе при добрых при людюшках,
И я при ближних спорядных суседушках,
И при твоих светах желанных родителей.
И вдруг сготовила хоть парну я-то баенку,
И как на ту пору, советна, на то времячко,
И пролегла же да путь широка дороженька,
И мимо эту теплу парну эту баенку;
И зазвонили колокольца нитенбургские,
И зазвенела тут сбруя да золоченая,
И загремело тут копыто лошадиное;
И точно кúрева со чистаго со полношка,
Ископыть да так летела лошадиная,
И рассыпалися снежечики перистые,
И раскатилися повы саночки дубовые,
И принаехал-то остудник-млад отецкий сын.
Нораскроюся, обидна красна девушка:
И против баенки остудник становился,
И скоро слез да он ведь с саночек дубовых,
И скинул саночку с кудёр да он ведь желтых;
И уж он поблизку, остудник, подвигался,
И да он понизку, остудник, покланяется,
И уж честь да вёздая баенной истопничке,
И холодибой да ключевой воды изпоничке,
И на доспрос да взял обидну красну девушку:
— «И ты скажи да столько, баенна истопничка,
И ты скажи да ключевой воды изпоничка:
И про кого ж да парна баенка истоплена?»
— «И я топила эту теплу парну баенку,
И про спадливого желанного про дядошку,
И про спадливых желанных про дядепек».
И сговорил да тут остудник-млад отецкий сын,

И по пиздешеньку еще да поклоняется,
И уж он брал меня за правую за ручешку,
И уласкал да меня, белую лебедушку,
И уговаривал обидну красцу девушку:
— «И ты скажи да мши, дородню добру молодцу:
И про кого ж да парта баенка истоплена,
И про кого ж да ключевá вода изношена?
И не утай-скажи ты, красна душа девица,
И чистым сердцем ты, девица, открывайся-тко».

И ты послушай, друг-совет да мила подружка:
И я стояла тут, обидна, не дрожала,
И отвечала я, печальна, не боялася:
— «И ты не славного купца сын литебургского,
И что выспрашивашь про парну у мня баенку,
Иль добираешься до вольной ты до волюшки?»
И тут сулил еще, остудник, мне засуливал,
И много чистого сулил да хотя ж серебра,
И уж он красного давал да мне-ка золота,
И он на поженки — башмачки козловые,
И он чулочники сулил еще шелковые;
И уж он скатного давал да мне-ка жемчужку,
И отвечала я, совет да дружна подружка:
И мне не надобно души да красной девушке,
И мне ни злата от тебя, да ведь ни серебра;
И твоим серебром, девице, не тыцы тышить,
И скатным жемчужком, девице, не сады садить,
И красным золотом, девице, мне не кровли крыть,
И от башмачиков твоих да ножки кривятся,
И от чулочников твоих да ножки кончатся.
И на словечушках ему не подавалась,
И на подарочки его да не окинулась,
И прочь подале на сажень да приотдвинулась.

И подходить да стал остудник-млад отецкий сын,
И захватил меня, девицу, за право плечо
И он прижал меня, девицу, к ретливу сердцу:
— «И не чужайся столько, белая лебедушка,
И не лугайся-ко ты, баенна истопница;
И ты возьми же от меня, да добра молодца,
И ты ведь штоф возьми себе да все на штофшичек,
И гулевой парчи возьми на душегреечку».
И я стояла тут, советна, не боялася,
И говорила я, девица, не смешалася:
— «И мне не надобно-то души да красной девушке,
И мне штофу да от тебя-то все на штофшичек,
И гулевой парчи не надо душегреечке;
И подивуются мне-ка добры многи людюшки

И посрекаются спорядные суседушки:
И вдруг украсила бажопу дорогу волю
И во спарядное девѳчые цветно платыце
И точно девушка она как не безматерна,
И точно волюшка у ей как не безбратняя;
И будет гневаться советна дружна подружка;
И на меня да на обидну красну девушку,
И что сменила дорогу да вольну волюшку».
И ты послушай же, совет да дружна подружка,
И на это я, девица, не окипулась,
И от остуды прочь подале я отдвицулась.

И как еще того остудник-млад отецкий сын,
И как подскакиват, остудник, быдто зайушко,
И подлетат ко мни, остудник, соловеюшком;
И говорит еще, остудник, уговариват,
И на словах да меня, девушку, обманыват!
— «И я еще дарю тебя да красну девушку,
И я белилама дарю да каргопольскима;
И я зерќало подарю повогородское,
И часто-рыбий подарю да тебе грѳбешек!»
И ты послушай же, совет да дружна подружка:
И не сменила дорогой да твоей волюшки,
И я на это на великое певолнице,
И не на лёсковы прелестные словечушка,
И на его да на любимые подарочки.
И я стояла тут, советна, не боялася,
И отвечала я, девица, не смешалася:
— «И как от ваших мьльев да лицо портится,
И от белил-румян девичье лицо перхает,
И от хрустальных зеркал да глаза косятся,
И все от гребешка головушка не гладится».
И уж так да от его тут удалялася,
И я остудничку ему да отвечала:
— «И я роду да есть девица не поповского,
И глаза-то у меня да не завидливы,
И не годится мне, душе да красной девушке,
И много взять от вас любимых подарочков;
И буде бог судит советной моей подружке,
И за тобой быть за младым сыном отецкиим,
И стане гневаться на белую лебедушку,
Изменила что ведь ейну вольну волюшку,
И проклинать буде меня да красну девушку.
И все на стритушку она ко мне не стритится,
И не сдие со мной доброго здоровьца,
И не воздаст мне-ка поклона-челобитьца».
И я удумала младу сыну отецкому,
И я ответила, душа да красна девушка:

— «У нас нет да все девѣцѣ на выдѣваше,
И пету воли у суседки на продѣваше;
И я не властна столько этой красной девушкой,
И не барышничка бажеюй ейной волюшкой».
И ты послушай же, советна-мила подружка:
И я ответила младу-сыцу отецкому:
— «И топила теплу-парцу эту баенку,
И не про род-шлемя топила я любимое,
И я топила про родильницу тяжѣлую,
И про малого младенца некрещѣного!»
И отступился тут остудник-млад отецкий сын,
И он плевать да стал на матушку сыру землю:
— «Уж ты хитрая-то, баенна истонничка,
Ты лукава ж, ключевой воды изноничка!»

И ты послушай, свет-совет да дружна подружка:
И ты пожалуй в теплу-парцу ко мни баенку,
И ты умыть да свое бело это личенько,
И ты упарить-то девочье тело пекное;
И хоть не первое, голубушко, последнее,
И во своей да дорогой же воле вольнойей.
И ты проси да у желанных свет родителей,
И ты во эту теплу парную во баенку;
И ты проси да столько белая лебедушка,
И у родителя проси да свет у батюшки,
И во-первых проси прощенья с бласловеньцем,
И по прогулушке пройти тебе по уличке,
И во-вторых да проси, белая лебедушка,
И впереди проси себе да передовичиков,
И позади себе проси да позадовичиков,
И светушков-братцов проси себе любимых,
И сберегли да дорогу бы волю вольную;
И у родителя проси да свет у матушки,
И себи милых советных-дружных подружек,
И ты с собой да в тепло-парную во баенку,
И что умыли бы лебедушку белѣшенько,
И учесали бы головушку гладѣшенько;
И ты проси да у родителя у матушки,
И проси крещких себе да караульщиков.
И не бессудь да того, белая лебедушка,
И ты меня да все обидну красну девушку;
И уж как идучи до парны тебе баенки,
И протекла да столько быстра эта риченька,
И с гор ведь ринулись там мелки эти ручейки;
И как твои да светы-братыца родимые,
И через риченьку мосты оны мостили,
И частоколы-то оны да становили,
И чтобы, девушка, ты шла-не пошатилась,

И чтобы волошка в реку не укатилась.
И ты послушай же, совет да дружна подружка:
И хоть я девушка живу-расту кручинная,
И без своей я родителя без матушки,
И я без мила соколочка златокрылого,
И я без светушка без братца без родимого;
И не настроено обидной красной девушке,
И мне хоть девочьей спарядиной покрутушки;
И хоть по ноженькам башмáчки не ушиваны,
И не окинулась, совет да дружна подружка,
И я на этого на чужого-чужаничка,
И я на этого млада-сына отецкого.
И ты послушай же, совет да мила подружка:
И не с подману зову, белая лебедушка,
И я тебя да в теплу парную во баенку.

24

Невеста обращается к соседям:

И мне-ка стать да подневольной красной девушке,
И мне со этой со брусовой белой лавочки,
И с-под много косевчата окошечка,
И на резвы мне девóчки тóмны ноженьки;
И мне пройти было по вы́соку по тóрему,
И с по с́ухому пройти да мне по дереву.
И вы не гштесь, перекладнишки кленовые,
И не ломитесь-ко, мостиночки дубовые.
И нарастроньтесь же, народ да люди добрые,
И расхватитесь-ко солдаточки бессчастные,
И уж бédны эти вдовки горегорькие;
И дайте мистечка теперь да не со мпожечко,
И вы со малу мне-ка дайте хоть тропиночку,
И со одну столько дубовую мостиночку;
И я не зверь теперь пойду да из темнá леса,
И я не змий пльву теперь да со чистá поля,
И не кокодила качусь да со синя моря.

К родителям:

И я иду, да подшевольна красна девушка,
И ко своим светам-желашным родителям,
И я к снацливому надеже-свету батюшку,
И я просить иду прощенья с благословельщиком,
И я еще да у родителя-то батюшка;
И светушков-братцев прошу да я родимых,
И как во эту тóплу парпу идти баенку,
И чтобы сбéргли бажóну дорогу волю,
И на пути да на ширóкой бы дороженьке,
И на прогулушке на шíрокой на уличке,

И как от этого ж млада-сына отецкого!
И я еще прошу, падёжа сударь-батюшко,
И закупи да мне-ка мылья питенбургские,
И ты другй мне-ка, падёжа, вытегорские,
И мне умыть свое девочье бело личушко,
И мне зашлаканы ведь ясны свои очушки;
И я на завтрешний господень божий депечек,
И на лице была бы, девушка белёшенка,
И ясны очушки мои бы веселёшеньки.

И возвращусь еще, невольна красна девушка,
И я ко этой ко кирпичной-то ко печеньке,
И ко этому ошёсточку стряпильному,
И ко желанпой ко родителю ко матушке,
И просить буду я, невольна красна девушка,
И во-первы́х да я ви́ничка шелкового,
И во-других да тонку белую рубашечку.
И ты послушай же, родитель моя матушка,
И еще дай да часто-рыбий мелкой грёбенюк,
И мне белила-то, родитель, со румянама,
И мне наблнться, девице, парумянитесь,
И красота в лице была бы непомерная;
И не узнал бы то остудник-млад отецкий сын,
И отступился бы от белой от лебедушки,
И сговорил бы то остудник-млад отецкий сын:
— «И что девйцы добры людюшки дивуются,
И красоты да в белом лице срекаются:
Это чья это девица с ишпой волости,
Аль кунца эта девица из-за морьнца?»
И не носме тут остудник-млад отецкий сын,
И меня взять да тут за правую за рученьку,
И вести да за столы он за дубовые,
И тут останусь во бажепой дорогой воле.

И ты еще, моя родитель родпа матушка:
И ты таку дай тонку-белу мне рубашечку,
И коя шита по три вечера рожеественских,
И мы кроили по четыре благовещенских,
И вышивали по заутреням христовскимим,
И поспешали по обидням по петровскимим;
И хорошо эта рубашечка ушивана:
И по подольчику узорцы вышивали,
И по рукавчикам мы строчечки строчили,
И добры людюшки того да все дивились;
И по этым по частым изборочкам,
И приобсажена ведь скатным-то жемчужком;
И впереди да красно солнышко повышито,
И позади да тут повышит млад светел месяц,

И по бокам да часты звезды подвосточные.
И ты послушай же, родитель моя матушка:
И буде бог судит невольной красной девушке,
И мне-ка быть да на судимой на стороншке,
И как за этим за младым сыном отеческим,
И мне у строгих богоданных родителей,
И возбуждать станут по ранному по утришку,
И все до раннего петунья воспеващица,
И до уныла соловьица возжужающаица,
И разряжать да будут белую лебедушку,
И тут меня да на крестьянскую работушку;
И мни пойти наб на крестьянску как работушку,
И я одену тонку белую сорочечку,
И впереди да печи красно стане солнышко,
И тут ведь плящи морозы приужахнутца,
И тут повысохнет роса да шелковой травой,
И обогрие красно солнышко сыру землю,
И мое столько ретливое середечушко;
И от земли бы то не зябли пожки резвые,
И башмачки от росы да не мочились бы;
И проработаю, невольца, дель до вечера,
И до заката тепло-красного я солнышка,
И допозда да на крестьянской я работушке,
И тут повыстанет-то младенькой светел месяц,
И позади печй печальнойей головушки,
И со стороны да часты звездочки просветливать,
И чтобы видна путь-широкая дороженька,
И мне идти да со крестьянской работойшки,
И во путях бы я дорожках не мешалася,
И на судимой стороны не заблудилася бы.

И ты еще мне-ка, родитель родна матушка,
И снаряди мне-ка советных-дружных подружек,
И мне-ка милых спорядных суседушек,
И подхватили бы под правую под рученьку,
И меня прбвели по широкой по уличке,
И на руках да несли русу мою косышку,
И во златых перетнях несли бы алы ленточки,
И сберегли б мою бесценну дорогу волю.

25

К подругам:

И возвращусь теперь, невольца красна девушка,
И я поклон воздам ведь с вольной своей волюшкой,
И я вкупі отдам советным дружным подружкам
И позову да их, невольница, почестую:
И вы послушайте, души да красны девушки,
И дорогй милы любезны поровечнички,

И тайны милые мои да дружны подружки,
И вы пойдемте-тко с невольной красной девушкой,
И вы во эту в тёплу парну со мной баенку,
И вы во славную во белу умываленку;
И вы снейайте-тко унылы жалки писенки,
И воспотешьте дорогу волю бажоную!
И ты поди, да моя вольна моя волюшка,
И дорогò мое прикрасное девичество,
И по прогулушке по широкой по уличке,
И ты во этую во белу умываленку,
И хоть не первое, теперичи, последнее!
И я пойду хоть путем-широкой дороженькой,
И придумуюсь, невольна красна девушка:
И подманула, знать, советна-дружна подружка;
И что уличка идти да не широкая,
И путь-дороженька идти да не торнёненька
И мне-ка в эту тепло-парну идти баенку.
И мне первой обман от красной этой девушки:
И нет разостлапо сукнов да одинцовых,
И не налажены мостипочки дубовые,
И по правую мне идти да ведь под рученьку,
И не стоят да божьи церкви-то священныи,
И там не служат-то попы-отцы духовныи;
И как по левую теперичи по рученьку —
И нету улечек ведь там да все рядовых,
И нету лавочек, лебёдушке, торговых;
И подхожу я к тепло-парной этой баенке,
И нету крепких ведь там да караульщичков,
И столько нету там ведь верных сторожателей.
И сотворить да мне исусова молитовка,
И отворить да мне-ка дверь эта дубовая,
И мне зайти да в тепло-парную во баенку,
И мне во белую зайти да в умываленку:
И я [в]зглянула как, невольна красна девушка,
И я по этим по грядочкам клеповым,
И я по этой по парной по баенке:
И нету стопочек расставлено точенных,
И уже нет да трех косевчатых окошечек;
И столько у меня, у белой лебёдушки,
И приужахнулось ретливое сердечушко:
И нету трех тазов ведь там да золочёных.
И тут разделася, невольна, умывалася,
И с дорогой волей, невольна, порасклалася,
И клала волю на косевчато окошечко;
И как на ту пору было да на то времечко,
И как с раздолбца теперь да со чиста поля,
И быдто кúрева теперь да поднималася,
И быдто темна вдруг ведь туча наставала,

И припасхали злодии-сваты бѣльшии.
И мимо ехал-то остудник-млад отецкй сын,
И он со поездом, остудник, княженецким,
И много собрано удалых добрых молодцев;
И зазвонили колокольца питенбурекне,
И загремела тут сбруя да лошадиная.
И не поснела я, невольна красна девушка,
И я умыть да свое личушко белѣшенько,
И зачесать своей головушки гладѣшенько,
И я убрать да дорогу волю бажоную:
И уже я, красна девица, растерялася,
И тут бесценна моя воля устращилася;
И она в таз, да моя волюшка, бросалася,
И серой утушкой в глаза мне-ка казалася;
И уже так да моя волюшка спугалася,
И на косевчато окошечко кидалася,
И вытегорским мыльем да показалася;
И уже так да моя воля сторонилася,
И она на пол, моя волюшка, бросалася,
И она вѣничком ведь, воля, показалася;
И уже так да моя волюшка спугалася,
И все па грядочку, бажоная, кидалася,
И тонко-белоей рубашечкой казалася;
И уже тут да дорога воля спугалася,
И во кирпичну она печеньку бросалася,
И пламем огненным ведь волюшка казалася;
И уже тут да моя волюшка спугалася,
И все на каменку ведь волюшка бросалася,
И она паром во глаза мне-ка казалася.
И уже тут да дорогà воля спугалася,
И па дубовой пол тут волюшка бросалася,
И повернулася бажона дорога воля,
И перелетной незнамой она птиченькой,
И она малым унылым соловеюшком;
И как во тот да час теперь да во минуточку,
И, знать, с подману-то девицы да тут сделали,
И, знать, с подлогу оны с баенной истонщичкой,
И ключевой оны воды да водоопщичкой:
И па пятю двери дубовы отворили,
И тут незнаму эту птицу опустили,
И то не птица полетела — вольна волюшка!
И посудьячу на советну-друзьну подрузьку,
И я на баенну теперь да все истонщичку:
И все ведь хвастала душа да красна девушка:
И в парной баенке одно столько окошечко,
И не расставлены ведь стопочки точѣные,
И не поделаны ведь грядочки кленовые,
И не расставлены тазы да золоченые;

И как не йздила душа да красна девушка,
И к океят, она девица, к синю морюшку,
И не срубила трех удобных деревипочек.
И знаю-ведаю, душа, я, красна девушка,
И я про эту про баенну истопщицу,
И я про эту ключевдй воды изидщицу:
Она дровцама топила всё осинпыма,
И лучиной разжигала всё сосиновой;
И не с ключа вода леббдущкой привезена,
Из болотишка вода у ей пачершана,
И где лягухи столько вёсной собираются,
И где старые старушки умываються.
И [с]лучилось слышать невольной красной

девушко:

И как во этом болотишке дыбучеем,
И проезжал да как остудник-млад отецкий сын,
И он смутил воду кошытом лошадиным,
И напоил да он коня тут скоро-борзого;
И ты с подману-то, девица, дело сделала,
И ты ведь скуп взяла с млада сына отецкого,
И изменила дорогú да волю вольную.
И понению я, невольна красна девушка,
И я на вас да друг-советны мои подружки!
И опустили дорогú да волю вольную,
И во раздольице во чистое во полюшко,
И вы за славное за синее за морюшко,
И вы за быстрые-то, волюшку, за риченьки,
И вы за круглые за малые озерышка,
И вы за лесушка-то, волю, за дремучие,
И вы за горушки-то, волю, за высокие,
И вы за мхи, да мою волю, за дыбучие.
И собиралась да тут вольна моя волюшка,
И по край быстрой садилась она риченьки,
И на подсушную садилась деревипочку,
И на горьку собиралась осинушку;
И проклинать да все судьбу свою несчастную,
И во-вторых да тебя, баенну истопщицу,
И холоднй же ключевой воды изидщицу.
И в чистом полюшке-то ветры развеваются,
И в лисях деревца от ветрышка патаются;
И с кúста нá куст-от тут воля перелетывает,
И с прúтка нá пруток тут воля перепрыгиват,
И все пугается бесценна дорога воля,
И она думает, бажопа моя волюшка,
И мне куды да теперь, воле, удалитися:
И повернусь лучше, бесценна дорогá воля,
И лесовым зверем ведь я да все съедучиим,
И по горам да пойду, воля, по высокиим;

И не узнает-то остудник-млад отецкий сын,
И не проведае росказ да злодий ббльший сват;
И ох, раздумаюсь, бесцепна дорогá воля;
И то не место мне-ка, волюшке, не мистечко;
И будут людюшки-то звирия там боягнися,
И будут добрые-то копошки пугáтнися.
И повернусь лучше, бажона дорога воля,
И водоплавной серой малой этой утушкой,
И я спущусь да все на быструю на рпчеиьку,
И ой, не место мне-ка, воле, тут, не мистичко:
И уж как этот ведь остудник-млад отецкий сын
И он у быстрых рек, остудничек, похаживает,
И с пистолетама, остудник, зарукавпьма,
И подстрелит меня, бесценну дорогу волю.
И спущусь лучше я во сннее во морюшко,
И я уловной спущусь да свежей рыбонькой;
И ой, не место мне-ка, воле, тут, не мистечко,
И не уход, воле, во сннеем во морюшке;
И как у этого млада сына отецкого,
И е повязаны ведь певоды шелковые,
И е пошиты малогребные-то лодочки;
И охоч ездить-то, остудник, по сннío морю,
И он ловить охоч уловной свежей рыбоньки;
И он изловит да тут цуку-то ходячую,
И то не цуку он изловит — меня, волюшку;
И стане рыбинка у бережка поплясывать,
И красна девушка во тереме поплакивать.

26

Прощание с баней:

И ты прости, да тепло-парна, меня, баенка,
И ты прости да меня, бела умываленка:
И хоть я дббела, невольна, памывалась,
И столько с волюшкой, невольница, рассталась.
И как посла да меня парна эта баенка,
И раскатись да по единому бревешечку,
И по раздольицу — по чистому по полюшку!
И подойди ты теперь, да струя быстрая,
И подкати да сипе славное Онегушко,
И унеси да эту парную ты баенку,
И уж ты этие едйные бревнишечка!

Обращаясь к истопнице:

И ты надсмешничка, совет да дружна подружка,
И надсмеялася над белой лебёдушкой,
И над моей да над бажонной дорогой волей.
И буде бог судит невольной красной девушке,

И мне-ка быть да на судимой на сторопушке,
И проклинать да буду баенну истопщицу,
И холоднѣй же ключевой воды изтопщицу,
И тебя, милую совет да дружну подружку,
И что изменила дорогѹ да мою волюшку.
И я приду да с тепло-пѣрпосой как баенки,
И поразжалюся желанным родителям,
И на тебя, да душу красную ведь девушку.

Невеста к матери при возвращении из бани:

Подойди ж, моя родитель, рѣдна матушка,
И ты ко мне ж, да ко невольной красной девушке,
И с часто-рыбным иди да ко мне грѣбешком,
И зачесать да моя младая головунка,
И заплести ж да мелко русу мою косыньку!
И катит-жалус родитель моя матушка,
И ко мне, да к подневольной красной девушке;
И во правѣй руке родитель несет матушка,
И часто-рыбий-то несет да она грѣбешок.
И пынь сама ж того, невольна, сдивовалася,
И что матушка теперь да сжаловалася,
И что повыбрала слободну пору-времечко,
И как учесывать-то младую головунку,
И у меня ж да ведь, у белой у лебѣдушки.

И наздыни-ко ты ведь белы свои рученьки,
И на мою да подневольную головунку!
И мы подумаем, родитель, с тобой, матушка,
И мелко русая коса да как уплѣтывать,
И хоть не первое, родитель, мне — последнее.
И как у нас да во роду же с во племени,
И есть ведь любушка сестрица сдвуродимая;
И ты поручь да ведь, родитель моя матушка,
И ей плести да столько русу мою косыньку;
И пусть-ко девушки ведь косу уплетают,
И пусть-ко подружки во лепты убирают.

Мать отвечает:

И ты послушай же, сердечно мое дитятко,
И да что я скажу, печальная головунка:
И нонь я выбрала досужну пору-времячко,
Постановила крестьянскую работунку,
Я забросила стряпню да суетливую,
И я иди да к тебе, к белой лебѣдушке,
И учесать да твою младую головунку,
И уплести да твою русу мелку косыньку,
И мы подумаем, сердечно мое дитятко,
И вопотѣй да с тобой крепкую-то думунку,

И как учёсывать твою буйпу головушку,
И песнростá да плести русу твою косыньку.
И мы от кóрешка плести будем плотпешенько,
И осерёдь да этой русой твоей кóсыньки,
И мы повыплетем круглю малое озерышко,
И все без этих малогребных ведь лодочек;
И мы еще да столько, белая лебедушка,
Как во твоей да мелкопрядной русой косыньке,
И мы еще угрюм-струисту ричку быстрюю,
И мы без этых дубовых переходинок,
И мы без кренкних теперь да перекладинок.
И мы еще да столько, белая лебедушка,
И во твоей да мелкопрядной во кóсушке,
И мы селá плести, лебедушко, с приеслами,
И города плести мы будем с пригородками;
И мы повыплетем во русой тебе косыньке,
И мы высокие ведь горы да толкучие,
И на горах да там звери-то съедучие.
И ты послунай же, сердечно мое дитятко,
И дорогá да моя белая лебедушка:
И как еще плести во русой тебе кóсыньке,
И плести темные леса да все дремучие,
И все глубоки эти мхи да ведь дыбучие.
И ты послунай же, сердечно мое дитятко,
И как еще да тебе, белой лебедушке,
И по конец да мелкопрядной косы русой
И мы вылетем да три ведь ножничка булатные;
И как еще да столько, белая лебедушка,
И мы вылетем да в мелкопрядной русой кóсыньке,
И шестьдесят вылетем булабочек калённых.
И не в пачáй буде младу сыпу отцецкому,
И уже как да руса кóсынька уилётена,
И она как да буде волюшка приубрана;
И мы еще вылетем во русой твоей кóсыньке,
И мы вылетем да золотую косошлёточку,
И уберем да косу в алые все ленточки,
И мы на завтрашний господень божий денечек,
И мы на светлое христово воскресеньице.
И припаиде как остудник-млад отецкий сын,
И он с собранным-то поёздом молодецким,
И он как згляне уж на белую лебедушку,
И на твою же дорогú на вольну волюшку,
И на эту мелкопрядну русу кóсыньку,
И он позарится на алы твои ленточки,
И приниматься-то остудник-млад отецкий сын,
И за твою же дорогú да волю вольную,
И за эту мелкопрядну русу кóсыньку;
И хоть повыплетет золóту косошлёточку,

И певпачай да приуколе [т] ручки белые,
 И все па этые булавочки каленые.
 И как еще, да столько белая лебедушка,
 И приобреже [т] свои белые оп ручешпки,
 И па эты па булатпы востры ножички;
 И как еще да ведь остудник-млад отецкий сын,
 И он утунится во мхи да во дыбучие,
 И он заблудится в темны леса дремучие,
 И он заходит в городах да незнакомых,
 И он заходится в селах да не в бывалых.
 И тут отступится от вольной твоей волюшки,
 И прозабудет тебя, белую лебедушку,
 И как еще этот остудник-млад отецкий сын,
 И доберется до горы да толкучесей,
 И его съйдят да тут звери-то съедучие;
 И горы воместо, голубушко, тут стóлннутся,
 И тут остудник-млад отецкий сын укроется;
 И ты останешься с бажошой дорогой волей,
 И ты со милым прикрашённыим девичеством,
 И как еще, да моя белая лебедушка,
 И подойдет да тут ведь быстра эта риченька,
 И утацйт да все млада сына отецкого,
 И во кругло его во малое озерышко,
 И во синее во славное Онегушко;
 И тут по бёрежкам-то кóсьте нашатаются,
 И черпы вóроны его да натаскаются;
 И тут отступится остудник-млад отецкий сын,
 И от тебя да все, от белой лебедушки;
 И будешь с волюшкой, лебедушко, похаживать,
 И с светушкóм-братцем ведь ты да все
разъезживать,
 И ты со этосей вербóй да золоченоей,
 И ты со этосей свецей да нетоплёноей.

27

В свадебный день утром мать, будя невесту, причитает:

Вы не скрыньте-тко, пожалуста,
 Да вы пйтелки булатнии!
 И ты не хломни дверь дубовая,
 По порогу гряновитому,
 И по стоечкам дубовым!
 И ты не гнись, тяга лужёная!
 Мне пройти к дитю бажоному!
 И мне пройти было, победнушке,
 И мне, печальной родной матушке,
 И мне во светлую во свётлицу,
 И во столу ж нову горенку,

И во теплу́ в эвту во спаленку,
И ко тесовой ко кроваточке.
И пройду мать, бедна печальная,
И ко пуховой я перинушке,
И сотворю ж, бедна горящица,
И я исусову молитовку,
И я велико благословеньице.
И приотдвину ж я, победпушка,
И эту сйтцевую занавес,
И я на пётелках шелковых,
И я на грядочке луженой:
Погляжу жь, бедна горящица,
И на тесовую кроваточку,
И на пуховую перинушку,
И на сердечно ж свое дитятко,
И она спит да высынается,
И у своих светов родителей,
И у надёжки света батюшки,
И у придрёки — родной матушки,
И пока в красных во девушках,
И в дорогой воле баженой.
И белы ручки пораскиданы,
И дорога ж да вольна волюшка,
И по белым грудям свивается,
И все слезама обливается.
И постояла ж, бедна матушка,
И я подумала, горящица:
И тут обидушка сходилася,
И мне-ка жаль, бедной, казалось,
И побудить дитё бажовое,
И беспокоить куболёное,
И растревожить дорогу волю.
И уж я взад да ворочалася,
И во хоромно же строещице,
И я слезама обливалася,
И за страшно да припималася.
И стали девушки поглядывать,
И меня, матушку, высматривать,
И про друженьку проведывать:
— «И ты ужко ль да была в горенке,
И у тесовой у кроваточки,
И возбуждала ль дочь любимую,
И дорогу да вольну волюшку,
И как советну нашу подружку?»
И говорила ж я, печальная,
И душам-красным этим девушкам,
И я советным ейным подружкам:
— «И хоть была я, бедна матушка,

И я во светлой этой светлице,
 И во столовой хотя ж горенке,
 И у тесовой у кроваточки;
 И постояла я, подумала,
 И во раздумьице расплакалась,
 И пожалела ж, бедна матушка,
 И я сердечно свое дитятко,
 И свою белую лебедушку,
 И дорогу да ейну волюшку;
 И тут здынула ручку правую,
 И на тесовую кроваточку,
 И соболнию одеялышко;
 И призакрыла я, победнушка,
 И я сердечно свое дитятко,
 И соболниным одеялышком;
 И подроуила ж, бедна матушка,
 И я по молодой по головушке,
 И мелкопрядной русой косыньке».
 И говорят да люди добрые,
 И мне, суседки спорядовые,
 И вси советны ейны подружки:
 «И ты пристарша наша тетунка,
 И ты спорядная суседушка;
 И хоть жаленшь дитё бедное,
 И дорогу да ейну волюшку,
 И побудить да будет девушку,
 Как сегодня ж, сего денечка,
 И к вечеру день коротаётся,
 И солнце к западу двигается,
 И добры людунки съезжаются!»

28

Невеста, встав с постели, причитает:

И уже стать было, невольной красной девушке,
 И мне обувь да пожки резвые,
 И во башмачки козловые,
 И во чулочки шелковые;
 И мне одить, да красной девушке,
 И мне-ка цветно свое платьице.
 И как не птиченька со гнездышка слетает,
 И красна девушка с постелюшки [в]ставает,
 И вольна воля со зголовья подымается.
 И тут исусову молитву сотворила,
 И столько господа владыку попросила:
 — «И благослови ж меня владыко
 многомилосливой,
 И на сесь день меня, невольницу, господний,

И на светлое ж христово воскресеньеце!
И ты спаси, да пресвята мать богородица,
И дорогу да мою вольну столько волюшку!
И ночь сама ж того, невольна, сдивовалася,
И что, родитель, до меня ты сжаловалася:
И до сегоднешня господня божья денечка,
И ты [в]ставать станешь по утрышку раёшенько,
И говорить станешь, родитель, ты грубёшенько,
И каблучком станешь, родитель, притолакивать,
И ты сафьяным банмачком станешь

постукивать,

И шукаатурныма гвоздяма в пол поцлакивать,
И возбуждаешь меня, белую лебедушку.
И как сегоднешним господним божьим денечком,
И ты поутрушку меня да не будила,
И на семь дол меня, родитель, не ридила;
И во сердцы да е великое желаньеце,
И во устах у ты прелестные словечушка;
И ты во гореньку ведь крадчи заходила,
И ты легошенько к кровати подходила,
И ты исусову молитву сотворила,
И ты ведь правой рукой да подрочила,
И ты вдругорядь же во спальну приходила,
И от кренка да сну меня тут возбудила,
И говорила свет-родитель моя матушка:
— «И что ведь стань, да моя белая лебедушка,
И от кренка да сну, голубко, прохватися!»
И я проснулася, невольна, пробудилася,
И я за волюшку, невольница, схватилася,
И я за русу свою косышку спихнулася;
И взяла волюшку во белы свои рученьки,
И русу косышку брала да в золоты перетни,
И прилагала ж я ко блеклому ко личушку,
И говорила тут, невольна красна девушка:
— «И наликуйся, дорога ж да воля вольная,
И ты на мбей же на младой на головушке,
И пока у своих желаных свет-родителей,
И все у светушка у братца ясна сбокола,
И в приберёге у скачбосей жемчужинки».

Выходя из спальни:

И ты прости ж, прости ж невольцу красну
девушку,
И ты прости меня, тесовая кроваточка!
И ты прости да меня, мягкая перинушка!
И прости ранное мое да положеньеце,
И прости позднее девчье пробужденьеце!

И больше в девушках, невольной, мне-ка
не́ бывать,
И до обеда с вольной волюшкой мни не́ сыпать.

Придя в горницу:

И мне пройти было, невольной красной девушке,
И мне по высокому пройти ж было по терему,
И как по сухому пройти да мне по дереву,
И все по этому полу да по дубовому,
И мне по этим новым сениям решетчатым.
И не от ветрышка ль теперь да не от сивора,
И во минуту вдруг двери да отпиралися;
И мне пройти ж было, невольной красной девушке,
И мне во это в тепловито же во гнездышко,
И мне со зтыма со красныма со девушкам;
И мне пройти ж теперь, невольнице, в высок терем,
И мне во этот во почестной во большой угол;
И мне крест да класть, невольной, по-писаному,
И мне поклон вести, невольной, по-ученому,
И сотворить да мне исусова молитовка,
И на вси стороны, невольной, поклонитися,
И всобиnú поклон к столу да ко дубовому.
И это что ж теперь за чудо обчудилося?
И что ж ведь обдолгу, родитель, высналася?
Как сегодня, сего денечка ж господнего,
И долго прбспала с-по ранному по утрышку —
И по садам да соловьи-то воспевают,
И по сараям петухи да возжупляют;
И еще поп-батка по церкви-то похаживат,
И как звонарь да в большой колокол вызваниват,
И столько дякои себе ризы одевае,
И подомарь стоит — кадило разжигает,
И вси суседушки по селам выставали,
И у бобыл печи, родитель, вси стопилися,
И у крестьян стряння, родитель, вся сострипана!
И уже ты спала, родитель, моя матушка,
И прозабыла меня, белую лебедушку,
И дорогу ж да мою вольную ты волюшку.
И, знать, на радости, родитель, на весельице,
И на великой же господней божьей милости...
И привезите-тко, души да красны девушки,
И мне умыть да столько бело свое личушко,
И на сегодняшний господень божий денечек;
И мне-ка ясны девбчы измыть очушки;
И у меня, да у невольной красной девушки,
И очень ясны крепко очушки заплаканы,
И бело личушко мое да приубтерто;
И я умоюсь как, невольна красна девушка,

И до белà ж да свое бело это личушко,
И буде бог судит невольной мне головушке,
И сего дня да на остуду появиться,
И показалась на лице бы-то белёшенька,
И ясны очушки мои бы веселёшеньки.
И да вы слушайте, советны-дружны подружки!
И потрудитесь-ко, любимы и правоплечнички,
И заплачу ж, дочи-невольна красна девушка,
И я за вашии труды да все за праведные;
И вы не стойте-тко, советны-дружны подружки,
И вы у быстрых-то рек за перевозама,
И на ямáх, красны девицы, за подводама;
И поспешитесь, друг-советны милы подружки,
И привезти ж да мне холодной ключевой воды,
И мне умыться-то, лебедушке, уладиться.
И как спарядят, свет-желашные родители,
И вам любимых сердечных извозчичков,
И дорогих дают любимых повозничков,
И не измените столько вольной моей волюшки,
И не забудьте наказных моих словечушков.

29

Невеста обращается к гостям:

И воротиться же, невольной красной девушке,
И от стенишки теперь да от личевой,
И от иконы пресвятой да богородицы,
И мне поклон воздать, невольной, с челобитьцем,
И мне на все на три-четыре на сторопушки:
И мне первóй поклон старушкам стародревниим,
И мне за эту похвалу да позаочную:
— «И спасет бог да вам, старушкам
стародревниим,
И вам названным пристаршим еще тетушкам,
И свет за ваше за велико же желашнице;
И восхваляли меня, белую лебедушку,
И прославляли мою вольцу эту волюшку».
И мне другой поклон, невольной красной девушке,
И столько этим честным мужним молодым женám
И мне спасибо вознести да с благодарностию,
И за их лáсковы прелестные словечушка;
И всебицу поклон мужичкам отдать почтенным:
И как от вас было спорядных суседушек,
И краснословице ведь было мне отчимое,
И было имячко мне, девушке, с изотчиной,
И ворочусь, дочи невольна, красна девушка,
И я на правую теперь да все на рученьку,
И я ко этим душám да дружным подружкам,

И я ко этим столовым стряпюшкам,
И я ко этим воскресенским-то скиюшкам:
И вы скажите-тко, души да красны девушки,
И вы мне-ко-ва, печальной нонь головушке:
И кто зазвал да к нам вас, белых лебедушек,
И кто приставил вас к столу да ко дубовому?
Как донрежь сего, до этой поры времячки,
Чего нет, да ведь того и не водилося:
И были девушки ведь вы да не зазывалы,
И все воскресные стряпейки не паніманы.

И мне поклон теперь, невольной воздать девушке,
И мне ко этой бы кирпичпой ко печенъке,
И мне ко славному осошку ко стряпильному,
И ко стряпильному осошку домовитому;
И мне большухе-то воздать да подомовой,
И мне снацпильной жалостливой родной матушке;
И на допрос возьму родитель-свет я матушку:
— «И не утай-скажи, велико свет желаньице,
И уж ты мне-ко-ва, невольной красной девушке:
И про кого ж стряпня, родитель, у тя стряпана?
И про кого ж да заготовка е великая?
И кого ждешь в гости, любимых себе гостюшек?
Аль по свекру ты справляешь-то поминочки,
И по свекровы ли, родитель, ты годиночки,
Аль ко мне-ко-ва, родитель, имяниночки?»
И знаю-ведаю, родитель, сдогадаюся:
И не по дедушке идут у вас поминочки,
И не по бабушке, родитель, все годиночки,
И не ко мне-ко-ва, родитель, имяниночки;
Издомышлят да моя зяблая утробушка:
И уж ты стряпасешь стряпню да воскресеньскую,
И ладишь кушанья, родитель, хоть сахарные,
И составляшь да питья, матушка, медвяные,
И про измену моей буйной головушки,
И про разлуку дорогой да моей волюшки;
И да ты ждешь к себе, родитель-родиа матушка,
И уже ждешь в гости злодиев сватов бѳльших,
И столько этого млада сына отецкого;
И ты сменяешь мою вольну эту волюшку,
И ты на зло это великое неволице,
И молчи—схватишься, родитель, принащачешься,
И спамятѳешь ты, родитель, натоскуешься.
И вижу-смичу я, невольна красна девушка:
И мне не годошек, родитель, годовать,
И не уречная неделя красоватися,
И один столько господень божий денечек,
И мне во милом прикрашенном понь девичестве.

И мне-ка сись да во почётной в большій угол,
И мне на стул да сись, невольнице, клеповой,
И класть мне волюшка на стопочку точепую;
И ты послушай-ко, родитель, моя матушка:
И уж ты думала, печальная головушка,
И кренко снала, звать, я темпу эту поченьку;
И я не сном да темпу ночь ведь коротала,
И я горючима слезама обливалася,
И мне немножечко спалось, да много виделось,
И чуден-грозен сон невольной показался:
И, кажись, у меня, у белой у лебедушки,
И в головах стоит лядина лесу темного,
И в ногах стоит гора да превысокая,
И прянь сердечка два сумёта спегу белого,
И круг зголовья протекла да ричка быстрая,
И с-по встой же по быстрой по риченьке,
И как плыла да сера мала эта утушка;
И эта утушка плывет да потихошеньку,
И она хоботы дает да помалёшеньку,
И она голову несет да повизешеньку,
И она гóлосом ведет да все тонёшепъким,
И причитает эта утка жалобнѣшенько,
И воспеваает эта утка унылѣшенько.
И уже вдруг да тут за чудо обчудилося,
И вслед за утушкой оно да объявилось:
И очутился тут на ричке серый селезень,
И уж он голову несет да выше лесушку,
И уж он хоботы-то мече по змеиному,
И да он гóлосом крычит да по звериному;
И тут пугается ведь сера эта уточка,
И не знат куда по риченьке бросается,
И к круту бережку она да приближается,
И уж как смáхне крыльем серый этот селезень,
И уж тут да сера мала эта утушка,
И она бросится середь да рички быстрой.

И рассуди да сон, желанна моя матушка!
И ко мне на глаза родитель не является,
И она на речи, родитель-свет, не ставится
И ума-разума ведь мне не придает.

И объявлю да сон во добрые во людучки,
И расскажу да всем я срдчам милым сродничкам,
И я вкупй да спорядовым суседушкам;
И как никто да к моим ричам не имáется,
И сродчи-сроднички-то вси да отпираются:

— «И мы у вас в доме теперь не спорядители,
И мы ведь чудному-то спу да не судители!»

И пораздумаюсь, невольна красна девушка,
И я девóчьим молодым да умом-разумом,
И во слезах да во обидушке великой,
И сама рóссужу, невольна, чуден-дивен сон:
И не гора да в головах есть превысокая —
И то остудушка стоит да чужа стóрона;
И во погах да не лядина лесу темного —
И то страшат да светы-братцы богодапые,
И прями сердечка не сумёты снежка белого —
И строги-грозны богодапые родители;
И круг зголовыца не ричка бежит быстрая —
И то текут да мои слезы со яснѣх очей;
И как с по этым теперь да горючим слезам
И то не утушка плыла, да вольна волюшка, —
И мое мѣло прикрашенное девичество;
И плывет утушка ведь крыльем не схробѣхнется,
И все на этой-то на быстрой-то на риченьке,
И она гóлоском ведет да хоть тонѣшенько,
И она плачет-то, уныльно причитает,
И все страшится-то остуды чужой стóроны;
И ой, за утушкой не серой плывет сѣлезнь, —
И то остудничек плывет да млад отецкий сын,
И догонят да водолапну серу утушку;
И хоть он крыкнет-то злодей да по звериному,
И говорит: «Да схвачу серу тебя утушку»,
И хочет спрятать мою вольпу эту волюшку.
И я не знаю же, невольна красна девица,
И уже как да може воля удалитися,
И во часту тресту ли воля ухититися,
Аль зашлыть хоче за тѣхи она зáводи,
Аль во пристани она да корабельные,
И все под сходенки пригунуть под дубовые,
И чтобы перьяце у ей было не видно,
И как упыла голосочика не слышно.

И вы послушайте, народ да люди добрые:
И я не правду ли, невольна, рассказала,
Аль нехóрошо, невольна, рассудила,
И куды волюшка моя да удалилася?
И нынь сх[в]атилася, невольна красна девушка,
И за свою ж да дорогú я волю вольную,
И охти мне, да мне, невольнице, тошнешенько,
И целый день да мне-ка воля не покажется,
И целый год да на яву ж мне не объявится,

И ноль надрублена хожу как деревиночка,
И как подсушная в садочку я травиночка.

И пораздумаюсь, невольна, своим разумом,
И призову ж к себе крестову свою мамешку:
— «И подойди, мила крестова моя матушка,
И ты с прощеньцем ко мне — благословеньцем;
И благослови ж меня, белую лебедушку,
И на сесь день меня, невольницу, господень.
И я прошу да свет крестову тебя матушку,
И все на широкую прошу со мной на уличку,
И я под правую прошу да тебя рученьку:
И ты стешушкой ведь стой да городовой,
И по бажоной стой ведь вольной моей волюшке,
И сбереги да ю до поздого до вечера.
И от меня, да подневольной красной девушки,
И теперь род-племя любимо отрекнулися,
И сродчи-сроднички ведь вси да отпятилися,
И оны злой моей неволи утрапилися.
И ты послушай же, крестова моя матушка:
И как найдет тут росказ да злодий большой сват
И тут [о] студничек наедет, млад отецкой сын,
И станут тетушку, тебя, да подговаривать,
И как крестову тебя матушку сподманывать,
И говорить стане росказ да злодий большой сват:
— «И пропей волюшку на сладкую на водочку,
И ты смейся да дорогу волю бажоною,
И ты на эту золоту казну бессчётную».
И ты послушай, свет-крестова моя матушка,
И ты на водочку на их не упивайся-тко,
И на золоту казну ведь ты не ожидайся-тко,
И не смейся да ты вольной-то волюшки,
И не гнечи да меня, белой лебедушки,
И не срами да мое бело это личушко;
И как тоби, моя крестова свет ведь матушка,
И все убора да ведь буде вековечная
И от моих светов-желанных родителей;
И тоби вовеки ведь буде проклинанье,
И от меня, да от невольной красной девушки!»

И как сегодня-сего денечка господнего,
И я сделала ведь, белая лебедушка,
И я прогул да все на широкой на уличке,
И я гулянице да ведь [с] красным-то девушкам;
И много съидется народу-людей добрых,
И все по уличке оны станут похаживать,
И как на широкой оны станут поезживать.
И оглядитесь, народ да люди добрые,

И посмотритесь, суседи спорядовые,
И на меня да нунь вы, белую лебедушку,
И на мою да дорогу ж вы вольну волюшку!
И не по-старому хожу, да не по-прежнему,
И я тонка́ да быв подушна деревипочка,
И зеленá иду, горюша, как травипочка,
И вы еще, милы советны-дружны обдрузки,
И вы вспомните невольну красну девушку,
И на прядимой на судимой на беседушке,
И гди ж я шуточки, невольница, шутила,
И проста ричь-басни, невольна, говорила,
И уж я всякие привóды приводила;
И шутя вечер мы, девицы, провожали,
И зvon-унылы жалки писешки спевали,
И вы вспомните-тко, красны, меня, солнышки,
И вы не зломте меня, невольницу, не лихостью!
И, кажись, я, да ваша белая лебедушка,
И никого ж, кажись, словечком не огрúбила,
И я обидным, невольна, не обидела
И я не малых ведь с да недоросточков,
И не безотних дочерей да ведь безматерных;
И приласкала, кажись, к белым своим ручешкам,
И я погладила по младой по головушке,
И я подрóбила по русой, кажись, косушке!
И вы простите в том, спорядные суседушки,
И вы во всей вины меня, да во всей глупости;
И буде нá слово была да я спесивая,
И на речах была, невольница, бросливая,
И на словечушка была непостатейная.

И вы простите-тось, невольну красну девушку,
И меня, старые, теперечко, старушеньки,
И пожиты ль да мужики, меня, ночтенные!

И я прошу да все, невольна красна девушка,
И еще вас, милых спорядных суседушек,
И я по пóздому прошу да все по вéчерку
И в вознички ж прошу, невольна, в перевознички,
И проводить меня на чужу на сторонушку.

Выходя из-за стола, невеста причитает:

И пасиделася, невольна красна девушка,
 И во почѣстном, невольна, во большѣм углу,
 И я за этым теперь да дубовым столом.
 И мне-ка [в]стать теперь на резвые на поженьки,
 И мне с-за ествушков пойти да с-за сахарных,
 И мне с-за питьицев пойти да с-за медвяных,
 И сотворить да мне исусова молитовка
 И перед спасом бы теперь да богородицей,
 И мне-ка слава провести царю небесному,
 И все за ницу-то ему да за столовую!
 И на все стороны, невольной, поклонитися,
 И всебину поклон желанным свет-родителям:
 — «И спасет бог, да свет-надѣжа сударь батюшко!
 И воскормил-споил невольну красну девушку
 И, свет, до полного девдчьего до возраста,
 И ты до славного замужня выдаваньца!
 И изукрасил мою вольну столько волюшку
 И ты снарядной любимой покрутушкой.
 И да ты слушай же, родитель моя матушка:
 И спасет бог, да тепло-красно мое солнышко,
 И на твоём да на великом желаньце:
 И воспитала ж меня, белую лебедушку,
 И ты ведь нежпой своей белой этой рученькой,
 И спитенала да ты вольну мою волюшку.
 И как еще да свет-желанные родители,
 И возношу да вам спасибо с благодарностью,
 И всебину да свет-желанной родной матушке,
 И вам по пизкому поклону-челобитьцу,
 И на хлѣби да вам соли на столдвоей
 И вам на кушаньях ведь, светушки, сахарных,
 И вам на питьицах, желанные, медвяных;
 И как сегодня, сего дѣпечка господнего,
 И угостили-то невольницу-употчевали,
 И вы не первое, родители, послѣднее.

И я прошу еще, невольна красна девушка,
 И я прощепица прощу с благословеньцем:
 И благословите, свет-желанные родители,
 И на прогулушку на широкую на улличку,
 И погулять да подневольной красной девушке;
 И мне-ка милых вы дайте провожателей,
 И мне-ка верных-то крепких сторожателей,
 И мне по правую-то дайте вы по рученьку,
 И мне-ка милую крестову мою матушку,

И мне по левую, невольной, дайте рученьку,
И мне-ка любушку-сестрицу сдвуродимую,
И позади ж мне-ка, невольной красной девушке,
И мне любимого сердечного повозничка,
И мне-ка свѣтушка-то братца же родимого;
И сберегали бы бажону мою волюшку,
И на прогулушке, на широкой на улушке,
И в разорѣном, невольной, в зеленѣм саду;
И я гулять пойду на целой этот дѣнечек,
И я со красныма пойду да со девицама.

И ты, желанная родитель моя матушка,
И я еще прошу, невольна красна девушка:
И хоть я сѣиду на прогульную на улицу,
И как послѣ меня, да белой лебедушки,
И припадет столько князь да превеликий,
И он со поездом, остудник, княженецким,
И он со всей своей породой именитой;
И дружье-братье у него будут в собраньице,
И все вкуни будут сестрицы е родимые,
И впереди да сватухи будут пайныци
И мужикища-то наедут грубиянщи;
И вы послушайте, желанные родители:
И не шустите на крылечико шерѣное,
И вы на эти повѣ сѣни рѣшѣтчаты;
И не примите-тко во свѣтлу его свѣтлицу,
И не садите за столы да их дубѣвые,
И пока я, да все невольна красна девушка,
И там гуляю я на широкой на улушке».

31

Невеста отправляется по деревне и, собирая «помочь», причитывает:

И не убойтесь-ко, народ да люди добрые,
И как меня, да все невольной красной девушки:
И я не сборщик-то иду к вам, не правѣльщик,
И не для подати иду да я казенной,
И не достану я в избу да вас во земскую,
И я на правѣж вас, народ-люди, не выведу.
И я повышла ведь, невольна красна девушка,
И погулять да все на широкую на уличку.

Выйдя на деревенскую улицу и встретив соседа, невеста причитывает:

У кого ж было невольнице не бѣвано,
И с кем здоровье сего дѣнечка не дѣяно,
И я не била-то челом низко, не кланялась;
И при пути ж теперь, при широкой дороженьке,
И там удалой-то стоит да доброй мѣлодец;

И я челом да бью, невольна, низко клапаяюсь,
И за подносом я, невольна, упижаюсь:
И ты повыкушай-ко чару зеленá випá,
И на подносе у меня да золочёпоем,
И во рюмочках теперь да во хрустальных.
И хотя ж водочки, бурлакушка, пивали,
И вы подпошничко такой да не видали.
И подпошусь, дочи, невольна красна девушка,
И буду подчивать удалых добрых мблодцов:
И твое хвальное теперечко отечество,
И пославние-то теперь да молодечество,
И твое личушко теперь да снежку белого,
И твои очи, у бурлака, ясна сóбола,
И твои брови, у дитины, чёрна сóболя;
И все на молодой на твоей да на головушке,
И точно желтые завивные кудерышка,
И вó три ряд твои кудерка завиваются,
И во четвертый ряд у тя да заплетаются;
И там на всякой у тебя да волосиночке,
И по скачёпой дорогой да по жемчужинке;
И с городов ли ведь теперечко съезжались,
И красоты твоей, бурлака, дивовались,
И ума-разума дитинушки срекались,
И как смиренницу да молодца смекались.

Сосед, выслушав величание, берет с подноса рюмку, немного отпивает и кладет деньги. Певеста идет дальше и, встретив девушку-подругу, причитывает:

И не бессудь того победную невольницу,
И что я поблизку, невольна, подвигаюся,
И что я побнизку, невольна, поклоняюся.
И вижу-смичу-догадаюся, дочь невольница,
И как стоит да все душа да красна девушка,
И моя милая совет да дружна подружка,
И ты, сердечная любима моя сватьюшка:
И красота твоя теперь да красна солнышка,
И высота твоя, девйца, сад-зеленого,
И на походочку, девйца, быдто стопочка,
И на поклончики, девйца, быдто плеточка,
И твоя ричь, да у девицы, умильбипенька,
И походочка твоя да все щепливая,
И поговóря, друг советной, чваковитая.
Столько слушай же, совет да мила подружка:
И [с]лучилòсь слышать невольной красной
девушке,
И про тебя да все, про белу про лебедушку,
И тоже свáтовья, голубушку, засватывали,
И женихи тебя, девицу, позывали ведь,

И дорогú да твою волю горевали ведь;
И, звать, что ты, мила советна-дру́жна по́дружка,
И, видно, девушка ведь ты да поталаннее,
И свет-родители твои да пожеланнее,
И отказали ведь млада сына отецкого;
И ты койм богам, голубушка, молилася,
И коим ста́вила свечи да воску ярого,
И ты пречистой пресвятой ли богородице,
И ты святителю Миколу ли угоднику;
И тебя господи, советну, ведь помиловал,
И от разлукушки бажоной вольной волюшки;
И, видно, девушка ведь ты да не дешёвая,
Точно волюшка твоя да не грошёвая;
Столько девушка ведь ты да во пятьсот рублей,
И руса кóсынька твоя да в целу тысящу,
И вольной волюшке твоей да звать цены нет.
И ты послушай же, душа да красна девица,
И тайна милая моя свет-разговорщичка:
И спамя́ти да друг-советна прежня по́дружка,
И ты на горочке, голубушко, катаючи,
И ввечеру да на бесёдушке играючи,
И жалки нисенки, голубушко, спеваючи;
И ты весной меня, невольну, о христове дни,
И ты во лето спамяту́й да о петрове дне,
И ты на вешных гульбищах на прокладбищах;
И ты воспомни-тко, советна-дру́жна по́дружка,
И ты у быстрей меня да все у риченьки,
И когда будешь ты бело́ да умыватися.
И ты послушай же, советна мила по́дружка:
И ты гуляй, да душа красна моя девушка,
И пока во́ своей во вольной ты во волюшке,
И во своем да прикрашенном во девичестве,
И во придроке у родителя у матушки,
И в прибере́ге у надежи света батюшки;
И не спешись да ты, советна-дружна по́дружка,
И спать-то волюшки со младай со головушки,
И не бессудь, да друг совет да мила по́дружка,
И ты меня да все победную невольницу,
И за мои да ты обидные словечушка.

Встретив молодого парня:

И подойти было невольной красной девушке,
И мне ко этой холостыбы да неженатой,
И мне к уда́лому дорóдно добру мблоду,
И поднести да мне-ка винна эта чарочка.
Испей-выкушай, удалой доброй молодец,
И холостой да ты детина неженатой,
И господин честной Иван да ты Иванович!

И я челом бью, дочь невольна, покланяюся,
 И за подшосама, победна, ушкаюся,
 И все тебе да я, удалу добру мблодцу.
 Издалека у мя вино да ведь привезено,
 И с Повагорода ведь водочка доставана,
 И на меду вино, детипушко, разведено,
 И вино сахаром у мя да ведь посышано,
 И тебе здравием к ретливому сердечушко,
 И умом-разумом во буйну во головушко,
 И для веселья в молодецкую утробушко.
 И то свеча стоит теперь да не топлёная,
 И то верба стоит теперь да золочёная,
 И то сахарная стоит да деревиночка,
 И то изюмная палива ягодичка;
 И как по цветному тенеречко по платьицу,
 И то кунца да стоит сын-то нитенбургского.
 И всё походочка твоя да е целливая,
 И поговоря, холостига, чваковитая;
 И говоришь да ты, детина, как рублем даришь,
 И во устах да твоя ричь-то рассыпается;
 И как скачён жемчуг, бурлакушко, катается;
 И все на пожелках сапбжешка козловые,
 И круг сердечка кушаки да все шелковые,
 И как от доброго тенеречку от дерева,
 И очень растет-то отростель все хорошой;
 И так от умных сердечных родителей,
 И растут девушки тенеречку разумные.
 И тебе дай-ко ведь того, да дай-ко господи,
 И с ноги на погу, детинушке, постушливать,
 И все козловым сапожком тебе поскрипывать,
 И во кружках тебе, детипушке, поигрывать,
 И красных девушек тебе да все подшаптывать.
 И не бессудь того, удалой добрый мблodeц!
 И судьбина божья тенеречко не сталася,
 И за тебя, дочь невольна, не досталася...

Если парень дает мало «помоги», то она его упрекает:

Подойти да мне невольнице,
 Поднести да вина чарочка,
 Уж как этому удалу добру мблодцу
 Я челом, дочь невольна, покланяюся,
 За подшосом-то, невольна, ушкаюся.
 Изволь-выкушай ты винну эту чарочку,
 От меня, да от души же красной девушки,
 Для моей да для разлуки воли вольной,
 Во моем да в разореном зеленом саду.
 Уж он белых-то рук да не [в]здывает,
 Уж он винной этой чары не зымае.

И не убойся же, удалой доброй мблodeц,
И не хмельпы очень теперь мои нашиточки,
И на медú вино у мня да ведь развёдено
И для тебя ж, да добра молодца, записано,
И знать, не пьешь, да доброй мблodeц, не кушаешь,
И, видно, нет да золотой казны бессчётной
И все дарить мся, невольницу, да жаловать,
И, знать, детинушка ведь ты да волокидушка,
И, видно, горькая ведь ты да есть-то пьяница,
И бездомовица ведь ты, да, знать, пропойца,
И в кабаках да почастьешеньку засиживашь,
И зелена вина, детина, напиваешься,
И туды траторишь ведь ты да золоту казну;
И точно грязь идешь как ты да подпорожкия,
И как худое собаченко подорожнее;
И как голбвушка твоя да не заглажена,
И волоса да на голбвы, как верёсов куст.
И на щеках-то у тебя да растут ельице,
И под щекама у тебя растут березице;
И в чистом поле тебя кбношки пугались,
И по дерёвням все робята убоилися,
И все-то добрые ведь люди устрашилися:
— «И не черт ли то идет да из болотишка,
Не лесовик ли то идет да со мху дикого».
И у тебя, да у детинушки безумного,
И кафтанишко на себе да стозаплатней,
И у тя шапченко теперь да долгоухая,
И подпоясась, детинушко, веревчелкой,
И на резвých ногах у тя да все ошóрченка;
И белотá тебе взята да все от мельника,
И красота взята твоя да ведь от чёлника,
И глаза вставлены и уши как лоханные;
И говоришь столько, детина, быдто зверь ревишь,
И пойдут гулы-то, детина, по темцу лесу,
И громкогласие твое да по чисту полю;
И ты ведь с поженьки на поженьку поступливашь,
И все порчёнко у тебя да взад волочится,
И деревенские собаки вслед-то гонятся.
И ты не мог, да все удалой доброй мблodeц,
И ты не вытолить, детинушка, не вымолить,
И на церковном крылечике не выпросить,
И не в работнички, детинушко, задатися,
И ты кажить да золотой казны бессчётной.
И на походочку ведь ты да ведь не стопочка;
И как пойдешь да ты, детина, по дороженьке,
И точно деревце в темнóм лесе шатаешься;
И да ричь-то у детины неумильная,
И поговбрюшка твоя не чваковитая.

И не бессудь меня, удалой доброй молодец,
И пусторичьница ль, невольница, пабаяла,
И горькой пьяницей тебя ли не обхаяла?
И понь пойду ж, дочи невольна красна девушка,
И прочь от этого детины неудалого:
И быдто смерть стоит ведь он да все прешрашная.

32

Невеста возвращается домой. Вскоре приезжают за ней жениховы дружки. Невесту одевают к венцу и выводят к гостям. Княженецкий поев садится за стол. Девки поют песни «Пивна згода по сихару плыла», «С терема на терем Марья шла» и др. (см. раздел «Свадебные песни»).

Невеста причитает:

Вижу-смичу, дочь-невольница,
И во почестном во большом углу,
И за столом да за дубовым,
И сидят гости незнакомые;
И сидят гости с иной волости,
И эти гости к нам не званые,
И мужики эти не ждапые,
И молодого князя дружки,
И его верные-то служки.

К свату:

Кушай чару зелена вина,
Господиш [называет его по имени]
И челом, дочь, я поклоняюся,
И за подносом упижаюсь,
И упижаюсь — пизко клапяюсь,
И я росказу-свату большему,
И то злодию сушостатому.
И у меня ж, да красной девушки,
И на горы стоял зеленый сад,
И край пути стоял — дороженьки;
И не мешал да мой зеленый сад,
И он ни кошному, ни пешему,
И он ни птице пролетаюча,
И сад — ни черву проплываюча;
И не мешал да мой зелены сад,
И белу заюшку поскакивать,
И горносталю перескакивать;
И не мешал да мой зеленый сад,
И ни пабегу лошадиному,
И ни паезду молодецкому;
И не мешал да мой зеленый сад,
И ни попам-отцам духовным,
И ни служителям церковным.
И помешал да мой зеленый сад,

И он росказу-свату бѳльшему,
И он злодиям супостатыим.

И ты росказ да злодей бѳльший сват,
Истоптал да мой зеленый сад,
Изломал да шелковѳ траву,
Изорвал цветы лазуревы,
И как тебя, да ведь злодея супостатого,
И испугались перелѳгны в саду итиченъки,
И вылетали малы жалки соловеюшки,
И полетели соловьи да разжуились,
И точно жалобно оны как возопилися,
И, жуця, солѳвьи, оны, да выговаривают:
— «И наши теплые гнѳздѳ да разорилися,
И мы не знам, куды, солѳвьи, ириютитися,
И во котору нам во рощу придолѳтися».
И тебе дай того теперь, да боже господи,
И как росказу-то злодею свату бѳльшему,
И ведь на поле-то злодею со метлицею,
И на гумне тебе, росказу, со торѳцею.
И недорос тебе довольных ѳтых хлебушков.
И стѳлько дай да тебе боже, дай же господи,
И все росказу-то злодею-свату бѳльшему,
И все потоп да на луга бы сенокосные.
И не бессудѳ да ты, росказ да злодей бѳльший сват,
И становись да ты на резвые на ноженьки,
И изволь-выкушай ты чару зелена випа,
И не томи меня, невольной красной девушки;
И недосуг стоять, невольнице, выстаивать,
И чваковито мне-ка с вама разговаривать;
И день ко вечеру теперь да коротается,
И красно солышко ко западу двигѳется,
И моя воля в путь дорожку отправляется.

33

К жениху:

Что ж за чудо причудилось,
Дивно-диво предъявилось!
Сросло деревце сахарнее,
Не сажѳно — не поливано,
И в ѳтот час да во минуточку.
И замечаю ж, дочь невольница,
И признавать да буду, девушка,
Я по цвѳтному по платьицу,
Я по белому по личушку:
И за столом же за дубѳвым,
И сидит князь да превеликой,

И человек да именитой,
И от людей да отменитой;
И как по цветному по платицу —
И то куща сын нитенбуреккого;
И быв по белому по личушку —
И то куща сын вытегорского.
И становись же, млад отецкий сын,
И на одну ж со мной мостиночку,
И на одну перекладинку!
И ты гляди, да млад отецкий сын,
И ко мне вточь да во ясны очь,
И ко мне впрямь да во белó лицó!
И что тебе бы, млад отецкий сын,
И столько жить тебе — не каяться,
И мне-ка жить с тобой — не плакаться;
И дружью-братью бы не жалиться,
Что женитьба пезадачная,
Молода жена не [в]зрачная.
И я плечмы да не плечистая,
И я грудмы, дочь, не грудистая;
Из лица ж я не белёшенька,
Из очей не веселёшетька.
И скажи что ж берешь-нахалинься,
И да что ж, скажи, начённься,
И ты во мне ж, во красной девушке,
И в подневольной головушке?
И ты скажи, да млад отецкий сын,
И при народе людях добрых,
И при всех сродчах милых сродничках,
И при моих сватах-желанных родителях,
И ты где ж да меня, девушку, повыглядел,
И дорогú ж да мою волюшку повысмотрел?
И ты на горочке ль, остудничек, катаюча,
И на бесёдушке ль меня, да ведь играюча,
И на работушке ль меня, да работаюча?
И да я где ж тебе, невольна, прилюбилася,
И в кое времечко ж, невольна, приглянулася?
И я на горочке, невольна, хоть каталася,
И от ветра да мое личушко павяло,
И от того была, невольница, хорошая,
И от того да была, девушка, красивая.
И на бесёдушке, невольна дочь, играючи,
И до белá да было личушко набйлено,
И до алá было у мя да нарумянено,
И от того да была, девушка, хорошая,
И от того была, невольна я, красивая.
И на работушке ль, остудничек, повыглядел,
И на работе я, невольна, работаючи,

И столько вас, красна девѣца, испугалася,
И в белом лицѣ моя кровь да разыгралася;
И от того да была, девушка, хорошая,
И от того была, девица, я красивая.
И у стола-ль да меня, девушку, новыглядел,
Аль в новой горенке, голубушку, новысмотрел,
Аль по тѣрѣму меня да на походочке?
И все во тѹ пору былѡ да в тоѣ времячко,
И для тебя ж было, млада сына отецкого,
И было в росту у девицы поднаставлено,
И было туку ко девице принабавлено;
И из лица была девѣца я белѣшенька,
И я из очушек была да веселѣшенька.

И ты скажи мне-ка, остудник-млад отецкий сын,
И скажи, что ж берешь, остудничек, нахалишься,
И во мне, девушке, чего ж да ты начашься?
И посмекай же ты, остудник-млад отецкий сын,
И ты подумай же умом да своим разумом:
И уж я девушка-то есть да не дешѣвая,
И дорогá да моя воля не грошѣвая,
И я, девушка-то, есть да ведь во стѡ рублей,
И моя воля у девицы в целу тысящу,
И русой косыньке моей да ведь цены нет.

И ты подумай же, остудник-млад отецкий сын,
И много роду у меня, да много племени,
И много сродничков сыскалось именитых
У меня ж да у невольной красной девушки:
И сорок тѣтушек ведь есть теперь добротушек,
И пятьдесят сестриц у мя да сдвуродимых;
И целый полк стоит любимых поровечничек,
Моих милых друг-советных этых подружек;
И как стена стоит у мя да городѡвая,
И стоит матушка у мя да е крестовая,
И цела тысяща ведь братцев — ясных сѡколов.
И с моим родом-то, остудничек, познатися —
И с золотой казной, остудник, наб расстатися.
И [с]лучилѡсь слышать невольной мне головушке,
И про тебя ж, да про млада сына отецкого:
И у тя цветно, скажут, платье чужое,
И хотя ж дѡбры у тя кони — нанятые,
И золота казна у тя да занятая.
И столько слышала, невольна красна девушка:
И лошадепочки у вас да не корыстные,
И скажут, конь да у тебя е лошадь добрая,
И очень шея у него да скажут долгая,
И конь-то с осени у вас да прионѣшает,

И к весне кожа у него, скажут, павешапа.

Да ты знаешь ли, остудник-млад отецкий сын,
И окутить да моя вольная ведь волошка,
И паб дарить да мое род-племя любимое,
И паб задаривать ведь сродчев — милых сродпичек;
И моих тетушек дарить тебе — добротушек,
И по китаечке дарить да ярославской;
И моих люблюшек сестриц да сдвуродимых,
И им по розовой дари, да свет, косыночке;
И мою милую крестовую свет матушку,
И купшей шубошкой дари да соболиною,
И поволоку-то дари да гарнитурову;
И моих милых светушков братцев родимых,
И по коню дари, остудник, по вороному;
И во других да светов братьев сдвуродимых,
И ты по славному ковру новгородскому;
И свет надбѣжу-то дари, да родна батюшка,
И ты сукном дари хорошим питенбурскиим,
И рукавичкама дари его барапыма;
И свет-желанпу же родитель мою матушку,
И ты ситцем дари ведь есть да повомодным,
И ты по поженькам башмачики козловые,
И очень славного козла новгородского,
И все цепѣтного шитья да вытегорского,
И по башмачикам чулочки бумажныи;
И моих милых друг-советных дари поддружек,
И по платку же им дари да левантерову,
И во русу косу по алой дари ленточке;
И столько милых теперь да педоросточков,
И столько малых ребят да деревепских,
И ты по яблочку дари да по садовому,
И ты по пряничку дари да по грошовому,
И ты поступишь же до вольной-то до волошки.

С выходом невесты к столу она перестает причитывать.

БЫЛИНЫ И БАЛЛАДЫ

34. ДОБРЫНЯ И АЛЕША

Честна вдова Офимья Алёксандровна,
От своего мужа родного Микиты Алёксеевича,
Оставалось от него что чадо милое,
Чадо милое — единое,
Что Добрынюшка Микитович!
Как задумал он поехать во чисто поле,
Во чисто поле, на большу дороженьку.
Как уговариват его честна вдова,
Честна вдова Офимья Алёксандровна,
Как свое дитя ли, чадо милое,
Чадо милое — единое,
Что Добрынюшку Микитича:
— «Не покидай меня, честну вдову,
Что Офимью Алёксандровну;
Не оставляй свою жену младу,
Что Настасью Тимофеевну,
И своих ты малых детушек,
Малых детушек-лебедушек!»
И спроговорит Добрынюшка Микитович:
— «Ай же ты, родитель моя матушка,
Честна вдова Офимья Алёксандровна,
На что ж ты меня, матушка, несчастна, спородила,
Не участью-талапом меня ты наделила?
Ты бы, матушка, меня-то спородивши,
Ты бы участью-таланом да не обделила!
И как же мне, честна вдова Офимья Алёксандровна,
Как же мне не заступиться за родных своих,
За родных братьев — сердцу близких?..
За своих братьев, за весь белый свет?..
Вот, родитель матушка, глупый мой ответ.
Как наехали поганы люди супостатные,
Они режут, бьют моих собратиев...
Не сидится здесь мне без работушки,
Им помочь идти — одна заботушка,

Заботушка моей ли буйпой вот головушки!»
Надевает тут Добрышошка Микитович
Как свое-то платье самоцветное,
Свои латы он железные,
Свои поручи, что медные,
Чтобы пулей-то его не пробивало,
Чтобы сердце молодецко не дрожало.
Не трава-ковыль качается —
Богатырь перед родитель-матушкой склопается,
На булатный нож свой опирается:
— «Уж ты бласлови, родима моя матушка,
Что свое дитя ли милое,
Дитя милое — единое!
Ты на гибель ли бласлови всех супостатовьев,
На защиту что собратовьев!»...
Тут с колен он поднимается,
На перёное крылечко опирается.
Нот выводит что коня-то доброго,
Его Бурушку косматого;
Он к коню ли приближается,
На четыре стороны он поклопается:
— «Ай же ты, мой добрый конь,
Ретивой ли Бурушка, косматый мой,
Ты служи мне верой-правдою,
А в свободно времечко утехую!»
На коня кладет он потнички-то мягкие,
А на потнички кладет седельчко черкальское;
Он подтягиват двенадцать крепких подпругов,
А подпруги-то те были все шелковые,
Что не ради-то красы, а ради крепости,
Чтоб могли могучего богатыря снести.
Тут в свой дом он ворочается,
Господу чтоб богу помолитися,
На четыре стороны родным всем поклопится,
А осбину поклон — честной вдове,
Что родитель своей матушке,
И сирогворит ли молода жена

Настасья Тимофеевна:

— «А когда ж тебя домой-то ждять, надёжа паш,
Что надёжа ли, Добрыня сын Микитович?»
И сирогворит Добрыня сын Микитович:
— «Как не милая б была семья мне, не любимая,
Так казнил бы буйну б твою я голову
За твои за речи неумильные!
Проживи-тко молода жена, Настасья Тимофеевна,
Проживи-тко без Добрышошки Микитича ты шесть
годов.

Если через шесть годов домой не буду я,

Хошь вдовой живи, а хошь — замуж пойдн,
Хошь — за кушца боярина, не хошь — то за
крестьянина,

Хошь — за кушца пойдн ты за богатого,
За домовитого и тароватого,
А не ходн ты лишь за братца моего крестового,
За смелого Алёшу за Поповича»...
Как прошло тому времечкн ровно шесть годов,
Как тут стал пахажнвать князь стольный киевскнй,
Как он стал тут подговарнвать
Молоду жену Настасью Тимофеевну
За смелого Алёшу за Поповича.
И снрговорнт что молода жена

Настасья Тимофеевна:

— «Я исполнила-то его заповедь уж ровно шесть
годов,
Я еще ее исполню шесть годов, шесть долгнх
веков!»

День за день ндет — н как трава растет,
Неделя за неделю — как вода течёт:
Как прошло тому лн времечку двенадцать лет
Со Добрыни-то Микнтнча да со большою воины,
Со большою воины, да со чнста́ поля.
Стал опянь тут стольный князь пахажнвать,
Молоду жену так подговарнвать,
Женскнй разум так обманьнвать:
— «Нету в живности Добрынюшки Микнтнча,
Во чнстом полн он с нпрнятелем съезжался,
Крешу грудь о грудь оны бнвалнся;
Сорубнл враг буйну головунку,
Потанцнл Добрыню он Микнтнча;
Его Бурушка себе тогда он взял —
Не видать тн боле-то Добрыни, жене верноею,
Не слыхать его н речн молодецкоею!»
Пораздумалась Настасья Тимофеевна:
— «Нет нн весточки, ведь нет нн грамоткн,
Ннчего-то нет мне от Добрынюшки Микнтнча...»
Понаумилась день за день молода жена,
Молода жена Настасья Тимофеевна
И решнла за Алёшу за Поповича
Идтн замуж, что за смелого за братьнца.
Слезно плакала честна вдова Офнмья Алёксандровна:
Упнмала что невестушку свою любимую,
Молоду жену Настасью Тимофеевну:
— «Не ходн-тко ты за смелого Алёшу за Поповича,
Уж пождем еще два годнка
Мы Добрынюшку Микнтнча —
Ты свою мужа, я сыночека,

Что сыночек любимого,
Моего дитя единого.
Не послушалась Настасья Тимофеевна
Что честной вдовы Офимьи Алёксандровны,
Они сделали почестей славный пир,
Как пошла она за смелого Алёшу за Поповича.
Как шел пир да найвеликой,—
Был сам князь да столичный киевский,
Все князья тут были и бояре все,
Все кушцы — что найбогатые
Как на том честном да на пирѹ.
А в то время приехал посол
Ко честной вдове Офимье Алёксандровне.
Приезжает-то детина незнакомый,
Он челом бьет — низко кланяется:
— «Ты-ко здравствуй-то, честна вдова,
Что честна вдова Офимья Алёксандровна;
Ат-ко где-ко у тебя любимая семья,
Любимая семья, молода невестушка,
Что невестушка Настасья Тимофеевна?»
И сироговорит честна вдова Офимья Алёксандровна:
— «Ай же ты, детинушка-холопышко,
Коли было б у тебя-то красно солнышко,
Не смеялся б ты над домом над моим вдовицим,
Над моим житьем-бытьем сиротекним!
Закатилось мое красное ли солнышко,
Закатается теперь и ясный месюшко,—
Что невестушка моя любимая,
То Добрынюшки жена родимая...
Как замѹж пошла Настасья Тимофеевна
За свою за братца крестного,
Что за смелого Алёшку за Поповича!»
И сироговорит детинушка-холопышко:
— «А коль в живности Добрынюшка Микитович?»
И просил он свое платье скоморошино
И гусельшка свои ярвчатые...
Он поедет на почестей пир,
Что ко смелому Алёшке ко Поповичу.
Подает ему Офимья Алёксандровна
Со испугу цвѣтно платье скоморошино,
Подает, сама-то оглядается
И холопышкиной смелости дивляется.
Тут оделся-то Добрынюшка Микитович
И поехал на честной на пир
Что ко смелому Алёше ко Поповичу.
Он приходит во высок терѣм:
Порасставлены столы дубовые,
Порассажены честны что гостюшки,

Все места вокруг стола призабраны.
Порасставлены все яства-то сахарные,
А и пивства все боярския медвяные.
Тут гостям челом Добрыня бьет,
Бьет челом он, кланяется;
Особнупу поклоп он стольнику,
Стольному-то князю киевскому.
И спроговорит Добрынюшка Микитович:
— «Тут уж нет ли мне-ко места-местечка,
За столом мне места за дубовым?»
Отвечат тут князь да стольный киевский:
— «У нас местечки-то, вишь, все заняты,
Все места гостями припасажены;
Тебе местечко на печельке да на муравленной!»
И спроговорит Добрынюшка Микитович:
— «Тако ль молвишь, стольный князе киевской?!
Мне-ко местечко здé да повыше всех,
Мне-ко место-местечко получше всех!»
И все гости на пиру да паедалися,
Добряна оны все напивалися.
И все тут да порасхвастались:
Иной хвастает житьем-бытьем,
Иной хвастает златой казной;
Умный хвастает отцом да матушкой.
А безумный — молодой женой!
Стал как в тупоры Добрынюшка Микитович
По гусельшкам подрáчивать,
По струнам-то пальчики поваживать:
Все-то гости звеселилися.
И спроговорит князь стольный киевский:
— «Вот тебе три местечка любимые:
Перво местечко — что подле-то меня,
Друго местечко — что супротив меня,
Третье место-местечко — где хонь садись!»
И сел Добрынюшка Микитович
Что супротив Настасьи Тимофеевны.
И спроговорит что стольному оп киевскому:
— «Налей-ко ты мне чару зелена вина!»
А в эту ли он чару зелена вина
Спустил свой золотой обручный перстень,
Которым со Настасьей Тимофеевной обручались.
Ту подносит чару он Настасье Тимофеевне:
— «Ты бери-ко чару ту единой-то рукой,
Уж ты пей вино единым духом:
Выпьешь до́ дна — увидаеть до́ста!
А не выпьешь до днá — не увидишь добра.»
И взяла она чару единой рукой,
Выпивала вино что единым-то духом

И увидала на дне золотой перстеек,
Которым обручалась оны со Добрынюшкой.
И стал Добрыня Микитич выспрашивать:
— «Кто ж из вас Настасью Тимофеевну
подговаривал

За смелого Алёшу за Поповича?»
И все гости тут да изумлялися:
Друг на друга оглядалися:
Тут больший-то туляется за среднего,
А средний-то туляется за младшего,
А у младшего-то и ответа нет!
Тут вставала молода жена Настасья Тимофеевна,
Что вставала-то она на резвы поженьки,
Через дубовый стол она перескочила
И поклонилася Добрынюшке Микитичу,
И во всем она ему да тут спокаялася.
Все-то гости с ира разбежалися,
А стольный сам князь киевский
Во Микитину во вотчицу ушел.
Все-то рады, кого бог унес!
И взял Добрыня тут Микитович,
Взял Алёшу за желты кудри,
Повытащил его из-за дубова стола,
Да и метнул его он о дубовый пол.
Таскал он, что хотел, сам приговаривал:
«Всякий-то черт, то правда, женится,
Да не всякому-то женитьба удавается,
Как удавалася Алёшеньке Поповичу,
Мому смелому что братцу ли крестовому...
Как не дивую я разуму женскому,
Дивую я неу милитеньскому!»

35. ЧУРИЛУШКА ПЛЕНКОВИЧ

Чурилушка Пленкович, доброй молодец,
Вставал поушрушку рапёшенько,
Снаряжался Чурило хорошёхоцько,
Обувал сапожки на пожки — зелён сафьян,
Зеленого сафьяну турецкого,
Баскёго покрою немецкого,
Щегольскёго шитья новгородского —
Под пята-пята воробей пролетает.
Наливает он таз ключевой воды,
Умывает Чурило лице белое,
Утирает Чурило в тонко полотно;
Надевает Чурило цветно платьеце,
На головушку шапочку в пятьсот рублей,
Чтобы спереди не видно лица белого,

Сзади бы не видно кудер желтых.
Ходит Чурилушко Пленкович
Во стойло, во кониное,
Он берет себе копя да мелатахманка,
Седлает седельшко черкасское,
Он подтягивает двенадцать крешких подпругов;
Подпруги были шелковые,
Шелку было шемаханского,
Не ради красы, а ради крепости.
Только видели Чурилушку
Сидючи на добра коня —
Не видели Чурилушку поедучи,
Видели во чистом поле куревку.
Увидала Катерина Микулична,
Поскорешенько в окошечко бросалася:
«Слава богу, да слава господу,
Что приехал Чурилушко Пленкович».
Она скоро тут шла по новым сеням,
Отпирала тут двери дубовые,
Встречала Чурилушку Пленковича,
Брала его за белы руки,
Целовала его да в сахарны уста;
Она провела да во светлу светлицу,
Садила на стульица кленовые,
За эти за столы за дубовые;
Нанесла ества сахарные,
Налила питья медвяные,
Подходящи ко столу да покланялася:
— «Что кушай-ко, гостюшко родимый».
Садилась она вместе кушати с ним.
Схватилося Катерина Микулична
За этого копя да ведь за доброго.
Она скоро тут шла широким двором,
Отворяла вороточка широкие;
Она брала Чуриловича кошошка,
Она вела на стойло на кониное,
Она сыпала ишоцушки сытные.
Приходила тут во светлую светлицу,
Она брала дощечку да шашечку:
— «Станем-ко, Чурилушка,
Во шашки играть».
Они час-тот играли.
Тут и спроговорит Чурилушка:
— «Ай же ты, Катерина Микулична,
Лучше сядем на кроваточку — забавимся».
Из задних ворот да из челядинных
Тут увидела злодейка челядинная,
И спроговорит Катерине Микуличне:

— «Это што у тя, Катерина, за гость гостит,
Будто брат родной?
Донесу Берьмас сыну Васильевичу.
И спроговорит Чурилушко Пленкович:
— «Ай же ты, девчочка черная,
Не доноси на Катерину Микуличну.
Вот тебе полтина на белилушка,
И другую тебе дам да на румянушка,
Вот тебе третья полтина на костыч-сарафан.
Ай же ты, девчочка черная,
Вот ише шапочка в пятьсот рублей,
Пушиста, ушиста, зависиста,
Чтобы спереди не видно лица черного,
Чтобы сзади не видно пушка вшивого».
Тут и спроговорит Катерина Микулична:
— «Лучше эту полтинушку мне отдай,
А эту шапочку сам споси».
Поворот держит девчинушка черная;
Она скоро-то шла по чисту полю,
Поскорее того да во божью церкву.
Не крестя она идет да лица черного.
Увидал да Берьмас сын Васильевич
Он верную свою да ту служапочку.
Подходит же он к ней поближешенько.
И разговаривает ричь да умильнешенько:
— «Ай же, моя верная служапочка,
С каким идешь со радостным известьем?»
И спроговорит девчочка черная:
— «Как у твоей Катерины Микуличны,
Да гость гостит, будто брат родной».
Тут уж он запирает книги да божьи,
Замыкает церкви он священные,
Садится тут он да на добра коня,
Поезжает он да к своему дому.
Увидала тут Катерина Микулична,
Что приехал Берьмас да сын Васильевич:
Куды класть Чурилушку Пленковича?
И спроговорит Чурилушка Пленкович:
— «Ай же, Катерина Микулична,
У вас есть-то в доме да кованы ларцы —
Вы замните меня во кованный ларец».
Как пошла она по новым селям,
Тут встречала она да своего мужа.
И спроговорит Берьмас да сын Васильевич:
— «Что же ты, Катерина Микулична,
В одной рубашке без костычка,
В одних чулочиках — без башмачков?»
Отвечает тут Катерина Микулична:

— «После вас-то ведь я да понерозмоглась».
Поворот тут держит Бермяс да сын Васильевич
Ко той девчечке черной:
— «Стала говорить, так договаривай,
Стала доказывать — доказывай».
И спроговорит девчечка черная:
— «Ай же ты, любимый наш хозяинушко,
Сходите вы на стойлу па коницую;
Там увидите конюшка Чурилина».
Сходил-то Бермяс да сын Васильевич
На стоило па копинос,
Увидал там конюшка Чурилина.
Тут приходит он ко своей Катерино Микуличпо:
— «Что же есть Чурило конишечко?»
Ответ держит Катерина Микуличпа:
— «Во чистом поле оны да разъезжаются
Со моим оны братцем родимым,
Они друг другу встречу стречалися,
Они златыма крестам побраталися,
И добрыма копыми помеиялися».
И поворот держит Бермяс да сын Васильевич
Он ко своей ко верной ко служапчке:
— «Что знаешь, так теперь же ты доказывай».
И спроговорит верная служапчка:
— «Ай же ты, любимый наш хозяин,
Извини, прости ты нас да во всей глупости,
У нас есть-то во доме кованы ларцы.
Ты возьми-ко ларец да во белы руки,
Подыми-ко ларец да выше головы,
Ты спусти-ко ларец да на дубовый пол —
На три части ларец да поразлетится
Оттуль выскочит Чурилушко Пленкович».
Поскорешенько он тут поворачается
Во свои во светлые во светлицы.
Тут брал он свои да кованы ларцы;
Он кидает ларец да о дубовый пол —
Оттуль повыскочил Чурилушко Пленкович.
Молодецкое сердечко разгорелося...
Он берет да свою саблю острую,
Срубил тут у Чурилы буйну голову;
Он сдымает саблю да выше головы,
Срубить хочет у Катерины буйну голову.
С горючь слезьми она да помолилася,
Своему да мужу покорилася,
Чтоб не срубил бы он да буйной головы...
Молодецкое сердечко уходилося.

36. ЕГОРИЙ ХРАБРЫЙ

В осьмом году, в осьмой тысящи,
В осьмой тысящи, в марте месяце,
В марте месяце напустил господь,
Напустил господь страсть великую,
Страсть великую, змию лютую.
Стала змия просить по головѣ,
По головѣ по скотининой.
Ай скота во граде мало ставится,
Мало ставится да приедается.
Ай стала змия брать по головѣ,
Ай по головы по лошадиные.
Ай кони во граде мало ставится,
Мало ставится да приезжается.
Ай сталá змия да жрать по головы,
По головы по человеческой.
Ай народа во граде мало ставится,
Мало ставится да оставляется.
Собирались мужики все степенные,
Наделали жерѣбья что дубовые.
Повыпал жерѣбий на царский двор,
На того царя да на Агáпита.
Закручинился царь, за печалился,
Он повесил свою буйну голову,
Утои́л он очи во сырú землю.
Вот сретат его молода жена:
— «Уж ты что-же, царь, кручинишься,
Ты кручинишься что, царь, печалишься?»
— «Еще как бы мне да не печалиться?
А и как бы мне да не кручиниться?..
Ай повыпал-то жерѣбий поныся на двор
На меля, царя, да на Агапита!..»
— «Не кручинься, царь, да не печалуйся:
У нас дóчи есть Емлафья,
Что Емлафья ли Агапиевна.
Станем дочь мы подговаривать,
Подговаривать да ю обманывать:
Замуж отдадим тебя, дочь рóдную,
Мы за синее ли то за морюшко,
Мы во этое во царство во людейское,
Мы за славного кушца, богатого,
За богатого кушца, за тароватого.
Ты вставай-ко-то, дочь, утром ранешенько,
Умывайся, дочь, да ты белешенько,
Споряжайся, дочь, да хоропошенько,
Выходи-ко, дочь, да на широкий двор:
Там подывана тебе троечка,

Эта троечка да вороных коней!»
Повышла дочь на широкий двор,
Там стоит каретушка ли темная,
А на козлах сидит что детинушка,
Что детинушка сидит поворедный.
Закружилась дочь, запечалилась,
Проливала она горючй слезы:
С отцом с матушкой вот прощается.
Со белым светом расстается.
Она села в каретушку темную,
Ай повез детинушка ее поворедный,
Ай ко этому ли ю ко синю морю,
Ко лютой змие да на съедание,
На пещерское поклевание.
Тут оставил ее детинушка
У синя моря одишешеньку.
Откуль — неоткуль по чисту полю
Еще конь бежит, да земля дрожит?..
Поезжал то Егорий хоробрый-свет
Ко тому да ко синю морю;
Привязал коня он ко сыру дубу:
— «Поищи, девица, в буйной голове,
Пока буду спать я на сырой земле.
Ты гляди, девица, на сине море:
Как сине море да всколыхается,
Аль волна да порасходится,
Аль вода с песком да вдруг помутится,
И покажется змия, да змия лютая,
Ты буди, девица, ото крепка сну,
Подымай мою ли буйну голову!»
Ай сине море да всколыхалось,
Ай волна в глубоком расходилася,
Ай вода с песком да помутилася,
Из того да из синя моря
Показалась змия лютая,
Змия лютая, трехглавая.
Тут стала девица что будить его;
От крепка-то сну он не пробудится:
А люта змия да приближается.
Учала девица слезно плакати.
Уронила слезу на бело лицо,
На бело лицо Егорьево...
От крепка тут сну он пробуждается:
— «Ты отрежь, девица, шелков поясок,
Привяжи ты змию на один узелок:
Уж и будет змия кротка да смирна,
Кротка да смирна, как скотинушка.
Ты веди змию в свое царство,

В свое царство ли государство,
Ко тым мужикам да пужливым,
Ко тому ли царю ко Агапиту.
А меня ты веди в церковь божию,
Ко Егорью-свету ко хороброму,
Ко Николе веди, ко святителю,
И свещу затепли ко спасителю!»

37. ВАСИЛИЙ И СОФЬЯ

Покрай моря, моря синего,
Жила-была молода вдова,
Молода вдова — горенашица.
У вдовушки было у Пашицы
Было девять дочерей.
Все они были да спасёные,
Все они были да ученые, богомольные.
Все они пошли да по спасенье,
Все они пошли по божьим церквам;
Меньшая сестра — на беседушку.
Она села-посела на дверцу лавочку,
Надумала сказать, что «господи, прости»,
И попало сказать, что «Васильюшко, дружок,
Потронься, подвисься ко лавочке сюда!»
Тут проведала Васильева матушка,
Она скоро-то пошла во царев кабак,
На гривенку купила зеленá виша,
На другую купила зелья лютого.
Василью подносила зеленá вишá,
Софии подносила зелья лютого:
— «Ты, Васильюшко, пей да Софии не давай!»
Васильюшко пил да Софии подносил,
Софиюшка пила, Василью подпесла.
Вдруг-то они да переставилися.
Проведала Васильева матушка...
Тут Васильюшка несли на буйных головах,
Софиюшку несли на белых ша руках;
Василья хорошили по праву руку церкви,
Софию хорошили по левую по руку.
На Василье выростала золота верба,
На Софии выростало кипарис-древо;
Пруточки с пруточками свивалися,
Листочки с листочками слипалися,
Ко сырой земле приклонялися.
Малый тут идет — так натешится;
Молодые идут — налюбуются,
Старые идут — да наплачутся.
Зла была Васильева матушка —

Она скоро-то шла да в нову кузницу,
Сковала топоры булатные,
С Васильюшка срубила золоту вербу,
С Софиюшки срубила кипарис-древо,
Чтобы людишки шли не дивовалися,
Старые бы шли да не срекались бы.

38. БРАТЬЯ-РАЗБОЙНИКИ И СЕСТРА

Жила-была молода вдова,
Парбстила стадо малых деток —
Девять сыповей да едицу дочь.
Они все да вдруг повбросили,
Повзросли да во разбой пошли,
Во разбой пошли — службу царскую,
Ко тому да царю белому,
Царю белому, да Петру Первому.
Одну сестру да замуж бтдали
За славное за сине море,
За славного купца богатого,
За богатого да за поморского.
Она год жила, да не стоснулася,
Другой жила — в умах не было
Своей родимой стороушки.
И на третий год да стосковалася
По своей родители вдовы-матушки.
Тут у свекрушка да подавалася,
У свекровушки доложалася,
С молодым мужем собиралася.
Оны вздумали с мужем, поехали
Выезжали средь сица моря.
Ай не тученьки призатемнили,
Не белы снежки призабелили, —
Призатемнили больши кбрабля,
Призабелили тонки паруса.
Мы ду-другу встречались,
На кеян-море съезжались;
Мы тут ду-друга да ведь не узнали.
Наехало девять разбойничков,
Моего мужа взяли потрббили,
Потрббили — в воду спустили,
Меня, младу, обесчестили, —
Обесчестили, во собой брали.
Тут приехали к круту бережку,
К круту бережку незнакомому;
Выходили тут разбойнички
На крутой берег,
Тут садились они есть и пить,

Есть и пить, хлеба кушати.
Как один разбойничек не ест, не пьет,
Не ест, не пьет — думу думает:
— «Уже как да сговорится
С эвтой с молодой вдовой,
Про ду-друга распроситися...»
Все разбойнички спать не легли,
Как один разбойничек спать не лег,
Уж спать не лег, вдову спрашивает:
— «Ты с какой орды, с какой земли,
Ты чьего отца, чьей же матушки?
Ты скажи же мне, поведай же!»
Тут молода вдова слезно плачет:
— «Уж есть роду я да не бóльшого,
Я не бóльшого да не меньшого,
Уж я есть роду да середнего.
Во городи было да во Кieve,
Там жила молода вдова,
Она рóстила чадов милых,
Чадов милых — детей любимых,
Она девять сынов да одипаку дочь;
Как девять сынов вдрут повозросли,
Повозросли, да во разбой пошли;
Одною сестру да замуж выдали
За славное да за сине море».
Тут и сироговорит да млад разбойничек:
— «Вы ставайте-тка, да братья родные!
Мы свою сестру обесчестили,
Своего зятя мы потрѣбили,
Потрѣбили да в воду спúстили!»
От крепка сна они да пробуждаются
И горючими слезьми да обливаются,
У родной сестры опы прощаются:
— «Ты что ж, сестра, нам не сказалася,
И на синем море, зпать, испугалася,
Мала лодочка да всколыбалася?»

39. КАЗАНЬ-ГОРОД

У колодечка было у холодного,
У ключа было у студѣного,
Красна девица воду черпала,
Добрый молодец коня поил,
Красну девушку подговаривал:
— «Ты пойди, девица, за меня замуж,
За меня замуж во Казань во город.
Наш Казань-город на горе стоит,
Казань-речка там медом течет,

И по полям, полям хлебородным
Лежат камешки самоцветные,
И по лугам нашим по зеленым
Все трава растет да шелковая».
— «Не обманывай-ко, не заманивай,
Добрый-ко молодец, не подговаривай!
И вот Казань-город не на горе стоит,
Вот Казань-город край реки лежит!
Ваша реченька не медом течет,
И на полях ваших хлебородных
То не камешки самоцветные,
И на лугах ваших что зеленых
Не трава растет ли шелковая,
Не цветы ведь растут что лазоревые;
Ваша реченька из слез течет,
Ваша реченька печаль волокёт!
На полях, полях хлебородных
Лежат головы человечески;
На лугах, лугах на зеленых
Все трава растет что болотная.
Я сама в Казань-городе ведь повыросла,
Я с Казань-реченьки сама воду пила...
Уж ты, добрый молодец, не обманывай,
Не обманывай меня, не подговаривай!
Уж нейду я, девица, замуж за тебя,
Во Казань во город за тебя ли, молодца!»

РЕКРУТСКИЕ, СВАДЕБНЫЕ И ДРУГИЕ ПЕСНИ

40

Не ясен сокол с тепла гнезда слетает,
И добрый мѡлодец из дому поезжает;
Не отец, не мать рекрѹта провожает,
Провожала душа, красная девица
И названа его рѡдная сестрица.
И на поѣзде таково слово сказала:
— «И не куют хоть у бурлака поги резвые,
Все во сапочки садят да в дубовые
И лошадей пару вкладѹт коней ворѡньных,
Ему пзвоичиков дают да не по разуму,
И ко городу везут да ко Петровскому,
И во палатѹшку ведут да в белокаменну,
И становят его под меру государеву,
И принимают-то во службу государеву,
И тут на стульница садят да на кленовые,
И вершалѡ берут теперь да бритвы вострые,
И ошы бриют у его да кудри желтые,
И волоса его падут да на дубовый пол,
И подбирае волосѡ да родна матушка!»

41

Собирайтесь, бедны ребятушка, на зелѣный луг,
Стаовнитесь-ко, бедны солдатѹшки, во едипой круг;
Уж вы думайте, бедны солдатѹшки, думу крепкую,
Думу крепкую вы заединою,
И запевайте-тко, бедны солдатѹшки, песню новую,
И мы которую, бедны ребятушка, вѣчор пели,
И мы вѣчор пели на синѣм мѡре,
И мы на сѡколе на черном кѡрабле;
И мы не песенки, братцы, спевали-то, горе мыкали,
И, горе мычучи, бедны солдатѹшки слѣзно плакали,
И, слезно плачучись, словцо смолвили,
Словцо смолвили, речь говѡрили:

— «И не бывал-то наш полковничек на синём море,
И не видал-то млад полковничек страсти-ужасти.
Что есть ли то, братцы, на сем свете,
Что на сем свете — на синём море такова ладья,
Чтобы по морю ходила не шаталася;
Что есть ли-то, братцы, на белом свете таковая мать
И отдаст сына во солдатушки, сама не плакала?
Еще есть ли, братцы, в чистом поле такова трава,
Что без корешка трава выросла, без цветов цвела?»
Уж как большая сестра братцу коня подвела,
Средняя сестра братцу коня седлала;
И меньшая сестра плётку братцу подала;
И молода жена, бедна горюница,
И горюница в воротах стоит,
И в воротах стоит, слезно плачет,
И в руках держит младенчика ровно трех недель;
И возрыдат, бедна, как порог шумит,
И она плачет-то, как ручей бежит;
И, слезно плачучи, словцо смолвила,
И, возрыдаючи, речь говорила.
И подходя ж да к своему мужу,
И со своим дитём со младенчиком,
И во глаза смотрит, точно белочка:
— «И ты когда ж, моя надеженька, домой будешь?»
И отвечал да добрый молодец молодой жены,
И сквозь обидушку он великую,
И сквозь тоскичушку он злодийную;
И проливал он горючий слезы,
И горючи слезы молодецкие;
И сговорил жены таково слово:
— «И ты ходи, бедная, молодая жена,
И среди лета ко синю морю,
И ко синю морю на крутой бережок;
И ты смотри, бедна, на синё море:
И на морь волна расходится,
Когда покажется из синя моря,
Из синя моря синь горючь камень,
И когда вырастет на камешке част ракитов куст,
И как на кустышке соловьюшко совет гнездушко,
И когда выведет соловьюшко малых детушек,
И я тогда ж-то добрый молодец домой буду!»
Пораздумаюсь я, добрый молодец, умом-разумом,
Умом-разумом молодецким,
И своима мыслима я рекрутским,
И разговорама я солдатским:
И родна маменька плачет до гробных досок,
Сестры родные-то плачут до замужьяца,
А молодая-то жена плачет как на травы роса.

И когда солнышко утром опечет,
И со травы росу повысушит;
И как молодá жена поживет без меня,
И поживет она, прозабудет все;
И малы детушки-то плачут до полна возрасту.
Ихна матушка наживет мужа.
Как моим малым детушкам не видать отца;
И малы детушки сиротать пойдут,
Сиротать пойдут жизнь несчастная,
Жизнь несчастная, горегорькая.»

42

При послéди провожу дружкá милá,
И провожу я дружка мýлого,
И я до города Данилова,
И до пути той до дороженьки,
До заставушки Московской.
На заставушки с дружком расставалися,
И расставалися, слéзно обливалися,
И на нас людюшки да дивовалися:
— «Это что ж есть теперь за парочка,
Таки ль брат с сестрой, али муж с женой,
Иль добрый мблodeц с красной девушкой?»
И на прощаньице он наказывал,
И чeстью-лeстью мни уговаривал:
— «Посмирише живи, люблюшка,
И повыслужу доброй мблodeц,
Я во этой службы царской,
И двадцать лет да без изменушки,
Я тогда ж-то ведь домой будú,
Я домой будú, тебя замúж возьму!»
Я наказу его не послушала,
Я любовь-то его всю порушила,
И со иным дружком я гулять пошла;
И гулять пошла, пораздумалась,
И пораздумалась — порасплакалась,
И, слезно плачучи, себя прóкляла:
— «Буду проклята я, красна девушка,
И прозабыла я дружка прежнего!»

43

И как по славному по Невскому прощпекту,
И туды шли-прошли солдаты молодые,
И вслед за има идут матушки родные,
И побочá да идут жонки молодые;
И во слезах пути-дороженьки не видят,
В возрыданьице словечка не спромолвят.
И спрогбворят рекрúта молодые:

— «И вы не плачьте, наши матушки родные,
И не тужите, бедны жоны молодые!
И не смочить да вам сырой земли слезами,
Не исполнить сѣня моря — горючѣма,
Што ль измочит сыру землю-мать дождями,
И принаполните синё море реками,
И вы простите, наши маменьки родныя,
И воротитесь, наши жоны молодые».

44

Полно, солнышко, из-за лесу печи,
И полно, красно, в саду яблонев сушить;
Полно, девушка, с-но мѣлодце тужить!
Еще как же мне не плакать не тужить,
Больше вѣеки такого не нажить,
Мне не волосом, не ростом-красотой,
Не походочкой мѣлодецкой-частотой!
И не светел мѣсяц вдоль улочки светил,
И часты звездочки до утренней зари,
И что ль на мѣлодца невзгодушка пришла,
И на удѣлого солдащина больша.
И ночь сударушка-то оченно гневна,
Что ль гневным-гневна сердита на меня,
И встречу стритится — не кланяется мне,
И хоть поклонится, ничего не говорит.
И зря белой день в окошечко взошла,
И ко мне любушка незвана в гости пришла,
И при послѣди в окошечко белы ручки подала,
И подавши ручки уласкала мѣлодца,
И вси утехушки, вси забавы принесла,
Уверяла добра мѣлодца меня:
— «И чернобровой, черноглазой милый мой,
И жаль расстаться мил на веки мне с тобой,
И слышу, девушка, я невзгоду над тобой,
И тебя, миленькой, в солдаты отдают,
И во горе-горькое солдатское житье,
И поезжай-ко, мил, дорожкой столбовой,
И заезжай, дружок, проститься, мил, со мной».

45

Тебе полно, Ваня, по лужку ходить,
Полно, милый, по зеленому гулять,
И при долины соловьем в поле свистать,
По сумерышкам в гуселышка играть,
И моему сердцу назолушки давать;
И мое сердце буде больно тосковать,

И хочет батюшко за старого отдать,
И за старóго не хотелось бы пойти;
И мне хотелось бы-то все за одного,
И мне за прежнего-та дружка своего,
И хотелось бы с тобой, милой, в поход пойти,
И с тобой, милой, вмистях слезы проливать,
И с тобой вкупе, мой любезной, тосковать.
И для чего, милой, не зáйдешь посидеть?
— «И я не знаю, в кою пору доложить:
И ввечеру придти — в беседушки сидишь;
И во полночь придти — ворота заперты,
И заперты — крепко заложены;
По утру придти — отец-мать не снят,
И всё девушку стерегут и берегут,
И красавицу уберёгивают».

46

Что ль на риченьке-то было на Фалтанке,
Я младешенька ведь бйлье-платье мыла,
И дубовым да я валёчком колотила,
И пополам да этот вáлечек сломила,
И со обиды по пояс в воду скочила,
И туфельчки на правой ноге стомила,
Я бумажные чулочки замочила.
И мне не жалко, красной девушке, чулочков,
И мне-ка жалко-то, девйце, туфельчков,
Я чулочки сама да сострочила,
И туфли-милого дружочка подаренье.

47

Полно зимушке зимою зимовать,
Время летушку-то с вёсной наступать.
И полно, миленькой, тебе да пить-гулять,
И на мое сердце тоски да надавать!
И мне-ка так да теперь, девушке, ведь тошно,
И пособить да тому горюшку не можно.
И я последнюю-то веснушку гуляю,
Теперь последнее я лето работаю
И я последнее во девках коротаю,
И всё последнюю теперь зимушку играю,
И все последние ведь крайние денечки,
И вси разважны теперь с волюшкой часочки!
И хочет батюшко ведь замуж выдавать,
И рóдна матушка ведь с волей разлучать,
И выдать девушку ли меня не за ровню,
Не за ровнюшку ли замуж за старóго;

И за старым я, девка, в любви жить не буду,
И за старым мужем я да погуливать стану,
И себе ровнюшку я буду прибирать.

48

Из-за гор было из высоких,
Из-за лесушку было, лесу темного
Оттуль вылетал-то младенькой ясен сокол.
На лету ж его крылья примахалися,
И у доброго молодца кудри завивалися.
И завилися его кудрюшка ровно в три ряда
И во четвертой-то рядочик по плечам лежат
И точно жар горят [развиться хотят].
И тем кудрям бабы дивовалися.
Бабы дивовалися, девки любовалися,
И любовавшися, девушка, я замуж пошла,
И во замужестве воспокаялась,
И воспокаялась — пораздумалась,
И пораздумалась — порасплакалась:
— «Мне-ка лучше бы сидеть в красных девушках,
В красных девушках — в девичестве.
Мне-ка скопить бы золота казна,
Мне-ка съездить бы, красной девушке, столько
в Новгород,
Мне сходить бы, красной девушке, на рыночек.
Мне вокруг пройти, красной девушке, все бы
лавочки,
И взойти в лавочку мне бы, девушке, в углувую
И мне к купцу зайти да не к молодому,
И мне купить бы столько, девушке, рыбий гребешок,
И мне сидеть бы у родителей в новой горенке,
И в новой горенке под окошечком,
И мне чесать бы, красной девушке, буйна голова,
И мне плести бы, раскрасавице, коса русая,
И мне вплетать бы то, голубушке, алы ленточки».

49

Дунай-речка всколыхалася,
В реке рыба разыгралася,
В берега рыба кидалася.
Проведали про рыбиньку
Молоды гребцы-захарьевцы,
Поладили шелковы́ невода,
Клали плутевья серебряные
Проволоки позолоченные.
Эту рыбиньку поизловили,

Эту рыбишку--белужешку.
Стала рыбишка выплясывать,
Краспа девица выспрашивати:
— «Каково те, рыбишка, жить без воды?
Таково-то без милá дружка,
Без милá дружка, Иванушки?»
За то отдали в солдаты молодца,
Прописали в трое книги удалыца.
Горе-горькое солдатское житье,
Не по многу дают жалованья;
По три денежки на суточки дают,
Хошь ней, хошь ешь, молодец,
Хошь душу-красну девицу дари.
— «На первú деньгу я похлебочки куплю,
На другу — хлеба мяконького,
На третью — подарочек дорогой,
Подарочек дорогой -- перстень золотой.
Подарю красну девицу-душу».
— «Ты, миленькой-милóй,
Не хочу перстня носить,
Хочу на воду бросить,
Буду пового просить:
Ты миленькой, мой милóй,
Куши повенькой ипой,
Позолоченой, витой».

50

Ираво, матушка, мне тошенько,
Государыня родима, тяжеленько.
На роду такого не бывало,
Как вечор тоска пападала;
Нападала тоскичушка не мала,
Не мала да не велика,
На мою да на победную головку,
На мое ли на ретивое сердечко.
Вы, ребятушки молодые,
Молодые, молодые, удалые,
Молодые, удалые, холостые!
Ой, ты, цвет-цветочек,
Не ходи, дружочек,
Мимо мой садочек,
Не ходи, не буди,
Дорожки не тори.
Дорожки не тори —
Худой славы не введи.

Сидела Катенька в новом высоком терему,
 Вышивала Катенька кисейны новы рукава.
 И сваталось на Катеньке три удалых молодца.
 Сватался на Катеньке из Саратова купец.
 Я думала-подумала, к батюшке пошла:
 «Родимый мой батюшко, подумай обо мне,
 Замуж ли пойти, али в девушках сидеть?»
 — «Дочка моя Катенька, лучше в девушках сиди!»
 Сватался на Катеньке из Питембурга мещанин.
 Уж я думала-подумала, к тятеньке пошла:
 — «Родимой мой батюшко, подумай обо мне.
 Сватал меня, Катеньку, с Питембурга мещанин.
 Замуж ли пойти, али в девушках сидеть?»
 — «Дочь ли моя, Катенька, лучше в девицах
 сиди».

Сватает-то Катеньку молодой музыкант.
 Уж я думала-подумала, к батюшке пошла:
 — «Родимой мой батюшка, подумай обо мне.
 Замуж ли идти, али в девушках сидеть?»
 «Дочка моя Катенька, сиди в новой горенке,
 Вышивай-ка, Катенька, рубашечку себе,
 Выстрочи-ка, умненька, ты полотняную,
 Вышивай ли золотом ты топки рукава».
 Думала-подумала, замуж девка пошла.
 Выйду ль на улочку, скажут: чья это така,
 Чья така? — Музыкантова жена!
 Когда сыта-голодна, завсегда я весела!

При последнем-то по денечике,
 При минутным часбчике,
 Жарко, жарко-то во тереме,
 Пожарчее-то во високом;
 Жарко, жарко-то свещи горят,
 Пожарчее воску ярого.
 И красна девушка во тереме
 Слезно плакала.
 Приходил-то родный батюшка,
 Подходила родна матушка.

Если же отца или матери нет, то поют так:

Приходил-то родный дядюшка,
 Приходила родна тетушка.
 Приходил-то родный братьюшка,

Душу Марьюшку переводит:
— «Иди, Марьюшка, не шатйся,
За мой кафтан захватися,
За пуговики золотые,
За петельки шелковые.»
По край бѣрежка жукбвипка лежала;
Кому эту жукбвинку купити?
Купити не купити Ивану,
Держать не держати Марье-душе!

54

Я поеду ли, поеду в Нову Ладогу гуляти,
Молодой жене покупок закупати,
Привезу я своей женушке покупку —
Гальнетуровую шубку.
Я приеду ли, приеду-привезу ли:
— «Ты примаи ли, моя женушка, не чванься,
Душенька, ты сердце мое, не ломайся!»
Поглядите-тко, добрые вы люди,
Как жена меня, молодца, не любит,
Душенька-сердце меня ненавидит!..
Я поеду ли, поеду в Нову Ладогу гуляти,
Молодой жене покупок закупати.
Привезу своей я женушке покупку —
На головушку ей шелковый платочек.
Я приеду ли, приеду-привезу ли:
— «Ты примаи ли, моя женушка, не чванься.
Душечка, ты сердце мое, не ломайся!»
Поглядите-тко, добрые вы люди,
Как жена меня, молодца, не любит,
Душечка-сердце меня ненавидит!..
Я поеду ли, поеду в Нову Ладогу гуляти,
Молодой жене закупок закупати,
Привезу я своей жепушке подарок —
Вкруг сердечушка ей шелков поясочек.
— «Ты примаи-ко, моя женушка, не чванься,
Душечка, ты сердце мое, не ломайся!»
Поглядите-тко, добрые вы люди,
Как жена ли мужа-то не любит,
Она, радость моя, меня ненавидит!..
Я поеду ли, поеду в Нову Ладогу гуляти,
Молодой жене покупок закупати.
Привезу я своей женушке покупку,
Что подарок — шелковую плетку.
Поглядите-тко, добрые вы люди,
Как жена меня, молодца-то, любит,
И она меня не ненавидит —

Поблизешеньку она ко мне двигается,
Попизешеньку она мне поклоняется!..

55

Ах, пивна ягода по сахару плыла,
Да с-по меду́, меду́ круивчатому,
Да чтоль по сахару рассыпчетому;
Душа Марьюшка по бархатцу шла,
Приходила ко белу́ шатру,
Приходила ко дубову́ столу,
Бел шатер да растворён стоит,
Князь Ивап да за столом сидит,
Князь Васильевич да за дубовым:
— «Тебе хлеб да соль, детина-господин!»
— «Хлеба кушать, душа Марьюшка!»
— «Я не есть, сударь, не пить пришла,
Я пришла к вам позабавиться,
Попизешеньку раскланяться
И поиграть с вами в шашечки,
Во шашки да во шахматы,
Во все игры турецкие,
Во забавы молодецкие!»
Проигрался детина молодец:
Со правой руки значён перстенёк,
Со левой позолóченной,
Со кармана золоты́ часы,
Со друго́го позолóчены.
Усмехнулась красна девица-душа:
— «Не в досаду ли, детинушка,
Не в досаду ли, хорошенькой?»
Красна девица по бархатцу шла,
Душа Марьюшка, по аленькому,
И приходит ко белу́ шатру.
И приходит к дубову́ столу,
Бел шатёр да растворён стоит.
Князь Ванюша за столом сидит,
Князь Васильевич за дубовым:
— «Тебе хлеб да соль, детина-господин!»
— «Хлеба кушать, душа Марьюшка!»
— «Я не есть, сударь, не пить пришла,
Я пришла к вам позабавиться.
Попизешеньку раскланяться,
И поиграть с вами во шашечки,
Во шашки да во шахматы,
Во все игры турецкие,
Во забавы молодецкие!»
Проигралась душа Марьюшка-душа:

Со правой руки значён перстенёк,
 Со левой позолóченой,
 Со головушки-то волюшку,
 Со русбй косы лёнточку,
 Золотую перевезочку.
 Усмехнулся тут Иван то господин,
 Усмехнулся тут Васильевич:
 — «Не в досаду ль, красна девица-душа,
 Не в досаду ль тебе, Марьюшка,
 Не в досаду ли Ивановна?»
 Она брала трѳи зóлоты ключи,
 Отмыкала все комоды, сундуки,
 Вынимала тонко гладкое сукно,
 Тут кроила-то Иваушку кафтап,
 Чтобй кафтап не долог был,
 Чтобй он не корóтешкой,
 По подольчику раструбистый,
 По бокам он перехватистый,
 Чтобы легче на добрá коня скочить,
 Чтобы ехать ко божьей церквы,
 Ко божьей церквы, ко злату венцу.

56

I

С терема на терем Марья шла,
 Играйте, играйте горадже, горадже...
 Со высока на высок Ивановна шла.
 Играйте, играйте горадже, горадже...
 — «Не могу идти: башмачки глуздят,
 Играйте, играйте горадже, горадже...
 Башмачки глуздят, пяточки щемлят,
 Играйте, играйте горадже, горадже...
 Пяточки щемлят — пяты ломаются,
 Играйте, играйте горадже, горадже...
 Пяты ломаются, гвоздья щипляются,
 Играйте, играйте горадже, горадже...
 Гвоздья щипляются; полы дыбляются,—
 Играйте, играйте горадже, горадже...»
 — «Подьте, братцы, приведите коня батышкова,
 Играйте, играйте горадже, горадже...
 Батышков конь не пошел, не повез,
 Играйте, играйте горадже, горадже...
 Ко божьей церкви, ко злату венцу,
 Играйте, играйте горадже, горадже...
 Ко злату венцу — к золоту кольцу,
 Играйте, играйте горадже, горадже...»

С терема па терем Марья шла,
 Играйте, играйте горажке, горажке...
 Со высока па высок Иваповна шла,
 Играйте, играйте горажке, горажке...
 — «Не могу ийти: башмачки глуздыт,
 Играйте, играйте горажке, горажке...
 Башмачки глуздыт, пяточки щемлят,
 Играйте, играйте горажке, горажке...
 Пяточки щемлят, пяты ломятся,
 Играйте, играйте горажке, горажке...
 Пяты ломятся, гвоздя щиплятся,
 Играйте, играйте горажке, горажке...
 Гвоздя щиплятся, полы дыблятся,
 Играйте, играйте горажке, горажке...»
 — «Подьте, братцы, приведите Ивапова коня!
 Играйте, играйте горажке, горажке...
 Иванов-то конь и пошел, и повез,
 Играйте, играйте горажке, горажке...
 Ко божьей церкви, ко злату венцу,
 Играйте, играйте горажке, горажке...
 Ко злату венцу — к золоту кольцу!
 Играйте, играйте горажке, горажке...
 Играйте, играйте, играйте
 Горажке, горажке, горажке!..»

В ответ на эту песню невеста затягивает на тот же голос:

— «Уж как волюшка моя да миновалася...
 Играйте, играйте горажке, горажке!
 И руса косынька моя да расплеталася...
 Играйте, играйте горажке, горажке!
 И вся девичья игра да миновалася!..
 Играйте, играйте, играйте,
 Горажке, горажке, горажке!»

Много, много во сыроём во дубу,
 Много листу, много по́витья;
 И столько пету у сырого у дуба,
 Золотой пету вершиночки,
 Подзолоченой пет маковки.
 И много, много-то у девушки,
 Много роду, много племени,
 Много срóдчев, много срóдничков,
 И столько пет у красной девушки,
 Нет родителя-то батюшка,

Нет желанной родной матушки;
Нету братцев — ясных соколов,
Нет сестриц да белых лебедей.
И выдавать-то замуж есть кому,
И наградить-то младу некому.
И выдают всё чужий люди,
Чужки люди, незнакомые,
Всё суседи спорядовые.

58—59

Из-по сухому по дереву,
Ко выську ко терему,
По мостиночкам дубовым,
Перекладнишкам кленовым,
Как идет наша-то барыня,
Княгиня наша — сударыня,
Марья свет да Ивановна!
Тонка идет тетивочка,
Зеленá идет травичочка
Ко великой ко заботушке,
Во большой да во сколотушке,
Во большой да во головушке.
Она мила — доброладная,
До несчастных желанная;
Родителям — утешенье,
Свекорьям — облегченье,
Дому — заботница,
Мужу — работница...

Из-по сухому по дереву,
Ко выську ко терему,
По мостиночкам дубовым,
Перекладнишкам кленовым,
Как идет-то наш барин,
Князь наш сударик,
Иван наш Петрович,
Светушко наш светович!
Походь с утолокой,
Глаз с подволокой,
Желтые кудельки,
Белые зубеньки.
Он мил — доброладен,
До бедных — желанен,
Родителям — подкрепление,
Богоданным — утешение,
Всем — радость, веселие,
Дому — радение...

Завтра в день прекрасный
 За малишкой в лес пойду.
 Я умоюсь-уберусь,
 Да пойду маменьку спрошусь:
 — «Родимая ты маменька,
 Пусти в лес по ягодки!
 Если спустишь, аль не спустишь,
 А все ж украдучись уйду,
 Я украдучи пойду
 И малинки наберу;
 Я малинки наберу,
 Во шелков платок свяжу,
 К милу дружку понесу».
 В высок терем подошла,
 Милу дружку подала.
 Милый ягодок не примет,
 Ничего не говорит:
 Милый не отказывает,
 А и не приказывает!
 Уж я топнула ногой,
 Прикачнула головой,
 Пошла с терема долой,
 Ушла с терема домой:
 Оставайся, черт с тобой!
 Не ломайся падо мной!
 Над моей русой косой,
 Над девочьей красотой!
 На ступенечку ступила,
 Призадумалася я;
 На другую наступила —
 Образумилася;
 Я па третью ступила:
 — «Оброчусь, пойду назад!
 Дружку выпеняю,
 Глаза выстрекаю!»

Во городе кровать,
 Люли, люли!
 В пригóроде тесовая,
 Люли, люли!
 Перинушка пуховая,
 Люли, люли!
 Сголовьице высокое,
 Люли, люли!
 Там детинушка спал;

Люли, люли!
Пробуждаться стал.
Люли, люли!
К нему матушка подходит,
Люли, люли!
По головушке проводит:
Люли, люли!
— «Ты, дитятко, встань!
Люли, люли!
Роженный, пробудись!
Люли, люли!
На море корабль
Люли, люли!
С красным золотом ушел!
Люли, люли!»
— «Не могу я, мати, встать,
Люли, люли!
Ни рукі, ногі поднять,
Люли, люли!
Ни буйной я головушки!»
Люли, люли!
Во городе кровать,
Люли, люли!
В пригóроде тесóва,
Люли, люли!
Перинка что пухóва,
Люли, люли!
Сголовьце высоко.
Люли, люли!
Там детинушка спал;
Люли, люли!
Пробуждаться стал.
Люли, люли!
К нему матушка подходит,
Люли, люли!
По головушке проводит:
Люли, люли!
— «Дитятко, встань,
Люли, люли!
Рожено, пробудись,
Люли, люли!
На море корабль
Люли, люли!
С чистым сéребром ушел!»
Люли, люли!
— «Не могу я, мати, встать,
Люли, люли!
Ни рукі, ногі поднять,

Люли, люли!
Пи буйной головы!»
Люли, люли!
Во городе кровать,
Люли, люли!
В пригороде тесова,
Люли, люли!
Перинушка пухова,
Люли, люли!
Сголовнице выско.
Люли, люли!
Там детицушка спал,
Люли, люли!
Пробуждаться стал,
Люли, люли!
К нему матушка подходит,
Люли, люли!
По головушке проводит
Люли, люли!
— «Дитятко, встаешь!
Люли, люли!
Рожепо, пробудись!
Люли, люли!
На море корабль
Люли, люли!
С красной девицей ушел!»
Люли, люли!
— «Ты подай, мати, чулки,
Люли, люли!
Поскорее сапоги.
Люли, люли!
Я вскочу да полечу,
Люли, люли!
Я кораблик захвачу:
Люли, люли!
Красну девку уведу,
Люли, люли!
В божью церковь поведу —
Люли, люли!
Козлатому ко венцу!»
Люли, люли!

Во Китай во крепком городе,
На ковре на красном золоте.
У стола, стола дубового,
Против зеркала хрустального

Чесал кудри добрый молодец;
 Он чесал их — перечесывал,
 Красну девку перекликивал:
 — «Уж ты, девица, извей кудри,
 Красавица, мои русые!»
 — «Погоди ж, я кудри перевию,
 Перевию я кудри русые.
 Не у вас я ела-кушала,
 И не вас и буду слушати!
 Ела-кушала у батюшки,
 Буду слушать родню матушку!»
 Во Китай во крепком городе,
 На ковре на красном золоте,
 У стола, стола дубового,
 Против зеркала хрустального
 Чесал кудри добрый молодец;
 Он чесал да перечесывал,
 Красну девку перекликивал:
 — «Уж ты, девица, извей кудри,
 Красавица, завей русые!»
 — «Погоди ж, я буду перевию!
 И твое все ем и кушаю,
 И тебя теперь и слушаю!»

63

Во лужах, во лужах, во зеленых лужах,
 Вырастала трава шелковая,
 Расцветали цветы лазоревые.
 С той травы, с той травы,
 С той травы я выкормлю коня,
 С той травы я выглажу его.
 Уберу коня, уберу коня,
 Уберу коня во злату узду серебряную.
 Подведу коня я к батюшке,
 Подведу его я роденькому.
 — «Батюшка, ах ты батюшка, родимый мой отец,
 Выслушай, выслушай, выслушай слово ласковое,
 Полюби слово приветливое.
 Не отдай меня за старого замуж.
 Старого мужа насмерть не люблю,
 Лучше я буду во девушках сидеть,
 Лучше буду я во красных сидеть!»

64. ВЕЛИЧАЛЬНАЯ Д. А. АГРЕНЕВУ-СЛАВЯНСКОМУ

26 декабря 1887 г.

Не ясен сокол в тепло гнездышко слетает,
 Не красное солнышко теперь распекает,
 По этим по светлым по светличкам,

По этим столовым по горничкам,
По этим по теплым по спальням,
Не светёл месяц что просветливает,
Путь дороженьку прокладывает
Со луной да с поднебесною,
Со звездой да с подвосточною,
Он во свету во светличку,
Во столову нову горничку —
То со стадушком гусиным,
Со другим да с лебединым,
С гордой поступью, вальяжной
Выступает плавно, важно
Господи ли наш Славянский,
Свет наш Дмитрий Александрович!

65. ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Свой дом — не коза, рогами не бодёт.
Кто где родился, тому тут Иерусалим.
Чужая сторона не медом полита, не сахаром обсыпана.
Хорошо жить в людях, да тяжело в грудях.
Чужая сторопа старит, а своя кочка гладит.
Спородила меня мама, да не приняла яма.
Живешь доле — греха боле.
Умрет пьяница, тридцать лет дух не выходит.
Пьянство — души потопление, семейству разорение.
С пьяным, с упрямым пива не сварить, а и сварить, так не выпьешь.
Ласой гладит, а другой в щеку ладит.
Нет разума под кожей, не будет и на коже.
Вот уж торговала я в лавочке, да вышла с палочкой.
За добрым мужем, как за городом, за худым мужем и огород-бица нет.
Из чина в чин, а домой ни с чим.
В сорок лет всяко наживешься — на коне и под конем, на горе и под горой, Афанасия батюшкой назовешь.
Приводит нужа к поганой луже.
Бывает дотычка и до худого лычка.
Тоске воли не давай: не тужи горе, хвали горе, чтобы горе не плакало.
Терпи голова, с кости скована.
В мире не одны двири.
Захоче есть брюхо, ест и сухо.
О хлебе человек-от тверд.
Наказанным разумом да надутым ветром не долго живешь.
Солдата не зови братом: с солдатом дружись, а топор за кушаком держись.
Народ мудренее, а земля пустее.
Стали крестьяне разживаться, а от семян земли оставаться.
Изо ста муж, из тысячи жена: у черта голову сорвала да другому подклала.

Каргополы-долгополы! Подьте к пам почевать — у нас сено
зелепо да просьба солепа, тетки молоды да толсты.
Дал бог ума — два гумна да ригач.
Голоду да холоду засики стоят, голоты да босоты гряды ломаются.
Сошлись с Москвы и с Вологды и оба голодшы.
Доходы Ошевенски, а расходы Соловецки.
Случилось видать да печего дать.
Нос отстал, так хвост пристал.
Не все болести, а ипо и с горести, а ипо и с досады.
Чей бережок, того и рыбка.
Маломощной как може, а богатый как хоче.
В таку валеную сторону наб ходить в лантишках.
Не все что мед — то и ковшем.
Ковшем почерпнула, двумя вычерпнула.
Сани в деле, да полозьев нет.
Сколько черта не крести, а он все в воду лезет.
Вкруте береза ломится, а исподволь и ольха гнется.
Свет дорогой, сегодня день не такой.
Хоть и честен солдат, да шинель на нем вор.
В Киеве кобыла пропала и хвост в зубах.
Ни в сани, ни в дровни, ни в пепь, ни в колоду, ни в лес,
ни в воду.

Родители мои — Андрей Ефимович да Елена Петровна — были прожиточные и степиные; мать — бойкая, на 22 души пекла и варила и везде поспела, не рыкнула, не зыкнула; отец рьяной — буде прокричал, а сердцов не было; был еще брат, да две сестры, а в них толку мало; я ж была сурова, по крестьянству — куды какая: колотила, молотила, веяла и убирала; сева не паймуют, а класца паймуют; 8-ми год знала, на каку полосу сколько снить; 6-ти год на ухаж лошадь гоняла и с ухажка домой пригоняла; раз лошадь сплеснулася, я пала; с тех пор до теерь хрома. И грамотой не грамотна, зато памятью я памятна, где что слышала, пришла домой, все рассказала, быдто в книге затвердила, песню ли, сказку ли, старицу ли какую. На гулянку не кехтала, не охотила, на придиму беседу отец не спущал, а раз в неделю молча уходила; приду — место сделают у свитца, шутить была мастерица, шутками да дурками всех расшевелю; имя мне было со изотчишой, грубного слова не слышала: бедный сказать не смел, богатого сама обожгу... Стали люди знать и к себе приглашать — свадьбы играть и мертвым честь отдавать.

С малолетства любила я слушать причитанья; сама стала ходить с причетью по следующему случаю: суседку выдавали замуж, а вопленицы не было. Кого позвать? Думали-гадали, а все-таки сказали:

— «Кроме Иришки некому».

На беседах дала себя знать, бывало, там свадьбой играли, и я занарок причитывала. Ну и пригласили; мать отпустить не смиеет. Писарь волостной был сродник невесте, пристал ко мне и говорит:

— «Согласись, мы уговорим отца, не выдаем тебя в брань да в ругательство».

Согласилась, произвела свадьбу. До весны дело дошло, стали звать на другую свадьбу, отец и говорит:

— «Не для чего ее приглашать: ведь не знает она пичего».

— «Как не знает? По зиме у суседки причитала».

Отец возгорчился:

— «Кто, скаже, позволил?»

— «Писарь Петр Кондратьевич, — отвечала мать, — да голова Алексей Андреевич».

— «Ну, когда эдакие лица просят, так пусть, для меня как хочет, дело ейное».

Замуж вышла 19-ти лет; женихи все боялись, что не пойду, да и я того не думала и в уме не держала, чтобы замуж идти: сама казпу паживу да голову свою кормлю. Перво — сватали за холостого, парня молодого, родители не отдали. После мпогие позывали, да сама не хотела — будь хоть позолоченый — не пойду. Тут люди стали дивоваться, а я замуж собираться, пал на сердце немолодой вдовец — знать, судьбина пришла. Дело было так: приехала сосед с дочерью в гости, у нас в деревне была «беседа игримая». Старик-гость сидит да толкует с отцом, а я говорю отцу:

— «Слусти на беседу».

— «Куды? — Говорит. — Можно и дома, греха-то тут на душу».

Гость упрощивает, чтобы отпустил:

— «Она, скаже, такая разумная да к людям подходительная — отпустить можно».

— «Не спущу, — отвечал отец, — лучше не говорите».

Замолчала я, села пряться и в ум взяла: «Не поеду за сеном, не пошлешь низачто».

Смотрел, смотрел отец:

— «Что, скаже, груба сидишь? Ступай на беседу, коли охота такая привязалась!»

И просто-запросто, в сарафаче-костычь, в фартучке, прятлицу в руки — и на беседу. Место сделали, приехавшая гостья и подзывает:

— «Сядь-ко ты подли меня, ешь поговорить. Девко! Думашь ли замуж?»

— «Нет жениха», — говорю я.

— «Жених есть, да не смеет звать — не пойдешь».

— «Для чего, — отвечаю, — завету нету, прилюбится, и ум отступится; судьба есть, так пойду. Какой такой?»

— «Удонец — ужели не запомнишь? Петр Трифопович».

— «Какой такой «шестрый воскрес», какое у его семейство?»

— «Сын да дочка, сын жешатой, да у сына двое детей».

— «Фатеру знаю, а жениха не знаю».

— «Девко, можно идти, участочек хороший, а ты бойкая, сам он год шестидесяти».

— «Ну, это дело терпящее, ночью с ангелом подумаю, а утром скажу; отцу не докладайте».

С беседы пришла до первых петухов, не ем, не пью, мать заместила:

— «Что ты, скаже, сдияла? Сурова ты. Что ты, голубонько, кручинишься?»

Легла спать, не спится, а думается, в девушках сидеть или замуж идти.

— «Ну-ко, беседница,— утром рано подымал отец,— на ригач вставай — молотить».

Встала, дело делаю, а сама не своя. Повела думу невестке, хозяйке братовой:

— «Баба, скажу, замуж зовут».

— «Ну что, говорит, ведь ты не пойдешь».

— «Нет,— отвечаю,— можно. Как сваты приедут, Ермиловна, ты скажи им, где я, там я посмотрю жешиха».

С овина отпорядничалась, случились повозники в Толвую — на Горки. И подавалась родителям, спустили, и я в гости съехала; отсюда на свадьбу позвали в Заозеро к Мустовым. Женихи приехали к отцу, их повестили, куды я отправилась; приехали оны на Горки, где я в гостях, и здесь не застали, велел за мной — в Заозеро. Сижу я там и пою со слезами, обидуюсь, как слышу вдруг в горнице самовары готовят, большухи уху варят. К крыльцу три мужика на двух лошадях подъехали; гляжу один знакомой, другого не узнала даже; в умах нету, что женихи маехали. Богу помоллились, но фатеры похаживают. Один из них, Петр Андреевич, и говорит:

— «В тебе нуждаются, ты далеко заехала, мы за делом были у вас — сватать. Ну, как слышно, есть в Кузарапде свадебка? Ведь дело заговельное».

«Бог ли пощесет, с воли да в подшеволье»,— ответила я.

— «Нет уж, как хощь, надо идти, мы такую даль ехали».

— «А где же жених?» — спросила я.

— «А вот он по фатеры похаживает»,— сказал Петр Андреевич.

— «Я неволи не лисица, не объем, не обцарапаю; пусть сам заговорит, не 17 лет».

Жених сел подле меня и говорит:

— «Идешь ли замуж?»

— «Не знаю,— идтить ли».

— «Иди, говорит, не обижу»,— стал подбивать и подговаривать.

— «Век так ласкает ваш брат».

Со свадьбы отправилась я в Толвую, где в гостях, скоренько разделась, поужинала, приехал и жеших; сижу я за прялкой; он подсел и говорит:

— «Умиешь бойко прясть».

— «Еще бы, говорю, не в лисях родилась, не пням богу молилась. Ну, что ты, говорю, берешь меня, я человек молодой, ты матёрой; мне поважено по свадьбам ходить да игры водить; вы люди — матёры, варить не будете: какое будет житье, биси в лисе насмиются. Да и мне неохота выходить. Выйдешь, замужье — не хомут, не спихнешь: не мило, да взглядывай; не любя свекровка, звать ю матушкой; хúdo мое мужишко — веди его чином».

Жених на это заметил:

— «Не крепка жена умом, не закрепишь тыном».

— «Ну, когда так,— порешила я,— пойду. Что будет, хоть худо, хоть хорошо, а ты помни: дом вести — не бородой трясти, жену, детей кормить — не разиней ходить. Тенерь посэжайте на родину скорие, а то, смотрите, мужики за бревнами уедут; дело затынется — долго ждать».

Оны отправились, а мы легли спать; не спится мне: к худу ли али к добру тянет; сон на глаза пойдет. На улице стало нà свет похоже, сестра печку затопила; гляжу — брат приехал за мной, я сплю — не сплю, сестрия будит: вставай, брат приехал. Встала, поздоровалась.

— «Тебя, говорит, сватают».

— «За кого, спрашиваю, будто сейчас и слышу, не знаю жениха. — Не пойду, говорю, здесь останусь; бог с ним, кто такой там приехал».

«Поедем, говорит, не велено оставить».

Оделась, поехала. Дома народу много, женихи в больщом углу; я глаза перекрестила, поклонилась — быв ветреная мельница; там отец с има займется, а я и не гляжу на женихов. В печке все стонилось, я кóлобы раскленала. Гляди, жених,— я знаю шить и кроить, и коровушек доить, и порядню водить. Тут паладила пойво — и в умах пету, что в избе женихи, порядничаю. Оны позвали родителя в сени: пойдем, дескать, есть поговорить. Сопли — поговорили. Отец с матушкой меня — в особый покой.

— «Что, дочь, говорят, женихов приказала? Идешь ли замуж?»

— «Как хотите,— отвечала я,— на воле вашей, вы кормили-нопли, дочь я ваша и воля ваша».

Отец поразмыслил и объявил женихам:

— «На хлеб-на соль милости просим, а по это дело нé по что».

Народу в избе множество — деревнище большое; еродинки стали подговаривать — тут и я говорю:

— «Что ж, родители, куда воды полилась, туда и лейся; пойду, что господь даст; худо ли, хорошо ли будет, ни на кого не подсудячу».

Мать завьла и говорит:

— «Что ты, дитятко, что ты оставляешь, покидаешь нас, на тебя вся надежда».

— «На меня, отвечаю, падия какая? От девок певелики города стоят; остается у вас сын, еще дочь, пвестка; мы, девушки — зяблые семена, пенадежные детушки».

Родитель-отец взял свещу затопил, по рукам ударили, я заплакала, пошло угощение; завзала я девушек, в гости поехали, а там — песни, игры, танцы. Матушка ужасно жалила, суседи срекались:

— «Что ходила по свадьбам, да находила, двадцатилетняя девушка да идет за шестидесятилетнего старика; не стане жить-любить старичонка, удовщище ведь он да посиделище».

13 лет жила я за ним и хорошо было жить; он меня любил, да и я его уважала; моего слова не изменил, была воля идти, куды

хочешь. Помер он в самое рождество. Все жалел меня, покойная головушка:

— «Не пожить тебе так, выйдешь замуж,— говорил оп.— пь-бьнешья ты, напатаешься».

Вдовой жила от рождества до Филиппова заговенья. Была копейченка моя и его — в одно место клали... Сначала жила и в умах не было закон переступить. Тут стали звать за Якова Ивановича с Кузаранды.— «Пойду ли? — говорила.— Что вы? Женых ли Федосов?»

Пришел его брат — сватать, отперлась. За тем старушка дядина ко мне-кова по вечеру, стали беседовать.

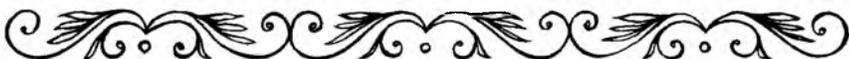
— «Поди, говорит, за Якова».

Подумала-подумала и согласилась. В тот же вечер жених с братом ко мне: кофеем напоила, посоветовала, слово дала. На другой день я состою с постелью — а он с зятем уж тут; на стол закуску, подку, самовар поставила, по рукам ударила, жениху подарила рубашку, зятю полотенце. Животы прибрала, а потом и к вещи. Немного причитала; от венцу встретили родные, провели в горницу, отстоловали порядком. Дядина да диверь бранить стали, всю зиму бранили, привидла всего; Яков мой такой нехлопотной, а оны базыковаты, обижали меня всячески. По весны Яков отправился к Соловкам — а я все плакала да тосковала. Все крестьянство у их вела; весной скотину пасти отпущали, и я сойду, бывало, сяду в лисе на деревинку или на камышок и начну плакать:

Не кокошица в сыром бору кокуе,
Это я, бедна-кручинная, тоскую:
На катуем да сижу я синем камышке,
Проливаю горьки слезы во быстру реку...

Плачу, плачу, затым и песню свою с горя:

Во тумане красно солнышко,
Оно во тумане:
Во печали красна девушка,
Во большой заботы.
Взвещевало мое сердце,
Взвещевало зло-ретливо,
Мне-ка не сказало:
Сердце слышало велику над собой невзгоду,
Что вконец моя головушка,
Верно, погибает...

ПРИМЕЧАНИЯ

В настоящем издании представлены записанные от И. А. Федосовой собранные тексты всех жанров, которые она исполняла. В случае повторных записей выбираются наиболее исправные (как правило, записи Е. В. Барсова — см. вступительную статью). Все тексты печатаются полностью, без сокращений, в том виде, как они были опубликованы собирателями. Исключения составляют свадебные причитания, если рассматривать III том «Причитаний Северного края» как единый текст, и две песни (49, 60, см. примечания). Из III тома выбраны законченные пассажи из всех этапов свадебного обряда. Все ремарки, поясняющие *кто, в каком случае, обращаясь к кому* и т. д. причитывает, печатаются курсивом. В некоторых случаях ремарки подверглись редактированию или уточнению (см., например, «О холостом рекруте»).

Текстологическое редактирование осуществлено по правилам, разработанным «Библиотекой поэта» (Большая серия) издательства «Советский писатель», и выразилось главным образом в приведении устаревшей орфографии к современным нормам и в некоторой правке фонетической стороны записей. Во всех случаях, когда собиратели передавали при помощи фонетической транскрипции слово, произношение которого не отклоняется (или отклоняется весьма незначительно) от литературной нормы, написание его заменялось литературным (например, *ярово* — ярого, *горемышный* — горемычный, *друж* — друг, *собираетца* — собирается и т. д.). Не сохраняются и такие особенности диалекта, которые затрудняют художественное восприятие текста и могут представить интерес только для специалиста-диалектолога (например, *бладой* — младой, *гля* — для, *оци* — очи, *девоцы* — девочки, *птича* — птица и т. д.). Восстанавливается литературное написание слов с непроницаемыми согласными (например, *милославый* — милостливый, *пезгода* — повзгода, *слать* — стлать и т. д.).

Исправлениям также подверглись явные опечатки или описки собирателей. Остальные случаи существенного текстологического редактирования оговариваются в примечаниях. В текстологических примечаниях к песням отчасти использованы материалы Н. С. Полицук, приготовленные для неосуществленного трехтомного издания Федосовой, которое готовилось ею и составительным настоящим сборника в 1958 — 1960 гг.

Областные и малоизвестные слова объясняются в словаре. При пользовании словарем следует иметь в виду, что могут встретиться слова, близкие по звучанию и начертанию к словам, употребляющимся в литературном языке, однако не совпадающие с ними по своему значению вообще или в данном контексте. Наиболее трудные случаи объясняются в примечаниях (ср. «возраст», «природа», «сурово», «хобот», «крутить» и др.).

Примечания имеют объяснительный характер. Историко-фольклористические или сравнительно-фольклористические цели при этом не преследуются. Вслед за сведениями о времени записи и собирателе, записавшем текст, сообщаются данные о повторных записях от Федосовой, обосновыва-

ется текстологическая правка (если она была необходима) и предлагается объяснение некоторых наиболее трудных для понимания строк и выражений.

Условные сокращения

Агренева — О. Х. Агренева-Славянская. Описание русской крестьянской свадьбы, вып. I — III. Москва — Тверь, 1887 — 1889.

Барсов — Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым, т. I — II. М., 1872—1882; III том — в «Чтениях в Обществе истории и древностей российских при Московском университете», 1885, ч. III и IV (пагинация сквозная).

ОГВ — Олонецкие губернские ведомости.

ПЛАЧИ-ПОЭМЫ. ПОХОРОННЫЕ И РЕКРУТСКИЕ ПРИЧИТАНИЯ

1 О СТАРОСТЕ — зап. Е. В. Барсовым в 1867 г. (Барсов, I, с. 282—288.) Впервые — «Современные известия», 1870, № 212. В обеих публикациях — очевидно, по цензурным обстоятельствам — были выпущены строки от «Как сберутся в божью церковь посвященную» до «Как у старых стариков было рассказано», в которых современным Федосовой несправедливостям противопоставляются «повгородские времена». Эти строки были отдельно опубликованы Барсовым в статье «Об олонецком неспотворчестве» в «Записках Русского географического общества», т. 3, с. 516 и повторно в предисловии ко II тому «Причитаний Северного края» (с. XII), в первом случае с прямым указанием: «Из плача о старосте». Место выпущенных строк, видимо, указано Барсовым строкой точек после строки: «Без Иисусовой молитвы намолитася». Полностью текст плача публиковался в сб.: «Причитания» в «Библиотеке поэта» (Большая серия). Л., «Сов. писатель», 1960, с. 53—58.

Плач возник на основе факта, произошедшего в августе-сентябре 1867 г. (см. вводящую статью, с. 18—19). Н. А. Некрасов использовал этот плач в гл. «Демюшка» поэмы «Кому на Руси жить хорошо» (см. проезд «судей неправосудных», проклятие «судьям» и др.).

«Общество собранное». «Общество» или «община» — крестьяне одной волости или одного прихода. «Земская изба» — официальное помещение крестьянской общины. Земская изба кузарандской общины помещалась в д. Юсова Гора. «Уж нет ли где корыстного делишечка», т. е. не продавали ли крестьяне хлеб нового урожая до уплаты податей. «Уж не бросит же участков деревенских». В XIX в. известно несколько десятков случаев бегства олонецких крестьян. Бежали не только семьями, но иной раз и целыми деревнями, селились в глуши, заводили там хозяйство, пока губернское начальство не открывало никому не известные селения и не ставило их в прежнюю зависимость от государства (см., например, ОГВ, 1866, № 23—28, «Дорожные заметки» М. Г. и др.). Н. Флеровский в книге «Положение рабочего класса в России» (М., 1869, с. 89 и сл.) рассказывает о бегстве более пятисот семей из Олонецкой губ. в южные области России. «Хоть своей казны теперь да долажайте-тко». Старосты и другие выборные своим имуществом отвечали за исправный сбор податей. «...острова да эти Кижские». Кижский остров — один из заонежских островов, центр кижского прихода, знаменитый деревянным архитектурным ансамблем. «...во общество во Толую». Кузаранда, в которой до переезда в Петрозаводск жила Федосова, входила в Толвуйскую волость Петрозаводского уезда. Кижы и Толуя находятся на противоположных (южном и северном) оконечностях Заонежского полуострова. «Земские вси избы... часовенки спасенье». Речь идет о настулении на крестьянское самоуправление («Будут земские вси избы испражняться», т. е. пустеть), об учреждении института мировых посредников («Сквозекозны судьи да присылаются»), о преследовании староверов и т. д. «На пути злодий смертушка стретала». Староста, по-видимому, умер по дороге из петрозаводской тюрьмы домой в Кузаранду.

2. О ПИСАРЕ — зап. Е. В. Барсовым в 1867 г. (Барсов, I, с. 288—293.) Барсов опубликовал под заголовком «Из плача о писаре». Причины не ясны.

М. б., в опущенной части рассказывалось об истории и причине гибели писаря — крестьянского заступника. Легенда о происхождении Горы использована П. А. Некрасовым в поэме «Кому на Руси жить хорошо» в так называемой «легенде о ключах от счастья женского» (гл. «Бабыя притча»). В настоящем издании восстанавливается порядок строк «*Как в досюльные времена... вроде как козлиная*», нарушенный в издании Барсова при наборе или переносе. «*В подземельные норы ключ поладился, Где сидело это горюшко великое*». В тексте Федосовой есть некоторые противоречия: в первой части легенды говорится о том, что Гора само спряталась ввод колодинку; во второй же части оказывается, что в море-окиян были брошены только ключи от подземелья, в которое было посажено Горе. «*К писарю*». После этой ремарки дается как бы реальное объяснение легенды. «*Ты про отцова крестьян да православных*», т. е. про крестьянское житье бытие. «*Вся отцовщина у них ночь придержалась*», т. е. кончилось все хорошее, что было раньше (при отцах). «*Ис насыпаны... у их халбушкова*». О недородях, голоде и эпизоотии в северных деревнях в 1864 — 1867 гг. (см. вводящую статью, с. 16—17).

3. ОБ УБИТОМ ГРОМОМ-МОЛВИЕЙ — зап. Е. В. Барсовым в 1867 г. (Барсов, I, с. 245—252.) По старинному крестьянскому поверью, каждый убитый молнией убит Илей пророком, «громовником», за какие либы прегрешения. В причитании Федосовой Илья получает на это разрешение и пашу, а убивает на троичной неделе (когда начинаются грозы). Поводом для кары является то, что крестьянин во время грозы продолжает работать (что считалось грехом), в то время как другие укрываются по домам и молятся. «*Светлый владычный божий праздник*». Владычный, т. е. относящийся к числу самых главных церковных праздников; здесь: паша. «*Как схватилась спорядная соседушка за свою она надежную головушку*», т. е. соседка спохватилась, где же ее муж. «*Город Петровский*» — Петрозаводек. «*Все авось снались за крестьянской работушкой*», т. е. прилежно трудилась на поле.

4. О ПОТОПНИХ — зап. Е. В. Барсовым в 1867 г. (Барсов, I, с. 252—267.) В основе причитания лежит факт, известный по полицейскому сообщению в «Олонекских губернских ведомостях» от 30 сентября 1867 года (см. вводящую статью, с. 19—20). «*Снарядилась мы... не затопляли*». Характерное для причитаний объяснение несчастья грехом, совершенным кем-нибудь из родных. «*Судищушка*» — Судьба-Доля, мифическое олицетворение судьбы. «*Морюшко*» — огромные размеры Онежского озера (площадь зеркала свыше 10 тыс кв. км.), его глубина (до 120 м), постоянная волна морского типа объясняет то, что в песнях и причитаниях оно нередко называется «морем», «морюшником». «*Ветрышки способные*» — попутные ветры. «*Не радио я, победна, во добры люди*», т. е. не пожелаю я добрым людям. «*Быв на синем я славном этом морюшке*» — как будто я все еще в море. «*Я схватилась за родителя за багюшка*», т. е. я спохватилась, вспомнила об отце. «*Повозничек любимый*». Девушка называет брата традиционным для свадебных и похоронных причитаний названием «повозник», т. е. тот, кто возит ее на гостинице (гуляния) к родственникам в другие деревни. «*Попазат бы могилу*». Придя на кладбище в родительский день, прежде всего обметали могильный холм. «*На гербовый лист-бумажку обчилили*», т. е. записали все на гербовую бумагу. «*Я бы ворону, победна, во темных лесах*». Ворон — грабей, панадение, разбой. У Барсова явно ошибочно: «*Я бы ворону...*» В этом случае не ясно, что именно «не радела бы» (т. е. не желала бы) «ворону» (либо кому «не радела бы» «ворона»). «*На кирпичную, звать, печеньку ложила. И сосновую лучину подстилала*». Новорожденного полагалось обнести вокруг избы и в первую купель положить «дары» — зерна, соль, деньги, чтобы обеспечить ему хорошую жизнь. Причитывающая хочет сказать, что мать, положившая ее на кирпичную печь и заносившую лучину, виновата в том, что последующая жизнь ее сложилась столь несчастью.

5. О ПОПЕ-ОТЦЕ ДУХОВНОМ — зап. Е. В. Барсовым в 1867 г. (Барсов, I, с. 293—298.) Использован Н. А. Некрасовым в гл. «Демущка» поэ-

мы «Кому на Руси жить хорошо» (гибель ребенка, судебно-медицинское вскрытие его тела, роль попа и т. д.). «Начало полагал он по-писаному», т. е. вступительную молитву он читал так, как полагается по писанию (по церковным книгам). «Он закону-то, отец, не поступает», т. е. не нарушает закона. У Барсова ошибочно: «Он закону-то, отец не выступает». «Быдо дитячко буде исповедано» — как будто ребенок был раньше исповедан. «Рукописаши». Речь идет о документе, удостоверяющем, что ребенок умер естественной смертью. «Ризы опальные» — неясная строка; м. б., «пальные» (?), светло-желтые. Похоронный обряд полагалось отправлять в белых либо светлых ризах.

6. ОУ УНЬЯИСЛИВОЙ ГОЛОВУШКЕ — зап. Е. В. Барсовым в 1867 г. (Барсов, I, с. 271-282.) «Владычий праздниск» см. примеч. к № 3. «Я у уньяисливой». У Барсова ошибочно: «Я у пняисливой». «Тут я тяжкого греха-то залучила» — тут я впала в тяжкий грех. «Царский кабак». Все питейные заведения в России принадлежали царской фамилии. «Произвел» здесь: произл. «Нятисотские» — выборные помощники старосты от 500 человек. «Рассыльные» — крестьяне, выполняющие распоряжение старосты или старшины. «Вперед да в божею церковь приходило». Имеется в виду венчание, которое было началом несчастий причитывающей. «Райские двери» (или царские) — средние двери в иконостасе, против которых ставили жениха и невесту во время венчания. «Стол княженецкий» — свадебный стол в доме жениха. «Наступили» — здесь: взглянули. «Наб сидеть им тут у тела запитуемого». До начала следствия полагалось охранять труп. «Петров город» — Петрозаводск.

7. Ю МУЖУ — зап. Е. В. Барсовым в 1867 г. (Барсов, I, с. 1-44.) Публикуемый текст является характерным примером превращения традиционного вдовьего причитания в плач-поэму, рисующую широкую картину крестьянской жизни той поры. Плач особенно замечателен выразительным описанием положения вдовы и ее детей в большой патриархальной семье после смерти мужа. В гл. «Трудный год» поэмы «Кому на Руси жить хорошо» И. А. Некрасов использовал многие мотивы и образы этого причитания (см. отрывок «Теперь уж я не дольщика...», описание ужина в крестьянской семье, плач Матрены Тимофеевны и др.). «По подоковыю столыпаться» — здесь: нищенствовать (просить милостыню под чужими окнами). «Со детиною» — с детьми. «Калека (точнее, «калика». — В. и К. Ч.) перекожая» — странствующий нищий. «Дверная лавочка» — лавка, расположенная у дверного угла. «Посадить на дверную лавку» — значило не оказывать внимания. «Деревня садовая» — обсаженная садами, красивая. «На речи не ставишься» — не желашь разговаривать. «Прохладная жирушка» — хорошая жизнь. «Во пятницу засияны... во среду спороженья» — пятница и среда считались постными днями. Быть зачатым в пятницу означало родительский грех и сулило ребенку несчастную долю. «Победное живленьице» — жизнь, полная беды. «Наб за прялкой сажени ки не дотягивать» строка не совсем ясная. По-видимому, надо, меряя выработанную прялку, не патыгивать ее, отмерять с запасом, чтобы не было попреков. «Инос живленьице» — тот свет. «Никольская улица, Варварская буева» — кладбище, могила. «Ухожу детушек» — уложу детей спать. «Повону — стоит палата грановитая», т. е. снаружи может показаться, что это палата грановитая. «Как пройдет худа слава нехорошая, Тут отрекнется порода именная». По обычному крестьянскому праву XIX века вдова с детьми могла лишиться доли в хозяйстве, если она навлекла на себя дурную славу. «Край пути нашла, горюша, перепутьице», т. е. на краю дороги нашла место отдыха. «Тут издула огонечки муравейные», т. е. затопила печь («муравейные» от «муравчатая», «муравленая» — покрытая глазурью.) «На сговоры мне, победной, не сдаваешься», т. е. не хочешь поговорить со мной. «Али выйти на родиму вад на родину» — по обычному крестьянскому праву XIX века вдова с детьми не могла возвратиться к своим родным, теряла свою долю в хозяйстве. В семье мужа она тоже не имела права на самостоятельную долю в хозяйстве до совершеннолетия одного из сыновей. «Корабли идут по морю» — по Онежскому озеру (см.

примеч. к № 4). «Ластушки» — дети. «Мне пойти было... к ретливому сердцушки». Единственным бесспорным имуществом вдовы-снохи считалась одежда покойного мужа. «Мелкорубленая клеточка» клеть, чулан либо пристройка для неотделившегося сына с семьей. «Не могу прибрать», т. е. не могу найти никого, похожего на моего мужа. «Им не в честь моя крестьянская работушка», т. е. они не ценят мою работу. «Долящичка» — равноправный член семьи.

8. ПО ДОЧЕРИ — зап. Е. В. Барсовым в 1867 г. (Барсов, I, с. 114 — 125.) Использован П. И. Мельниковым-Печерским в романе «В лесах» в причитании «плачен» Устиньи Клендихи по Насте Чапуриной (ч. 2, гл. 14). «Грузна-болына белая лебедушка», т. е. дочь забеременела. «По уму... те» — какие тебе захочется. «Кругом-наюкол оленей» — вокруг костра. «Я пойду с горя... на белыи на плечевыки». Строки интересны как редкий образец описания облачения неслеты в середине XIX века. «Тамбурка» — игла, крючок для вышивания «тамбуром» (техника вышивания, издавна принятая в Заонежье, при которой иголка продевается при помощи «тамбурки» из петли в петлю). У Барсова явно ошибочно и бессмысленно: «За столом (следует: «за станом», т. е. за ткацким станком. В. и К. Ч.) да дорогая была ткаюшка, Из котурна досужна рукодельница». «Наряжена покрутушка» — приготовлена одежда. «Ростиния неделюшка». По севернорусским обычаям девушек отпускали зимой гостить на неделю-две к родственникам. В некоторых местах гостинье подела приурочивались к рождеству, новому году или пасхе либо к престольным праздникам. «Не началась» — стяжечная форма от «начаялась», т. е. не ожидала. «Дяденки» — здесь: тетки, жены дядей. «Христово воскресенье» — пасха. «Сожидаяча родима засмотреница» — ожидая, когда увидит родных. «Защитаются» — здесь стяжечная форма от «зачитываются», путаются при чтении. «Умерший аеице» — атласная или бумажная лента с изображением Христа, Богородицы и Иоанна Бггослова, которая возлагалась на чело усопших при погребении. «Под праву руку бумагу кладывают». В руку умершего вкладывалась молитва, написанная на бумаге («пропусек»). «Крещенская уличка, Микольска бучевка» — кладбище и могила. «Спасают белую лебедушку», т. е. молятся за дочь. «Сарафаны мелкскладные» — сарафаны в мелкую борку.

9. О СВАТЕ — зап. Е. В. Барсовым в 1867 г. (Барсов, I, с. 231 — 245.) Характерна прозаическая экспозиция, которая обнаруживает стремление Федосовой воспроизводить обстоятельства, в которых возникла заплачка. «Сватьями» обычно называли родителей мужа и жены по отношению друг к другу. В публикуемом тексте «невесткина свекровь», т. е. мать мужа, отправляется на похороны и затем причитывает по свату, т. е. по отцу невестки. «Большак» — здесь, очевидно, муж причитывающей. «Во собой» — с собой. «Великое желанье» — хорошее отношение. «Судимая сторонушка» — деревня, семья, в которую вышла замуж. «Па ричную поговорочку бросивая» — резкая на слово. «Кофеи горячие» — кофе для заонежских крестьян 1860-х гг. был очень дорогим и редким напитком. «Староверы со пустыей-то съезжаются». Покойный был старообрядцем, хоронят его приехали старцы из лесных келий — «пустынь», в которых скрывались староверческие начетники после «разорения» Выгорецкого общезищества правительственными чиновниками в 1859 г. Староверы поморского согласия попов не признавали и отправляли все «таинства», включая похороны, общиной. «Одноручное кадило» — староверческое кадило с одной ручкой, в отличие от «православного», которое держалось на трех цепочках. «Начало» — староверческая вступительная молитва с обязательными поклонами.

10. О ХОЛОСТОМ РЕКРУТЕ — зап. Е. В. Барсовым в 1868 г. (Барсов, II, с. 1—80.) «Жеребья дубовые». В качестве «жеребя употреблялись деревянные планки с отметками либо условными номерами. «Вы на эгих горах да на искатных» — когда будете кататься с гор на масленицу. «Судьи» — здесь: староста и писарь. «Нынь не скроешь-то сердечного ведь

дитятка». Укрывательство беглых рекрутов и солдат чрезвычайно жестоко преследовалось начальством — ср. «Рассказы о беглых рекрутах», записанные от В. П. Щеголенка (Барсов, II, с. 286—302). «Крепости новгородские». — здесь: дальние, надежные крепости. Об идеализации Новгорода см. вводную статью с. 20 21. «И как подвязаны звон-унылы колокольчики» — по старинному обычаю колокольчики подвязывали во всех печальных случаях (болезни, смерть и т. д.) «Отданные сестрицы» — сестры, выданные замуж. «Пелены шелковые» — расшитые покрывала на алтарь (или убрूस к иконе). «Приемная палата» — сборный пункт рекрутов. «Духовно угощенье» здесь: «угощение для духовенства». «Князь» — здесь: жених. «Мера государева» — измерение роста рекрутов на приемном пункте. «И буде «люб» скричат» — если признают годным (врачи, осмотрев рекрута, кричат: «Люб!», т. е. обрить как годного в солдаты). «И повыкинут с лоромного стропища, Иль сожгут оны в огни да этом плящем». Выкинуть или сечь «кудри» означало по крестьянскому поверью заставить забыть того, кому они принадлежали. «Во средду засияла... во пякницу вспородила» см. примеч. 7. «И звать, не в пору... были приотперты» — так называемые царские врата в церкви отворялись при трудных родах. «И в бесталанный час... сму, свету, уписана». Согласно так называемым «родильным приметам», мальчик-поворожденный будет крестьянином, кузнецом, столяром, каменщиком и т. д. в зависимости от того, чем занят был его отец во время его появления на свет. «И на делу ему от братьев приделалось» — ему пришлось служить за братьев. «Изменушка» — здесь замена. «И всех желаннее родитель была тетушка». У Барсова ошибочно: «И всех желанная родитель была тетушка». «Не участник он участков деревенский». Рекрут при уходе в солдаты терял свое право на долю в крестьянском хозяйстве. «Таки ль» — верно ли. «Орда» здесь: эпитетическое обозначение дальних, неизвестных стран. «На спасение» — там, где спасаются (т. е. отмаливают свои грехи). «В сон не забранось» — не могли заснуть. «И как приставлены судьи... пожар в ретливых сердечушках». В этих строках, по-видимому, отразился какой-то реальный факт разгона женщин, провожавших рекрутов, который Федосова могла наблюдать в Петрозаводске в 1865—1868 гг. «При последито походе» — перед отправлением в поход. «Отрешишь желаньице» — погубить любовь. «Похожденьице» — здесь: уход из дома. «И все от добрых людей да непонятная» — т. е. не научилась причитать от чужих людей. «И добра молодца возьмем да мы наемщика». Начиная с 40-х гг. XIX века правительство допускало замену рекрутов путем найма добровольца («напемщиков», «охотников») «Не по размыслам» — не так, как мечталось. «И части пошли наборы государевы». После 1862 г. в связи с сокращением срока службы в армии с 25 до 15 лет резко участились рекрутские наборы. Так, наборы «с обеих полос империи» (Россия была разделена на две половины) производились подряд в 1866, 1867, 1868 гг. «И чтоб подальше в жеребьях». У Барсова ошибочно: «И чтоб подальше жеребьям». «Поблизешенку в бумажку записали» — определили в близкую очередь идти в солдаты. «Престол» — праздник в честь святого, которому посвящена приходская церковь (здесь: в честь богородицы). «Шестера» — танец, в котором участвовали три пары. «Сидима, прядима беседушка» — посиделки, на которых девушки пряли, а парни плели сети, ланты, корзины и т. д. (в отличие от «игримой беседы» — посиделок с играми и танцами). «Микола многомилостливой». Святой Микола считался специальным мужицким заступником. «Отца-матушку рекруты проклинали». В солдатскую присягу входило отречение от родных.

11. О СОЛДАТЕ, ПРИБЫВШЕМ НА ПОХОРОНЫ ОТЦА — зап. Е. В. Барсовым в 1868 г. (Барсов, II, с. 248—261.) События, о которых рассказывается в причитании, произошли, по-видимому, вскоре после 1856 года, т. е. герой плача, солдат, приходит домой на побывку после конца Крымской войны 1853—1856 гг. Перед этим он вместе с армией, возвратившейся с фронта, побывал в Петербурге и участвовал в параде на Марсовом поле. «Письма не принимали» — здесь: не получали. «Билет» — солдатский отпускной билет. «И большаком да по дому я настоятелем». Причитывающая

надеется, что солдат, пришедший на побывку, станет «большаком» (т. е. главой патриархальной большой семьи). «Наследник» — Александр II, превратившийся во время Крымской войны из наследника в царя. «И как война... за Русию подселенную». Речь идет о конце Крымской войны (Парижский мир в марте 1856 г.) и награждении солдат. «И мы бы пачли олоща добра молодца» — см. примеч. к № 10. «Ограда обложенная» — ограда кладбища.

СВАДЕБНЫЕ ПРИЧИТАНИЯ

Записаны Е. В. Барсовым в 1868—1870 гг. (Барсов, III, с. 1—239.) О характере и составе III тома см. вводную статью, с. 23. Причитания сгруппированы Барсовым в восемь разделов, соответствующих основным этапам заонежского свадебного ритуала. Девятый раздел — плач невесты скрыты. В приложении к тому Барсов опубликовал статью «Свадебный обряд в Заонежье» (впервые: «Вестед», 1872, № 6, с. 108—121) и шесть свадебных песен (публикации не закончена — см. вводную статью с. 23). Общий обзор свадебного обряда русского населения Заонежья см.: П. П. Колякова. Старинный свадебный обряд. В сб.: «Фольклор К-ФССР. Вып. I. Русский фольклор», Петрозаводек, 1941, с. 163—189; см. также сб.: «Русский народный свадебный обряд». Л., 1978.

Повторная запись свадебных причитаний с песнями и более подробным описанием свадебного ритуала от И. А. Федосовой и «шницей Ульины из Петрозаводска» была осуществлена О. Х. Агреевой-Славянской в 1886—1887 гг. (Агреева, I—II).

III том «Причитаний Северного края» не представляет собой одного описания свадебного ритуала, а дает как бы максимальный набор свадебных причитаний, который можно записать от одной исполнительницы. В настоящем издании для каждого этапа ритуала выбирается несколько наиболее типичных и в художественном отношении наиболее ценных причитаний.

12. (Барсов, III, раздел «Плачи сговорные», с. 1—3.) Причитание могло произноситься невестой или «подголосницей» от имени невесты. Барсов предваряет текст репликой: «На приказ невеста плачет». «Приказ» — приезд сватов и жениха в дом невесты после предварительного сватовства по приглашению родителей невесты. «Сваты большие» — главные сваты; обычно — крестный отец жениха и кто-то из ближайших старших родственников. «Во уыный задний уголок» — правый дальний угол за печкой в северной русской избе, противопоставленный «переднему углу» или «красному углу» (по диагонали от печи). В заднем углу — «бабья лавка», посуда на полках и прочая домашняя утварь.

13. (Барсов, III, раздел «ПЛАЧИ СГОВОРНЫЕ», с. 11—17.) Причитание произносится вслед за предыдущим. Упрекая родителей, давних согласие жениху, невеста рисует деревню, избу, хозяйство, семью жениха самыми мрачными красками.

В записи Барсова ошибочно «И нету на поли стогов да переводныхх» — следует: «перегодныхх», т. е. оставшихся от прошлого года. «Зеленой сад» — символ девичества. «И сождать да буде белой мне лебедушке», т. е. мне придется частично ожидать его. «И буде садичек, ведь скажет, полоненой» т. е. говорит, если захвачу этот сад. «И я задамся во служаночки во верные», т. е. поступило служанкой в город (характерный мотив пореформенного времени). «Уж этую затулу — синю завеску» — ср. обрядовый обычай покрывать голову и лицо невесты в день свадьбы до «раскрытия».

14. (Барсов, III, раздел «ПЛАЧИ СГОВОРНЫЕ», с. 20—24.) Причитание просватанной, готовящейся расстаться с «вольной волонхой» (см. примеч. к № 12). Тема воли, которой никуда не спрятаться, была своеобразно использована Федосовой в легенде о Горе из плача «О писаре» (№ 2).

«И на ямах да стой, воля, в легах, в подводама». «Ям» — почтовая (ямская) станция, на которой меняли лошадей. «И разоряются пустыни богомольные».

В 50—60 гг. усилилось гонение староверов; в 1859 году было разрушено знаменитое Выгорецкое общежительство, вслед за ним Лексинский женский скит. «*И я спущу ю к Макарью на желты пески*» — имеется в виду Макарьевский Желтоводский монастырь на Волге.

15. (Барсов, III, раздел «ПЛАЧИ СГОВОРНЫЕ», с. 28—35.) Ответное причитание матери после свадебного сговора и причитаний невесты.

В записи Барсова ошибочно «*И под тученкой сидишь да грановитой*» — следует: «*гряновитой*», т. е. готовой грянуть громом.

«*И будут весиные ивански нам ведь вилички, И будут красные петровски нам згодки*». Иванов день — 24 июня, Петров день — 29 июня; считалось, что венчики, заготовленные в Иванов день, обладают особой лечебной силой. «*И до уречных девочьих двадцать годышков*». 20 лет считалось пределом «сидения в девках». «*И молодешенька с неволицем не создалась бы*». Здесь в смысле «не познакомилась бы», «не встретилась бы». «*И возбудит да жалко дитятка гошнехонько*». «Возбудит» — здесь: «будит». «*И на семь дел тебя, головушка, разряживать*», т. е. давать тебе сразу семь дел. «*Головушка*» — обращение к невесте («бедна головушка»).

16. (Барсов, III, раздел «ПЛАЧИ БЕСЕДНЫЕ», с. 42—44.) После сговора и рукобитья, на которых был назначен день свадьбы, невеста с подружками готовит приданое и по вечерам ходит на прощальные «беседы» к подругам.

В записи Барсова ошибочно «*И когда преж сего до этой поры-времичка*» — следует: «*И как допреж сего...*»

«*И со унылого пройти да задня уголка*» — см. примеч. 12. «*И по одинокой дубовой мостиночке*». «Мостиночка» — здесь: половица. «*И во прягу была ступистая лошадушка, И во снаряде златокрылый был ясен сокол*», т. е. лошадь была запряжена и кучер (обычно брат невесты «новозничек» в причитаниях) был снаряжен (одет, готов к отъезду).

17. (Барсов, III, раздел «ПЛАЧИ БЕСЕДНЫЕ», с. 44—46.) Невеста перед отъездом на «беседу» обращается к брату.

«*И наднесу да свои тонки томны белы рученьки, И на его да на могучие на плечушка*». «Томны» — здесь: усталые (ослабевшие).

18. (Барсов, III, раздел «ПЛАЧИ БЕСЕДНЫЕ», с. 46—48.) Причитание исполнялось после возвращения невесты с «беседы».

«*И вы простите-тко, кружки меня девочки, И вы простите-тко, «шестерочки» веселые, И вы простите, «перепелочки» горюшие, И вы простите, млады-молоды «вьюночки*». Здесь перечислены молодежные беседные игры (ср. Барсов, III, 224—245 — описание игр молодежи на предсвадебных «бесёдах»). «*И вы на горочках, лебедочку, катаюча*», т. е. во время масляного катания с гор. «*И жалких писенок, невольной, мне-ка не певать*». «Жалких» — здесь: жалобных, грустных.

19. (Барсов, III, раздел «ПЛАЧИ ГОСТИБНЫЕ», с. 56—59.) Причитание исполнялось во время предсвадебных ритуальных объездов родственников. Обращено к двоюродной сестре.

В записи Барсова ошибочно «*И я под тученку иду да грановитую*» — следует: «*гряновитую*» (см. примеч. 15).

«*И зелена иду, быв весняя гравиночка*». «Быв» — здесь в значении «как бы», «как будто». «*И я со стадушком приехала гусинным, И со другим я невольна, лебединным*», т. е. с замужними родственницами и подружками. «*И наделяешь меня хлебом столько образом*», т. е. встречаешь хлебом-солью и благословенной иконой. «*И до девочьих до уречных двадцать годышков*» — см. примеч. 15. «*И промазнула свою вольну эту волошку И на злодийно великое неволице*», т. е. напрасно поменяла волю на неволю. «*И хоть я возрастом, нестрица, не малешенька*». «Возрастом» — здесь: «ростом».

20. (Барсов, III, раздел «ПЛАЧИ ГОСТИБНЫЕ», с. 66.) Так же как предыдущее причитание, исполнялось во время предсвадебного объезда родни. Обращено к крестной, сестре матери.

21. (Барсов, III, раздел «ПЛАЧИ НА СПУСКАНИЕ ВОЛИ», с. 80—93.) На девичнике невеста прощалась с подружками, и совершался обряд рас-

ставания с волей. Невеста передавала ее младшей сестре или старшей из подружек, которой предстояло выйти замуж.

«И ты у дяденек своих не доложила», т. е. не отиросилась у теток (от «дяденька» или «днинька» — тетка, жена дяди). *«И на искар-горах, голу-бушка, катаючи»* — см. примеч. 18. *«И мы удумаем младу сыну отцекому»*... до *«И надсмелясь над бурлацкой головушкой»*. Эпизод основан на ритуальном обычае «подмены невесты»: жениху пытались вместо невесты отдать переряженную подружку, куклу и т. п.; он должен был откупаться. *«И как тоби да быть, невольна дружка-подружка»*. Здесь и в последующих строках даются наставления невесте (так называемые «свадебные наказы»). *«И ты не дождалась скаченой жемчужинки, И светушки да ты братца все родимого»*... до *«И со обидушки солдат, змельных папичков»*. В этом эпизоде, отражаются (как и в ряде текстов рекрутского тома сборника Барсова) события Крымской войны 1853—1856 гг. и последующего ожидания массового возвращения солдат домой. *«И теперь проца-то ведь есть да государева»,* т. е. демобилизации. *«И отпущают с солдатова забилетных»* — имеется в виду «билет», с которым рекрут направлялся в армию. *«И ты с обидушки бы тут да покорилась, И ты с горючима слеза помолилась бы»*. «Покорилась бы» и «помолилась бы» здесь синонимы: умолила бы, упростила бы.

22. (Барсов, III, раздел «МЛАЧИ НА СПУСКАНИЕ ВОЛН», с. 93—96.) Причитание-диалог с подругой, раньше выпущенной замуж.

В записи Барсова строки 20—21 поменялись местами.

«И теперь в славном похвальном молодечестве» — здесь: «в замужестве» (от «мзюдка» — недавно вышедшая замуж или «молодица» — новобрачная до первого ребенка). *«И наложи да свои белы эти рученьки И на девочки на плечушки ты плечушка»*. Причитывающая женщина, отвечая на причитание невесты, обычно кляла свои руки ей на плечи. *«Богоданные родители»* — родители мужа. *«И хоть за умной за надежной за головушкой»*. «Надежная головушка» — здесь: муж. *«И ведь учили тут млада сына отцеком И на ричицу молодецкую поговорюшку»,* т. е. учили жениха молодецким (обольстительным, завлекательным) речам. *«И на жспитбы молодец да высоко поднят»,* т. е. во время сватовства жених изображен был зажаточным. *«И видно не было повозничков любимых»,* т. е. не было рядом брата, который сопровождал ее обычно во время гощений у родственников и других деревнях.

23. (Барсов, III, раздел «БАЕННЫЕ ВОПЛИ», с. 106—115.) Невестина баня — специальный обряд перед свадебным днем. Невеста обычно причитывала перед и после бани, прощаясь с ней и с подружками, которые ее сопровождали.

«И чужит басенок, лебедушко, ослушалась», т. е. заслушалась чужих рассказной («басни») от баять, говорить, рассказывать). *«И ты со первого газу золоченого и допустила измыть бело его личушко»*. Вымыть лицо одной водой означало приворожить. *«Пораскроются, обидна красна девушка»,* т. е. признаюсь, открояюсь. *«И про желанных снацливых про дяденек»* — см. примеч. 21. *«И я топила про родильницу тяжелую И про малого младенца некрещеного»,* т. е. топила баню для роженицы и новорожденного (рожали обычно в бане). *«И не настроено обидной красной девушке И мне хоть девочьей снарядной покрутушки»,* т. е. не пошито девичьих нарядов.

24. (Барсов, III, раздел «БАЕННЫЕ ВОПЛИ», с. 112—115.) Причитание исполнялось перед невестинной баней. Обращено к родителям, соседкам и подружкам.

«И расхватитесь-ко, солдаточки несчастные», т. е. расступитесь. *«И вети да за столы он за дубовые»,* т. е. за свадебные столы. *«И таку дай тошку белу мне рубашечку»* и в последующих строках подчеркивается торжественный характер вышивания свадебной рубахи — ее вышивали в рождество, благовещенье, во время пасхальной заутрени и обеди и в Петров день. *«И возбужать станут по раннему по утрышку»*. «Возбуждать» — здесь: «будить».

25. (Барсов, III, раздел «БАЕННЫЕ ВОПЛИ», с. 119—123.) Причитание, обращенное к подружкам невесты перед баней.

«И нету ступочек расставлено точеньких». «Стопочка» — здесь: деревянный гвоздь в стене для одежды. *«И вытегорским мыльем да показалась»*, т. е. обернулась, прикинулась. *«И повернулась бажона дорога воля»*, т. е. обернулась. *«И не поделаны грядочки кленовые».* «Грядочки» — здесь: полки под потолком бани.

26. (Барсов, III, раздел «БАЕННЫЕ ВОПЛИ», с. 123—129.) Причитание произносится при ритуальном расставании с баней, принадлежащей семье невесты.

«И есть ведь любушка сестрица сдвуродимая» и до конца отрывка — отражение обычая последнего заплетения девичьей косы перед свадьбой, которое обычно поручалось сестре невесты, двоюродной сестре и подружкам. *«И неспроста плести русу твою косильку»* и дальше — развернутое в поэтическую метафору изображение последнего заплетения девичьей косы, которому придавалось также магическое (обережное) значение (вплетение косоплетки, олицетворяющей девичество, вкладывание булавок и иголок, которые должны были уберечь от вмешательства злых сил, и т. п.).

27. (Барсов, III, раздел «СВАДЕБНЫЙ ДЕНЬ», с. 160—162.) Утреннее причитание матери при ритуальном бужении невесты.

В записи Барсова ошибочно *«По порогу гряновитому»* — следует: «грановитому», т. е. отесанному, оструганному.

28. (Барсов, III, раздел «СВАДЕБНЫЙ ДЕНЬ», с. 164—168.) Причитание невесты утром в свадебный день после бужения и во время ритуального одевания.

«И буде бог судит, невольной мне головушке, И сего дня да на остуду пожитися», т. е. показать жениху, выйти к жениху. *«И на ямаг, красны дваци, за подводами»* — см. примеч. 14.

29. (Барсов, III, раздел «СВАДЕБНЫЙ ДЕНЬ», с. 173—179.) Причитание обращено к гостям, собирающимся в доме невесты в день свадьбы. Во второй части причитания невеста рассказывает сон, приснившийся ей в последнюю ночь перед свадьбой. Разгадыванию «последнего сна» придавалось большое значение.

«И от ступушки теперь от лической», т. е. от лицевой стены, которая окнами выходит на деревенскую улицу. Здесь смена «ц» на «ч» не устраняется, т. к. это привело бы к переносу ударения. *«И круг сголовья протекла да ричка быстрая»* ...до *«И она бросила среди да рички быстрой»* и последующее истолкование сна построено на поэтических образах, обычных для свадебных песен. *«Братцы богоданные»* — братья мужа. «Богоданные родители» — свекор и свекровь. *«И я сделала прогул да все на широкой на улочке»* — в свадебный день утром невеста обходила деревню, приглашая на свадьбу и собирая «помочи» (см. ниже).

30. (Барсов, III, раздел «СВАДЕБНЫЙ ДЕНЬ», с. 189—191.) Причитание произносится после утреннего завтрака невесты в свадебный день перед выходом ее на деревенскую улицу (см. примеч. 29).

31. (Барсов, III, раздел «СОБИРАНИЕ ПОМОЧИ», с. 197—204; 204—206.) Причитание произносилось во время обхода невестой в свадебный день деревенской улицы для приглашения на свадьбу и собрания «помочи».

«И за подносом я, невольна, унижаюся». Невеста обходила деревню с подносом, на котором стоял штоф водки и чарка. Она угощала встречаемых, приглашая на свадьбу. Выпивший чарку клал ей на поднос деньги или другой подарок. *«И ты на горочке, голубушко, катаючи»* — см. примеч. 18. *«И ты на вешних гульбицах на прокладбицах».* «Прокладбице» — здесь: «развлечения» (от «прокладаться» — развлекаться). *«И во кружках тебе, детинушке, поигрывать»* — см. примеч. 18. *«Зеленом саду»* — см. примеч. 12.

32. (Барсов, III, раздел «СОБИРАНИЕ ПОМОЧИ», с. 215—216.) Причитание невесты после ее выхода к «малому столу», за которым усаживались родственники жениха после приезда в дом невесты перед венчанием. Причитание могло также исполняться подголосницей-женщиной, причитывающей за невесту.

33. (Барсов, III, раздел «СОБИРАНИЕ ПОМОЧИ», с. 218—221.) Причитание при выходе к «малому столу», обращенное к жениху. Как и предыдущее могло исполняться «подголосницей». Обычно это было последнее причитание. После венчания свадебный поезд направлялся в дом жениха, и там звучали только веселые песни и величания.

БЫЛИНЫ И БАЛЛАДЫ

34. ДОБРЫНЯ И АЛЕНА — зап. О. Х. Агреневой-Славянской в 1886—1888 гг. (Агренева, III, с. 127—135.) В 1896 году мелодия и первые строки текста были повторно записаны С. Рыбаковым («Русская беседа», 1895, № 4, вклейка между с. 184 и 185.) Текст записан Агреневой явно не с пения, а с пересказа.

«*Потация Добрыню в плен Микитича*». Исправляется предположительно: «он», т. е. форма «плон», которую Агренева объясняет как «плен», в русских диалектах неизвестна. «*Нет ни восточку аедь нет ни грамотки*» следует: «всточки».

35. ЧУРИЛУНКА ПЛЕПКОВИЧ — зап. Е. В. Барсовым в 1867 г. (ОГВ, 1867, № 16.) Повторно записывалась О. Х. Агреневой-Славянской в 1886—1888 г. (Агренева, III, с. 135—141.) В двух записях сильные расхождения. Запись Барсова, по видимому, производилась не с пения, а с пересказа.

«*Вставай поутрышку ранешенько, Спаражайся, Чурило, хорошоголько, Обувай саножки на ножки — зелья сафьян*» следует «вставал... спаражался... обувал», т. е. повелительная форма в подобном контексте не употреблялась.

36. ЕГОРИЙ ХРАБРЫЙ — зап. О. Х. Агреневой-Славянской в 1886—1888 гг. (Агренева, III, с. 102—105.) Впервые записывал Е. В. Барсов в 1867 г. (ОГВ, 1867, № 14.)

«*В восьмой тысящи в марте месяци*» следует: «в марте месяце». «*Ай, стала змия жать по головы*» — следует: «звать по головы». «*Мы во этое во царство во людийское*», т. е. в иудейское.

37. ВАСИЛИЙ И СОФЬЯ — зап. Е. В. Барсовым в 1867 г. (ОГВ, 1867, № 14.) В 1886—1888 гг. повторно записан О. Х. Агреневой-Славянской (Агренева, III, с. 110—111.)

«*Молода вдова горе Пашица*» следует: «горепашница», т. е. горемычная, как обычно в причитаниях и в других записях этой баллады. Искажение традиционное (ср. «распашница», «вдова Пашица», т. е. Павла в др. записях) как и в аналогичном заглавии баллады «Братья-разбойники и сестра», в составе которой, видимо, сложилась эта строка.

«*Спасенье*» здесь: праведные. «*Она села-посела на дверцу лавочку*», т. е. на лавку, начинающуюся в севернорусских избах обычно слева от дверей, на которую мог сесть вошедший в избу нищий, случайный прохожий и т. д. «*Она скоро пошла да во царев кабак*». С XVII века в России существовала царская монополия на продажу водки.

38. БРАТЯ-РАЗБОЙНИКИ И СЕСТРА — зап. Е. В. Барсовым в 1867 г. (ОГВ, 1867, № 14.) Повторно записана О. Х. Агреневой-Славянской в 1886—1888 гг. (Агренева, III, с. 119—121.)

«*У родной сестры оны прощаются*», т. е. просят прощения.

39. КАЗАНЬ-ГОРОД — зап. О. Х. Агреневой-Славянской в 1886—1888 гг. (Агренева, III, с. 171—172.) Впервые записывал Е. В. Барсов в 1867 г. (ОГВ, 1867, № 16.)

РЕКРУТСКИЕ, СВАДЕБНЫЕ И ДРУГИЕ ПЕСНИ

40. НЕ ЯСЕН СОКОЛ С ТЕПЛА ГНЕЗДА СЛЕТАЕТ — зап. Е. В. Барсовым в 1868 г. (Барсов, II, с. 264.) Рекрутская песня.

«*И становаят его под меру государеву*» — см. примеч. к № 10. «*И вершала берут теперь да бритвы острые*» — рекрутам обривали головы, усы и бороды, что воспринималось как кощунство. Ср. с обриванием голов рекрутам в рекрутских причитаниях — с. 20.

41. СОБИРАЙТЕСЬ, БЕДНЫ РЕБЯТУШКА, НА ЗЕЛЕНЬЙ ЛУГ — зап. Е. В. Барсовым в 1868 г. (Барсов, II, с. 265—267.) Рекрутская песня.

«И возрыдат бедна, как порок шумит» — следует: «порог».

42. ПРИ ПОСЛЕДИ ПРОВОЖУ ДРУЖКА МИЛА — зап. Е. В. Барсовым в 1868 г. (Барсов, II, с. 269.) Рекрутская песня.

«И добрый молодец с красной девушкой» — предположительно следует: «Иль добрый молодец...», т. к. строка противопоставлена предыдущей: муж с женой или молодец с девушкой.

«И я до города Данилова». В этой строке не следует искать географической точности. Данилов м. б. Даниловский Выгорецкий старообрядческий скит или уездный город Ярославской губ. *«И двадцать лет да без изменушки»* — здесь: «бесменно».

43. И КАК ПО СЛАВНОМУ ПО НЕВСКОМУ ПРОШНЕТУ — зап. Е. В. Барсовым в 1868 г. (Барсов, II, с. 264—265.) Рекрутская песня.

44. ПОЛНО, СОЛНЫШКО, ИЗ-ЗА ЛЕСУ ПЕЧИ — зап. Е. В. Барсовым в 1868 г. (Барсов, II, с. 267—268.) Рекрутская песня. Повторная запись сл. Х. Агреневой-Славянской в 1886—1888 гг. (Агренева, I, с. 20—21) от И. А. Федосовой и «нищей Ульяны из Петрозаводска» и опубликована в качестве свадебной песни, которая исполнялась на беседах между сватовством и свадьбой. Широко распространена в качестве лирической любовной песни. В записи Барсова, в отличие от большинства известных вариантов, разлука мотивирована уходом молодца в солдаты.

«И на удалого солдатчина большая» — следует «больша» (ср. предыдущую строку «И что ль на молодца невзгодушка пришла»). У Барсова строки *«И стрету стретится — не кланется мне, И хоть поклонится, ничего не говорит»* ошибочно напечатаны после строки «Не походочкой молодецкой частотой». Исправлено в соответствии с известными записями.

45. ТЕБЕ ПОЛНО, ВАНИ, ПО ЛУЖКУ ХОДИТЬ — зап. Е. В. Барсовым в 1868 г. (Барсов, II, с. 268.) Плясовая песня. Барсов публикует ее в числе рекрутских.

«По сумельшкам в гусельшки играть» — следует: «по сумерышкам», т. е. по вечерам, в сумерки (ср.: Ф. Студитский. Народные песни Вологодской и Олонецкой губ., СПб, 1844, с. 96).

46. ЧТО ЛЬ ПА РИЧЕНЬКЕ-ТО БЫЛО НА ФАЛТАНКЕ — зап. Е. В. Барсовым в 1868—1870 гг. (Барсов, III, с. 256.) Плясовая песня, записанная Барсовым в качестве рекрутской.

«Фалтанка» — Фонтанка, река в Петербурге. *«И туфельки на правой ноге стояла»* — т. е. утопила туфель с правой ноги.

47. ПОЛНО ЗИМУШКЕ ЗИМОЮ ЗИМОВАТЬ — зап. Е. В. Барсовым в 1868—1870 гг. (Барсов, III, с. 256.) Свадебная песня. Бытует так же как протяжная лирическая песня. Барсовым публикуется как рекрутская. Песню, сходную в своей первой части — «Ах, полно, зимушка, тебе зимовати» — в 1886—1888 гг. О. Х. Агренева-Славянская записала от И. А. Федосовой и «нищей Ульяны из Петрозаводска» (Агренева, I, с. 1—18, с подзаголовком «голошение»).

«И все разважны теперь с волошкой часочки» — имеется в виду девичья воля (ср. свадебные причитания). *«Разважны»* — здесь: особенно важные, особенно ценные.

48. ИЗ-ЗА ГОР БЫЛО ИЗ ВЫСОКИХ — зап. Е. В. Барсовым в 1868—1870 гг. Предназначалась для III тома «Причитаний Северного края» (раздел «Свадебные песни»), но в связи с приостановкой публикации осталась в рукописи (см. вводную статью, с. 23—24). Публикуется по архиву ГИМ (фонд 450 — Е. В. Барсов, ед. хр. 46, с. 228). Текст подготовлен Н. С. Полищук. Повторная запись в 1886—1888 г. О. Х. Агреневой-Славянской (Агренева, I, с. 19—20) от И. А. Федосовой и «нищей Ульяны из Петрозаводска».

49. ДУНАЙ-РЕЧКА ВСКОЛЫХАЛАСЯ — зап. О. Х. Агреневой-Славянской в 1886—1887 гг. (Агренева, I, с. 29—31) от И. А. Федосовой и «нищей Ульяны из Петрозаводска». Хороводная (кадрильная) песня. По свидетельству Агреневой, исполнялась также «вечером до свадьбы», т. е. на девичнике. Печатается только вторая часть контаминированного текста.

«С берега рыба кидалася» — в соответствии с другими вариантами следует: «Из берега рыба кидалася». «Клади плутивья серебряные» — следует: «плутивца» (ср. в № 2 «Оны плутивца тут клали все дубовые»). «Каково-то без мила дружка» — следует по аналогии с другими вариантами «Таково-то...» «Молоды гребцы захарьевцы» — Захарьев — богатый крестьянин и трактирщик в Толвуйской волости Заонезья (см. В. Д. Лысанов. Досюльная свадьба, песни, игры и танцы в Заонезье Олонеккой губ. Петрозаводск. 1916, с. 75). По другому толкованию связывается с нижегородской «захарьевской» ярмаркой.

50. ПРАВО, МАТУШКА, МНЕ ТОПНЕНЬКО — зап. Агреневой-Славянской в 1886—1888 гг. от И. А. Федосовой и «нищей Ульяны из Петрозаводска». Протяжная песня; по свидетельству Агреневой, исполнялась также во время свадьбы. В некоторых записях характеризуется как плясовая.

«На роду такого не бывало» — следует по аналогии с другими вариантами: «На роду такого не бывало». «На вечер тоска напала» — следует по аналогии с другими вариантами: «Как вчер...»

51. СИДЕЛКА КАТЕНЬКА В ПОВОМ ВЫСОКОМ ТЕРЕМУ — зап. О. Х. Агреневой-Славянской в 1886—1887 гг. Протяжная песня; Агренева называет ее «беседной-сговорной». Зап. от И. А. Федосовой и «нищей Ульяны из Петрозаводска».

«Вострочи-ка ты, уменька, ты полотнящую» — следует: «уменька». «Питембург» — Петербург. Совет отца вышивать «рубашечку себе» означает шитье приданого к свадьбе.

52. ПРИ ПОСЛЕДНЕМ-ТО ПРИ ДЕНЕЧИКЕ — зап. О. Х. Агреневой-Славянской в 1886—1888 гг. (Агренева, II, с. 58—59) от И. А. Федосовой и «нищей Ульяны из Петрозаводска». Повторно записана А. П. Толливеровой в 1895 г. («Игрушечка», 1895, № 9, с. 431). Свадебная песня.

«При последнем-то по денечке» — следует: «При последнем то при денечке».

53. ПО КРАЙ БЕРЕЖКА ЧАСОВЕНЬКА СТОЯЛА — зап. О. Х. Агреневой-Славянской в 1886—1888 гг. от И. А. Федосовой и «нищей Ульяны из Петрозаводска» (Агренева, II, с. 110—111). Хороводная песня; записана Агреневой в качестве свадебной, исполнявшейся во время застолья в доме жениха.

54. Я ПОЕДУ ЛИ, ПОЕДУ В НОВУ ЛАДОГУ ГУЛЯТИ — зап. О. Х. Агреневой-Славянской в 1886—1888 гг. Приписывается Федосовой предположительно по упоминанию Новой Ладogi, обычному для фольклора Обонежья. В сборнике Агреневой не документирована определению. На титульном листе III выпуска «Описания русской крестьянской свадьбы» перечислены исполнители, от которых записаны тексты, вошедшие в выпуск. Среди них только И. А. Федосова и «нищая Ульяна из Петрозаводска» из Обонежья. От них, видимо, и был записан текст песни. Игровая хороводная песня.

«Попустешеньку она мне покапляется» — видимо, следует: «Понизшеньку...»

«Гальнетуровую шубку». Здесь «шубка» — сарафан из «гарнетура» (гардетур — род шелка.)

55. АХ, ПИВЦА ЯГОДА ПО САХАРУ ПЛЫЛА — зап. Ф. М. Истоминым и Г. О. Дютшем в 1886 г. (Ф. М. Истомина и Г. О. Дютш. Песни русского народа. Собраны в губерниях Архангельской и Олонеккой, СПб, 1894, IV, № 7.) Впервые записывалась Е. В. Барсовым в 1868—1870 гг. (Барсов, III, с. 253—254), в 1886—1888 гг. — О. Х. Агреневой-Славянской (Агренева, II, с. 63—65.) Запись Истомина-Дютша была обработана и издана М. А. Балакиревым (М. А. Балакирев. 30 песен русского народа, СПб, 1901, № 16) и использована С. М. Лягуновым в «Горжественной увертюре на русские темы».

56. С ТЕРЕМА НА ТЕРЕМ МАРЬЯ ШЛА — зап. О. Х. Агреневой-Славянской в 1886—1887 гг. (Агренева, II, с. 61—63) от И. А. Федосовой и «нищей Ульяны из Петрозаводска». Впервые была записана Е. В. Барсовым в 1868—1870 гг. (Барсов, III, с. 252—253.) В 1895 году мелодия и первые строки текста были записаны С. Рыбаковым («Русская беседа», 1895, № 4 вклей-

ка между с. 184 и 185). Свадебная песня; обычно пелась перед выходом невесты к «малому столу».

57. МНОГО, МНОГО ВО СЫРОЕМ ВО ДУБУ — зап. Е. В. Барсовым в 1868—1870 гг. (Барсов, III, с. 255—256.) Свадебная песня. Вторично записана О. Х. Агреновой-Славянской в 1886—1888 гг. от И. А. Федосовой и «пницей Ульяны из Петрозаводска» (Агренова, II, с. 57) как песня, которая пелась во время «окуривания» невесты-сироты (т. е. смены девичьего головного убора на бабий).

58—59. ИЗ-ПО СУХОМУ ПО ДЕРЕЗУ — зап. О. Х. Агреновой-Славянской в 1886—1887 гг. от И. А. Федосовой и «пницей Ульяны из Петрозаводска» (Агренова, II, с. 108). Свадебная величальная песня; пелась певесте и жениху за свадебным столом (ср. № 64).

60. ЗАВТРА В ДЕНЬ ПРЕКРАСНЫЙ — зап. О. Х. Агреновой-Славянской в 1886—1887 гг. от И. А. Федосовой и «пницей Ульяны из Петрозаводска» (Агренова, II, с. 114—117). Хороводная песня; по свидетельству Агреновой, исполнялась во время свадебного застолья в доме жениха. Печатаются первая часть контаминированного текста.

«К высок терем подошла» — предположительно следует: «В высок терем...» или «Высок терем...», т. к. в заонежском диалекте допустимо выпадение предлога.

61. ВО ГОРОДЕ КРОВАТЬ — зап. О. Х. Агреновой-Славянской в 1886—1887 гг. от И. А. Федосовой и «пницей Ульяны из Петрозаводска» (Агренова, II, с. 111—114). Свадебная песня; пелась обычно по время свадебного застолья в доме жениха. Повторно записана (мелодия и первые строки текста) С. Рыбаковым в 1895 г. («Русская беседа», 1895, № 4, вклейка между с. 184—185.)

«Соловьица высокая» — следует: «Соловьице высокое». Строка повторяется в тексте трижды.

62. ВО КИТАЙ ВО КРЕПКОМ ГОРОДЕ — зап. Е. В. Барсовым в 1868—1870 гг. (Барсов, III, с. 254—255.) Вторично записана О. Х. Агреновой в 1886—1888 гг. (Агренова, II, с. 121—122.) Свадебная песня; исполнялась после «бани молодых» на второй день свадьбы.

«Китай-город» — древнейшая часть московского посада, примыкавшая к Кремлю; в XVI—XVIII вв. центр московской торговли. В XVI в. обнесен каменной «китайгородской» стеной.

63. ВО ЛУЗЯХ, ВО ЛУЗЯХ, ВО ЗЕМНЫХ ЛУЗЯХ — зап. А. Н. Толливеровой в 1895 г. («Игрушечка», 1895, № 9, с. 431.) Мелодия и первые строки текста вторично записывались С. Рыбаковым в 1895 г. («Русская беседа», 1895, № 4, вклейка между с. 164—165.) Хороводная песня.

«С той травы я выглажу его», т. е. откармлю, чтобы стал гладким (униженным).

64. ВЕЛИЧАЛЬНАЯ Д. А. АГРЕНЕВУ-СЛАВЯНСКОМУ — зап. О. Х. Агреновой-Славянской в 1887 г. (Агренова, III, с. 201—209.) На стр. 201 Агренова пишет: «Память у этой старухи изумительная и речь красивая и оживленная. Она до такой степени проникнута духом старинной поэзии, что при всяком удобном случае гонорит экспромты, склад которых совершенно напоминает распеваемые ею старинные песни. Для образца привожу некоторые из прореченых ею в нашем доме экспромтов». Из восьми величаний-экспромтов в настоящем издании воспроизводится один. Он обращен к известному певцу Д. А. Агренову-Славянскому.

65. ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ — зап. Е. В. Барсовым в 1867—1870 гг. (Барсов, I, с. 322—323; II, с. 276—277), О. Х. Агреновой-Славянской в 1886—1888 гг. (Агренова, III, с. 198—200) и А. Н. Толливеровой («Игрушечка», 1895, № 8—9). В настоящем издании публикуются избранные пословицы и поговорки, записанные от Федосовой.

«Чужая сторона старит, а своя кочка гладит». «Гладит» — здесь: холит. «О хлебе человек тверд», т. е. хлебу человек не изменяет. «Наказанным разумом...» — здесь: замствованным, чужим. «Дозоды Ошевенски, а расходы Соловецки». Имеется в виду относительно бедный Ошевенский монастырь. «В таку валеную сторону наб ходить в лаптишках», т. е. сторо-

на, где все ходят в валенках. *«Сани в деле, а полозьев нет»*, т. е. сани уже изготавливают, а полозьями не запаслись.

66. РАССКАЗ И. А. ФЕДОСОВОЙ О СЕБЕ — зап. Е. В. Барсовым в 1867—1870 гг. (Барсов, I, с 314—321.) Первая в истории русской фольклористики биография исполнителя фольклора, записанная с его слов. Подробные сведения о жизни И. А. Федосовой по современным данным см.: К. В. Чистов. Народная поэтесса И. А. Федосова. Петрозаводск, 1955, 376 с. Об использовании рассказа Федосовой о себе П. А. Некрасовым и П. И. Мельниковым-Печерским см. вводную статью, с. 22—23. В I томе «Причтаний Северного края» рассказу предшествуют сведения о том, как Барсов познакомился с Федосовой и начал от нее записывать (с. 313—314; см. также статью Е. В. Барсова. Олонецкая плакальница.— Газ. «Современные Известия», 1870, № 212, с. 3), и заключается рассказ перечнем пословиц и поговорок, записанных от Федосовой (с. 322—324; см. № 65 наст. изд.).

«Филиппово заговенье»—14 ноября, начало предРождественского филипповского поста. *«Закон преступать»*, т. е. вторично выйти замуж. *«...женщину подарила рубашку, зятю полотенце»*—знак согласия выйти замуж. *«Животы прибрала»*—здесь: убрала скотину.

Рассказ Федосовой о себе заканчивается отрывком внесбрядового причтания, целиком от нее не записанного. *«Во тумане красно солнышко»*—значит популярной протяжной песни (У Барсова, I, с. 321 опечатка: «Вот у Мани...»).

СЛОВАРЬ

- Бажоный* — желанный, любимый.
Балковатый — сварливый, придирчивый.
Барышнить — торговать, продавать что либо.
Басеники, басни (от «баять») — россказни.
Баский, баской — красивый.
Бессёда — молодежная вечерка.
Бестоланный — несчастливый, не удачливый.
Большак — глава патриархальной семьи.
Большуха — жена большака или другая старшая женщина в патриархальной семье.
Брашый — затканый узором.
Бурлак — холостой крестьянин, отправляющийся на заработки, добытчик.
Быв — как будто, якобы.
Быват — может быть, если.
Варбовый — проворный, ловкий.
Вёргать — бросать, проваливать(ся).
Верес — вереск.
Ветляный — приветливый, обходительный.
Вкупе — все вместе.
Возбудить — разбудить, будить.
Волокида — бродяга.
Вопотай, впотай — тайно, исподтишка.
Всобиню — особо, отдельно.
Встрёту — навстречу.
В тупоры — в то время, тогда.
Выстрекать — выхлестать, проткнуть.
Гарнитуровый — из гардетура (род шелка).
Глуздить — скользить.
Горелышица — горемычная (буквально: пашущая горе).
Грядка — а) воронец, перекладина под потолком; б) венчалка — жердь в бане.
Граповитый — оградённый, отесанный.
Гриповитый (о туче) — туча, готовая грянуть громом.
Гуасвой, гуайриный — праздничный, выходной.
Даваться — проснуться, отираниваться.
Добираться — добиваться.
Доложаться — отираниваться.
Долозда — допоздна.
Доста — достаточно.
Достуять — уговаривать.
Дрочить — нежить, холить, ласкать.
Дуй-другу — друг другу.
Дяденка (дяилка) — тетка, жена дяди.
Жёрёбья — жребий в виде деревянных планок с отметками или условными номерами.
Живленье, живленьце — жизнь.
Животы — скотина, домашний скот.
Жирушка — жизнь, житье.
Жуквица, жуковика — перстень, перстенец с драгоценным камнем.
Жупеть — петь птицей.
Заговенье — последний день перед постом.
Занарок — по парашке.
Заобчэ — вместе со всеми.
Запáдка (ветер с западкою) — перерыв ветра между порывами, затишье.
Засуливать — обещать, сулить.
Затресть(е) — часть водоема, заросшая осокой или тростником.
Затáла — занавеска, фартук.
Зымать — вздымать.
Изóтчина — отечество.

Имать — ловить, брать.
Иматься (к речам) — прислушиваться.
Искат (*искатная*) гора — крутая, со скатами.
Каменка — каменная печь в бане.
Келгать — желать, стремиться, охотно делать что-либо.
Кеян-море — океан-море.
Класец — уборщик урожая.
Кокóдло — крокодил.
Кокóша — кукушка.
Кóлыб — колобок.
Кóпшиаться, кошпаться (ножки копнаться) — чесаться.
Косевчатое (*косицатое*) — «красное» окно с косяками (рамой оконницы) в противоположность волоковому окну для вытягивания дыма, («черному»).
Косоплетка — ленточка, вплетающаяся в косу.
Костыч — расклешенный или расклешенный сарафан (от «костыли» — клинья).
Кружок — хоровод.
Куболёный — хленый, зеленый.
Кýрева — пыль от поднимаемого в воздух песка или сухой пыли.
Лациваться — ластиться.
Левантеровый (платок) — платок из шелковой ткани (привозившейся с Востока, первоначально из Леванта).
Ликоваться — красоваться.
Липина — косяк (окна или двери).
Лядина — посека, пожoga, лесной перелог, участок леса, расчищенный под пашню.
Маётный — мучительный.
Малёнка — мера зерна.
Мелатáрманка (о коне) — см. шихманок.
Мижёный, меженный (день) — длинный, долгий день.
Милитёнский — очевидно, искаженное от «велетинский» — большой, огромный. Ср. «велет» («волот» — великан).
Наб — надо бы.
Надрыгаться — издеваться.
Наздынуть (рученьки) — поднять, положить (на плечи).
Назóла (*назолушка*) — грусть, тоска.
На поезде — при отъезде.
Начáяться — надеяться, ожидать.
Наян, наянливый, наянщик — нахал, наглец, назойливый.
Не в чай — печально, неожиданно.
Некорыстный (о жилье) — непригодный.

Неражей (*неражий*) — неважный, непригодный.
Нечетная (*неделюшка*) — неслитанная.
Нешутушка (*ветляная*) — невестка, золовка.
Обночице (*обночь*) — через одну ночь, завтра утром.
Одинкий — единственный.
Одицовый (тулуп, сукно) — сделанный из одного куска.
Окинуться — соблазниться, обмануться.
Облаенка — оконница, оконная рама.
Оприсáть — устать, утомиться.
Оприсенный (от «опричь») — отвернутый.
Осошек — ошесток, шесток, припечек, площадка у устья печи.
Остáтний — последний.
Остýда — обида.
Остýдник — обидчик.
Отпорядничиться — справиться с делами.
Отметиный — отличающийся от других.
Ошесток — см. осонек.
Парчевик, парчевник — сарафан из парчи.
Перебóдний — прошлогодний, оставшийся с прошлого урожая.
Плúтьвя — поплавок.
Побóдная — горемычная.
Побóчи — рядом, по бокам.
Повить ветки.
Повлока — ткань, одежда.
Поворёдный (детинунка) — безобразный.
Подаваться — см. даваться.
Подман — обман.
Подомарь — пономарь.
Подшлпгавать (девушек) — привораживать.
Пойво — пойло (скоту).
Покрúта, покрутушка — одежда, паряды.
Понайтаться — решиться, обдумать.
Поровесник — ровесник.
Порчёнко — порты, штаны.
Порядничать — управляться по хозяйству.
Постатейный — покладистый, дружелюбный.
Потребить — убить, истребить.
Правёж — допрос, разбирательство, взыскание долга.
Правильчик — сборщик податей.
Правоплечница — близкая подруга, стоящая справа от невесты во время свадебного обряда.

Прелестный — прельщающий, обольстительный.
Приводы (*приводить*) — сбор званных гостей.
Пригнугь — спрятаться, затихнуть.
Придрбка — ласка, ласковая (мать).
Прилѹка — приворот, приманка.
Приулиивый — вежливый, чтивый.
Прожиточный — зажиточный.
Прозументы — позументы.
Прокладдище, прокладдище — развлечения, увеселения (от «прокладдаться» — развлекаться).
Прѹца (государева) — отпуск, увольнение из армии.
Пятá (*дверная*) — деревянный щит сверху и внизу двора, заменяющий дверную петлю.
Разряжать — распределять работу.
Рѹскал — сват.
Свиѹц — держатель лучины для освещения.
Сеаѹ — сеятели.
Сестрия — двоюродная сестра.
Сесъ — сей, эрот.
Сѹвер — северный ветер.
Скѹюшка (*ския*) — стрипуха (от «скать пироги»).
Сколѹга (*сколотушка*) — забота, тревога, беспокойство.
Скрозкѹбный — зловредный, всюду чинящий козни.
Скрышть — скринуть, скринеть.
Скуп — взятка, подкуп.
Смѹчу — посмекаю, смекаю (от «смекаль»).
Спарядный — парядный.
Спростовѹтъся (на словечушках) — оплошать.
Срекаѹтъся — упрекать, осуждать, судачить.
Сретѹтъ — встречаться.
Срыгаѹтъся — издеваться, ругать.
Спѹцливый — вежливый, обходительный, заботливый.
Спащугься — вспомнить, хватиться чего-нибудь.
Сподбаѹтъ — подговорить.
Сполѹхаться — пугаться, поражаться.
Спорядный (сосед) — односельчанин (от «ряд» — улица).
Став — ткацкий станок.
Сталѹвый — ловкий, ладный.
Стойка, стоечка — дверной косяк.
Стопка, стопа — вешалка, деревянный гвоздь в стене для вешания одежды.

Стѹснутья — соскучиться.
Страховитый — страшный.
Стрѹта — встреча.
Судѹмый — суженый.
Сумѹт — сугроб.
Суровый (*ая*) — быстрый, разбитной.
Сустигаѹтъ — наступать, догонять.
Схитить — см. хититься.
Схробѹлнутья (крыльями) — взмахнуть с шумом.
Талап — судьба, счастье.
Тибѹ — тебе.
Торѹца — сорная трава.
Тѹрок — порыв ветра, шквал.
Трѹторить — тратить, расходовать.
Трестá — подотвище, полоса ткани.
Тук — дородство, жир.
Тульице — укрытие («из-за тульица, из-за угла»).
Тѹга — ручка (двери).
Урѹчный — урочный, предопределенный.
Утопѹтъ — опустить.
Ухититья — см. хититься.
Учестая (породушка) — почетная родня, чествуемая родня.
Фатѹра — квартира, дом.
Хититья — прятаться.
Хломать (*хломнуть*) — хлопать (о дверях).
Хобот (давать) — давать крюк, двигаться не по прямой.
Хоботистый — извилистый.
Чавковатá (поговорочка) — хорошая, ладная (от «чвакать» — проносить «ч» вместо «ц», например, «чарь», «чапля» и т. д.).
Чельник — чело печи, законченный дымом.
Чесмяный — сделанный из тесьмы (тесьмяный).
Четверка — мера зерна (четвертая часть кади).
Шалманок — очевидно, от «бахманок», «бахматка», т. е. малорослая крепкая лошадка.
Шариночка, шариночка — шеренга.
Шмоночки — шутки, насмешки.
Штукавый — себе на уме.
Шубка — прямой сарафан на лямках.
Щелкотурный (замок) — щелкающий.
Щепливый (*щепетный*) — щегольский.
Ям — место сбора крестьянского схода.

СОДЕРЖАНИЕ

Народная поэсеа. *К. В. Чистов* 3

Плачи-поэмы

Похоронные и рекрутские причитания

1. О старосте	31
2. О писаре	30
3. Об убитом громом-молвией	39
4. О потопших	44
5. О поце-отце духовном	54
6. Об ульянеливой головушке	57
7. По мужу	65
8. По дочери	91
9. О свате	98
10. О холостом рекруте	107
14. О солдате, прибывшем на похороны отца	164

Свадебные причитания

12—15. Сговорные	174
16—18. Бесёдные	189
19—20. Гостибные	195
21—22. На спускание воли	199
23—26. Баешные	207
27—33. Свадебный день и собрание помочи	221

Былины и баллады

34. Добрыня и Алеша	243
35. Чурилушка Пленкович	248
36. Егорий Храбрый	252
37. Василий и Софья	254
38. Братья-разбойники и сестра	255
39. Казань-город	256

Рекрутские, свадебные и другие песни

40. Не ясен сокол с тепла гнезда слетает	258
41. Собирайтесь, бедны ребятуншка, на зеленый луг	258
42. При последи провожку дружка мила	260
43. И как по славному по Невскому проспекту	260
44. Полно, солнышко, из-за лесу печи	261
45. Тебе полно, Ваня, по лужку ходить	261
46. Что ль на риченьке-то было на Фалтанке	262
47. Полно зимушке зимою зимовать	262

48. Из-за гор было из высоких	262
49. Дунай-речка всколыхалася	263
50. Право, матушка, мне тошненько	263
51. Сидела Катенька в новом высоком терему	265
52. При последнем-то при денечико	265
53. По край бережка часовенька стояла	266
54. Я поеду ли, поеду в Нову Ладугу гуляти	267
55. Ах, шивна ягода по сахару плыла	268
56. С терема на терем Марья шла	269
57. Много, много во сыром во дубу	270
58 59. Из-по сухому по дереву	271
60. Завтра в день прекрасный	272
61. Во городе кровать	272
62. Во Китай во крепком городе	275
63. Во лужих во лужях, во зеленых лужях	275
64. Величальная Д. А. Агрневу-Славянскому	276
65. Пословицы и поговорки	277
66. Рассказ И. А. Федосовой о себе	279
Примечания	284
Словарь	299

Ирина Андреевна Федосова

ИЗБРАННОЕ

Редактор О. А. Петтinen
Художник Ю. П. Высоковских
Художественный редактор Л. П. Деггрен
Технический редактор Э. С. Пашова
Корректор Л. Ю. Минина

ИИБ № 742

Сдано в набор 16.01.81. Подписано в печать 31.07.81. Формат бумаги 60×90/16.
Типографский № 1. Обыкновенная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 19,0 + усл. печ. л. илл. 0,125. Усл. гр.-отт. 19,13. Уч.-изд. л. 20,8 + уч.-изд. л. илл. 0,03. Тираж 7000 экз. Заказ 703. Изд. № 18. Цена 1 руб. 90 коп.

Издательство «Карелия», 185610. Петрозаводск, пл. В. И. Ленина, 4.
Типография им. Анохина Управления по делам издательства, полиграфии и книжной торговли Совета Министров Карельской АССР, 185630. Петрозаводск, ул. «Прады», 4

Федосова И. А.

Ф 33 Избранное. Сост., вступит. статья и коммент. К. В. Чистова.— Петрозаводск: Карелия, 1981.— 303 с., ил.

В 1981 г. исполняется 150 лет со дня рождения И. А. Федосовой, замечательной народной поэтессы. Ее творчество высоко оценил В. И. Ленин, а ее выступление очень ярко описал в романе «Жизнь Клима Самгина» А. М. Горький. Юбилею И. А. Федосовой посвящено настоящее издание, куда вошли ее избранные произведения. Составитель, автор предисловия и комментариев доктор исторических наук К. В. Чистов.

70700—080
Ф М 127(03)—81 43—81

Ф 33
ББК 82.3Р—6
РФ

